Г. Б. Красноштанов

Никифор Романов Черниговский

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Государственное учреждение культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Г. Б. Красноштанов

Никифор Романов Черниговский

Документальное повествование

Иркутск 2008

УДК 947.04
ББК 63.(0)51
К 78К 78

Издается по решению Ученого совета
ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. — 378 с.

ISBN 978-5-91344-065-5

В книге рассказывается о жизни и деятельности Никифора Черниговского, главная заслуга которого перед Русским государством состоит в том, что после разгрома амурского войска Онофрия Степанова Кузнеца маньчжурами в 1658 году и ухода русских с Амура он в 1666 году возобновил там русское присутствие, построил на Амуре Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его десять лет вплоть до своей смерти. Албазин до 1689 года был опорой Русского государства на Амуре.

В научной литературе до сих пор было опубликовано весьма ограниченное количество архивных документов, касающихся главным образом пребывания Черниговского в Албазине. Поэтому различные историки писали о Черниговском лишь в общих чертах и допустили немало ошибок. Положение усугубили популяризаторы, поставив во главу угла легенду о Черниговском.

В книге, написанной в форме документального повествования, вводится в научный оборот большое количество ранее неизвестных архивных документов, позволяющих не только устранить эти ошибки, но и заполнить пробелы в биографии Черниговского. Это касается обстоятельств появления Черниговского в Московском государстве, ссылки в Енисейск, службы на реке Лене, побега на Амур, пребывания в Албазине, обстоятельств прощения албазинцев, его смерти, судьбы его сыновей и других потомков. Для создания общей картины и логической связи событий к неопубликованным документам добавлены и опубликованные в различных изданиях.

Книга предназначена для историков, преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Сибири и Дальнего Востока.

УДК 947.04
ББК 63.(0)51

ISBN 978-5-91344-065-5

© Г.Б. Красноштанов, 2008
© ГУК АЭМ «Тальцы», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша муза парит невысоко,
но мы пишем не легкий сонет,
наше дело исчерпать глубоко
воспеваемый нами предмет.
Н. А. Некрасов

Имя Никифора Черниговского стоит в одном ряду с именами Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Онофрия Степанова Кузнеца. С этими именами связан выход Русского государства на берега Амура. Но степень известности этих людей различна. Наиболее известно имя Хабарова более или менее широкому кругу образованных людей. Меньше знают о Пояркове. Об Онофрии Степанове кое-что известно историкам Сибири и Дальнего Востока. А о Никифоре Черниговском даже историки располагают весьма отрывочными и скудными сведениями.

После отъезда Е. Хабарова с Амура в Москву Онофрий Степанов Кузнец командовал русским войском на Амуре пять лет, с 1653 по 1658 год. 30 июня 1658 года его отряд подвергся внезапному нападению превосходящего по численности маньчжурского войска. Во время боя Онофрий Степанов был убит, а остатки его отряда рассеяны. Оставшиеся в живых вышли в Олёкминский острожек в 1659 году. Часть вышла в Нерчинский острог. Третья часть в 1662 году вышла в Якутский острог. Русских на Амуре не стало.

Новое появление русских на Амуре и закрепление в Албазинском остроге произошло в 1666 году. Событие это связано с именем Никифора Черниговского и произошло при весьма необычных обстоятельствах. Перед этим его люди убили илимского воеводу Л. А. Обухова. Это была ватага беглых людей, а не войско, отправленное властями.

«Предводителем сего смертоубийства был поляк, или литвин, Никифор Романов сын Черниговской, который в 1638 году послан был с другими его земляками из Москвы в Енисейск для отправления военной службы», — писал историограф Г. Ф. Миллер [1].

Сказано весьма кратко, да и год указан неверно, было это в 1636 году.

Более поздние авторы ничего нового не добавили, а только гадали: «Откуда этот поляк был родом, какие судьбы привели его

в ссылку и поселили на Лене, был ли он военнопленным, взятым на войне 1658 г., начатой за принятие Россией под свое покровительство Малороссии, — летописи и предания не говорят», — писал С. В. Максимов [2].

Несколько позже Чернозубов писал нечто подобное: «Насколько можно верить свидетельству летописей, этот человек, носящий русское имя, был первый поляк, сосланный в Сибирь. Был ли это военнопленный, откуда был он родом и что привело его в ссылку на берега отдаленной Лены, предания умалчивают» [3].

Только о каких летописях и преданиях идет речь, авторы не сообщают. Для научных исторических исследований летописи и легенды — не очень ценный источник. Гораздо ценнее архивные документы. О Никифоре Черниговском есть красивая легенда. Архивные документы ее опровергают. А утверждения, что это был первый поляк, сосланный в Сибирь, слишком смелые, ничем не доказанные.

Известный историк Сибири академик В. А. Александров уже в наше время писал: «Причины, которые привели Н. Черниговского в ссылку, неизвестны» [4]. Правда, через 17 лет он поправился: «В 1637 г. был сослан с семьей за попытку бегства из Тулы в литовские земли Н. Черниговский» [5].

Сказано верно, если не считать погрешности в годе, но опять же очень кратко.

Как видим, скудные сведения о Н. Черниговском усугубляются ошибками в датах. В большинстве своем один автор переписывает сказанное у другого автора, либо не добавляя ничего нового, либо, наоборот, добавляя свои «подробности».

В книге использованы неопубликованные архивные документы из следующих фондов:

Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва):

Ф. 62. Сношения России с Китаем.

Ф. 79. Сношения России с Польшей.

Ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера.

Ф. 210. Разрядный приказ, в нем:

Б. стол, ст. — столбцы Белгородского стола.

В. стол, ст. — столбцы Владимирского стола.

М. стол, ст. — столбцы Московского стола.

Ф. 214. Сибирский приказ.

Ф. 494. Илимская воеводская канцелярия.

Ф. 1121. Иркутская приказная изба.

Ф. 1142. Нерчинская приказная изба.

Ф. 1177. Якутская приказная изба.

Фонды Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской академии наук (СПбФ ИРИ РАН):

Ф. 96. Нерчинская приказная изба.

Ф. 160. Якутская воеводская изба.

К. 18. Коллекция Г. С. Батенькова.

К. 110. Поуездная коллекция.

Фонд Государственного архива Иркутской области (ГАИО)

Ф. 50. Иркутская духовная консистория.

Сборники документов:

ДАИ — Дополнения к актам историческим.

РКО — Русско-Китайские отношения в XVII веке.

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских.

Приведение всех документов в полном виде, конечно же, увеличивает объем книги. Но есть возможность хотя бы в небольшой мере уменьшить ее объем, исключив из документов некоторые части, не несущие важной смысловой нагрузки.

В челобитных и отписках выражения типа: «государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси» и «государь, царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец» заменяются на «государь [А. М.]». В заключительной части челобитных обращение типа: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, сирот (холопей) своих» заменяются знаками <...>. Сохраняется только просьба: «Вели, государь» и т. д. Последнее предложение в челобитных: «Царь, государь, смилуйся, пожалуй» не приводится.

Утраченные и непрочитанные слова заменяются многоточием. Восстановленный текст заключается в круглые скобки. Добавленные слова и буквы, не принадлежащие документу, заключаются в прямые скобки. После слов с непонятным значением ставится вопросительный знак в прямых скобках. Опущенный текст обозначается знаками <...>.

После указанного в документах года по сентябрьскому стилю (от «сотворения мира») в квадратных скобках приводится перевод года в январский стиль (от «рождества Христова»). В тех случаях, когда не указан месяц, записывается двойной год.

В ссылках на архивные документы названия архивов и фондов опускаются, дается только номер фонда.

ИЗ ПОЛЬШИ В ЕНИСЕЙСК

Начнем не со ссылки в Сибирь, а со времени еще более раннего, с появления Н. Черниговского в Московском государстве.

«И сыскано в Разряде — в записной тетрате прошлого 141 [1633] году написано: августа в 21 день присланы ис-под Смоленска от Михаила Шеина с товарищи в языцех литовские люди:

Ян Заневский
Станислав Миткеев
Яков Володеницкий
Микифор Черниговский

и по государеву указу посланы с Москвы

Ян Заневский — на Устюг
Станислав Миткеев — к Соли Галитцкой
Яков Володеницкий — на Двину
Микифор Черниговский — на Вологду» [6].

Разрядный приказ — учреждение, ведавшее служилыми людьми. Михаил Шеин — боярин, неудачно командовавший русскими войсками во время Смоленской войны. «Языками» называли пленных, а литовскими людьми — подданных Польско-Литовского государства.

После окончания войны по условиям мирного договора пленных должны были отпустить на родину. Но не все они этого пожелали. В приказе Полоняничных дел, который ведал военнопленными, в «Записной книге полским и литовским всякого звания и обоего пола пленным людям, оставшимся вечно в России», имеется запись и о Н. Черниговском:

«Генваря в 7 день [1635 г. — *Г. К.*] писали с Вологды воевода Петр Сабуров да дьяк Иван Задонский: в нынешнем во 143 [1634] году, ноября в 17 день, бил челом государю литовской полоняник Микифорка Романов сын Черниговской и им подал челобитную.

А в челобитной ево написано: взят де он под Новым Городком Северским и сослан на Вологду в тюрьму. И ноне де он в Польшю идти не хочет, а хочет служить государю на Вологды с черкасы.

А в роспросе сказался черкашенин Брягильского повету. А хочет служить государю, в Литву идти не хочет. И отослан к послам: к боярину Федору Ивановичю Шереметеву да к дьяку к Григорию Нечаеву с подъячим с Васильем Полуехтовым» [7].

Неизвестно, какой приказ возглавлял боярин Федор Иванович Шереметев. В книге С. К. Богоявленского [8] о его службе в 1635 году сведений нет. А подчиненный ему дьяк Григорий Иванович Нечаев в 1635 году служил в приказе Большого дворца.

Новый Городок Северский — это нынешний Новгород-Северский в Украине. Черкасами в то время называли украинских казаков и украинцев вообще. В Вологде тогда несли воинскую службу много выходцев из Украины — черкас. Повет — административно-территориальная единица.

В одно время с Никифором Черниговским в приказе Полоняничных дел оказались четверо поляков, также изъявивших желание остаться в Московском государстве. Они тоже были отосланы к боярину Федору Ивановичу Шереметеву и к дьяку Григорию Нечаеву.

Вологда находилась в ведении Новгородской четверти.

«Генваря в 7 день в памяти из Новгородские четверти за приписью дьяка Ивана Федорова написано:

писали с Вологды воевода Петр Сабуров [далее следует дословное повторение уже приведенного текста о челобитье Н. Черниговского. — *Г. К.*]. А в Полоняничном приказе в роспросе сказался черкашенин Брягильского повету.

А генваря в 11 день боярину Федоровичю Шереметеву да дьяку Григорью Нечаеву все [речь идет о Черниговском и поляках. — *Г. К.*] сказали: в Литву итти не хотят, а хотят служить государю.

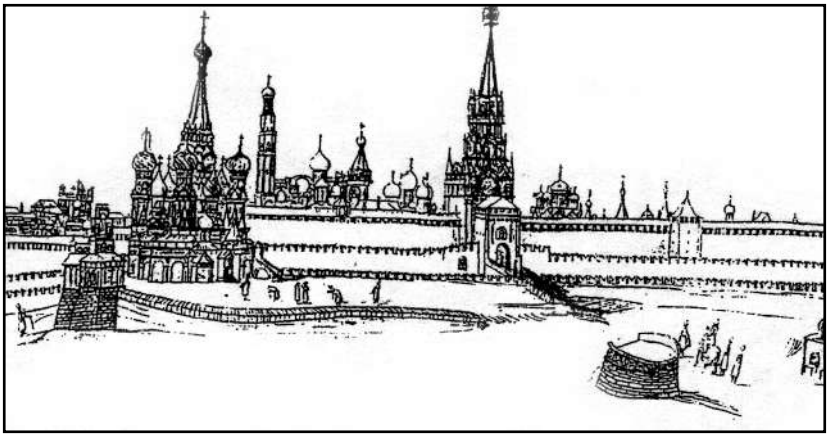
А польскому королю Станислав Миткеев да Ян Заневский служили по гусарску, Яков Володенитцкий, Ян Коноплитцкий, Микифор Черниговский служили казатцкую службу.

И с того ж числа те полоненики и об них память послана в Розряд с трубником с Петрушкою Лебедевым. А велено тем иноземцом, Яну Заневскому с товарыщи, учинить указ по государеву указу» [9].

«143 [1635], генваря в 11 день, пришли в Розряд литовские полоняники, литовские люди:

Ян Заневской
Станислав Миткеев
Ян Коноплитцкой
Яков Володенитцкой
Микифор Черниговской

да подали в Розряде диаком, думному Ивану Гавреневу да Гри-



Вид Московского Кремля с Красной площади. С рисунка XVII в.

горью Ларионову, из приказу боярина Федора Ивановича Шереметева память за приписью диака Григорья Нечаева. А в памяти пишет:

Лета 7143 [1635], генваря в 11 день, по государеву [М. Ф.] указу память диаком думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову.

Указал государь [М. Ф.] литовским полоняником:

Яну Заневскому, что был на корму на Устюге

Станиславу Миткевичю, что был на корму у Соли Галитцкой

Яну Коноплитцкому, что был у Баима Болтина

Якову Алексееву сыну Володенитцкому, что был на корму на Двине

Микифору Романову сыну Черниговскому, что был на корму на Вологде

служить свою государеву службу с иноземцы вместе.

А в Литве они, Ян Заневский, Станислав Миткевич служили гусарскую службу.

Яков Володенитцкой, Ян Коноплитцкой, Микифор Черниговский служили казацкую службу.

И те полоняники посланы к вам в Розряд. А Яна Коноплитцкого жена Варварица с сыном Федотком осталась во дворе у Баима Болтина.

И по государеву [М. Ф.] указу дьяком, думному Ивану Гав-

реневу да Григорью Ларионову, тем иноземцом, Яну Заневскому с товарыщи, учинить указ» [10].

Упомянутый здесь Баим Болтин в 1633 году был воеводой Севска, командовал русскими войсками под Новгородом-Северским, где и были взяты в плен эти поляки.

В разрядной выписке поясняется: «И ныне, как их велено отпустить в Литву, и они в Литву не пошли. И били челом в государеву службу» [11].

Далее даются краткие сведения о каждом, составленные по их расспросам еще в 1633 году (этот документ не найден). О Никифоре Черниговском записано: «Микифор Черниговской сказал: родом поляк Киевского повету, служилого отца сын. Служил польскому королю казатцкую службу на 3-х конях» [12].

Запись эта помечена 16 января 1635 года. Прошло всего лишь несколько дней — и Н. Черниговский из черкашенина превратился в поляка, притом другого повета, не Брягинского, а Киевского.

Здесь следует пояснить, что такое служба на трех конях. Этот способ позаимствован у кочевников. С успехом его применяли крымские татары. Вот как его красочно описал А. Бушков: «Любой воин кочевого племени отправляется в поход, имея три лошади (как необходимый минимум — две). Одна везет поклажу (небольшой сухой паек, подковы, запасные ремни для уздечки, всякую мелочь, вроде запасных стрел, доспеха, который нет нужды надевать на марше, и т. д.). Со второй на третью время от времени нужно пересаживаться, чтобы один конь все время был чуточку отдохнувшим — мало ли что стрясется, порой приходится вступать в бой "с колес", т. е. с копыт» [13].

Далее в разрядной выписке говорится:

«И государю [М. Ф.] бьют челом литовские полоняники поляки:

Ян Заневской
Станислав Миткеев
Яков Володенитцкой
Ян Коноплитцкой
Микифор Черниговской,

чтоб их государь пожаловал своим государевым жалованьем выходным, как государю Бог известит.

А наперед того в ту верс[т]ку литовским людем давано государева жалованья за выход по 6 и по 7, и по 8 рублев да по сукну по доброму человеку.

И для службы отсыланы [в] Иноземетцкой приказ» [14].

О Иноземном приказе у Адама Алеария написано так: «Иноземский приказ, заведывающий всеми военачальниками и полковниками из иностранцев, и дающий этим лицам разные приказы в мирное время» [15].

Из Иноземного приказа их отправили 24 мая 1635 года для крещения в Патриарший дворцовый приказ, который, в свою очередь, направил их в Андроньев (Андроников) монастырь (ныне Музей Андрея Рублева в Москве, недалеко от Курского вокзала). Но дело с крещением затянулось; по какой причине — видно из челобитной:

«Царю [М. Ф.] бьют челом холопы твои, нововыезжие иноземцы:

Никифорка Черниговский [далее следуют имена еще семи человек. — *Г. К.*].

По твоему государеву указу отпущены мы, холопи твои, под начало в Андроньев монастырь. И Андроньева монастыря архиморит [архимандрит. — *Г. К.*] умер, а мы, холопи твои, в православную веру не крещены. А которые, наша братья, сидели под началом в ыных монастырех, и те в православную веру крещены.

<…> Вели, государь, нас крестить в православную веру, кому ты, государь, укажешь, чтоб нам, холопем твоим, быть в православной вере и перед своею братьею в позоре не быть» [16].

Далее следует разрядная выписка, которая сообщает дополнительные подробности о челобитчиках:

«И выписано в Розряде:

Выезжие иноземцы, которые сидят в Ондроньеве монастыре под началом, а крестить их июля в 9 день» [17].

Вначале перечислены волошане — выходцы из Валахии, которая сейчас входит в состав Румынии. Только непонятно, почему надо было крестить волошан, ведь румыны исповедуют православную веру. За ними идет перечень поляков. О Черниговском написано: «Микифор Романов сын Черниговской. Сказался шляхтич Брестского повету. Служил королю на 3 кони. Взят в языцех под Новым Городком Северским. Остался на государево имя. За выход дано ему государева жалованья 7 рублев да сукно доброе» [18].

Как видим, здесь Н. Черниговский записан как выходец из Брестского повета. «Остался на государево имя» означает, что принял русское подданство.

«А по справке в Ыноземском приказе те иноземцы, волошаня

и поляки, государевым жалованьем, помес[т]ными и денежными окладами, не верстаны. И таким дано государева жалованья за крещение и за подначальство:

которым за выход давано по шти рублев и больши — в полывыходу да по сукну по доброму человеку,

а которым давано за выход по пяти рублев и меньши, и тем за подначальство давано по три рубли да по сукну по доброму человеку, а иным и меньши давано.

И всего тем иноземцом дати государева жалованья за крещение и за подначальство 33 рубли да деветь сукан добрых» [19].

Так как Н. Черниговскому было дано за выход семь рублей, то за крещение он получил еще 3,5 рубля и сукно доброе.

Далее следуют сведения, кому именно крестить этих поляков:

«А кому их крестить, и в ту версту преже сего крестили всяких чинов люди, кому ани сами бьют челом.

А дворяном и дьяком по государеву указу наперед сего указано иноземцов крестить шляхтичей добрых. А сидели под началом на Троицком подворье.

И о тех литовских людех, которые ныне в Ондроньеве монастыре, кому их крестить, о том, что государь укажет.

Пописаны дьяки, которые наперед сего иноземцов не крестили. [Следуют имена десяти дьяков. — *Г. К.*]

143 [1635] году, июля в 4 день, по государеву указу велено крестить в Ондроньеве монастыре иноземцов, выезжих поляков, дияком. А кому ково именем крестить и про то Микифору Шипулину сия память, и памяти розосланы.

Микифорка Романова Черниговского — крестить ево дьяку Федору Наумову» [20].

Но все это несколько раз перечеркивалось и исправлялось, и в конце концов Н. Черниговского — «крестить дьяку Гаврилу Левонтьеву». Гаврило Левонтьев служил в 1635 году дьяком в Стрелецком приказе.

При крещении многим полякам поменяли имена на православные. К примеру, Станислав становился Никифором. Черниговскому имя не поменяли, так как оно было вполне православным.

В Патриаршем дворцовом приказе также был составлен список крещеных немцев, поляков и белорусов, в котором числится и Никифор Черниговский [21].

В заключение в Разрядном приказе была сделана следующая запись:

«В нынешнем во 143 [1635] году, маия в 24 день, по государеву [М. Ф.] указу присланы в Патриарш дворцовой приказ из Ыноземского приказу иноземцы для подначальства и крещения православных [так в тексте. — *Г. К.*] христианские веры.

И по указу великого господина святейшаго Иоасафа, патриарха Московского и всеа Русии, были те иноземцы под началом и крещены в православную веру в розных монастырех» [22].

После крещения Н. Черниговский был направлен служить в Тулу, где стоял полк гусар и рейтаров из числа иноземцев. Черниговского зачислили в роту ротмистра Василия Обруцкого (Овруцкого). Точная дата прибытия его в Тулу неизвестна. Известно лишь, что он прибыл туда после 15 августа 1635 года. На эту дату был составлен «список полку стольника и воеводы князь Ивана Никитича Хованского да князь Микифора Федоровича Мещерсково приезда и ести гусар и рейтар, иноземцов старово и нововo выезду, хто в котором числе в нынешнем 143 [1634–1635] году на государеву службу на Тулу приехал и хто августа по 15 число не бывал, и то в сем списку писано имянно порознь по статьям» [23].

Список составлен поротно. В роте Василия Обруцкого, у которого впоследствии служил Н. Черниговский, он ни «в естях», ни «в нетях» не записан [24]. Значит, к тому времени еще не пришел в Тулу приказ о назначении Н. Черниговского в роту. Вплоть до июля 1636 года документов о его службе в Туле не обнаружено. А затем появляются документы о его попытке бежать за рубеж. Точно день побега не указан, но по смыслу документов вытекает, что побег состоялся 3 июля 1636 года.

Вот как сообщали о пропаже иноземцев тульские воеводы:

«Государю [М. Ф.] холопи твои Юшка Буйносов-Ростовской, Ивашко Ржевской челом бьют.

Нынешнего, государь, 144 [1636] году по смотру у нас, холопей твоих, объявились в нетях иноземцы Васильева роты Обруцкова:

Петрушка Бучинской
Гаврилка Лещевской
Микифорко Черниговской
Петрушка Яковлев
Ян Забровской
Максимка Михайлов
Ивашка Васильев
Ян Федоров.

А у смотру, государь, про них ротмистр и иноземцы сказали, что они с твоей государевы службы збежали. А чаять де их побегу к Москве.

И июля, государь, в 19 день били челом тебе, государю [М. Ф.], а нам, холопем твоим, в Съезжей избе подоли челобитную иноземцы ж Васильевой роты Абруцкова, Матюшка Высоцки с товарыщи, побежали де государь с твоей государевы службы с Тулы иноземцы, ево ж Васильева роты Обруцкова Петрушка Бучинской с товарыщи, покравчи у них лошади» [25].

Отписка была получена 30 июля 1636 года, когда беглецы уже были пойманы и доставлены в Москву, но не тульскими, а калужскими служилыми людьми, и об этом стало известно тульским воеводам. Однако они утверждали, что «мы, холопи твои, о тех иноземцах в их побеге наперед сего к тебе, государю, писали» [26].

Но этой отписки не удалось обнаружить.

Как следует из другого документа, Максимко Михайлов имел фамилию Костянецкий, а Ивашко Васильев — Тарабарин [27]. Побег закончился удачно только для половины беглецов, четыре человека убежали, а четыре были пойманы. Это Ивашко Васильев Тарабарин, Максимко Михайлов Костянецкий, Никифор Романов Черниговский, Ян Зебровский.

Из их показаний, из отписок воевод и разрядных выписок можно составить подробную картину побега. Как обычно водится, пойманные возлагали вину на тех, кто не был пойман, а также на доносчика. Им оказался Сенька Наливайко, присоединившийся к беглецам. А причиной побега назвали скудное жалованье.

В разрядной выписке, составленной для доклада, сообщается:

«И в нынешнем в 144 [1636] году были на государеве службе в Туле, а зговорясь, их, иноземцов,

Петр Бучинской
Гаврило Лещинской
да Кулаковской
да Сенька Наливайко с сыном с Ывашком,

з бедности, что им государева жалованья денежной корм невеликой,

Ивашку да Максимку — по семи денег на день
Микифорку — по девяти денег на день,

а на жены де и на дети корму не прибавлено, а они де тем кормом не прокормились, и, пометав жон своих на Москве, с Тулы побежали было в Литву» [28].

Упомянутый здесь Кулаковский — это либо Петрушка Яков-

Москва. Посольский двор на Ильинке. С рисунка XVII в.

лев, либо Ян Федоров, которые не были пойманы. Кулаковского беглецы знали только по фамилии. Это говорит о том, что состав беглецов был случайным.

Обида на то, что на жен жалованье не прибавлено, была совершенно справедливой. С. Сташевский писал:

«В 1628 году состоялся указ, записанный в Иноземском приказе, и касавшийся, как назначения кормовых денег выезжим иноземцам, так и содержания после их смерти оставшихся от них семей.

Согласно указу вводился в норму такой порядок назначения кормового содержания выезжему иноземцу, при котором содержание расписывалось "порознь" на самого иноземца, на жену и его детей. При таком порядке назначения содержания женатый и особенно многосемейный иноземец получал больше равного ему по служебным и генеалогическим качествам товарища — холостяка.

Такой порядок назначения содержания применялся и в тех случаях, когда выезжий иноземец женился после своего выезда в Россию» [29].

Бежавшим иноземцам, видимо, не давали прибавку потому, что жены их были не в Туле, а в Москве.

О том, что побег не был заранее подготовлен, свидетельствуют показания пойманного Ивашки Васильева Тарабарина. Калужский воевода Филипп Чулков, который его допрашивал 6 июня, сообщал в Разрядный приказ:

«И тому ныне неделя, собралось их, литовских людей, 6 человек и поехали на поле лошадей кормить. И как они отъехали от Тулы версты з две, и он, Ивашко, ворочался в город хлеба купить.

И как он приехал к товарыщем своим и товарыщи де ево держат у себя и иноземца Сеньку Наливайко с сыном. А зовут ево, Сеньку, за рубеж. Да и ему, Ивашку, учели говорить, чтоб он с ними побежал за рубеж. И они, Ивашко и Сенька, за рубеж бежать не хотели. И они им учели угрожать: будет с ними за рубеж не пойдут, и они их побьют, для того, чтоб про их побег вести не было. И они с ними за рубеж побежали по неволе» [30].

По этим показаниям можно установить примерную дату побега — 30 июня 1636 года, а также то, что побег был случайным. Если бы он задумывался заранее, то уж хлебом бы запаслись заблаговременно.

Путь из Тулы в Литву лежал через Калугу, а с Калуги на юг по дороге на Козельск за рекой Угрой. Граница была совсем недалеко. По Поляновскому договору 1644 года она проходила примерно по линии Мосальск — Серпейск — Мещовск. Козельск был на нашей территории, Серпейск — на польской. Нужно было доехать до Калуги, а с Калуги — на юг по дороге на Козельск.

Каким образом среди беглецов появился Сенька Наливайко, сообщается в отписке калужского воеводы Ф. Чулкова:

«В нынешнем, государь, во 144 [1636] году, июля в 4 день, пришел ко мне, холопу твоему, в Съезжею избу кормовой иноземец литвин Григорьевой роты Переславского Сенка Трофимов сын Наливской с сыном своим Ивашком.

А сказал: был де он на твоей государеве службе на Туле и выехол он на лугу на речку Рогожне, от города от Тулы с версту и больши, иноземцов же, кормовых Васильевой роты Рутцкова, Максима Михайлова с товарыщи из шти человек.

И в ночи де, государь, тот Максимко с товарыщи своими ево, Сеньку Трофимова с сыном ево с Ывашком взяли [с] собою силно, поехали за рубеж в Литву. И он, Сенко, не похотя с ними ехоть в Литву, от них з дороги отвернул с сыном своим Ивашком в Лифинском уезде, от Калуге тритцать верст, и прибежал в Колугу» [31].

В другой выписке место, с которого скрылся Сенька Трофимов Наливайко, описывается так: «И как будут в Ливенском уезде, на Оке реке, на перевозе, в деревне Гимнице, и из их думы товарыщ их Сенка Наливайко с сыном своим с Ывашком отстали. И сказали про них в Ливне и в Колуге приказным людем» [32].

Это в окрестностях города Перемышля, который находится в 30 километрах южнее Калуги по дороге на Козельск за рекой Угрой. Город Лихвин (с 1944 г. Чекалин), о котором идет здесь речь, находится на Оке в нынешней Тульской области.

После исчезновения Сеньки Наливайко и его сына беглецы разделились на две группы по три человека. Ивашко Васильев потом в расспросе рассказывал: «И за ним де, Сенькою, погнали товарыщи ево 3 человека, а два человека берегли ево, Ивашка, чтоб он у них также не ушол» [33].

После расспроса Сеньки Наливайко калужский воевода Ф. Чулков принял меры по поимке беглецов:

«И я, холоп твой, по ево роспросным речам в то место, где он, Сенько, от них отвернул, и в ыные приметные места для тех беглых иноземцов посылал ис Колуге колужских сотников стрелецких Бориса Маслова в то место, и где тот литвин Сенко от них отвернул, а Ивана Кожевникова — в Воротынской уезд на Угру реку по перевозом и где преже сего были заставы, для того, чтоб тех беглых иноземцов переимать и за рубеж не пропустить, а по перевозом и по приметным местом заказ учинить.

И сотники Борис и Иван, приехов в Колугу, сказали мне, холопу твоему, что оне тех беглых иноземцов в тех местех не нашли, а заказ об них учинили» [34].

«Заказ» — это запрет, отсюда «заказник». «Заказ учинили» значит устроили заставы.

«И их по заказу государевы люди переимали трех человек» [35].

Что было после побега Сеньки Наливайко, рассказал Ивашко Васильев: «И тово ж дни, в вечеру, наехали на них государевы люди, и ево, Ивашка, поимали и привели в Колугу» [36].

А кто поймал Ивашку Васильева, видно из отписки калужского воеводы Ф. Чулкова:

«И июля ж, государь, в 6 день привел ко мне, холопу твоему, в Съезжею избу туленин Кондратей Пущин с крестьяны своими литвина. А сказал поймал де он тово литвина в Лифинском уезде села Гимниц на лесу. А сказал де ему, что он бежал в Литву, а с ним иноземцов восмь человек. И ево де товарыщи от нево ушли.

А литвин Ивашко Васильев в роспросе сказал: были де они на твоей государеве службе на Туле, и с Тулы выехов на поля лошадей кормить, и с поле де побежали за рубеж в Литву. А окроме де их думы нихто не ведает. А тот де литвин Сенько, которого дни побежал [в] Колугу, в думе с ними ж был, что ему бежать за рубеж в Литву.

Да Кондратей же Пущин скозал мне, холопу твоему, что у литвина у Ивашки ис-под нево взял двое лошадей: конь коур да мерин гнед. И те де лошади у нево в поместьи.

И тех, государь, кормовых иноземцов Сеньку Наливскова с сыном с Ывашком и ево двое лошадей, на которых он приехал в Колугу, мерин голуб да кобылу чалу, Ивашка Васильева послал я, холоп, и к тебе, государю, к Москве с колужским стрелецким сотником с Ывашком Кожевниковым и с провожатыми» [37].

11 июля 1636 года Иван Кожевников с беглецами прибыл в Москву.

«А литвин Ивашко Васильев в Розряде роспрашиван. И в роспросе сказался черкашенин из Миргорода. А вышел он на государево имя в 142 [1633–1634] после мирново постановения. И на Москве за выход дано ему государева жалованья 7 рублев да сукно доброе. Да ему ж давано поденного корму по 7 деньги на день. И был он в роте у Василья Обруцково.

А женился он, Ивашко, на иноземцове жене Маринке. А с нею взял пасынка. Да он же прижил двое детей. А на жену ему и на дети корму не прибавлено» [38].

Вскоре был пойман и доставлен в Калугу и Н. Черниговский. Калужский воевода сообщил в Москву:

«В нынешнем, государь, во 144 [1636] году, июля в 13 день, привел ко мне, холопу твоему, в Съезжею избу Перемышлевского уезда Троицы-Лютикова монастыря слуга Пятко Нестеров кормового иноземца, которые побежали с Тулы за рубеж в Литву, Васильевой роты Авруцова, что поймал я тово литвина в Перемышльском уезде на Оке реке под монастырем.

И приводной литвин Микифорка Черниговский в роспросе сказал: были де они на твоей государеве службе на Туле и с Тулы де побежали за рубеж в Литву кормовые ж иноземцы семь человек, а я де побежал с ними ж. А опричь де их думы нихто не ведает.

А отчево, государь, они с Тулы побежали, и он мне, холопу твоему, про то не сказал ничево.

И я, холоп твой, того беглова литвина послал к тебе, государю, к Москве с колужским сотником стрелецким з Борисом Масловым и с провожатыми» [39].

16 июля 1636 года Н. Черниговский был доставлен в Москву в Разрядный приказ и допрошен. Вот что сообщается об этом в разрядной выписке:

«144 [1636] году, июля в 16 день, писал к государю [М. Ф.] ис Колуги Филип Чюлков и прислал с колуским сотником стрелецким з Борисом Масловым и с стрельцы беглово литвина Микифорка Черниговца.

А в роспросе сотник Борис Маслов сказал: в нынешнем де в 144 [1636] году, июля в 10 день, прислал в Колугу литвина из Лютикова монастыря архимарит с слушками. А ис Колуги Филип Чюлков тово литвина прислал к Москве с ним, Борисом» [40].

Здесь дата поимки Н. Черниговского указана на три дня раньше, чем сообщал воевода Ф. Чулков.

«Литвин» — это не литовец. Литвинами называли русских людей, проживавших на территории Польско-Литовского государства. Часто по вере они были католиками. Много лет спустя Н. Черниговский в одной из своих челобитных снова называл себя поляком.

О Лютиковом монастыре у Амвросия (Орнатского) написано следующее:

«Лютиков Троицкий Перемышльский Калужской епархии 3 класса мужеский монастырь находится в Перемышльском уезде на правом берегу реки Оки близ большой дороги из города Калуги в Перемышль разстоянием от сего в 6 $^{1}/_{2}$ верстах.

Построен еще до литовского нашествия на Россию якобы князьями Воротынскими. Название свое получил от бывшаго при строении надзирателя, именуемого Лютиком.

В нем две церкви каменныя:

1) во имя живоначальныя Троицы соборная

2) во имя св. Николая.

Настоятельство в монастыре сем было игуменское до 1663 года, а в сем году государь царь Алексий Михайлович учредил архимандрию с дозволением настоятелю кроме обыкновенных архимандричьих отличий служить на ковре» [41].

Сведения об учреждении архимандрии у Амвросия расходятся с приведенным выше документом. Уже в 1636 году настоятель этого монастыря назван архимандритом.

Далее в выписке приведены расспросные речи Н. Черниговского:

«А приводной литвин Микифорка Черниговский в роспросе сказался литвин Брягинского повету. И в прошлом 141 [1633] году взяли ево в полон государевы люди в Путивльском уезде на Войте. И прислан был к Москве. И с Москвы сослан для кормления на Вологду. А после мирного постановения в 142 [1634] с Вологды прислан к Москве. И по государеву указу товарыщев ево, которые с ним были на корму, в Литву отпущены. А он де, Микифорко, в Литву ехать не похотел, остался на государево

имя. И за выход дано ему государева жалованья семь рублев да сукно доброе. Да на корм велено ему давать по девяти денег на день.

И в прошлом де во 143 [1635] году женился он на Москве, старого выезду у литвина у Петра Дубовского взял патчерицу девку Аноску.

И в нынешнем де в 144 [1635] году по государеву указу велено им, иноземцом, быть на Туле, а ему, Микифорку, велено быть в роте у ротмистра у Обруцкого.

И они де, зговорясь, одной роты семь человек да Бряславской роты литвин, Сенкою звали, всего их восмь человек побежали было с Тулы в Литву. И как де они будут за Калугою, и литвин Сенка от них отстал. А в которых местех, и он того не знает.

А на них же того дни, как литвин Сенька отстал, пришли на них государевы люди ж (с) Калуги и их розгромили. А он, Микифор, ушол на лес, и пришол в Перемышльский уезд в Лютиков монастырь. А из монастыря его прислали в Колугу.

А про товарыщев своих, ушли ль они или побиты, про то не ведает. А в Литву де он пошел собою, и не отпущал ево нихто. И жена ево про бег в Литву не ведала, и ей не сказался. А иных де литовских людей с ним никого бежать в Литву никово не бывало» [42].

Других подробностей о жене Никифора Черниговского неизвестно, но у писателей она превратилась в прекрасную польку, наподобие той, что описана у Н. В. Гоголя в «Тарасе Бульбе».

Третьим был пойман Максимко Михайлов Костянецкий. Об обстоятельствах его поимки он сказал:

«И как будут в Колужском уезде, и их в Колужском уезде государевы люди розгромили, и ево поймали. А товарыщи ево ушли ль или их государевы люди побили, того он не ведает. И привели ево в Лихвин.

А что писал приказной человек Григорей Оринкин, что за ним государево слово, и за ним де государева слова никакова нет. А сказывал он государево слово, чтоб ево те люди, которые ево поимали, не убили досмерти.

В том над ним государева воля, что он побежал было в Литву от бедности. И про побег ево жена ево и иных, опричь тех иноземцов, нихто не ведает» [43].

«Государево слово» — это сведения, имеющие государственное значение. Что же касается отписки приказного человека Григория Оринкина, то она не обнаружена.

«А на Москве литвин Максимко Михайлов в роспросе сказал: выехал де он на государево имя на Путивль, тому четвертой год, и женился на Москве, тому другой год. А государева жалованья поденного корму шло ему з женою по семи денег на день.

И в нынешнем в 144 [1635–1636] году, как их послали на государеву службу на Тулу, и он де, взяв государева жалованья корм на тритцать три рубли пять алтын, и на те деньги лошадь купил, дал полтретья [2,5] рубля. А осталось у нево тех денег дватцать адин алтын четыре деньги. И жене он оставил деньги на Москве.

И будучи на Туле, учели говорить ему иноземцы Петр Бучинской да Гаврило Лещинской, да Кулаковской, а имени ему не помнит, чтоб он с ними ехал в Литву. И он от бедности, что жить нечим, поехал в Литву с товарыщи своими вместе» [44].

В выписке, подготовленной для доклада, записано: «Выезжие литовские люди Ивашко Васильев, Максимко Михайлов, Микифорко Черниговский сидят в Разряде в задней палате за сторожми» [45].

Четвертый иноземец был пойман намного позднее. Обстоятельства его поимки неизвестны. А дата поимки, видимо, 20 июля. На это указывает отписка в Москву тульского воеводы Юрия Буйносова-Ростовского. Ссылаясь на отписку, полученную им от калужского воеводы Ф. Чулкова, он сообщает: «Да июля де, государь, в 20 день привели к нему в Съезжую избу кормовых иноземцов Ивашка Забровскова да Федьку Черниговскова» [46].

Воевода здесь указал имя Забровского по-русски Иван, вместо польского Ян, а Никифора Черниговского назвал Федькой. В предыдущих документах указывалось, что Никифор Черниговский уже 16 июля был доставлен в Москву. Так что дата 20 июля, видимо, является днем поимки Яна Забровского.

«И июля в 22 день прислан к государю к Москве ис Колуги ж литвин Янко Зябровской. А в роспросе литвин сказался Дрожнинского повету. Взят в языцех в 141 [1633] году подо Псковом. А после мирново договору в Литву не пошел, остался на государево имя.

А за выход дано ему государева жалованья 7 рублев да сукно доброе. А на корм давано ему по два гроша на день. И был на государеве службе на Туле в Васильеве роте Обруцкого. А с Тулы побежал было в Литву с теми ж иноземцы вместе.

И Янко Зебровской посажен в заднею казенку» [47].

Что же касается Сеньки Трофимова Наливайко, то, несмотря на утверждения Ивашки Васильева, что тот тоже «в думе с ними ж был», в разрядной выписке сказано прямо противоположное:

«А Сенька Наливской с сыном и иные никакие люди с ними в думе не были. <…>

И тово ж дни по приказу думного дьяка Ивана Гавренева иноземец Сенька Наливской с сыном свобожен, и лошади ему отданы, что до нево изменное дело не дошло» [48].

Беглые иноземцы из Разрядного приказа были переданы в приказ Казанского дворца, который в то время кроме понизовых городов также ведал и Сибирью. Из Разрядного приказа в приказ Казанского дворца была послана память:

«Лета 7144 [1636], июля в 29 день, по государеву [М. Ф.] указу память боярину Борису Михайловичю Лыкову да дьяком Федору Панову и Микифору Шипулину.

В нынешнем во 144 [1636] году побежали з государевы службы с Тулы старово выезду иноземцы литовские люди:

Ивашко Васильев
Максимка Михайлов
Микифорко Черниговской
Яков Зебровской,

и те иноземцы в Колужском уезде и в Лихвине переиманы. А в роспросе винились, что было им бежать в Литву. А жены их и дети на Москве.

И государь [М. Ф.] указал: тех иноземцев з женами и з детьми послать на житье в сибирские городы, где пригож, в которых городех людей меньше.

И иноземцы, Ивашко Васильев с товарыщи, четыре человека, посланы к вам в Казанской дворец. А жены их и дети на подворьях, где хто живал.

И по государеву [М. Ф.] указу боярину князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком Федору Панову, да Микифору Шипулину иноземцов, Ивашка Васильева с товарыщи, з женами и з детьми велети послати на житье в Сибирские городы, где пригож, в которых городех людей мало.

А покаместа их устроят, и в дорогу велети им давать корму по семьи, чем им можно сытым быть» [49].

Здесь Яна Зебровского назвали Яковом.

В приказе Казанского дворца записали:

«144 [1636] году, июля в 29 день, в приказ Казанского дворца

по памяти из Розряду присланы стрельцы Тимофеева приказу Шепелёва, Васильевы сотни Тигоцкого с Панкою Клементьевым да с Куземкою Даниловым с товарыщи иноземцы, литовские люди, Ивашко Васильев, Максимко Михайлов, Микифорко Черниговской, Янка Зебровской.

И в приказе Казанского дворца те иноземцы, Ивашко Васильев с товарыщи, про жены и про дети допрашиваны, как у ково жен и детей зовут, и где они по подворьям, и у ково именем стоят.

Ивашко Васильев в допросе сказал: жена де у него есть, зовут ее Ориницею. Да у него ж двое детей: сын Кирюшка осми лет, да дочь девка Анютка 10 лет. Стоит де та ево Ивашкова жена з детми на подворье за Яузою в приходе у Микиты Христова мученика, у посадцкого человека у Матюшки Сапожника.

Максимко Михайлов в допросе сказал: жена де у него есть, зовут ее Марьицею. Да дочь девка Анютка пяти недель, да пасынок Ивашко семи лет. Стоит де та ево жена з детми на подворье за Я(у)зою в приходе Микиты ж Христова мученика у посадцкого человека Калашника у Матюшки. А чей сын Матюшка, того он, Максимко, не упомнит.

Микифорко Черниговский в допросе сказал: жена де у него есть, зовут ее Оносьицею. Стоит на Покровке в Калашном переулке у плотника у Петрушки. А чей он сын, Петрушка, того он, Микифорка, не упомнит. А детей у него нет.

Янка Зебровской жены и детей у себя не сказал» [50].

Далее идет выписка, сколько денег давалось ссыльным на поденный корм, а после этого записано:

«144 [1636] году, июля в 29 день, по памяти из Розряду за приписью дьяка Григорья Ларивонова велено сослати в Сибирь иноземцов, литовских людей, Ивашка Васильева, Максимка Михайлова, Микифорка Черниговского, Янку Зебровского, з женами и детьми. И тем ссыльным дано корму, по(ка)места они до ссылки на Москве будут, по три деньги человеку.

И те ссыльные отосланы в тюрьму с подьячим с Мокеем Савельевым да с приставом Семеном Протопоповым августа в 2 день» [51].

Перед отправкой в Сибирь жены ссыльных людей подали челобитную о корме:

«Царю [М. Ф.] бьют челом сироты твои, иноземцовы женишки: Максимова женишко Костянецкого Марьица з дочеришком

Вид Енисейска. С рисунка XVII в.

Анюткою и с сынишком с Ывашком, да Иванова женишко Торобаринова Оринка з детишками, сама третья, да Микифорова женишко Черниговского Оносьица.

По твоему государеву указу посылают нас с мужьями нашими в Сибирь. А твоего царского жалованья корму в дорогу нам, бедным, з детишками ничего не указано» [52].

На обороте челобитной: «144 [1636], августа в 20 день. Будет мужья их и они в Сибирь посланы, указано дать им корму по указу, как иным таким же ссыльным, отпустить их тотчас».

Мужья их тоже написали челобитную:

«Царю [М. Ф.] бьют челом холопи твои, иноземцы Максимко Костянецкой да Ивашко Тарабарин с товарыщи, четыре человека.

По твоему государеву указу велено нас, холопей твоих, сослати в Сибирь и з женишками, и з детишками.

А мы, холопи твои, людишки бедные, на дороге граблены, и наги и босы, и доехать до Сибири не в чем, с стужи на дороге помереть нужною морозною смертью.

<...> Вели, государь, нам дать на одеженко, как тебе, милосердому государю, бог известит» [53].

Ссыльных осмотрели. «А по осмотру на тех ссыльных людех, на иноземцах, которых по государеву указу велено сослать в Сибирь, на Ивашке Васильеве с товарыщи, по кафтанишку по худому суконному, а штаншиков и порток, и шапенок, и обуви, и рукавиченок нет. А на женах их — по крашенинному сарафанишка. А на детех никакова одеженка нет» [54].

О выдаче денег на одежду и на корм имеется такая выписка:

«Да в том же 144 [1636] году сосланы в Сибирь же ссыльные люди, Ивашко Васильев с товарыщи. А в ссылке их было 3 семьи,

в 2 семьях по 4 человека, а в третьей семье 2 человека, да два ж человека ссыльных людей холостых.

И по помете на выписке дьяка Сергея Матвеева тем ссыльным людем, в которых по 4 человека, дано на одежу и на обувь по 30 алтын на семью. А холостым 2 человеком дано по 10 алтын человеку.

А корму тем ссыльным людем в дорогу велено в приказе Казанского дворца в денежном столе корму до Тобольска дать против иных же ссыльных людей, как наперед того иным таким же з женами и з детьми давано» [55].

Пятым ссыльным был еще один прибавленный гулящий человек Олешка Косой. Сколько выдали Н. Черниговскому, не сказано.

22 августа 1636 года из приказа Казанского дворца была послана грамота казанским воеводам:

«От царя [М. Ф.] в нашу отчину в Казань боярину нашему и воеводам Ивану Петровичю Шереметеву да Мирону Андреевичю Вельяминову, да дьяком нашим Александру Дурову да Василью Ключарёву.

По нашему указу посланы от нас с Москвы на Казань с уфинцом сыном боярским с Ывашком Гладышевым да з сибирским Енисейского острогу с казачьим десятником с Карпункою Мокеевым, да з Давыдком Наумовым с товарыщи старого выезду иноземцы, литовские люди

Ивашко Васильев з женою с Оринкою

да Максимко Михайлов з женою Марьицею да с пасынком с Ывашком, да з дочерью Анюткою

да Микифорко Черниговской з женою с Оносьицею

да Янка Зебровской

да гулящей человек Олешка Яковлев сын Косово.

А велено их за воровство и за измену, что было те иноземцы с нашей службы ис Тулы побежали в Литву, а гулящей человек Олешка Косово хотел отъехать в Литву ж, сослать в сибирские городы, иноземцов, Ивашка Васильева с товарыщи, четырех человек, з женами и з детми в Енисейской острог на житье, а гулящево человека Олешку Косово — в Красноярской острог в пашенные крестьяне.

А ис Казани указали есмя вам тех иноземцов и гулящево человека послать в Сибирь до Верхотурья с теми же с енисейским с казачьим десятником с Карпункою Мокеевым да з Давыдком Наумовым, дав им провожатых казанцов, сколько будет пригоже» [56].

Грамоты об этом же были посланы:

в Верхотурье воеводе Ивану Федоровичу Еропкину [57];

в Тобольск стольнику и воеводе Михаилу Михайловичу Тёмкину-Ростовскому, Андрею Васильеву Волынскому и дьякам Дорофею Пустынникову, Григорию Протопопову [58];

в Енисейск воеводе Прокофию Федоровичу Соковнину [59].

Кроме расходов на корм и одежду были еще и другие расходы на ссыльных.

«144 [1636] году, августа в 25 день, по государеву указу велено послать в Сибирь ссыльных иноземцов, литовских людей, Ивашка Васильева с товарыщи. А велено тех ссыльных людей вести скованных.

И по приказу боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, да дьяков Федора Панова да Сергея Матвеева велено на тех ссыльных людей купить трои железа ножные. И на тех колодников трои железа в ряду куплены у торгового человека у Меркушка Евстратьева. А даны за тех 20 алтын по две гривны за железа. И те деньги за те железа даны тому торговому человеку Меркушке Евстратьеву» [60].

Кому-то из счастливцев повезло: на пять человек было только трое кандалов. А может быть, их надевали по очереди. А как себя чувствовали зимой в кандалах ссыльные, об этом история умалчивает.

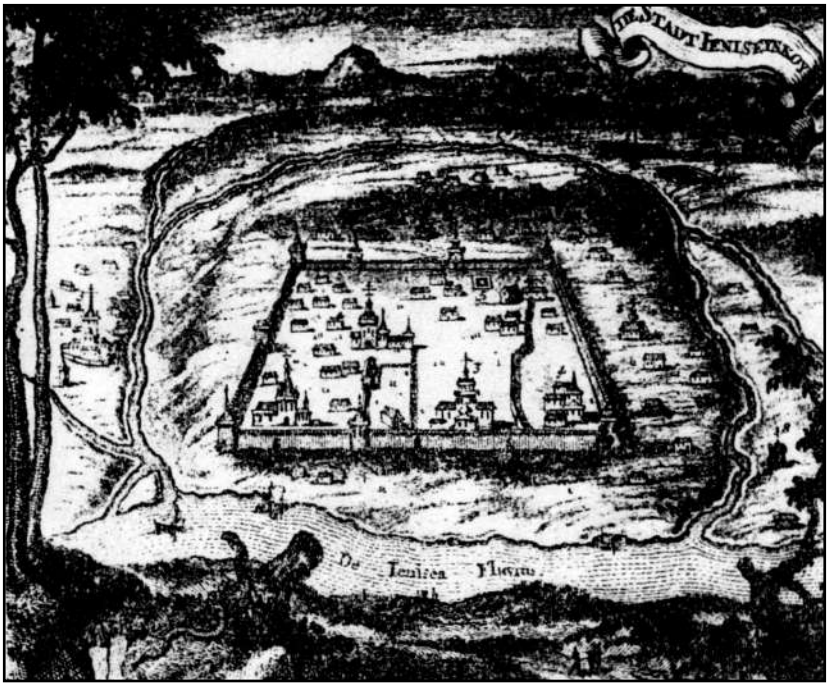
У С. В. Бахрушина написано неточно: «Черниговский еще в 1638 году попал в Сибирь в числе других польских военнопленных, которых русское правительство опасалось держать в центральных областях» [61].

Неверно указан год. Кроме того, пленных поляков, изъявивших желание поступить на русскую службу, держать в центральных областях не опасались. Ссылали в Сибирь только тех, кто не изъявлял такого желания. Черниговский до поступления на службу, как пленный, содержался в Вологде, а после поступления на службу был послан в Тулу. В Сибирь сослан был за побег. И не он один.

Для отправки ссыльных была послана память в Ямской приказ:

«По цареву [М. Ф.] указу боярину князю Андрею Васильевичю Хилкову, да дьяком Василью Яковлеву да Микифору Демидову.

Велети им дати от Москвы до Коломны и до Переславля-



Енисейск (из книги Н. Витсена)

Резанского, и до Мурома, и до Нижнево Новагорода, и до Кузьмодемьянска, и до Казани сибирским служилым людем, енисейским казачьим десятником Карпунке Мокееву, Давыдку Наумову, да под колодников, ссыльных литовских людей:

под Ивашка Васильева з женою и з детьми, под сама четверта
под Максимка Михайлова з женою и з детьми, под сама четверта
под Микифорка Черниговского з женою
да под Янку Зебровского
да под гулящего человека под Олешку Косово,

в готовое судно кормщика и гребцов по государеву указу.

А от Казани до Лаишева, и до Осы, и до Соли Камские, и до сибирских городов, до Верхотурья и до Туринского острогу, и до Тюмени, и до Тобольска, и до Сургута, и до Нарымского, и до Кетцкого, и до Енисейского острогу, воденым путем судно и кормщика и гребцов против подвод.

А сухим путем служилым людем по подводе человеку с телеги

и с хомуты, и с проводники, а под колодников, под Ивашка Васильева с товарыщи, з женами и з детьми по тому ж — дати подводы с саньми и с хомуты, и с проводники по государеву указу» [62].

Переславль-Рязанский — так тогда называлась Рязань.

О прибытии ссыльных в Тобольск сообщил в Москву воевода Михаил Михайлович Тёмкин-Ростовский с товарищами:

«Да генваря ж в 13 день по государеве грамоте за приписью дьяка Сергея Матвеева посланы были с Москвы в Сибирь в Тоболеск на Казань до Верхотурья с уфинцом сыном боярским с Ываном Гладышовым да сибирскими Енисейского острогу казачьими десятники с Карпунькою Мокеевым да з Давыдком Наумовым с товарыщи, а с Верхотурья в Тоболеск с теми ж енисейскими казачьи десятники и с провожатыми, с верхотурскими служилыми людьми, иноземцы, литовские люди, да гулящей человек за их воровство, что было те иноземцы з государевы службы с Тулы побежали в Литву, а гулящей человек хотел отъехать в Литву ж.

И ис Тобольска тех ссыльных людей велено послать в Енисейской да в Красноярской остроги, дав им в дорогу корм, чем им мочно сытым быть.

В Енисейской острог

Ивашко Васильев з женою с Ориницею да з детьми: с сыном Кирюшкою да з дочерью з девкою Анюткою

Максимко Михайлов з женою с Марьицею да з дочерью з девкою Анюткою

Микифорко Черниговской з женою с Онисьицею

Занка Забровской» [63].

Почему-то пасынок Максимки Михайлова Ивашко не упомянут, но в следующем документе сообщается, что он прибыл в Енисейск.

В Красноярский острог должен был быть сослан Олешка Косой.

В Тобольске они оставались до открытия летнего пути. Затем по Енисею до Самарова Яма, после по Оби и Кети добирались до Кетского острога, а оттуда через волок в Енисейск. 29 сентября 1637 года ссыльные благополучно прибыли в Енисейск. Об их прибытии сообщил енисейский воевода Прокофий Федорович Соковнин:

«В нынешнем, государь, во 146 [1637] году, сентября в 29 день, в твоей государеве [М. Ф.] грамоте за приписью дьяка Сергея Матвеева писано ко мне, холопу твоему, с енисейским казаком с Карпунькою Мокеевым, что по твоему государеву [М. Ф.] указу

посланы от тебя, государя, с Москвы на Казань с уфинцом сыном боярским с Ываном Гладышевым да Енисейского, государь, острогу с казачьими десятники, с Карпункою Мокеевым, з Давыдком Наумовым с товарыщи, иноземцы, литовские люди:

Ивашко Васильев з женою Ириницею да з детьми: с сыном Кирюшкою да з дочерью з девкою Анюткою

Максимко Михайлов з женою с Марьицею да з дочерью з девкою с Анюткою ж, да с пасынком с Ывашком

Микифорко Черниговской з женою с Анисьицею

да Янка Зебровской.

И в нынешнем, государь, в 146 [1637] году, сентября в 27 день, писал ко мне, холопу твоему, из Тобольска стольник и воевода князь Михайло-Ростовский с товарищи и прислали, государь, в Енисейский острог с тобольским сыном боярским з Борисом Дядковым да с атаманом с Мурзою Выходцовым да с енисейскими, государь, с казачьими десятники с Карпункою Мокеевым да з Давыдком Наумовым тех иноземцев, литовских людей, Ивашка Васильев с товарищи. И те, государь, иноземцы, литовские люди у тобольского сына боярского у Бориса Дядкова да у атамана у Мурзы Выходцова против твоей государевы грамоты приняты в Енисейском остроге все налицо. <…>

А иноземцов, государь, литовских людей, Ивашка Васильева с товарищи, устроил в твою государеву службу с енисейскими казаки вряд, и твоим государевым денежным жалованьем поверстая по пяти чети с осьминою ржи да по четыре чети овса, по пяти рублев денег человеку на год, против, государь, енисейских казаков. И на нынешний, государь, на 146 [1637–1638] год твое государево денежное и хлебное жалованье дано.

И наряжены, государь, были на твою государеву службу в Братцкую землицу для твоего государева ясачного збору Енисейского острогу с сыном боярским с Ыльею Бирловым и енисейские, государь, казаки. И твое государево денежное и хлебное жалованье для тое твоей государевы братцкие службы впредь на 147 [1638–1639] год дано.

И в нынешнем ж, государь, во 146 [1638], майя в 18 день, в Съезжей избе иноземцы, литва, Микифорко Черниговский да Ивашко Васильев, извещали мне, холопу твоему, словесно: маия де, государь, в 11-ом числе, пошли иноземцы, товарищи их, с которыми, государь, они присланы вместе в Енисейской острог, Максимко Михайлов, Янка Зебровский, вверх по Енисею водою

по дрова. И хотели де, государь, быть те их товарищи в Енисейском з дровы на плоту. А ныне де, государь, тех товарыщев, иноземцов Максимка Михайлова да Янка Зебровского, нет, и в Енисейской острог маия с 11 числа до маия ж в 20 число не бывало.

А ходили де, государь, они, Микифорко Черниговский да Ивашко Васильев, тех своих товарищей сыскивали повыше Верхней деревни, от Енисейского острогу версты с три, где они хотели дрова сечь. И в том де, государь, месте дрова сечены и з горы к Енисею реке метаны. А плота никакова на Енисее реке не нашли. И тех де, государь, товарищей они чаят потопли, потому что де, государь, в те поры погода была великая дни по два и по три, а водяной им ход не за обычей.

И я, холоп твой, про тех иноземцов посылал проведывать енисейских казаков потому, не чаять ли их куды побегу. И про тех, государь, иноземцов нигде вести не объявилось.

А твоево государева денежново и хлебново жалованья, что было им дано вперед на 147 [1638–1639] год для твоей государевы братцкие службы, сыскал поляка Янки Зебровского только четыре чети ржи. А взято, государь, на подворье, где тот Янка стоял у енисейского сына боярского у Павла Бьютцково. А больши того, государь, хлебново жалованья и денег ничево не сыскано.

А Максимка Михайлова твоево государева хлебново жалованья после ево сыскано у жены ево Марьицы только три чети ржи. А денег, государь, ничего не сыскано.

И я, холоп твой, того Максимка Михайлова жену ево Марьицу ставил перед собою в Съезжей избе и про мужа ее про твое государево денежное и хлебное жалованье допрашивал, куды муж ее пошол и твое государево денежное и хлебное жалованье где дел.

И та, государь, Максимкова жена Марьица в роспросе сказала мне, холопу твоему: муж де ее пошол было робить в лес с товарыщем своим с Янкою Зебровским, и где делся, того не ведает. А твое де государево жалованье проел, а иное долгу роздал. А хлебново твоево государева жалованья продал три осмины ржи да четыре чети овса, да четь ржи съели. А осталось де, государь, только три чети ржи.

И та Максимкова жена Марьица била челом тебе государю [М. Ф.]: осталась де, государь, она после мужа своего с детьми нага и боса. И только де твое государево хлебное жалованье до-

стальное, три чети ржи, взять, и ей с детьми голодною смертью умирать.

И я, холоп твой, у той Максимковы жены того твоево государева жалованья имать до твоего государева [М. Ф.] указу не велел. А дана на поруки» [64].

Эту отписку получили в Москве 29 ноября 1638 года.

«Братцкая землица» — это бурятская землица. Бурят в то время называли «братами». Отсюда происходит название города Братска.

Отметим для дальнейшего, что Никифор Черниговский прибыл в Енисейск вдвоем, с женою. И еще раз напомним, что Г. Ф. Миллер ошибся, указал неверную дату ссылки (1638 г.), а также В. А. Александров (1637 г.). Сентябрь 1637 года — это дата прибытия в Енисейск, а из Москвы они были отправлены в августе 1636 года.

Точная дата прибытия в Енисейск указана в приведенном выше документе. Но есть еще одна, более поздняя, запись в счетном списке енисейского воеводы Никифора Логиновича Верёвкина. Там указан только год, без указания месяца, а это может привести к ошибке в определении года по юлианскому календарю:

«Да в нынешнем во 146 [1637–1638] году по государеве [М. Ф.] грамоте за приписью дьяка Сергея Матвеева присланы в Енисейской острог иноземцы, литовские люди:

Ивашко Васильев
Максимко Михайлов
Микифорко Черниговской
Янко Жавровской [так в тексте. — *Г. К.*].

А велено их по государеву указу поверстать в службу против иных иноземцов, ссыльных людей, в какую службу оне пригодятца.

И те иноземцы, литовские люди, поверстаны в Енисейском остроге в казачью службу. А государева им хлебного жалованья учинено оклады против енисейских казаков по 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.

И на нынешней на 146 [1637–1638] год то государево хлебное жалованье дано сполна» [65].

Следы пропавших поляков обнаружили красноярские казаки через год. Они увидели этих иноземцев, живущих среди киргизов. Однако не выяснили, сами ли они бежали или были похищены. В отписке нового воеводы Никифора Верёвкина сообщалось:

«И в прошлом, государь, во 147 [1639] году приезжали ис

Красноярсково острогу красноярские казаки, Федька Обушихин с товарыщи. А сказали мне, холопу твоему: посылал де их ис Красноярсково острогу воевода Федор Мякинин в киргизы для вашего государева дела. И они де, Федька с товарыщи, тех иноземцов, Максимка Михайлова да Янку Зебровсково, видели в киргизах. А коим обычаем те иноземцы в киргизы пришли, того де он, Федька, с товарыщи не ведает.

И те иноземцы Максимко да Янка живут в киргизах июля по 16 число нынешняго 148 [1640] году. А жена Максимкова вышла замуж за енисейского казака» [66].

Отписку подал 16 декабря 1640 года енисейский сын боярский Петр Бекетов.

На этой же отписке решение Сибирского приказа:

«Отписать. Велеть сыскивать допряма, так иль те иноземцы в киргизах объявились. И будет допряма они объявились в киргизах, и собою ль они своровали, отошли в киргизы, или их на степи взяли киргизы в полон. И будет своровали, сами пошли, и про то их учинить заказ крепкой, чтоб их ис киргиз добыть, как мочно, и привесть в Енисею. А как приведут, и их в том воровстве пытать накрепко.

Да о том отписать ко государю к Москве» [67].

А 12 февраля 1641 года в Сибирском приказе написали грамоту об этом решении опять новому енисейскому воеводе Осипу Гарасимовичу Оничкову [68].

Чем закончилась эта история, неизвестно.

Других документов о пребывании Н. Черниговского в Енисейске найти не удалось. Видимо, их и нет. Почему-то даже в нескольких сохранившихся окладных книгах денежного, хлебного и соляного жалованья он не записан.

В одной из челобитных, написанных много лет спустя, сам Н. Черниговский рассказал кратко о своей службе в Енисейске:

«Служил я, холоп ваш, в Енисейском остроге блаженныя памяти отцу твоему, государеву, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии лет с пятнатцать всякие ваши государевы службы; на Байкалово ходил по соболиной ясак, и из тех ясашных зборов прибыль чинил. И под Ленской волок с хлебными запасы ходил, и по многим рекам на службы ходил для ясашного збору» [69].

Более точный срок службы Н. Черниговского в Енисейске исчисляется с 1637 по 1649 год, то есть около 12 лет.

Затем Н. Черниговский попадает на реку Лену. О его службе на Лене сохранилось много документов.

Примечания

1. Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1757. — Июль–окт. — С. 196.

2. Максимов С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. III. — С. 3.

3. Чернозубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения // Военный сборник. — СПб., 1907. — № 11. — С. 5.

4. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. — М., 1969. — С. 24.

5. Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. — 1986. — № 1. — С. 53.

6. Ф. 210, Приказ. стол, ст. 83, л. 289.

7. Ф. 79, оп. 1, 1635, д. 46, л. 196об.–197.

8. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. — М., 1946.

9. Ф. 79, 1635, оп. 1, д. 45, л. 234–234об.

10. Ф. 210, Приказ. стол, ст. 83, л. 286–288.

11. Там же, л. 289.

12. Там же, л. 291.

13. Бушков А. Россия, которой не было. — М.; СПб.; Красноярск, 1997. — С. 114.

14. Ф. 210, Приказ. стол, ст. 83, л. 293.

15. ЧОИДР. — 1868. — Кн. 4. — С. 289.

16. Ф. 210, Приказ. стол, ст. 101, л. 321.

17. Там же, л. 322.

18. Там же, л. 323.

19. Там же, л. 325.

20. Там же, л. 328.

21. Там же, л. 331.

22. Там же, л. 329.

23. Ф. 210, М. стол, ст. 108, л. 199.

24. Там же, л. 263–267.

25. Ф. 210, Б. стол, ст. 61, л. 162.

26. Там же, л. 163.

27. Ф. 214, ст. 55, л. 185.

28. Там же, ст. 61, л. 166–167.

29. Сташевский С. Смоленская война 1632–1639 г. — Киев, 1919. — С. 17.

30. Ф. 210, Б. стол, ст. 61, л. 278.

31. Там же, л. 274.
32. Там же, л. 167.
33. Там же, л. 278.
34. Там же, л. 274–275.
35. Там же, л. 167.
36. Там же, л. 278.
37. Там же, л. 275.
38. Там же, л. 277.
39. Там же, л. 169.
40. Там же, л. 170.
41. Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. — М., 1813. — Ч. V. — С. 32–33.
42. Ф. 210, Б. стол, ст. 61, л. 170–173.
43. Там же, л. 176.
44. Там же, л. 175.
45. Там же, л. 166.
46. Там же, л. 163.
47. Там же, л. 168.
48. Там же, л. 277.
49. Там же, л. 165; это же: Ф. 214, ст. 55, л. 169–170.
50. Ф. 214, ст. 55, л. 170–171.
51. Там же, л. 171.
52. Там же, л. 164.
53. Там же, л. 185.
54. Там же.
55. Там же, л. 339.
56. Там же, л. 174.
57. Там же, л. 176–177.
58. Там же, л. 178–179.
59. Там же, л. 180–181.
60. Там же, л. 192.
61. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. — Л., 1925. — С. 63.
62. Ф. 214, ст. 55, л. 223, 314; нумерация не по порядку.
63. Ф. 214, ст. 55, л. 374.
64. Ф. 214, ст. 192, л. 17.
65. Ф. 214, ст. 45, л. 216.
66. Ф. 214, ст. 91, л. 58–59, 60а.
67. Там же, л. 56об.
68. Ф. 214, ст. 98, л. 42–45.
69. Ф. 214, ст. 470, л. 100.

НА РЕКЕ ЛЕНЕ

О переезде Н. Черниговского в Илимское воеводство Г. Ф. Миллер писал следующее: «Из Енисейска, неведомо по какому случаю, пришел он в Илимск. Там дважды о нем упоминается. Первое, когда в 1650 году он был прикащиком на Чечуйском волоку, или, как то место после прозвано было, в Чечуйском остроге; второе, когда он в 1652 г. в Усть-Куцком остроге имел смотрение над тамошнею соляною варницею» [1].

До настоящего времени историки не добавили ничего к этому утверждению, они лишь повторяют его. Г. Ф. Миллер не пользовался документами, которые впоследствии оказались в фонде Сибирского приказа и других фондах, поэтому его сведения неполны, а некоторые не подтверждены документами. Упоминается о Н. Черниговском не дважды; по какому случаю он пришел в Илимск, мы приведем соответствующие документы; а то, что он в 1652 году «имел смотрение» над соляною варницей, не подтверждено документами.

Начнем со сведений о том, как он появился на Лене. При образовании Илимского воеводства в 1649 году Никифор Черниговский был переведен из Енисейска в Илимск. Подготовка к этому началась еще ранее, в 1648году. Вот что писал об этом енисейский воевода Федор Полибин:

«В прошлом, государь, во 156 [1648] году, июня в 18 день, прислана твоя государева [А. М.] грамота за приписью дьяка Григорья Протопопова ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог.

А в той, государь, твоей государеве грамоте написано: указал ты, государь [А. М.] быть на твоей государеве службе на Ленском волоку в новом Илимском остроге воеводе Тимофею Шушерину.

А на житье послать в Ылимской острог, выбрав ис сибирских городов служилых людей добрых с женами и з детьми, которые плотничать были горазды, ис Тобольска дватцать человек, с Тары, с Тюмени по десяти человек, из Енисейского острогу дватцать человек, всего восмьдесят человек.

А для тое службы указано дати тем служилым людем твое государево денежное и хлебное, и соляное жалованье на два годы, на 156 [1647–1648] и впредь на 157 [1648–1649] год полные их оклады.

А как, государь, ис Томского воевода князь Осип Щербатой томских служилых людей десять человек и тем служилым людем имянную роспись в Енисейской острог пришлет, а ленской воево-

да Тимофей Шушерин в Енисейской острог приедет, и мне б, государь, холопу твоему, дав енисейским служилым людем, которых по твоему государеву указу выберут, дватцати человеком, твое государево денежное и хлебное, и соляное жалованье на два годы, на 156 [1647–1648] да вперед на 157 [1648–1649] год полные их оклады, и под них, и под томских, и тобольских, и тарских, и тюменских, и красноярских служилых людей з женами и з детьми, и под их запасы суды, в каких им мочно поднятьца, отпустить из Енисейского острогу на Ленской волок в Ылимской острог на житье с воеводою Тимофеем Шушериным вместе, не замотчав и не испустя времени, чтоб им дойтить того ж лета водяным путем до Ленского волоку и до Илимского острогу» [2].

К отписке приложена именная роспись енисейским служилым людям, которым дано денежное, хлебное и соляное жалованье на 157 год (с 1 сентября 1648 по 31 августа 1649 г.). В росписи значатся двое десятников, 16 рядовых и двое холостых плотников. Последним из рядовых записан Микифорко Романов Черниговской [3].

Выделение Илимского воеводства из состава Якутского воеводства не прошло гладко. Был спор о границе, которую Сибирский приказ обозначил не четко, а лишь в общих чертах. Да и мог ли обозначить четко? Вот что писал по этому поводу илимский воевода Тимофей Шушерин: «В прошлом, государь, во 156 [1647–1648] году по твоему государеву [А. М.] указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей государеве [А. М.] службе в Сибири на Ленском волоку в Усть-Илимском остроге. И будучи мне, холопу твоему, на твоей государеве службе на Ленском волоку в Ылимском остроге, велено строить в твою государеву пашню около Ленского волоку Илимского острогу по великой реке Лене на низ до Чечюйского волоку и вверх по великой реке Лене до Верхоленского острошку» [4].

Здесь даже Илимский острог Тимофей Шушерин назвал неправильно, Усть-Илимским, хотя он не стоял на устье Илима.

Если с верхней границей Илимского воеводства было все ясно, то о нижней такой ясности не было. Понятие «Чечуйский волок» употреблялось в двух смыслах. В узком смысле так именовали дорогу, по которой переходили с Лены на Нижнюю Тунгуску. Эта дорога шла по долине левого притока Лены, который сейчас называется речкой Бобошиной (в 60 км ниже Киренска) и далее через водораздел на Нижнюю Тунгуску. (Заметим, что сейчас подобная дорога тоже есть, но она проложена ниже речки

Бобошиной.) В пяти километрах ниже устья речки Бобошиной стояла ясачная изба, в которой содержали аманатов, а также двор пашенного крестьянина Федьки Яковлева. Острожка, который назывался Чечуйским, в то время еще не существовало. Он был построен в 1671 году.

Чечуйский волок — это сокращенное название. Полное его название в то время было Чечуйский Тунгусский волок, что соответствует современному названию Чечуйско-Тунгусский. Правильнее его было бы назвать Ленско-Тунгусский, так как река Чечуй, правый приток Лены, находится ниже этого места в 60 километрах.

В ведении чечуйского приказчика находились заимки выше и ниже устья речки Бобошиной, начиная с заимки Никиты Макарова (теперь деревня Макарова в 80 км выше Киренска) и кончая Сполошенской заимкой, расположенной в 43 километрах ниже устья речки Бобошиной. В широком смысле название «Чечуйский волок» употреблялось как название волости.

Якутскому воеводе было выгоднее название «Чечуйский волок» понимать в широком смысле, а илимскому — в узком. Поэтому каждый воевода название «Чечуйский волок» толковал по-своему. Еще будучи в Енисейске, илимский воевода Тимофей Васильевич Шушерин 30 мая 1649 года послал отписку якутскому воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову, которая была получена 24 августа 1649 года. В ней он изложил свое мнение о границе между уездами:

«А Чечуйской, господа, волок и выше Чечюйского волоку по государеву указу указано ведать ясачных людей мне, и в пашню строить вольных и ссыльных людей. А вам, господа, Чичюйсково волоку и выше Чечюйсково волоку ведать ясачных людей не указано, и крестьян строить, вольных и ссыльных людей, не указано же. А по государеву указу, которые ясачные волости ниже Чечюйсково волоку, к морю, велено ведать вам ясаком в Якутцком остроге» [5].

Якутский воевода с этим согласен не был и слал приказчику Чечуйского волока приказы противоположного содержания. Спокойно эти противоречия решить не удалось, и воевода Шушерин применил силу. Вот что сообщал об этом якутскому воеводе чечуйский приказчик Иван Парфенов Пильников:

«В прошлом в 157 [1649] году по государеву [А. М.] указу и по приказу твоему, воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова,

оставлен был яз, Ивашко, с целовальником Самсонком Софоновым на Чичюйском волоку у всяких государевых дел.

И в прошлом же 158 [1649] году из Якутсково острогу от тебя, воеводы государева Дмитрея Андреевича, прислана была указная память ко мне, Ивашку, об государеве деле, что ведати на Лене реке тобе, воеводе государеву Дмитрею Андреевичю, [в] верх по Лене реке от Чичюйсково Тунгусково волоку до пашенново крестьянина до Микиты Макарова.

И Илимсково острогу воевода Тимофей Васильевич Шушерин государева указу и твоей воеводские указные памяти не по-слушал, и государевы дела отнял по самой Чичюйской волок. И из ясашного зимовья меня, Ивашка, выгнал. И что было на Чичюйском Тунгуском волоку государевы казны таможенново десятинново збору соболей и пупков собольих, и с тою государевою казною Илимсково острогу воевода Тимофей Васильевич Шушерин меня, Ивашка, и целовальника Самсонка Софонова имал, сковав, в Ылимской острог, и государеву казну Чичюйсково Тунгусково волоку таможенново збору отнял. И что было Бог уродил на Лене реке к нынешнему ко 158 [к 1 сентября 1649. — *Г. К.*] году хлеба на государевых десятинах у ссыльных пашенных крестьян и у прежних пашенных крестьян пятинново и десятинново хлеба, и тот хлеб воевода Тимофей Васильевич Шушерин побрал в свой присуд и роздал ссыльным пашенным крестьяном взаймы на семена» [6].

Далее Иван Пильников писал:

«И сам он, воевода Тимофей Васильевич Шушерин, говорит: как Дмитрею де Андреевичю в чужем присуде хто велел оставливать приказных и служилых людей?

Да что было в государеве казне сошников и топоров, и укладу, и кос, и железа, и два котла варчих, что варили аманаты, и то все поотнимал он же, воевода Тимофей Васильевич Шушерин» [7].

Отписка была получена в Якутском остроге 18 мая 1650 года.

Иван Пильников не указал дату приема Чечуйского волока. Но есть приемосдаточная роспись, в которой указано, что принял он Чечуйский волок у казачьего десятника Семена Тимофеева Чуфариста 17 июля 1649 года [8].

Дата приезда воеводы Шушерина на Илимский волок в разных документах указывается разная, самая поздняя — 2 сентября 1649 года. Так что описанные события происходили в сентябре 1649 года.

Царь Алексей Михайлович. Портрет работы С. Лопуцкого

Ивана Пильникова илимский воевода в конце концов отпустил на Чечуйский волок. В другой отписке, полученной в Якутском остроге 18 мая 1650 года, Иван Пильников сообщал:

«Да Чичюйсково же волоку целовальника Самсонка Софонова воевода Тимофей Васильевич Шушерин взял в Ылимской острог, и на Чичюйской волок не отпущает. И государево дело поставил, и всякое, что было делать ниже Чичюйсково волоку.

Да в нынешнем же в 158 [1649–1650] году на Чичюйской Тунгуской волок приходили Мучугирские тунгусы, что платят государев ясак в Тазовцкой ос[т]рог. И про тех тунгусов Шамагирские тунгусы сказывают, что де оне своровали и тазовцких служилых людей побили же.

И как те тунгусы пришли на Чичюйской Тунгуской волок, Илимского ос[т]рогу служивой человек Микифорко Романов Черниговцкой с тех тунгусов взял государев ясак, з дватцати семи человек. А тех тунгусов было ста с полтора. И он, Микиферко Чернеговцкой, тем государевом ясаком лише славу свел. И к тем тунгусам с торгами отпущал за Чичюйской Тунгуской волок» [9].

Тазовский острог — это Мангазея.

Поскольку этот документ находится в копиях, снятых сотрудниками Г. Ф. Миллера, то, видимо, это и дало ему повод написать, что Н. Черниговский был приказчиком на Чечуйском волоке в 1650 году. Однако это неточно. Есть еще несколько документов, которые мы не приводим из-за их обширности, в них сообщается, что 2 сентября 1649 года Т. Шушерин отправил из Илимска служилых людей во главе с Назаром Кистенёвым на Чечуйский волок. Попутно они занимались расследованием убийства пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Максимки Андреева, жившего в Кривой Луке. По этим документам получается, что Назар Кистенёв прибыл на Чечуйский волок приблизительно 10–12 октября, а 30 ноября возвратился в Илимский острог. Видимо, после его отъезда с Чечуйского волока там оставался Никифор Черниговский. Назар Кистенёв впоследствии служил пятидесятником в Верхоленском острожке, жил в деревне, которая по его фамилии называлась Кистенёвой.

Документов о том, как закончился спор о границе, нет, но известно, что она прошла на левой стороне Лены чуть выше речки Бобошиной, а на правой стороне ниже заимки Чугуевской, напротив устья этой речки. Ясачное зимовье по-прежнему осталось за Якутским воеводством. В 1651 году приказным человеком там был

сын боярский Яков Васильев Пестов [10], а в 1652 году — служилый человек Федька Данилов Колмогор [11].

Что же касается службы Н. Черниговского на усть-кутской соляной варнице в 1652 году, то документов об этом до сих пор обнаружить не удалось. К тому же их никто и не искал. Проще было повторять слова Г. Ф. Миллера.

Н. Щукин писал: «На Лене в Усть-Кутцком остроге жил поляк Никифор Черниговский; он имел надзор над соляными промыслами» [12].

С. В. Максимов: «Он жил в Устькутском остроге и был досмотрщиком за соляными промыслами» [13].

П. В. Шуман: «В 1650 г. он был прикащиком деревень на Чечуйском волоке и вскоре потом управлял усть-кутскою варницею» [14].

Франц Шперк: «С 1652 г. он был смотрителем Усть-Кутского солеваренного завода» [15].

Ю. П. Бартенев: «Жил в Усть-Кутцком остроге и заведывал там соляным промыслом» [16].

Чернозубов: «Известно только, что он был надсмотрщиком над соляными промыслами в Усть-Куцком остроге» [17].

А. П. Васильев: «Он был надзорщиком над соляными варницами в Усть-Кутском остроге на реке Лене» [18].

В. А. Александров упоминает «ссыльного поляка Никифора Черниговского, руководившего в Усть-Кутском остроге соляными промыслами» [19].

Г. С. Новиков-Даурский: «В 1652 г. Черниговский служил приказчиком Усть-Кутского солеваренного завода» [20].

Д. Я. Резун и В. С. Василевский: «С Усть-Кутом связано также и имя второго "даурца" Никифора Черниговского. Именно здесь он поднял восстание и с отрядом, состоящим из казаков, крестьян, и гулящих двинулся в Даурию» [21].

Пока скажем, что не здесь, а в Киренске.

До образования Илимского воеводства на соляной варнице сначала были два служилых человека. Так, в расходной книге 154 [1645–1646] года записано:

«На усть Куты у государевы соляной варницы служилые люди:

березовской — Ивашко Иванов сын Пуляев. А сказался, что холост

енисейской служилой человек Онофрейко Степанов. А сказался, что холост» [22].

Берёзовский — значит был поверстан в берёзовский оклад.

Онофрий Степанов Кузнец, будущий преемник Хабарова

на Амуре, родом был из Мезени, а поверстан в енисейский оклад.

Во время образования Якутского воеводства с воеводой П. П. Головиным из разных городов были присланы служилые люди с сохранением их прежних окладов. Оклады и поверстанные в них служилые люди были записаны в окладную книгу. Это было своего рода штатное расписание. Со временем количество служилых людей, поверстанных в эти оклады, по причине смерти, отставки, бегства и т. п. сокращалось. Вместо них в убылые оклады верстали сыновей служилых людей, нередко промышленных и гулящих людей, не имевших к названию оклада никакого отношения.

Во время образования Илимского воеводства на соляной варнице были служилый человек Онофрий Степанов Кузнец и целовальник Томило Щепёткин. Вот что писал якутский воевода Д. Францбеков:

«И в нынешнем во 157 [1649] году, августа в 15 день, писал к нам, холопем твоим, с усть Куты от Соли служилой человек Онофрейко Степанов да усольской целовальник Томилко Щепоткин, что сварено у них пятьсот пуд соли. И нагрузив дощаник, тое соль и к нам отпустить хотели.

И пришед де к ним с Ылимского острогу пашенной крестьянин Мишка Костентинов, а сказал, что прислан де из Енисейска в Ылимской острог от Тимофея Шушерина сын боярской Кирил Незговоровской. И в наказной де у нево памяти написано, что де к нам в Якуцкой острог соли давать не велено» [23].

Но через две недели после получения отписки Онофрия Степанова Кузнеца он сам появился в Якутском остроге, о чем свидетельствует запись в приходной книге хлебного целовальника Лучки Степанова и служилого человека Вахрушки Максимова.

«Августа в 30 день [1649 г.] по приказу воеводы Дмитрея Ондреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова принято государевы соли усть-кутцкой вари Якутцкого острогу у служилых людей, у Онофрейка Степанова с товарыщи, восмьсот семьдесят девять пуд десять гривенок соли» [24].

После отъезда Онофрия Степанова Кузнеца в Якутский острог илимский воевода Тимофей Шушерин поверстал на его место ссыльного воронежского черкашенина Карпика Никитина Кузнеца, ранее устроенного в пашню на Тутуре, а затем переведенного в кузнецы по Верхоленскому острожку. В одной из отписок в Москву воевода сообщал:

«Да Верхоленского ж, государь, острогу служилому человеку Карпунке Микитину Кузнецу дал я, холоп твой, твоего государева жалованья вперед на 159 [1650–1651] денег четыре рубли с четвертью да хлеба, ржи, дватцать пять пуд, да соли пуд.

Для того ему, служилому человеку Карпунке Микитине, дано твое государево денежное жалованье, полной оклад, что ему, служилому человеку Карпунке Кузнецу, велел я, холоп твой, быть на усть Куты у Соли на Онофрейка Степанова место Кузнеца для твоей государевы соляные вари для цыренные починки кузнечного дела до твоего государева указу.

А на нынешней, государь, на 158 [1649–1650] год ему, Карпунке, твое государево денежное и хлебное, и соляное жалованье не дано, потому что на тот 158 год дано твое государево жалованье Онофрейку Кузнецу.

А тово Онофрейка Кузнеца свезли от Соли с собою воеводы Дмитрей Франзбеков да диак Осип Степанов в Якутцкой острог» [25].

А после образования Илимского воеводства, скорее всего, никакого приказчика на соляную варницу не назначалось, а всеми делами ведал целовальник. Целовальником на соляной варнице стал торговый человек Иван Тюрин. В челобитной он писал: «Ездил я, сирота ваш, в ваши государевы сибирские городы для торжишку своего и промышлишку. И в прошлом, государи, во 158 [1649–1650] на Ленском волоку в Ылимском остроге по выбору торговых и промышленых людей служил я, сирота ваш, вам, государем [А. М., А. А.] на усть Куты реки у вашие государевы соляные варницы у соляной продажи и у пашенных крестьян у выдельново у вашего государева хлеба в целовальниках» [26].

Его сменил Никита Гурьев сын. Вот что писал о нем в челобитной гость Василий Федотов:

«В прошлом, государь, во 157 [1648–1649] году съехал в сибирские городы для торжишку и промыслишку племянничишко мой Никитка Гурьев сын.

И как он будет в Ылимском острожке, и розных городов съезжие торговые люди розных городов в прошлом во 158 [1650] году выбрали тово моево племянничишка в Ылимском острошке в твою государеву службу в целовальники к соляной варе к приему, и к продаже, и к оддаче на 159 [1650–1651] да по 160 год [по 1 сентября 1651 г. — *Г. К.*]. И он ту твою годовую службу отслужил.

А в прошлых, государь, годех торговые люди, которые будучи

в той твоей государеве службе в целовальниках, и оне живут за отчетом книг своих в Ленском и в Ылимском острошках лет по пяти и больши. И за тем отчетом держат их воеводы для своей бездельной корысти. И в том, государь, им бывает конечное разорение.

<...> Вели, государь, тово моево племянничишка Микитку Гурьева, будет он не сочтен в Ылимском острожке, взять ево с приимными книгами и с росходными, и с хлебными к Москве для счету в Сибирской приказ, чтоб ему, там живучи, вконец не погинуть и твоей государевы службы впредь не отбыть.

И о том вели, государь, мне дати свою государеву грамоту в Илимской острожек» [27].

На обороте челобитной:

«Государь пожаловал: велел указ учинить боярину Алексею Никитичю Трубецкому и грамоту послать.

160 [1651], декабря в 26 день, дать грамота: будет сочтен, и ево тотчас отпустить без задержанья, и счетной список прислать. А будет не сочтен, и ево с приходными и с росходными книги за порукою выслать к Москве. А там за ево рукою таковы же приходные и росходные книги оставить».

Есть второй вариант этой же челобитной. Там написано о месте службы Никиты Гурьева более определенно: «Торговые люди выбрали ево в твою государеву службу в целовальники к твоей государеве к соляной варе и к соляному приему, и продаже, и к оддаче, что на усть Куты реки, и к хлебным запасом к приему ж, и к оддаче на 159 [1650–1651] да по 160 год» [до 1 сентября 1651 г.] [28].

Сменился ли Никита Гурьев до приезда своего дяди, неизвестно. Кто сменил Никиту Гурьева, тоже неизвестно.

В 1653 году произошло событие, которое, видимо, оказало потом большое влияние на дальнейшую судьбу Н. Черниговского. Летом этого года бежали на Амур ленские плотники под предводительством Проньки Кислого и присоединившиеся к ним пашенные крестьяне и промышленные люди. А вслед за ними бежали на Амур же служилые люди Верхоленского острожка под предводительством Васьки Черкашенина и Давыдки Кайгорода. К ним также присоединились пашенные крестьяне и промышленные люди. Оба побега были удачными. Беглецы влились в амурское войско. Большинство их упомянуто в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца.

В отписке илимского воеводы Б. Д. Оладьина сообщалось:

«И те служилые люди, судовые плотники, которые выбраны были твои государевы суды делать на всякие твои государевы якуцкие посылки нынешнего 161 [1653] года, на весне, суды зделав, на усть Муки и Куты рек в якуцкой отпуск под твои государевы хлебные запасы, и, не приходя в Ылимской острог, илимские и верхоленские служилые люди, судовые плотники Пронка Кислой с товарыщи, восемнатцать человек, збежали.

А иные служилые люди, покиня твой государев Верхоленской Брацкой острожек, Давыдко Кайгород, Васка Семёнов [Черкашенин. — *Г. К.*] с товарыщи, четыре человека, потом же за Пронкою Кислым с товарыщи збежали. С ними, беглецами, служивыми людьми, пашенные крестьяне и пашенных крестьян дети и наемные срочные побежали.

А приезжие промышленые и гулящие люди, собрався, пошли с ними ж самовольством, не бив челом тебе, государю, об отпуске. И пловучи по Лене реке, у торговых и у промышленых людей суды, дощаники, з запасы и лотки отнели, и товары, и денги, и соболи, и ружье, и порох, и свинец. И по заимкам, и по деревням пашенных крестьян ограбили, и хлеб сильно поимали. А иных пашенных крестьян и гулящих людей, которые с ними не похотели на воровство бежать, и тех, свезав, с собою взяли сильно и побежали в Даурскую землю.

А по отпискам с Лены приказных людей с Пронкою Кислым — шездесят человек, с Васкою Черкашенином — сорок два человека. А по изветным речам пашенных крестьян, Марчка Никитина с товарыщи, по допросу и по их скаске в Якуцком уезде с теми беглецами собрались многие люди, все с ружьем, и на многих судах пошли в Даурскую землю, человек з двести собрався и больши.

И за теми, государь, прежними беглецами, за служилыми людьми, за Пронкой Кислым с товарыщи, и за наемщики, за промышлеными людми, за судовыми плотники, которые нанелись на заимках твои государевы суды делать в даурской отпуск, и взяв половину наемных денег, побежали.

И посылал я, холоп твой, из Ылимского острогу в погоню сотника стрелецкого Якова Онцыфорова с служилыми людми, велел их ворочать назад, служилых людей в Ылимской, Верхоленской остроги на твою государеву службу, а прихожих людей, наемщиков, к судовому делу. И те беглецы твоево государева указу не послушали, назад не воротилися.

А доехали погонщики, служилые люди, Микифор Чернигов-

ской с товарыщи, на Лене реке, и оне, беглецы, ему отказали и отбились, и поймать себя не дали, и с погонщики бились.

А иные служилые люди, погонщики, Тимошка Федотов да Гаврилко Васильев, Давыдко Кайгород побежали ис погони к ним же, беглецам, и назад ис погони не воротились.

И за последними, государь, беглецами, за вором, за ссыльным черкашенином за Васкою Семеновым с товарыщи, послал я в погоню служилого человека Савку Аверкиева с товарыщи. Велел ему за теми воры гонятьца, собрався на Лене со верными людми, тех воров имать, что они на Лене воруют, всяких людей грабят.

А до побегу, государь, тех служилых и прихожих гулящих людей я, холоп твой, посылал на Лену служилых людей за многое время, по весне, на заставу к Чечюйскому волоку Микифорка Черниговского, Гришку Зубова, Савку Белоуса с товарыщи, десять человек, чтоб в Даурскую землю из Илимского и Верхоленского острогов, и от судового дела служилые и наемные охочие промышленые люди, не поделав судов, не розбежались» [29].

В другой отписке воевода Б. Д. Оладьин сообщал:

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году збежали Верхоленского острогу служилые люди воровством, Пронка Кислой да Васка Черкашенин, Ивашко Вятка, Давыдко Кайгород с товарыщи, покиня твой государев острог, в Даурскую землю. И, побежав, грабили по великой реке Лене ленских пашенных крестьян, и торговых, и промышленных людей.

И я, холоп твой, за теми ворами посылал в погоню по великой реке Лене сотника стрелецково и служилых людей. И велел быти на Киренском Никольском погосте на заставе для тех побещиков служилым людем, десятнику казачью Микифорку Черниговскому с товарыщи. А велел ему, собрався с служилыми и с торговыми, и с промышленными людми, и с пашенными крестьяны, их переимать и привести в Ылимской острог.

И те воры, изменники, Васка Черкашенин с товарыщи, приехав на Киренской Никольской погост, приступали к твоему таможенному казенному анбару. И служилой человек Микифорко Черниговской с товарыщи тово вора Васку Черкашенина поимали. И на поимке те беглецы, ево, Васку, у Микифорка Черниговского отбили, и ушли в Даурскую землю, собрався с ворами, с прихожими промышленными и служилыми людми» [30].

В 1654 году Н. Черниговский был десятником, о чем свидетельствуют два документа за одно и то же число:

«162 [1654] году, июня в 10 день, по государеву [А. М.] указу и по памяти за государевою Илимского острога Съезжей избы печатью, а по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина Илимского острогу служилой человек Микифор Чернеговской да житничной целовальник Василей Григорьев Пятняной выдали на Лене реке в Усть-Киренской волосте якуцким служилым людем, хлебным приемщикам Семену Тимофееву Чюфаристу да Русину Никонову из государевых житниц государева хлеба ленские пахоты десятинново и выдельново из долгов по кабалам на пашенных крестьянех выборново, и вместо заморозных государевых хлебных запасов даурсково запасу, которые стали в заморозе на Тунгуски реки [у] усть Каты речки, в отпуск в Якуцкой острог на якуцких служилых людей и на ружников, и оброчников на государево годовое жалованье и аманатом на корм из моево, Васильева, житничново приема ржи пять тысяч двести пятьдесят четыре пуда да ячменю девятьсот тритцать пять пуд.

В том мы, Микифор и Василей, им, Семену и Русину, сию отпись дали.

А отпись писал Лучка Львов новгородец.

Лета 7162 [1654] году, июня в 10 день» [31].

На обороте: «К сей отписи вместо служилого человека десятника Микифора Романова да житнишново целовальника Василья Григорьева по их веленью илимской служилой человек Терешка Пашков руку приложил».

Лучка Львов новгородец был подьячим на Чечуйском волоке. Василий Григорьев Пятняный, ссыльный пашенный крестьянин, пахал в Кривой Луке. В 1655 году бежал на Амур с отрядом верхоленского служилого человека Мишки Сорокина и там погиб. Лучка Львов новгородец был подьячим на Чечуйском волоке.

Другой такого же вида документ назван памятью.

«162 [1654] году, июня в 10 день, по государеву [А. М.] указу и по памяти за государевою Илимского острогу Съезжей избы печатью, а по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина служилой человек Микифор Чернеговской да житничной целовальник Игнатей Денисов Сирота выдали на Лене реке в Усть-Киренской волосте из государевых житниц государева десятинново и выдельново из долгов выборново и вместо заморозных государевых запасов даурского, которые государевы запасы стали в заморозе на Тунгуски реки [у] усть Каты речки, государева хлеба якуцким служилым людем, хлебным приемщиком

Семену Тимофееву Чюфаристу да Русину Никонову, в отпуски их в Якуцкой острог на якуцких служилых людей и на ружников, и оброчников на государево годовое и аманатам на корм ленские пахоты усть-киренских деревень из ево, Игнатья Денисова, житнишново приему две тысечи четыреста два пуда.

В том мы, Микифор да Игнатей, им, Семену да Русину, сию и память дали.

А память писал на Чичюйском волоку у государевы житницы Лучка Львов новгородец.

Лета 7162 [1654] году, июня в 10 день» [32].

На обороте: «К сей памяти вместо служилого человека десятника Микифора Романова да житнишново целовальника Игнатья Сироты по их веленью илимской служилой человек Терешка Пашков руку приложил».

Игнатий Денисов Сирота — ссыльный курский черкашенин, пахал в деревне Грицкой, в шести километрах выше Чечуйска.

Служилый человек Терентий Афиногенов Пашков в 1669 году был киренским приказчиком.

Хотя оба документа записаны одной датой, прием хлеба, видимо, производился в разные числа, потому что расстояние между Кривой Лукой и Чечуйским волоком равно 165 километрам.

Интересно отметить, что нигде не встречается подписи Черниговского. Везде за него прикладывали руку другие.

Летом 1655 года случился еще один побег с реки Лены в Даурскую землю во главе со служилым человеком Верхоленского острожка Мишкой Сорокиным. Бежало уже не несколько десятков, а несколько сотен человек. Разные источники называют от 200 до 300 человек. Н. Черниговский жил в это время в Киренске. Вот что он рассказал:

«В нынешнем де во 163 [1655] году, на весне, как побежали воры, изменники, верхоленские служилые люди Мишка Сорокин, Федька Краснояр с товарищи, и про то де я от людей в просторечьи слыхал, а прямой вести, извету, не знал. И я де было о том и писал в Ылимской острог к воеводе Богдану Денисьевичю Оладьину для ведома с лавочным посидельцем Ондрея Косицына, с Левкою, да с Ывашком Губаревым. И те воры, верхоленские служилые люди, Мишка Сорокин с товарищи, их, Левку, Ивашка, с теми отписками стретили на дороге, и те отписки у них отнели, их перевезали, и привезли те отписки они, воры, назад на Усть-Киренгу.

И как они, воры, поплыли с Усть-Киренги и те отписки от-

дали им, Ивашку Губареву да Левке, и я те отписки послал с служилым человеком с Терешкою Пашковым да с Ыгнашком Бутаковым…

А меня, Микифорка, те воры искали и хотели убить досмерти, и в воду посадить. А женишко мое и детишка хотели с собою воровски взять в Даурскую землю. И я де от тех воров жил в побегах.

Да они ж де, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, взяли из Судной избы олова полтора [так в тексте. — *Г. К.*] блюда, тарелку оловянную, которое было оставлено для ясачново збору у меня, Микифорка, для подарков ясачным людем. Да оне ж де, воры, взяли ево, Микифоркова, воска на дватцать на шесть рублев на дватцать алтын грабежем. А они ж де, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, взяли государевых скоб судовых четыреста у кузнеца Ивашка Щини» [33].

Отсюда видно, что отписки о готовящемся побеге Н. Черниговский послал тогда, когда уже беглецы уплыли из Киренска. К сожалению, большая часть илимского архива за вторую половину XVII века утрачена. Сохранилась лишь часть документов, которые были посланы в Сибирский приказ и в Якутский острог. Кое-что сохранилось в копиях Г. Ф. Миллера. Ничтожная часть, которая сохранилась в самом Илимске, сейчас находится в фонде Илимской воеводской канцелярии.

Посадить в воду значит утопить. И еще одно важное обстоятельство — в 1655 году Н. Черниговский с женою и детьми проживал в Киренске, по месту службы.

Никольского погоста (Киренска) усть-киренский целовальник Харька Львов рассказал:

«Приплыв де на Усть-Киренги, приходили к государеве казне, к таможенному анбару. И около тово государева анбару стаяли с оружьем, и спрашивали у меня пищалей и пороху, и свинцу. И у меня де было в государеве таможенном анбаре промышленых людей три пищали, четвертая закладная Мартынка Пахорука в Никольских деньгах в четырех рублех. И я де, бояся воров, изменников, Мишки Сорокина с товарыщи, выдал им три пищали, а четвертую пищаль отдал им сам хозяин, чья была пищаль.

И меня де с собою те воры водили по лесу искать Микифорка Чернеговского.

И у того государева анбару казенного приставили они, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, свой караул за ево, Харькиною,

печатью. А в анбаре оне, воры, в государеве не были и государевы казны не грабили. А у торговых людей у всех анбаров замки посламали, и выносили товары и хлебные запасы, и оружье, и порох, и свинец, и луки, и стрелы.

И в церкви Николы Чюдотворца они, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, были и в алтарь ходили. Искали ружья и порох, и свинцу, и Никольские казны, и всяких товаров.

А у тор(гово)го человека Ивана Тюрина анбар с хлебом выносили. И Томила Щепёткина оне, Мишка Сорокин, искали, и сына ево, Томилова, Тихонка [с] собою взяли, и водили связанова. А волею ли он, Тиханко, с ними, ворами, побежал в Даурскую землю или неволею взяли ево с собою, того я не ведаю» [34].

Упомянутый здесь Мартынко Терентьев Пахарук — пашенный крестьянин, жил в деревне Змеиновой, в 25 километрах ниже Киренска.

Торговый человек Томило Микитин Щепёткин сказал: «А те де меня, Томилу, воры, Мишка Сорокин с товарыщи, на Киренге грабили. <...> Да те ж де воры, Мишка Сорокин с товарыщи, у него, Томила, сына ево, Тихона, сильно с собою взяли в Даурскую землю» [35].

Служилый человек Нехороший Павлов сказал:

«Как де они пришли на Киренгу, на Никольской погост, они де воры, изменники, Мишка Сорокин с товарыщи, грабили торговых людей, и били, и везали, и по анбарам по всем ходили, и в церкви Николы Чюдотворца ходили, искали пищалей и пороху, и свинцу.

И привезли на Никольской погост связанова сына боярсково Ивана Патрекеева, и батоги били, и иных людей били многих, и Томила Щепёткина везали, и с собою его взяли сильно.

И стояли де они, воры Мишка Сорокин, на Никольском погосте ден с пять. И государев дощеник они, воры, взяли на Киренге. <...>

А слышел де я от людей, что де их, воров, собралося ста с три человек» [36].

Упомянутого здесь сына боярского Ивана Патрекеева они увезли из Верхоленского острожка.

Отряд Мишки Сорокина почти весь погиб на Амуре при неизвестных обстоятельствах, несколько человек попали в плен к китайцам.

Н. Черниговский, прослуживший в Енисейском остроге 12 лет рядовым, в Илимском остроге стал быстро продвигаться по

службе. В окладной книге жалованья за 164 [1655–1656] год написано: «Десятник Микифорко Романов Черниговской <...> И за службы велено ему, Микифорку, быть в пятидесятниках казачьих» [37].

Об этой книге необходимо сделать одно существенное замечание. На листе 1 она озаглавлена: «Книга окладная Ленсково волоку Илимского острогу государеву [А. М.] денежному и хлебному, и соляному жалованью илимским ружником и оброчником, илимским же и верхоленским служилым людем, и судовым плотником. Зделана в нынешнем во 161 [1652–1653] году».

На самом же деле при перечислении служилых людей там отмечены поименно и бежавшие в 1655 году. Между прочим, Н. Н. Оглоблин не обратил на это внимания в своем «Обозрении» и датировал эту книгу 161 [1652–1653] годом.

В книге «Илимского острогу всякому строению», составленной в 164 [1655–1656] году, в разделе «Да за речкою дворов», то есть на другой стороне реки Илима, напротив Илимского острога, значится «Двор служилого человека, пятидесятника Микифора Черниговского. <...> А владеет по закладной» [38].

Видимо, в Илимске было в то время главное его место жительства, а не в Усть-Куте. А в Киренске в 1655 году он жил по месту службы. Тогда это было распространенным явлением. Например, служилые пашенные крестьяне, кроме своих дворов на ленских заимках, имели также дворы и в Илимске.

В 1656 году Москва приказала илимскому воеводе Б. Д. Оладьину прислать образцы ревеня, произрастающего на берегах Лены. Почему-то в то время Сибирский приказ требовал искать в Сибири ревень, растение, обладающее слабительными свойствами. Искали его и в Илимском уезде и нашли в окрестностях Верхоленского острожка. В отписке воевода Б. Д. Оладьин сообщал:

«И принесли ко мне, холопу вашему, в Ылимской острог, в Съезжею избу, копытчатово ревеню. <...> И я, холоп ваш, велел тот корень досмотреть служилым и торговым людем, ревень ли тот корень. И у досмотру и по скаске верхоленских казаков, Федотка Борана с товарыщи, таких земель, где ревень растет, верст на сто и больши.

И тот ревень, весом под десять гривенок, послал я, холоп ваш, в нынешнем во 164 [1656] году, августа в 13 день, из Ылим-

ского острогу к вам, государем, к Москве илимского острогу с атаманом казачьим с Микифором Качиным да с пятидесятником с Микифором Черниговским, да с рядовыми казаки с Ывашком Качиным, с Федькою Черниговским, да с целовальником — с торговым человеком, с кинешемцем с Ывашкою Тюриным» [39].

Как видно из этой отписки, сын Н. Черниговского Федька в это время уже был зачислен в служилые люди. Значит, родился он в Енисейске. Ивашко Тюрин — это тот самый, который был целовальником на усть-кутской соляной варнице в 1650 году.

К этой поездке Никифор Черниговский заготовил челобитную и подал ее воеводе. Воевода отнесся к челобитной благосклонно. Он писал:

«В прошлых, государь, годех в Ылимском уезде на усть реки Киренги илимской пятидесятник казачей Микешка Чернеговской приискал захребетных иноземцов, неясачных тунгусов, и у тех иноземцов аманат поймал. И на вас, государей, ясак соболей взят. И впредь те иноземцы вам, государем, учинились в ясаке.

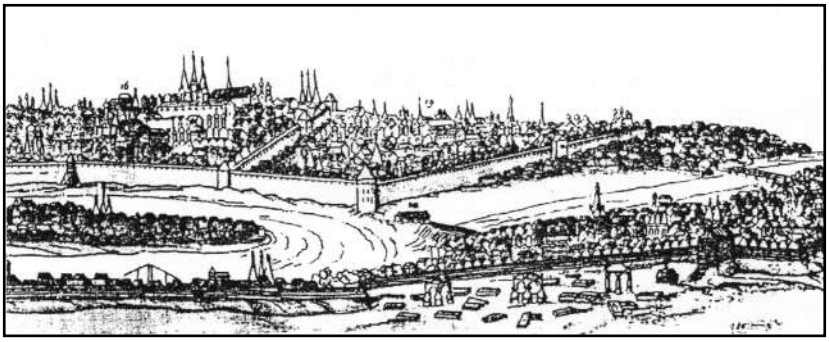
И в нынешнем, государь, во 164 [1656] году бил челом вам, государю [А. М., А. А.], а на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе мне, холопу вашему, он, Микешка, подал челобитную. И я, холоп ваш, тое ево челобитную велел подклеить под сие отписку, и послал к вам, государю [А. М., А. А.], и велел подать в Сибирском приказе боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да диаком Григорью Протопопову да Федору Иванову» [40].

О пребывании Н. Черниговского и его спутников в Москве сохранилось довольно много документов, в том числе челобитные о выдаче жалованья, по которым можно установить, что прибыли они в Москву 5 февраля 1657 года, а выехали из Москвы после 12 апреля.

«И в Сибирском приказе выписано:

В нынешнем во 165 [1657] году, февраля в 5 день, писал к государю [А. М.] из Сибири, из Ылимского острогу, воевода Богдан Оладьин и прислал с отписки и з государевою соболиною казною илимских служилых людей: атамана казачья Микифора Качина да пятидесятника казачья Мишку [так в тексте. — *Г. К.*] Черниговского, казаков Ивашка Качина, Федьку Микифорова. Да для отдачи за тою ж государевою соболиною казною прислал в целовальниках торгового человека Ивашка Тюрина.

И государю [А. М.] илимской казачей атаман Микифор Качин с товарыщи да целовальник Ивашко Тюрин бьют челом, чтоб



Общий вид Москвы в 1661–1662 гг. С рисунка XVII в.

государь их пожаловал за сибирской приезд своим государевым жалованьем: выходом и кормом, как ему, государю, Бог известит.

А наперед сего, которые илимские служилые люди присылываны из Ылимского острогу к государю к Москве с отписки и з государевою соболиною казною, и им государева жалованья за сибирской приезд давано: выходу по 5 рублей да с Казенного двора по сукну по доброму. Да им же с приезду давано поденного корму: атаманом по 8 денег, стрельцом и казаком по 6 денег, а целовальником, торговым людем, давано выходу по 2 рубли с полтиною да с Казенного двора по сукну ж по доброму» [41].

Упомянутая здесь челобитная сохранилась [42]. Она краткая и ничего нового не добавляет.

В расходной книге Сибирского приказа за 165 [1656–1657] год имеется запись о выдаче им жалованья за сибирский приезд:

«Того ж дни [12 февраля 1657 г. — *Г. К.*] по помете на выписке диака Григорья Протопопова ленского волоку Илимского острогу служилым людем, которые присланы к государю к Москве Илимского острогу з государевою соболиною казною и с отписки:

атаману казачью Микифору Качину
пятидесятнику Мишке [так в тексте. — *Г. К.*] Черниговскому
казаком:
Ивашку Качину
Федьке Микифорову сыну Черниговскому

государева жалованья за сибирской приезд: выходу дватцать один

рубль дано, атаману шесть рублев, казаком по пяти рублев человеку» [43].

Далее имеется запись о выдаче поденного корма:

«Того ж дни [12 февраля 1657 г. — *Г. К.*] по помете на выписке дьяка Григорья [Протопопова — пропущено. — *Г. К.*] илимским служилым людем, которые присланы к Москве з государевою соболиною казною и с отписки:

атаману Микифору Качину
казаком:
Мишке [так в тексте. — *Г. К.*] Черниговскому
Ивашку Качину
Федьке Черниговского

государева жалованья поденного корму с приезду их, февраля с 5 числа, февраля ж по 19 число, на две недели, рубль дватцать семь алтын две деньги дано, атаману по осми денег, казаком по алтыну человеку на день» [44].

Получается, что по поденному корму пятидесятник не приравнивался к атаману, а приравнивался к рядовым казакам.

После подачи отписок и сдачи соболиной казны прибывшие в Москву, как водилось, подали свои личные челобитные. Подали челобитную атаман Никифор Качин, целовальник Ивашко Тюрин. А челобитная Никифора Черниговского была подклеена к отписке воеводы. Ее приняли к рассмотрению 11 февраля 1657 года. В челобитной написано:

«Царю [А. М., А. А.] бьет челом холоп ваш, иноземец, поляк, а Ленского волоку Илимского острогу пятидесятник казачей Никифорко Романов Черниговской, в том:

Служил я, холоп ваш, в Енисейском остроге блаженныя памяти отцу твоему государеву [М. Ф.] лет с пятнатцать всякие ваши государевы службы: на Байкалово ходил по соболиной ясак, и у тех ясашных зборов прибыль чинил, и под Ленской волок с хлебными запасы ходил, и по многим рекам на службы ходил для ясашного збору.

Да я же, холоп ваш, с вашим государевым воеводою с Тимофеем Шушериным переведен из Енисейского острогу на Ленской волок в Ылимской острог. И я, холоп ваш, в Ылимском остроге служил вам великому государю [А. М., А. А.] лет с семь многие ваши государевы службы: у пашенных крестьян за вашим, государевым, хлебным умолотом и за посевом, и за выделом, и в Якутской острог многие ваши государевы хлебные запасы отпущал, и

вашего государева посыльщика даурского Дмитрея Зиновьева отпущал с приказным человеком с Васильем Скоблевским.

Да я же, холоп ваш, писал отписку с Киренги к вашему государеву воеводе к Богдану Денисьевичю Оладьину на Ленской волок в Ылимской острог о тунгусах о неясачных, кои тунгусы вам, государем, непокорны и непоклонны, и вам, государем, ясаку не платили. И ваш государев воевода Богдан Денисьевич Оладьин по той моей отписке у тынгусов аманатов поймал.

И в том я, холоп ваш, вам (государям прибыль учинил)...» [45].

Поймал аманатов не воевода, а Н. Черниговский. Об этом писал в Москву воевода Оладьин.

А что же, о своей службе на соляной варнице Н. Черниговский забыл? Видимо, не служил он там. Вместо этого написано: «И вашего государева посыльщика даурского Дмитрея Зиновьева отпущал с приказным человеком с Васильем Скоблевским».

А это было как раз в 1652 году. Дмитрий Зиновьев со 150 служилыми людьми ехал на Амур в войско Ерофея Хабарова. Чтобы не везти хлебные запасы и соль через Ленский волок, он оставил их в Илимске, а в обмен на них получил хлебные запасы и соль на Лене. Отпускал эти запасы первый приказчик ленских пашенных крестьян Василий Скоблевский совместно с Никифором Черниговским.

В конце челобитной Никифор Черниговский просил: «Велите, государи, меня, холопа своего, в вашу, государеву, службу поверстать против моей братьи, поляков, во что я, холоп ваш, годен».

Значит, недоволен был Н. Черниговский своим служебным положением. Ссыльные поляки, как правило, служили в чине детей боярских. Снова назвал он себя поляком.

Но вот что интересно, на обороте челобитной написано: «К сей челобитной Никифорка Романова по его велению спаской церковной дьячек Мишка Дмитриев Пивоваров руку приложил».

Этот Мишка Дмитриев Пивоваров в 1645 году был приказчиком Ерофея Хабарова.

Почему же не расписался сам Н. Черниговский? Поляки, служившие в детях боярских, всегда сами прикладывали руки, случалось, даже русскими словами, но польскими буквами. Неужели Н. Черниговский был неграмотным? Правда, бывали случаи, когда и за грамотных расписывались другие. Например, ино-

гда за Е. Хабарова прикладывали руки другие, а иногда он сам неуверенным почерком. Неуверенный или неразборчивый почерк часто считают признаком малограмотности. Но так ли это? Некоторые воеводы писали каракулями, да и сейчас у многих ученых мужей почерк далеко не образцовый.

Что же касается самой просьбы, то она была обычной. Приезжая в Сибирский приказ, служилые люди часто подавали подобного рода челобитные. В большинстве случаев их удовлетворяли. Однако же Н. Черниговский до конца службы на Лене оставался пятидесятником казачьим. Не затаил ли Н. Черниговский обиду?

Сразу же по приезде в Москву 5 февраля 1657 года атаман Никифор Качин подал в Сибирском приказе мирскую челобитную. В ней написано:

«бьет челом богомолец и холопи, и сироты ваши, Ленского волоку илимского острогу:

поп Максимище Никитин

да староста церковной Ларька Еремеев

да Илимского же острогу атаман Никифорко Козьмин Качин

да пятидесятник казачей Микифорко Романов Чернеговской

и все спаские прихожане: служилые и торговые люди, и пашенные крестьяне, и промышленые люди в том:

В прошлом, государь, во 161 [1653] году да в прошлом во 162 [1654] году взято, государи, из спаские церковные казны на ваш государев обиход, на даурские суды на дело, плотникам на корм и служилым людем на жалование сто дватцать один рубль взаймы. И в Ылимском, государь, остроге в вашей государеве казне денег нет, заплатить взятую казну нечем.

<…> Велите, государи, за те деньги, за сто дватцать за один рубль, с Москвы на Ленской волок в Ылимской острог к церкви и всемилостивому Спасу на колокол послать благовест» [46].

На обороте — рукоприкладства, в том числе: «К сей челобитной Илимского острогу атаман казачей Микифорко Качин за себя и вместо Никифора Чернеговского по его веленью руку приложил».

Опять Никифор Черниговский прикладывал руку не сам.

А воевода в отписке пояснял: «Чтоб вы, государи, велели бы на Москве из своей государевы казны дать за сто дватцать за один рубль по московской цене медью в колоколах и прислать в Ылимской острог к церкви всемилостивого Спаса» [47].

В Москве Никифор Качин и его спутники жили больше двух месяцев и подавали время от времени челобитные о выдаче им

поденного корма: «Живем мы, холопи твои, на Москве пятую неделю, а твоего государева жалованья корму дано нам, холопем твоим, за две недели. И мы, холопи твои, твой тот государев корм съели, а ныне помираем голодною смертью» [48].

И просили выдать корм еще за две недели. Деньги были выданы. В расходной книге Сибирского приказа записано:

«Того ж дни [10 марта 1657 г. — *Г. К.*] сибирским Илимского острогу служилым людем:

атаману Микифору Качину

казаком: пятидесятнику Микифору Черниговскому

рядовым: Ивашку Качину, Федьке Черниговскому

государева жалованья зажилого московского поденного корму, февраля с 19 числа марта по 5 число, на две недели, рубль двадцать семь алтын две деньги дано, атаману по осми денег, казаком по алтыну человеку на день» [49].

В другой челобитной поясняется, почему живут в Москве долго:

«Присланы мы, холопи твои, с твоею государевою соболиною казною. И живем мы здеся на Москве за соболиною дачею десятую неделю. А ныне прамаем мы твою государеву денежную казну, которая посылаетца на Ленской волок. А твоего царского жалованья дано нам корму за четыре недели» [50].

На обороте челобитной помечено: «165 [1657], апреля в 12 день. Дати им корм против их братьи».

Корм был выдан и записан в расходную книгу:

«Того ж дни [12 апреля 1657 г.] по помете на челобитной диака Григорья Протопопова ленским Илимского острогу служилым людем

атаману казачью Микифору Качину

казаком: пятидесятнику Микифору Черниговскому

Ивашку Качину

Федьке Черниговскому

государева жалованья зажилого московского поденного корму, марта с 5 числа да апреля по 9 число, на пять недель, денег мелких серебряных с признаки; обоево: денег [0,5 коп. — *Г. К.*] и четвертин [25 коп. — *Г. К.*] четыре рубли осмнатцать алтын две деньги дано; атаману по осми денег, казаком по алтыну человеку на день» [51].

Отъезд на Лену состоялся через месяц с лишним, когда установился летний путь. Об этом есть запись в расходной книге Сибирского приказа:

«Того ж дни [14 мая 1657 г. — *Г. К.*] по помете на челобитной диака Григорья Протопопова ленским Илимского острогу служилым людем:

атаману казачью Микифору Качину

казаком: пятидесятнику Микифору Черниговскому

Ивашку Качину

Федьке Черниговскому

государева жалованья поденного корму от Москвы в дорогу, мая с 5 числа, на пять недель, ефимок серебряново с признакою, за дватцать за один алтын за две деньги да шесть четвертин, чеканены печатных, за рубль за шеснатцать алтын за четыре деньги, по восми алтын по две деньги четвертина, да мелких серебряных денег два рубли тринатцать алтын четыре деньги дано; атаману по восми денег и казаком по алтыну человеку на день» [52].

Эти деньги были даны до Тобольска.

Когда вернулся Н. Черниговский на Лену, неизвестно. В следующем по времени документе сообщается о том, как он отводил в 1659 году покосы киренской церкви Пречистой Богородицы Казанской, расположенные по берегам реки Киренги. Однако подлинные документы не сохранились. О них упоминается в данной на сенные покосы, принадлежавшие ранее Василию Скоблевскому. В этой данной рассказывается о челобитной, которую подали 27 января 1705 года илимскому воеводе Федору Родионовичу Качанову строитель Киренского монастыря Иоасаф с братиею и со вкладчиками.

«А в челобитной их написано:

В прошлом во 167 [1659] году по указу блаженные памяти великого государя [А. М., А. А.] и по приказу стряпчево и воеводы Петра Бунакова, и по памяти велено илимскому пятидесятнику казачью Микифору Черниговскому с понятыми, старожильцами, с окольными пашенными крестьяны, по челобитью Василья Скоблевского против ево деревни, за Леною рекою, за каменем, на Киренге реке меж деревнями пашенных крестьян черкашенина Тимофея Григорьева Шибенина да Луки Фомина на пустых местех досмотреть сенных покосов, и про те пустые места розыскать.

А по досмотру и по розыску велено те сенные покосы, на сколько копен будет, и межи учиня, записать на дозорном обыскном списке, и те сенные покосы отвести к той Скоблевской

деревне, которую он, Василей Скоблевской, в том же во 167 [1659] году отдал в Киренской волости по обещанию к церкве Пречистые Богородицы Казанские для церковного строения и для царского богомолья безденежно» [53].

Как уже было сказано, Василий Скоблевский был первым приказчиком киренских пашенных крестьян. В 1652 году вместо хлебного жалованья ему была отведена пашня, которую раньше, при якутском воеводе Василии Никитиче Пушкине, пахали люди дьяка Петра Стеньшина. По фамилии Василия Скоблевского деревня в то время называлась Скоблевской, а сейчас — Скобельской. Находится на левом берегу Лены в 77 километрах выше Киренска. Покосы Скоблевского были через водораздел («камень») на берегах реки Киренги, которая протекает здесь параллельно реке Лене на расстоянии нескольких километров. Деревня ссыльного черкашенина Тимофея Григорьева Шибенина (Шибёнка) называлась после Рыковой, а конце 30-х годов XX века каким-то мудрецом была переименована в Усть-Киренгу, хотя от устья Киренги находится, по разным данным, на расстоянии 48,5, 65 и 70 километров. Деревня Луки Фомина в 15 километрах выше Киренска называлась потом Верхнее Шорохово.

Далее в челобитной монахов написано, что по состоянию на 1705 год документы об отводе сенных покосов в монастыре утрачены:

«И в прошлых де годех с теми сенными покосы с тою Скоблевскою деревнею прихожаня той церкви Казанские, старосты мирские и всяких чинов люди, поступались в Киренской монастырь в дом Пресвятые Живоначальные Троицы на новое строение. А на те де сенные отводные места по даче прежних илимских воевод были даны в монастырь даные отводные памяти и поступная мирская запись, по чему в том Троицком монастыре теми отводными сенными покосы и всякими местами владеть.

И в прошлых де годех Киренской Троицкой монастырь воры и разбойники розбили и казенной анбар розломали, и всякую монастырскую казну и писменные крепости пограбили и изодрали» [54].

Киренский Троицкий монастырь был основан в 1663 году. Туда вошла церковь Пречистой Богородицы Казанской со всеми ее владениями. А «воры и разбойники», которые изодрали отводные, были не кто иные, как соратники Никифора Черниговского, бежавшие с ним на Амур в 1665 году. Об этом подробно будет рассказано в следующей главе. Челобитчики просили:

«И чтоб всемилостивейший государь велел ту их челобитную в Илимском в Приказной избе принять, и с переписных книг и со столпов на те сенные покосы дать им в Троецкой монастырь даную, по чему им впредь теми отводными сенными покосы и всякими местами в тех же межах по отводу Микифора Черниговского владеть» [55].

К счастью, необходимые документы в то время в Илимской воеводской канцелярии еще не были утрачены. Сейчас их нет, но сохранилась копия.

«И против того их челобитья о той Скоблевской заимке и о сенных покосех в Ылимском в Приказной избе ис переписные книги и и[с] столпов выписано, а на выписке явилось:

В прошлом во 167 [1659] году, июля в 9 день, в дозорном зарушном списке у пятидесятника казачья у Микифора Черниговского написано: против челобитья де Василья Скоблевского пятидесятник Микифор Черниговской с понятыми, с тутошными окольными жильцы, с пашенными крестьяны с Петром Остафьевым, с Ываном Кононовым Кучюмом, с Лукою Фоминым, с Тимофеем Шибениным, против церковной деревни за каменем [Скоблевской. — *Г. К.*] на Киренге реке межу деревень пашенных крестьян Тимофея Шибенина, Луки Фомина по дозору и по скаске старожилов те сенные места лежат впусте, нихто не владеет. А межи тем покосом: вверх по Киренге до Тимофеевы заимки Шибенина, а вниз по Лукину заимку Фомина.

А по переписной книге прошлых 207 [1698–1699] и 208 [1699–1700] годов вверх по Киренге с нижного конца тех сенных покосов на Лукинской заимке Фомина ныне живет в пашне Дементей Васильев с товарыщи. А с верхново конца тех сенных покосов на Тимофеевской заимке Шибенина ныне живут пашенные крестьяне Микифор да Осип Рыковы.

И те сенные покосы, о которых ныне бьют челом строитель монах Иоасаф з братиею и со вкладчики, будут в межах с нижную сторону Киренги реки с пашенными крестьяны с Дементьем Васильевым с товарыщи, а с верхную сторону с Никифором да Осипом Рыковыми» [56].

Упомянутая здесь переписная книга 207 и 208 годов сохранилась в фонде Сибирского приказа (кн. 1227). Приведем некоторые сведения об упомянутых в ней крестьянах.

Пашенный крестьянин Петр Остафьев Аксамитов, который был понятым, пахал в то время в деревне Юксеевой. Это ссыль-

ный воронежский черкашенин. Иногда в документах его называли Петрушка Киренский. Его некоторые дети переселились вверх по Лене в Тутуру. А потомки с несколько измененной фамилией Аксаментовы и сейчас живут на Лене.

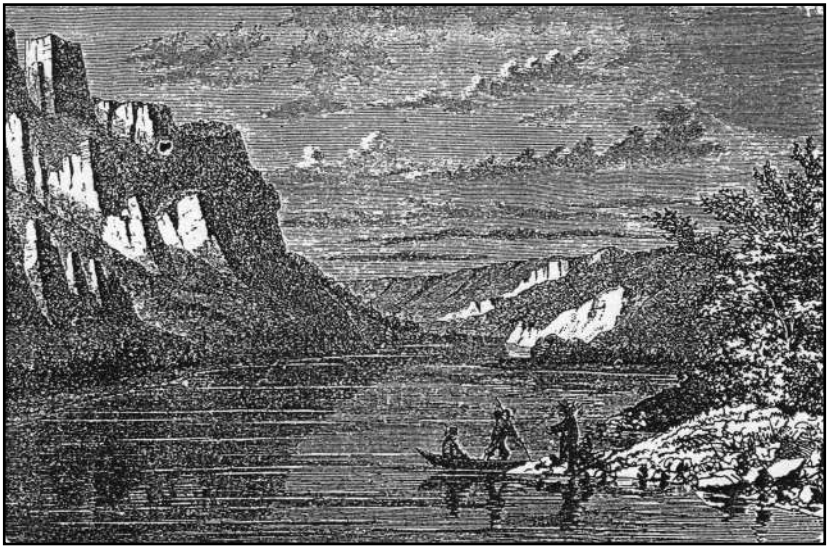
Иван Кононов Кучум (Кученко) пахал в исчезнувшей ныне деревне Кученовой на Киренге, чуть выше протоки Полой. Но обычно в обобщенных записях его приписывали к деревне Балахонской.

Дементий Васильев имел фамилию Монаков. У него было несколько братьев. Монаковы и сейчас живут на Лене. Рыковы также и сейчас живут на Лене.

В конце данной записано:

«А в прошлом во 189 [1680] году, октября во 2 день, в грамоте блаженные памяти великого государя [Ф. А.] написано: которая грамота в Ылимской прислана, — в Киренском Троицком монастыре, и с той грамоты в Ылимском в Приказную избу взят список за рукою вкладчика Савы Онисимова.

А подлинная великого государя грамота отдана ему в монастырь, что де в прошлом во 171 [1663] году по челобитью илимского спаского попа Амбросима Толстоухова, Илимского уезду волост-



Река Лена у Киренска

ных пашенных крестьян и всяких жителей, и приезжих торговых и промышленных людей, по даной воеводы Лаврентья Обухова отдана к Усть-Киренской Троицкой пустыни, и Кривые Луки заимка умершаго прежняго пашенных крестьян приказщика Василья Скоблевского с половниками и со всякими угодьи, которая деревня и пашенная земля в прошлом во 160 [1652] году дана была по указу великого государя и по грамоте Василью Скоблевскому за ево, Васильевы, службы, и по тому великого государя указу и по грамоте той Васильевской заимке Скоблевского с пашенною и с непашенною землею и скотинным выпуском, и с сенными покосы против илимских переписных книг 187 [1678–1679] году за илимским Троицким монастырем велено быть по-прежнему.

А по тем вышеписанным межам от вышеписанных пашенных крестьян по сей даной покопать ямы и насыпать уголья. А у ям поставить столбы впредь им, манастырцам, для подлинные межи, чтоб с пашенными крестьяны в межах было без[с]сорно.

И ся даная дана им в Ылимском ис Приказной избы в Киренской монастырь на те сенные покосы для владения» [57].

Переписная книга Киренского монастыря за 187 [1678–1679] год сохранилась, находится в фонде Сибирского приказа [58].

До побега Никифора Черниговского на Амур встречается всего лишь несколько записей о нем в окладных книгах жалованья. Одну из них, за 1656 год, мы уже приводили. Там сказано, что за его службы велено ему быть пятидесятником казачьим.

Далее имеются окладные книги подряд за 168 [1659–1660], 169 [1660–1661] и 170 [1661–1662] годы. Они объединены в фонде Сибирского приказа в одну единицу хранения: ф. 214, кн. 420; начинаются соответственно с листов 128, 285, 452.

В книге за 168 [1659–1660] год записаны:

«Пятидесятник Микифорко Романов сын Черниговской» [59]

и в разделе «Илимские служилые люди холостые»:

«Федька Микифоров сын Черниговский» [60].

В книге за 169 [1660–1661] год запись повторяется:

«Пятидесятник Микифор Романов сын Черниговской» [61].

И опять же в разделе «Илимские служилые люди холостые» записан его старший сын: «Федька Микифоров сын Черниговской» [62].

В книге за 170 [1661–1662] год снова записаны:

«Пятидесятник Микифорко Романов сын Черниговской» [63],

«Федька Микифоров сын Черниговской» [64].

В окладной книге 173 [1664–1665] года по-прежнему записаны Никифор Черниговский и Федька Черниговский [65].

В этой же книге есть особая статья: «Ссыльные литовские люди, челядники». Первым там записан «Пронька Черниговской» [66].

Челядь, челядники — это домочадцы, слуги, работники. Здесь это слово, видимо, употреблено в значении «домочадцы служилых людей», потому что Пронька, как выясняется из последующих документов, был внуком Никифора Черниговского. Его отцом был второй сын Никифора Черниговского Анисимко. Это подтверждается челобитной, которую подавал в 1692 году Пронька Черниговский: «Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, Пронька Онисимов сын Чернеговской» [67].

Почему-то внук Никифора Черниговского Пронька числится уже служилым человеком, а отец Проньки, Анисимко, не упомянут.

Больше в фонде Сибирского приказа окладных книг жалованья до 1665 года (года побега Н. Черниговского на Амур) нет.

Однако же А. А. Ионин сообщал, что среди документов Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества была копия окладной книги денежного жалованья Илимского воеводства за 171 [1662–1663] год. Но он не привел дословно выписки из нее, а дал недостоверное изложение. Он писал, что Никифор Черниговский «был в 1663 году пятидесятником же, имел двух сыновей Преньку, Федьку, также служивших в казаках, один в рядовых, другой пятидесятником, как и отец его» [68].

Как следует из книг фонда Сибирского приказа, пятидесятником был только Никифор Черниговский. Кроме того, Пронька был не сыном Никифора Черниговского, а внуком. Проньку А. А. Ионин назвал Пренькой, приняв при чтении скорописи XVII века букву ѡ за ѯ. Так что в этом вопросе книга А. А. Ионина никакой пользы не дает, а только вносит путаницу.

Об ошибках А. А. Ионина высказывался В. Н. Шерстобоев. Однако при этом он сам допустил ошибку.

«У А. А. Ионина в работе "Новые данные к истории Сибири XVII века" (Иркутск, 1895) на стр. 63–64 упоминается рукопись окладной книги по выдаче жалованья в 1663 г. на 45 листах, "занумерованных и скрепленных подписью илимского воеводы Федора Родионовича Казанова — предшественника воеводы Лаврентия Андреевича Обухова".

Здесь допущены три ошибки:

1) Качанов назван Казановым

2) время его воеводства отнесено на $^{1}/_{4}$ века назад

3) неправильно названо отчество Обухова.

Книга, которой пользовался А. А. Ионин, не была возвращена в библиотеку Восточно-Сибирского отд. Русск. Геогр. о-ва и должна считаться погибшей" [69].

Второе замечание неверно. Дело в том, что воевода Качанов скреплял своей подписью не подлинник книги, а ее копию. Копии изготавливались в соответствии с грамотой из Сибирского приказа от 31 августа 1700 года. Вот что писал об этом Р. В. Овчинников: «Грамота являлась своеобразной инструкцией по упорядочению архивов приказной избы. Прежде всего, она предписывала реставрацию поврежденных столбцов ("столпов") и книг: "буде где подраны — переклеить". Затем следовало удостоверить подписью ("скрепой") воеводы подлинность столбцов, дел и книг: "а кои не закреплены, <...> закрепить"» [70].

Далее Р. В. Овчинников приводит выдержку из отписки воеводы Ф. Р. Качанова: «И ис тех, государь, переписных тетратей списки таковы ж за своею рукою послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, <...> к Москве в Сибирской приказ в нынешнем в 1703 году, августа в 5 день. <...> А таковы ж переписные делам тетрати оставлены в Ылимску в Приказной избе» [71].

А теперь приведем документ, в котором сообщается о службах Никифора Черниговского за пять лет, с 1658 по 1663 год.

«172 [1663] году, октября в 17 день, писал на Ленской волок в Ылимской острог к воеводе к Лаврентью Овдеевичю Обухову из Якутцкого острогу стольник и воевода Иван большой Голенищев-Кутузов: ведомо ему учинилось в Якутцком остроге, что бутто на Ленском волоку илимские служилые люди, забыв великого государя крестное целование, воруют: с которые великого государя десятин родитца хлеба пудов по сту и больши, и они де, выдельщики, с тех десятин пишут в отпуск в Якутцкой острог и в книги пудов по пятнатцати, и по дватцати. А что де оставаетца за их опискою великого государя хлеба, и тем де хлебом они, выдельщики, корыстуютца сами и продают насторону.

И 172 [1663] же году, ноября в 5 день, на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по отписке из Якутцкого острогу стольника и воеводы Ивана большого Голенищева-Кутузова роспрашивал накрепко пашенных волостей приказщиков и выдельщиков, илимских служилых людей, и сыскивал в Ылимском же остроге и всего Илимского уез-

ду в пашенных волостех попы и крестьяны по святой Христове евангельской непорочной заповеди и великого государя по крест(ному) целованью десятинной пашни и десято(го сно)па про выдельщиков в прошлых во 165 [1656–1657] и во 166, и во 167, и во 168, и во 170 [1661–1662] и во 171, и в нынешнем во 172 [1663] годех, у которых пашенных крестьян в котором году великого государя на десятине и их, крестьянской, пахоты хлеба — ржи и овса, и ячмени, и пшеницы — по скольку четвертей и по весу в пуды родилось» [72].

Допрошен был и Н. Черниговский.

«Февраля в 16 день [1664 г. — *Г. К.*] в допросе в Съезжей избе перед воеводою перед Лаврентьем Авдеевичем Обуховым Илимского острогу пятидесятник казачей Микифор Романов Черниговской сказал по святой Христовой евангельской непорочной заповеди и великого государя по крестному целованью вправду:

В прошлом де во 167 [1658–1659] и во 168 [1659–1660] и во 170 [1661–1662] годех по указу великого государя был он, Микифор, на Лене реке в Ылимском уезде в Усть-Киренских волостех для досмотру и выделу и пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе.

И над пашенными де крестьяны в пахоте великого государя десятинново хлеба смотрел почасту беспрестанно. И на великого государя ржаные и яровые десятины выделял, и с присевок всяких чинов людей десятой сноп имал с выборными житничными пашенных крестьян целовальники по святой Христовой евангельской непорочной заповеди и великого государя по крестному целованью вправду безо всякие хитрости.

И по умолоту де тот хлеб з гумен житничные целовальники принимали в меру, в пудовые кади. И в умолотные приходные книги записывал вправду. А по чему де великого государя десятин в умолоте хлеба было и с лишние крестьянские пахоты, и с присевок всяких чинов людей, и з десятого снопа взято хлеба, и тому де следуют выдельные, умолотные приходные книги, которые де книги поданы в тех годех за ево, Микифоровою, и целовальничьи руками в Ылимском остроге в Съезжую избу.

А будучи он, Микифор, в тех годех в Усть-Киренских волостех на приказе великого государя, десятинным и выдельным хлебом он, Микифор, не корыстовался и не крал, и не продавал, и хитрости великого государя над хлебом никакой не чинил, и по свойству, и по дружбе, и для своих поминков никому великого государя хлебом не поступался.

И от тово де великого государя десятинного и выдельного хлеба от понаровки он, Микифор, посулов и поминков себе у пашенных крестьян и ни у каких людей не имал, и никакова своего посульного хлеба ни кому не продавывал.

А в прошлом де во 171 [1662–1663] году и в нынешнем во 172 [1663–1664] годех на Лене реке в Усть-Киренских волостех великого государя десятинного хлеба у пашенных крестьян не выделял, потому что в тех годех он, Микифор, на приказе не был» [73].

Н. Черниговский, видимо, был неграмотным. На обороте листа 157 написано: «К сим сыскным допросным речам вместо Микифора Чернеговского…» (не окончено).

Обратим внимание на то, что сказано в начале допросных речей:

«В прошлом де во 167 [1658–1659] и во 168 [1659–1660] и во 170 [1661–1662] годех по указу великого государя был он, Микифор, на Лене реке в Ылимском уезде в Усть-Киренских волостех для досмотру и выделу и пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе».

И сравним это с тем, что написано у В. А. Александрова и Н. Н. Покровского: «К 1660-м гг. Черниговский дослужился до должности управляющего казенным соляным промыслом в Усть-Кутском остроге» [74].

Здесь В. А. Александров и Н. Н. Покровский почему-то отодвинули на десять лет позже то, что было сказано у Г. Ф. Миллера. Но ни о какой службе в Усть-Кутском остроге на соляной варнице Никифор Черниговский не говорил, не сообщалось об этом и в приведенных выше документах. Все время служил он в усть-киренских волостях.

А в 1664 году Н. Черниговский снова был «на приказе» в Верхней Усть-Киренской волости. Воевода Л. А. Обухов писал в Москву:

«Да в нынешнем, государь, во 173 [1664] году писали ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог из Ылимского уезду из волостей, с Лены реки из Усть-Киренских и из Орленской волостей приказные люди:

Иван Зуб
Микифор Чернеговской
Гаврило Торлопов.

А в отписках их написано: в прошлом де во 172 [1664] к нынешнему ко 173 [к 1 сентября 1664 г. — *Г. К.*] году на твоих

великого государя десятинах и у пашенных крестьян на их пахотах хлеб родился плох, потому что де от застойные воды выпрело и земли выпахались, и от залевных дождей хлеба с метлицею вылегли и выгнили, и на семяна де не годитца.

И тому хлебу ко мне, холопу твоему, приказные люди опыт прислали. И твоих де великого государя десятин вперед рожью посиять будет нечем, и у пашенных крестьян семянново хлеба нет» [75].

Иван (Ян) Зуб, ссыльный польский военнопленный, был приказчиком в Нижне-Киренской волости. После, при обмене военнопленными, изъявил желание вернуться на родину и вернулся в Польшу. Никифор Черниговский был приказчиком в Верхне-Киренской волости, а Гаврило Торлопов — приказчиком в Орленской волости.

В сметной книге 172 [1663–1664] года о Никифоре Черниговском упоминается как об усть-киренском приказчике: «Из доимки великого государя за десятину яровую на усть-киренских пашенных крестьянех на Федотке Костентинове, на Ивашке Вологде по записке прикащика Микифора Чернеговского да житничного целовальника Томилка Власова помечено на прошлой на 169 [1660–1661] год взять тритцать пуд ржи» [76].

Федотка Константинов, видимо, записан ошибочно. В окладной книге 1665 года он не числится. А Ивашко Вологда пахал в деревне, называвшейся по его прозвищу Вологдиной, потом эту деревню стали называть Волгиной.

В этой же книге есть еще две записи о Н. Черниговском: «Из доимки великого государя за полудесятину яровую на пашенном крестьянине на Ивашке Вологде по записке прикащика Микифора Черниговского да целовальника Томилка Власова на 169 [1660–1661] год взять пятнатцать пуд ржи» [77].

Кроме сбора недоимок Н. Черниговский занимался также выделом: «И по выделу прикащиков Ивана Ступина, Микифора Чернеговского да житничных целовальников Микитки Макарова, Онцыфора Онаньина, Ивашка Кононова родилось по умолоту…» и т. д. [78].

Значит, в 169 [1660–1661] году он был киренским приказчиком. Почему-то сам Н. Черниговский не сказал об этом.

В 1664 году его имя встречается среди других челобитчиков, ходатайствующих о даче благословенной патриаршей грамоты и церковной утвари Киренскому Троицкому монастырю [79].

Примечания

1. Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1757. — Июль. — С. 196.
2. Ф. 214, ст. 364, л. 68–69.
3. Там же, л. 71.
4. Ф. 214, ст. 360, л. 492.
5. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 737, л. 20.
6. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 241, л. 62–63.
7. Там же, л. 64.
8. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 897, л. 13.
9. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 241, л. 71–72.
10. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1009, л. 1.
11. Там же, ед. хр. 985, л. 7.
12. Щукин Н. История реки Амура // С-Петербургские ведомости. — 1856. — № 26.
13. Максимов С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. III. — С. 3.
14. Шуман П. В. Первые русские поселенцы на сибирском востоке // Русский архив. — СПб., 1879. — № 5. — С. 27.
15. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока // Записки Императорского Русского географического общества. — СПб., 1885. — Т. XIV. — С. 59.
16. Бартенев Ю. П. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. — СПб., 1899. — № 2. — С. 310.
17. Чернозубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения // Военный сборник. — СПб., 1907. — № 1. — С. 5.
18. Васильев А. П. Забайкальские казаки. — Чита, 1917. — Т. 1. — С. 125.
19. Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII веке // Исторические записки. — М., 1957. — Т. 59. — С. 275.
20. Новиков-Даурский Г. С. Историко-археологические очерки. — Благовещенск, 1961. — С. 98.
21. Резун Д. Я., Василевский В. С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989. — С. 282.
22. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 158, л. 80.
23. Ф. 214, ст. 360, л. 371.
24. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 302, л. 14об.–15.
25. Ф. 214, ст. 360, л. 269–290.
26. Ф. 214, ст. 490, л. 390.
27. Ф. 214, ст. 381, л. 176.
28. Там же, л. 175.
29. Ф. 214, ст. 586, л. 425, 423, 422, 421.

30. Ф. 214, ст. 344, л. 612–613.
31. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 326, л. 2.
32. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 328, л. 3.
33. Ф. 214, ст. 471, л. 305.
34. Там же, л. 310–311.
35. Там же, л. 307.
36. Там же, л. 313–314.
37. Ф. 214, кн. 306, л. 15.
38. Там же, л. 97об.
39. Ф. 214, ст. 490, л. 226.
40. Ф. 214, ст. 470, л. 99.
41. Ф. 214, ст. 506, л. 92, 109; нумерация не по порядку.
42. Там же, л. 93.
43. Ф. 214, кн. 365, л. 210об.
44. Там же, л. 236–236об.
45. Ф. 214, ст. 470, л. 100–101.
46. Ф. 214, ст. 490, л. 393–394.
47. Там же, л. 396.
48. Ф. 214, ст. 506, л. 164.
49. Ф. 214, кн. 365, л. 250.
50. Ф. 214, ст. 506, л. 177.
51. Ф. 214, кн. 365, л. 256об.–257.
52. Там же, л. 268об.–269.
53. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 46об.–47.
54. Там же, л. 47.
55. Там же.
56. Там же, л. 46, 47об., 48.
57. Там же, л. 46об.–47об.
58. Ф. 214, кн. 686, л. 124 и далее.
59. Ф. 214, кн. 420, л. 141.
60. Там же, л. 143.
61. Ф. 214, кн. 420, л. 297об.
62. Там же, л. 199.
63. Ф. 214, кн. 420, л. 452.
64. Там же, л. 466.
65. Ф. 214, кн. 480, л. 122, 123.
66. Там же, л. 125об.
67. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 264, л. 1.
68. Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. — Иркутск, 1895. — С. 64.
69. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 130.
70. Овчинников Р. В. Из истории сибирских архивов в начале XVIII века // Советские архивы. — М., 1972. — № 2. — С. 57.

71. Ф. 214, кн. 1372, л. 867–868.
72. Ф. 214, ст. 586, л. 166, 163; нумерация не по порядку.
73. Там же, л. 158, 157, 155; нумерация не по порядку.
74. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII веке. — Новосибирск, 1991. — С. 181.
75. Ф. 214, ст. 586, л. 239.
76. Ф. 214, кн. 480, л. 39.
77. Там же, л. 79.
78. Там же, л. 34.
79. Ф. 214, ст. 450, л. 112.

УБИЙСТВО ВОЕВОДЫ И ПОБЕГ НА АМУР

Самое громкое событие, связанное с именем Н. Черниговского, — убийство илимского воеводы Л. А. Обухова, — произошло в 1665 году. Воевода обычно весной приезжал из Илимска в Киренск, называвшийся тогда Никольским погостом. В это время там бывала ярмарка, съезжались торговые и промышленные люди и пашенные крестьяне. Воевода проверял дела приказчиков и целовальников, принимал челобитные, выносил по ним решения, разбирал судебные дела, покупал для себя «мягкую рухлядь». Ездил он обычно со своей семьей, родственниками, дворовыми и служилыми людьми.

Вокруг этого события написано много всяких небылиц. Поэтому приведем нигде не публиковавшиеся показания участника этого события сына Никифора Черниговского Федьки. При каких обстоятельствах были даны эти показания, расскажем после.

«В прошлом де во 173 [1665] году хотел отец ево, Федькин, Микифорко Черниговской да пашенной крестьянин Мишка Сапожник и он, Федька, з братом Нижною Тунгускою через Турухан к Русе, и хотели бити челом великому государю о всяких изгонях и обидах на воеводу на Лаврентья Обухова» [1].

На какие именно «изгони и обиды» собирался жаловаться Никифор Черниговский, Федька не сказал. Эти обиды уже после убийства воеводы были изложены в челобитной, которая была подана приказчику Чечуйского волока для отправки в Якутск. К сожалению, от этой челобитной сохранился лишь небольшой отрывок, который будет приведен ниже.

Упомянутый здесь пашенный крестьянин Мишка Иванов Сапожник, он же Черничёнок, был ссыльным московским стрельцом. На Лену прибыл в 1648–1649 году. В «росписи розходу государевым хлебным запасом» имеется запись о выдаче ему помесячного корма: «Дано Мишке Иванову Сапожнику тритцать шесть пуд ржи» [2].

Сначала он пахал в деревне Чугуевской, в пяти километрах выше Чечуйска. Там его в 1652 году бил по щекам приказчик киренских крестьян Василий Скоблевский. Затем пахал в деревне Кривошапкиной, в семи километрах выше города Киренска. О этом есть запись в окладной крестьянской книге: «Генваря в 24 день [1654 г. — *Г. К.*] построен в государеву десятинную пашню на Лене реке, на правой стороне, на Киренском лугу, з Гришкою Кри-

вошапкиным на одном лугу, из ссыльных Мишка Иванов Сапожник пахать на государя десятину ржи да полдесятины яри» [3].

После побега на Лене остались его жена и двое детей. В крестьянской окладной книге за 1672 год в деревне Кривошапкиной записаны: «Фетка Михайлов сын Сапожников з братом Васкою» [4].

Забегая вперед, скажем, что в Албазине он был десятником.

Далее Федька продолжал:

«А думал де отец ево, Федькин, и они с пашенным крестьянином с Мишкою Сапожником на тот побег з зимы, с марта месяца. А иново де никакова с ними на тот побег в думе и в заговоре не было. А бежать де было отцу ево, Федькину, Никифору Черниговскому, на весне.

И как де пришли на Киренгу при воеводе Лаврентье Обухове якуцкой служилой человек Федотко Лукьянов да киренской пашенной крестьянин Микулка Еремеев и учали отца ево, Федькина, Микифора, звать с собою в Даурскую землю, и воеводу Лаврентья Обухова да гостинова прикащика Афанасия записи Ивашка Тварогова с Киренги на походе грабить» [5].

«При воеводе Лаврентье Обухове» значит во время его приезда на киренскую ярмарку.

«А про иных ни про ково про грабеж и про воеводское убийство отцу ево, Микифору, Федотко и Микулка Еремеев не сказывали. И отец де ево, Микифорко, и слово им, Федотку и Еремке, дал. А братья де ево, Федькины, Аничка и Васька, тое думы отца их ведали ль, тово он, Федька, не ведает» [6].

Трудно сказать, почему изменил свои намерения Никифор Черниговский. Видимо, не очень надеялся найти в Москве правду. Да и путь на Амур был гораздо проще, чем дорога в Москву. Добираться в Москву через оживленный Ленский волок тайно от воеводы было безнадежно, могли задержать на таможне. Кто хотел попасть в Москву без разрешения властей, пользовались запрещенным обходным путем через Чечуйский волок на Нижнюю Тунгуску, а затем вверх по Енисею.

Упомянутый Федькой пашенный крестьянин Микулка Еремеев более точно назывался Ивашко Еремеев Микулка. Это был ссыльный черкашенин (запорожский казак), вышедший в 1638 году из Украины, находившейся тогда под властью Польши, в русский город Путивль. Он был поселен с такими же, как он, выходцами под Воронежем, но за попытку побега в 1641 году обратно в Украину был сослан сначала в Свияжск в стрелецкую

службу, а затем через полгода с женой Палашкой — на Лену в пашенные крестьяне. Деревня, где он пахал, находится в 56 километрах ниже Киренска, или в десяти километрах выше Чечуйска, и по его прозвищу называется Никулина. Жена и дети Ивашки Еремеева Микулки после его побега остались на Лене. В выдельной книге 1673 года упоминаются имена сыновей: «Микитка Иванов сын Микулин с братьями: с Ивашком, с Оскою» [7].

Но так как они еще были в малых летах, то хозяйством управляла их мать. В подводных росписях (о выполнении ямской повинности), которые подавали крестьяне, они не упоминали детей, а писали их мать: «Ехал Андрей, подьячей. Взял подводу до Микулихи» [8].

Подобных росписей несколько.

И сейчас на Лене есть фамилия Никулины. А сам Ивашко Еремеев из Албазина бежал в Китай. Об этом еще будет рассказано.

О Федотке Лукьянове трудно что-либо сказать.

Далее Федька Черниговский называет еще 15 имен людей, которые собирались бежать с Никифором Черниговским.

«Да про тот же де побег ведали и с ними совещалися:

промышленой человек Ивашко Козьмин сын Перелешин

Федька Евсевьев

и мукской судовой плотник Ярко Тварогов

промышленые:

Ортюшка Семёнов

Коземка Родионов

Терешка Иванов

Архипко, а чей сын, тово он, Федька, не упомнит

Матюшка Максимов

Терешка Ианфилов [может быть, Панфилов. — *Г. К.*]

Нестерко Гаврилов

Гришка Киренской

да Ивашко Алабуга.

А иных де он, Федька, имян подлинно сказать не упомнит.

Да в той же думе был пашенной крестьянин Оска Васильев сын Подкаменной, да промышленной человек Бориско Микифоров» [9].

Не о всех из них можно сказать что-либо определенное.

Среди них Ивашко Козьмин Перелешин — чечуйский мельник (о нем есть много документов) и Ярко Тварогов — плотник с мукского плотбища (речка Мука впадает в Купу, Купа — в

Куту). Это они ездили в 1674–1675 году в Москву из Албазина с соболиною казною и выхлопотали царское прощение всем участникам побега.

Далее назван промышленный человек Федька Евсевьев, он после смерти Н. Черниговского в 1675 году стал приказчиком Албазинского острога.

Упомянут еще один пашенный крестьянин Оська Васильев Подкаменный. Это тоже был ссыльный воронежский черкашенин. Вышел в Московское государство через русский город Путивль в 1638 году. В 1641 году он вместе с другими воронежскими черкасами пытался бежать обратно в Украину, но был пойман и отправлен в Москву. По дороге в Москву пытался бежать из города Черни, но снова был пойман и сослан в Свияжск в стрелецкую службу. А через полгода сослан на Лену в пашенные крестьяне.

Свое прозвище он получил от названия деревни Подкаменной, в которой он был первоначально поселен. Эта деревня была в 44 километрах ниже Киренска. Затем он переселился в деревню Полоротовскую (сейчас Повороты), в 12 километрах выше Киренска. Был женат, имел трех дочерей.

Гришка Киренский — это старший сын пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Петрушки Астафьева Аксамитова, родоначальника ленских Аксаментовых, пахавшего на Киренге сначала в деревне Сидоровской, а потом в Юксеевой. Его часто называли Петрушка Киренский. Сын тоже получил это прозвище. В росписи крестьян, составленной 15 сентября 1648 года, записаны: «Петрушка Аксамитов [с] женою Татьяницею, да у него сын Гришка» [10].

В 1677 году Гришка Петров упоминается как рядовой Албазинского острога [11].

Ивашко Алабуга в окладной крестьянской книге 1665 года упоминается не как промышленный человек, а как пашенный крестьянин Ивашко Терентьев сын Алабуга [12]. Пахал в деревне Кривошапкиной, в семи километрах выше Никольского погоста (Киренска).

Продолжим рассказ Федьки Черниговского.

«И как де воевода Лаврентий Обухов с Киренги пошол в Ылимской острог, и он де, Федька, пошол с ним же на дощанике. И отец ево, Микифорко Черниговской приказывал Федотку Лукьянову и Мишке Сапожнику и Оське Подкаменному воеводу Лаврентья Обухова грабить, а самово жива велел привести на Киренгу.

Остров Обухов на реке Лене

И как де они будут против Полоротовской заимки, и он де, Федька, з дощаника слез и пришол в лотке на заимку к тестю своему, к пашенному крестьянину к Оске Васильеву. И те де воровского их збору якуцкой служилой человек Федотко Лукьянов все вскопе стоят на дворе у Оски Подкаменново» [13].

Здесь открывается интересное обстоятельство: Федька Черниговский был женат на дочери Оськи Васильева Подкаменного. О составе семьи Оськи Васильева в 1641 году записано: «Осипко Васильев. Жена Зинаидка. Детей — Настасьица, 6 лет» [14].

В 1646–1647 году семья уже состояла из пяти человек: «Осипко Васильев з женою Зиновкою, у них дочь Настасьица. Да сверх прежней ж росписи у них две дочери: Евгеньица да Устиньица» [15].

По возрасту в жены Федьке Черниговскому подходит Евгеньица. В окладной книге 169 [1660–1661] года Федька Черниговский записан холостым.

У Осипка Васильева был также сын. Он родился после 1648 года. В 1648 году были переписаны семьи ссыльных черкасов [16]. О сыне Осипка Васильева там упоминаний нет. А в ужинной книге, ныне утраченной, за 1670 год был записан «збеглово пашенного крестьянина Оськи Подкаменного сын ево Ивашко Осипов» [17].

Забегая вперед, добавим, что Оська Васильев Подкаменный

тоже сбежал из Албазина в Китай вместе с Ивашкой Еремеевым Микулкой.

Далее Федька Черниговский сказал: «И как де воевода Лаврентий Обухов тое заимку прошел, и они де, Федотко с товарищи, переехали на остров в дву лотках с оружьем и дожидались воевоцкого дощаника на острову» [18].

Впоследствии этот остров будут называть Обуховым.

«И как де по берегу бечевшики мимо их прошли, и они де на тот воевоцкой дощаник напустились в дву лотках окриком, и бечеву достали крюком, и к берегу дощаник притянули. И почали по дощанику и по людем стрелять, и на дощаник взошли, и велели с тово дощаника сторонним людем сотти.

И как де воевода Лаврентий Обухов изо льяла [проем в борту судна для вычерпывания воды. — *Г. К.*] в воду бросился, и то де он, Федька, видел с дощаника сверху. А хто де ево у берегу или на воде заколол, про то он, Федька, не ведает. Только де сказывал ему, Федьке, после тово на Киренге якуцкой казак Федотко Лукьянов, что он воеводу Лаврентия Обухова у берегу на воде с промышленым человеком с Матюшкою Максимовым закололи пальмами. И он де, Федотко, держал за волосы, а Матюшка ево пальмою колол» [19].

Прервем пока рассказ Федьки Черниговского и предоставим слово участникам потерпевшей стороны.

Вот как описывали это событие подьячие съезжей избы Илимского острога Павел Иванов сын Пежемский и Андрей Иванов сын Попов, сопровождавшие воеводу в поездке на киренскую ярмарку. Они послали отписку якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову, так как в Илимском воеводстве жаловаться уже было некому.

«В нынешнем во 173 [1665] году, на весне, по указу великого государя [А. М.] Илимского острогу воевода Лаврентей Овдеевич Обухов ездил из Ылимского острогу в Ылимской же уезд на усть реки Киренги на Никольской погост для сыску про выдел великого государя десятинного хлеба про прикащиков и про житничных хлебных целовальников, и про пашенных крестьян, и для иных великого государя росправных дел. И мы и служилые люди с ним, воеводою, в походе в Киренском были.

И июня в 27 день пошел с усть Киренги с Никольского погосту в Илимской острог воевода Лаврентей Овдеевич Обухов. И июня против 28 числа, в ночи, на судовом ходу, наехали ночью в

стругах, и набежав з берегу, на дощаник к воеводе к Лаврентию Овдеевичю Обухову воры и изменники с вогненым оружьем Илимского острогу служилые люди Федька Чернеговской з братьями с Онискою да с Ваською Черниговскими, да усть-кутцкой судовой плотник Ярко Тварагов, Якутцкого острогу служилый человек Федотко Лукоянов, да Верхоленского острогу отставленой конной казак Федька Давыдов, да Усть-Киренские волости пашенные крестьяне Мишка Сапожник, Оска Подкамянной, Микулка черкашенин и с ними многие воровские люди, и на дощаник приступом взошли, и воеводу Лаврентия Овдеевича Обухова убили на плаву, в воде прикололи копьи досмерти.

А иных служилых и промышленых людей убили же досмерти, и многие ранили, и великого государя знамя отбили, и дощаник со всеми верховыми и запасными снастми взяли, и воевоцкие животы, что было в дощанике, и наши животишка, и служилых людей пограбили все без остатку, и нас на погроме били и вязали, насмерть избили, и меня, Ондрюшку, ранили.

А после бою и розгрому воры и изменники на том же великого государя дощанике, подняв великого государя илимское знамя, которое знамя воры отбили, и побежали наниз по Лене реке к Никольскому погосту.

И на бою и на грабежу меж собою они, воры, говорили, называли пашенного крестьянина Мишку Сапожника атаманом. А говорили они, что де им идти в Даурскую землю. А большим де у них в даурском походе быть атаманом с Киренги Илимского острогу пятидесятнику казачью Микифорку Черниговскому.

Да к ним же, ворам, пристали з дощаника в даурский побег илимские служилые люди Гришка Кулаковской, поляк Ивашко Сташкеев да воевоцкой повар Стенька Коурко.

Да они же, воры, колодников, убойца Савка Иванова да беглого Илимского острогу Съезжие избы прежного целовальника Петрушку Осколкова, розломав железа, великого государя с товарными книгами Съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему и к себе их в воровской даурской побег взяли.

А тех воров на том погроме было в зборе и в заговоре людей много, потому что де говорили они, воры, идти им в Даурскую землю рекою Олёкмою через Тугирской волок.

А с сею отпискою послан с погрому в Якутцкой острог Якутцкого же острогу служилой человек поляк Иван Жданович. А как воеводу убили, он, Иван, с воеводою был же и смерть ево видял» [20].

На обороте первого листа отписки отметки о получении: «173 [1665] году, июля в 2 день, на Чичюйском волоку приказному человеку Ивану Бурлаку Якутцкого острогу служилой человек Иван Жданов подал сию отписку».

Иван Жданов (Жданович) в Якутск не ездил. Отписку переслали с попутным торговым человеком.

«173 [1665] году, июля в 21 день, подал отписку торговой человек Олешка Коротанов».

Последняя отметка — о получении отписки в Якутске.

Об «убойце» Савке Иванове ничего неизвестно. За какие прегрешения был скован Петрушка Осколков и почему он назван беглым, тоже ничего неизвестно. Хотя о нем удалось разыскать довольно значительное количество документов, многие события его жизни остаются темными. Пока скажем, что еще при жизни Никифора Черниговского он был в 1673 году приказчиком Албазинского острога. Найденные о нем документы приведены в главе «В Албазине».

Дополнительные подробности убийства Л. А. Обухова сообщил в письме якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову его человек Мишка Неелов:

«Да ведомо тебе, государю своему, чиню — изволишь спросить про Лаврентья Авдеевича — и Лаврентия Авдеевича убили пашенные, Черниговскова дети. Как он, государь, поехал с Киренги, и оне ево в ту поры изождали в Кривой Луке. Да как он кинулся из дощеника в воду, и он по реке поплыл. И те Черниговскова дети сели в лотку, нагребли на нево, скололи ево пальмами, дали ему четыре раны.

Да с ним же, государь Иван Федорович, убили промышленных 20 человек да племяника ево ранили ж. Да и подьячих и сына ево отпустили на Илиму с теми ж подьячими.

А я, государь Иван Федорович, жил в ту пору на Чичюйском, а жил я неделю» [21].

Таким образом, Мишка Неелов не был сам очевидцем, а писал по слухам. Дети Черниговского были не пашенными, а служилыми. Да и место убийства указано приблизительно.

И. Яхонтов, переводчик из экспедиции Академии наук, в составленном им в 1735 году описании реки Лены местом убийства воеводы указывает протоку возле острова, находящегося выше города Киренска в 26 километрах (ниже д. Чертовской и выше д. Кудрино): «Обухов остров близ правого берегу, в длину $^{3}/_{4}$

версты. Сей остров назван Обуховым потому, что преж сего бывшей илимской воевода за оным островом в протоке убит от разбойников, которые после того ушли на реку Амур и построили город Албазин» [22].

Деревня Кривая Лука находится примерно в 30 километрах выше этого острова. Остров Обухов довольно низкий, неприметный, порос кустарником.

Вернемся опять к сказке Федьки Черниговского:

«И как де они воеводу Лаврентья Обухова на дороге розграбили и убили, и после тово грабежу и убойства поплыли на Киренгу на Никольской погост.

Да на том же де грабежу убили досмерти промышленых людей Семейку Колпакова, а другому имени он, Федька, не ведает. А сказывал де ему, Федьке, на Киренге промышленой человек Ивашко Перелешин, что застрелил ис пищали Семейку Колпакова ненарочным делом он, Ивашко. А другово де промышленново человека заколол пальмою Микулка Еремеев. А про иных де ни про ково про убийство он, Федька, не ведает, и сам никово не убивал.

И отплыв де на усть курьи, з дощаника воевоцкова племянника Богдана Обухова и пасынка Ивана Морева спустили, и подьячих Павла и Ондрея, и пятинново целовальника Митьку Семёнова, городничево Саву Брагу с товарыщи з дощеника сослали ж. И великого государя печать и казну из дощаника вон выставили» [23].

Подьячие Павел и Андрей — подьячие Илимской приказной избы Павел Иванов Пежемский и Андрей Иванов Попов.

Курья, которую упомянул Федька, находится на правой стороне Лены в 10 километрах ниже Обухова острова и немного выше Карманихи (пересыхающей летом протоки из Киренги в Лену) в трех километрах ниже исчезнувшей ныне деревни Кулебакиной.

Федька Черниговский продолжал: «А з достальным грабежным животом поплыли на Киренгу, на Никольской погост. И приплыв на Киренгу, учали торговых и всяких чинов людей грабить, и те грабежные животы к себе на дощаник имать, и носить. И пограбя де на Киренге, на Никольском погосте, торговых и промышленных людей, и ночевав на Киренге, и поплыли на низ по Лене реке. А ночевали де тое ночи на дощанике, а не у себя в дому» [24].

Обратим внимание на последние слова: «а не у себя в дому». Значит, Черниговские были в Киренске не временными жителями, а имели свой дом.

После убийства воеводы Обухова Илимским воеводством

управляли подьячие Никита Иванов Лазарев и Иван Артемьев Распутин. Им была подана челобитная свидетелей убийства, повторяющая частично прежнюю челобитную, посланную в Якутск, но с добавлением некоторых подробностей:

«Царю [А. М.] бьют челом и извещают холопи твои, Илимского острогу:

Съезжие избы подьячие:

Пашко [Иванов] Пежемской
Ондрюшка Иванов [Попов]
Микишка Сенотрусов
Бориско Зубов
Васька Березовской

городничей Сава Брага
пятинного збору целовальник Митька Семёнов
служилые люди, казаки:

Микитка Микерин
Якунька Стариков
Данилко Литвинцов
Тимошка Ершов
Ивашко Сапожник
Ивашко Попов
Ганька Туголуков

заплечной мастер Кондрашка Казачек
казачей брат Гришка Попов
на воров и на разбойников Илимского острогу:
Усть-Киренские на жильцов на служилых людей:
на Федьку Микифорова сына Черниговского
и на братей ево родных на Ониську да на Ваську
да на присыльных черкас на пашенных:
на Оску Васильева сына Подкаменного
на Микулку Еремеева
на Мишку Иванова сына Сапожника москвитина
да на усть-куцкого судового плотника на Ярка Тварагова
на илимского казака на поляка на Гришку Кулаковского
илимского воеводы Лаврентья Овдеевича Обухова на повара на Стеньку Ковурка
да на верхоленского конного казака на Федьку Давыдова
да Якуцкого острогу на служилого человека на Федотка Лукьянова
да на усть-киренского крестьянского сына на Гришку Петрова

и иных товарыщев, незнаемых воров и разбойников, на сорок человек и больше.

В нынешнем, государь, во 173 [1665] году, на весне, маия в 11 день, воевода Лаврентей Овдеевич Обухов поехал с Ленского волоку из Илимского острогу в Ылимской дальной уезд на усть-куцкую и усть-киренские торговые ярманги. А без себя в остроге оставил твоей великого государя казны и острогу беречь служилых людей.

А нас, холопей твоих, подьячих, взял с собою для письма твоих всяких великого государя приказных дел.

А нас же, холопей твоих, городничего и служилых людей, взял с собою в тот киренской поход для своей дворовые работы и для судового верхового ходу, а не для обережи, без оружья и без пороху, и без свинцу.

А меня, Микитку, взял для збору пятинных денег.

И на усть-куцкой, и на усть-киренской ярмангах жил он, воевода Лаврентей Овдеевич Обухов, нынешнего лета июня по 27 число.

А с ним, воеводою, были в том же киренском походе:

племянник ево Богдан Обухов

да пасынок ево Иван Морев

да дворовые ево люди:

Макарко Филипов

Моска Максимов

Ивашко Чюмич

да илимского посацкого человека Петра Барабанщикова сын ево, воевоцкой погрепцовой ключник Игнашко Петров.

А мы, холопи твои, подьячие, при нем, воеводе, у твоих великого государя дел письма сидели в Съезжей избе.

А мы, холопи твои, служилые люди, на усть-куцкой и на усть-киренской торговых ярмангах, и на ево, воевоцком, дворе всякую ево дворовую и поваренную работу работали, воду и дрова носили, и пива варили.

Июня в 27 день он, воевода Лаврентей Овдеевич Обухов, с усть-киренские с торговые ярманги, собрався на судно, в дощеник, и взяв с собою нас, холопей твоих, да торговых людей:

гостиные сотни устюженина Силы Грудцына человека ево Семена Ондреева сына Татарина

да нижегородца Прохора Иванова

да илимского ямского охотника Мишку Панфилова

да присыльных поляков, илимских казаков:

Охтовина Терпята
да Казимира Обрамовского
да промышленных людей, человек сорок и больши,
всех людей безо всякого оружья и без пороху, и без свинцу, и пошел Леною рекою вверх к Илимскому острогу, и нас, холопей твоих, служилых людей, заставил итти на бечеве, тянуть судно.

И отошед от киренские торговые ярманги, от Никольского погосту, верст з десять и больши, прошед урочище курью, в заостровье, июня против 28 числа, в ночи, наехали в стругах и горою набежали они, воры и разбойники Федька Черниговской да Мишка Сапожник с товарыщи, и на сонных людей приступом на дощаник збежали, и из огненново оружья, и из луков по сонным людем стреляли, копьи и рогатины, и тунгускими пальмами кололи, и в воду в Лену реку с судна бросали, и топили.

А нас, холопей твоих, в судне с воеводою, небольших людей, обсадили и в дощаник, во льяло, по нас, холопей твоих, стреляли, и у дощаника двери льяла отняли, и выходу ис судна не дали.

И воевода Лаврентей Овдеевич Обухов, убояся их воровского розбою, покиня твою великого государя денежную, таможенную и пятинного збору, и ясашную соболиную казну, и Илимского острогу Съезжие избы твою, великого государя, печать и уложенную книгу, и всякие приказные дела, преж всех походных людей ис судна побежал, бросился в воду и поплыл на берег. И дворовые люди за ним с судна все побежали ж в лес. А воры и разбойники на воде по нему, воеводе, из оружья стреляли и, наехав в стругу, у берегу копьи и тунгускими пальмами зако(ло)ли досмерти.

А мы, холопи твои, с твоею великого государя таможенною и пятинного збору, и с ясачною казною сидели в судне в осаде.

А племянник ево, воевоцкой, Богдан Обухов и пасынок ево Иван Морев, и человек ево Дейко сидели у воевоцких животов в судне в казенке.

А воры и разбойники воеводу убили, нас, холопей твоих, из осады взяли, истязали, били и губили насмерть.

А меня, холопа твоего Ондрюшку, на дощанике тунгускою пальмою в голову ранили. А иных служилых и промышленных людей ранили ж, и побили досмерти многих.

А после разбою твою великого государя денежную, таможенную и пятинного збору, и ясачную соболиную казну, и Съезжие избы печать, и уложенную книгу, и всякие приказные дела у них, воров, упрошали упросом.

И на берег с судна нас, холопей твоих, они, воры, разбойники, збили, и взяли твой великого государя казенной дощеник и верховые судовые всякие, и запасные варовые снасти, и твое великого государя илимское войсковое знамя, которое было с ним, воеводою, в походе, и воевоцкие животы, и наше, холопей твоих, платьишко и всякое борошнишко, и деньги пограбили.

А у ково что, государь, они, воры, у нас, холопей твоих, животишек и платьишка, и борошнишку, и денег взяли, и тому, государь, у нас, холопей твоих, порознь к тебе, великому государю, будут челобитные.

А на розбое они, воры и разбойники, говорили, что де итти в Даурскую землю. А быть де у них атаману **Киренские волости Никольского погосту прикащику** Илимского острогу пятидесятнику Микифорку Черниговскому.

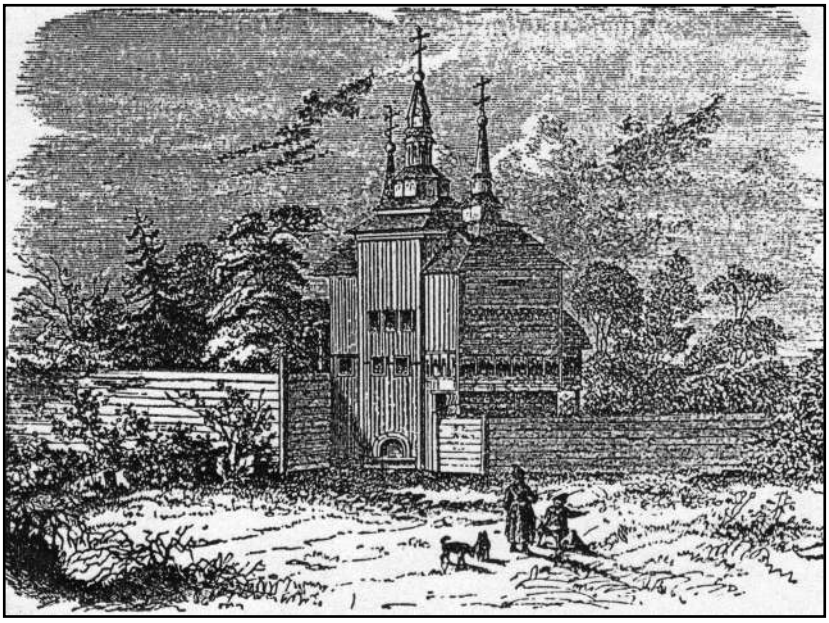
А мы, холопи твои, их воровского и разбойного заводу, и думы, и побегу не ведали, и уберечь нам от смерти воеводы Лаврентья Овдеевича Обухова было немочно и нечем, потому что оружья с ним, воеводою, и с нами, холопями твоими, в походе никакова и пороху, и свинцу не было, а воры и разбойники оружейны.

И подняв на судне твое великого государя илимское знамя на дощанике они, воры, от берегу отвалили, и поплыли наниз по Лене реке. А нам, холопям твоим, за ними в погоню итти было некем и нечем, потому что мы, холопи твои, многие ранены, а иные промышленные люди побиты досмерти.

И мы, холопи твои, про тот их воровской скоп и заговор с погрому писали в Якутцкой и Илимской остроги, и в Усть-Киренскую волость, и на Чичюйской волок с нарочными гонцы, подлинно ведомо чинили.

<…> Вели, государь, сю нашу изветную челобитную в Ылимском остроге в Съезжей избе приказным людем Никите Лазареву да Ивану Роспутину принять, а приняв челобитье наше и извет, в книгу записать, чтоб нам, холопям твоим, в их воровском розбою и в убойственной голове воеводы Лаврентья Овдеевича Обухова напрасно вконец не погинуть.

И вели, государь, воеводы Лаврентья Овдеевича Обухова дворовых ево людей, Макарка Филипова с товарыщи, пять человек, да илимского посацкого человека Петра Барабанщика сына ево Игнашку, и торговых и промышленых людей, которые с ним, воеводою, с киренской торговой ярманги в Ылимской острог в походе на



Троицкая церковь в Киренске

судне были, роспросить, и до подлинного своего великого государя сыску без роспросу из Ылимского острогу не отпускать» [25].

Прежде всего обратим внимание на то, что Никифор Черниговский назван приказчиком Киренской волости Никольского погоста, а не приказчиком усть-кутской соляной варницы.

Неизвестно, были ли какие-то расспросы по этому челобитью. Во всяком случае, документов о них нет.

А с Чечуйского волока писал якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову Петрушка Григорьев:

«Да ведомо, государь, буди тебе, что Лаврентья Овдеевича убили воры, беглецы, илимские пашенные крестьяне и промышленые, и якуцкие служилые люди, которые ноне побежали, человек с полста, и под святых Павла, Андрея били насмерть, неведомо, будут живы, неведомо нет. И его, Лаврентья Овдеевича, сына и племянника дооснованья ограбили, избили, и подьячих ограбили же. Да тут же на драке человек с шесть убили промышленых, а человек з десять ранили.

А взяли Лаврентья Овдеевича тритцать сороков соболей да триста рублев денег.

А с ними ж, сказывают, и иных беглецов с волоку из Верхоленского иной прибор.

А ныне мы, государь, живем в великих суетах, не ведаем, что и нам будет» [26]

Вернемся к сказке Федьки Черниговского: «А поплыв на низ по Лене реке, грабежем взяли у пашенного крестьянина у Мартынка Пахорука две пищали, винтованную да гладкую. Да у пашенново ж крестьянина у Онцыфорка Ананьина на заимке убили быка» [27].

Мартынко Пахарук пахал в деревне Змеиновой, а Онцыфорко Ананьин в деревне Алексеевской. Эти деревни относились к Илимскому уезду.

Миновав Нижне-Киренскую волость, Никифор Черниговский со своими людьми приплыл в Якутское воеводство на Чечуйский волок. Федька Черниговский в своей сказке о пребывании там сказал кратко: «А на Чечюйском волоку ночевали одну ночь, и грабежем взяли у приказново человека у Ивана Васильева Бурлака пищаль гладкую» [28].

Гораздо больше подробностей сохранилось в других документах. После того как Никифор Черниговский со своими людьми покинул Чечуйский волок, Иван Бурлак своей рукой записал все изветы с жалобами на беглых людей, в том числе и свою жалобу:

«А пришед на Чичюйской волок, на государев двор, со многими людьми, где живут приказные люди, и приказново человека Ивана Васильева сына Бурлака своим насильством пограбили. А грабежем взяли у него, Ивана, живота ево.

Водили ево за руки, угрожая всякими угрозами. А жена ево, Ивана, видя такое разорение и мученичество, они ево, Ивана, водя, мучат и спрашивают огненново оружья, пищалей, и она им из анбара окном выкинула им пищаль, чтоб ево, Ивана, в том не мучили.

И после того три дни приходили со многими ж людьми Фетька Черниговской с товарыщи в два пойма, человек по тритцати и больши, и Иванова не взял. А спрашивают огненново же оружья, пищалей и свинцу, и пороху по их же, воровских людей, скаске, которые с ними в побеге.

И он, Иван, пищали им не дал и не сказал, потому что сам человек служилой, было бы с чем великому государю служить. А которую пищаль взяли, и той пищале цена десять рублев.

Да оне же взяли грабежем его ж, Иванова, запасу сто дватцать пуд муки ржаной у пашенново ж крестьянина у Омельки Степанова на мельнице. Да у пашенного крестьянина у Захарка Игнатьева на заимке взяли его же, Иванова, запасу сто пуд ржи. Да у него ж взяли грабежем лотку-набойницу. Цена той лотки десять рублев» [29].

Здесь сведения о продолжительности пребывании беглых людей на Чечуйском волоке расходятся с показаниями Федьки Черниговского.

Пашенный крестьянин Омелька Степанов, ссыльный воронежский черкашенин, пахал в то время в деревне Гребени в двух километрах ниже Чечуйска, а мельница его находилась в шести километрах ниже Чечуйска на речке, которая и сейчас называется по его имени Емельяновой. Потомки Емельки Степанова и сегодня живут на Лене по какой-то причине под разными фамилиями: Емельяновы и Березовские.

А Захарко Игнатьев, по фамилии Малышев, пахал в деревне, названной по его имени Захаровой (сейчас Петропавловск), в 27 километрах ниже Чечуйска. Его потомки Малышевы и сейчас живут на Лене.

Справедливости ради следует сказать, что это был не чистый грабеж, кое за что люди Черниговского расплачивались. У Ивана Бурлака записано:

«И того ж числа [4 июля 1665 г. — *Г. К.*] торговой человек Васка Васильев сын Протопопов на Чичюйском волоку в Судной избе извещал приказному Ивану Васильеву сыну Бурлаку: Илимского де волоку служилые беглые воровские люди, Никифорко Черниговской с товарыщи, взяли де у меня, Васьки, они, воровские беглые люди, грабежем двести пуд муки ржаной да огненново оружья — пищаль и з борошнем. Цена той пищале десять рублев.

А за тем грабежем дали де ему, Васке, грабежново живота шеснатцать соболей [с] хвосты да полшеста [5,5] сорока пупков собольих, да шеснатцать хвостишков собольих, да восмьдесят белок.

И тот даной ему грабежной живот принес он, Васка, Чичюйского волоку в Судную избу перед приказного перед Ивана Васильева сына Бурлака» [30].

А Федька Черниговский рассказал несколько по-иному:

«Да он, Федька, купил пищаль де глаткую на Чечюйском

волоку у торгового человека у Васьки Протопопова. А дал за тое пищаль деньгами по цене пять рублев с полтиною.

Да у Васьки же Протопопова взяли полтораста пуд муки ржаные. А дали ему за тое муку шеснатцать соболей» [31].

Далее у Ивана Бурлака написано:

«И того ж числа промышленой человек Архипко Васильев Плотник извещал в Судной избе приказному Ивану Васильеву Бурлаку: взяли де у меня, Архипка, воровские беглые люди, Никифорко Черниговской с товарыщи, грабежем животишка моего в восьми мешках холщевых набойной муки ржаной да мешок ржи, а весом всего тритцать пуд. Да три топора добрых, цена тем топорам три рубли. Сковородку железную, цена рубль. Да лыжи подволошные новые, цена полтора рубли.

А за тот де грабеж дали оне, воровские люди, мне, Архипку, шубу горносталью нагольную без пуха бобрового.

А ту шубу горносталью принес он, Архипко, в Судную избу приказному Ивану Васильеву Бурлаку» [32].

Квасной откупщик Чечуйского волока Ивашко Пивоваров извещал:

«173 [1665] году, июля в 4 день, роспись мне, Ивашку Пивоварову, что у меня воровские люди, Илимского острогу пятидесятник казачей Никифорко Черниговской с товарыщи, выпили у меня на квасной квас хмельной, целую варю. И я их поил, окупя свою голову и обороняя свою смерть.

Да они же, воровские люди, взяли у меня строшного моего работника Бориска Иванова. А тот строшной Бориско не дожил у меня году, Семеня день [1 сентября. — *Г. К.*].

Да они же, воровские люди, взяли у меня:

дюжину стаканов оловянных
торель оловянную
двенатцать лошек оправных
сковороду железную…
пять кос
два топора
две напарьи.

Да снасти взяли мелочной:

пять пил мелких
шестую пилу становую
тиски железные
наковальню укладную

клещи железные
куски железные
рогатину
пищаль.

Итого, всего моего живота и пива выпили на шездесят рублев» [33].

И еще одна запись у Ивана Бурлака: «Того ж числа чичюйской Богородицкой часовни дьячек Ивашко Стефанов Сумкин извещал приказному человеку Ивану Васильеву Бурлаку: на Чичюйском волоку в богородицком анбаре сломили замок воровские беглые люди, Илимского острогу пятидесятник Никифорко Черниговской з детьми и с товарыщи, и взяли грабежем у меня, Ивашка, тринатцать пуд муки ржаной да семь пуд соли» [34].

А далее приводится роспись одежды и обуви.

Перед отплытием с Чечуйского волока Ивану Бурлаку была вручена челобитная беглых людей. В отрывке из отписки в Якутск Ивана Бурлака сообщается, что его вывели «из двора насильством, взошли на берег к дощаникам своим. И по неволе оне, воры, Никифорко Черниговской, велели мне, Ивашку, принять изветную челобитную на воеводу на Лаврентья Обухова, и велели тое челобитную честь тут же на берегу при многих людех.

И я, Ивашко, тое их челобитную послал в Якуцкой острог к вашему стольнику и воеводе Ивану Федоровичю.

И с Чичюйского волоку оне, воровские люди, подьячево, свезав, свезли с собою на низ сильно» [35].

К сожалению, нет начала и конца этой отписки.

Другие подробности сообщали в челобитной «Чичюйского волоку Судной избы подьячей Максимко Григорьев да пятинной избы подьячей Петрушка Жаравлев Илимского острогу на служилых людей, на беглых на воров и на изменников, на пятидесятника казачья на Никифорка Черниговского с товарыщи и з детьми, которые изменники, покиня великого государя Илимский острог, побежали в Дауры.

А на Лене реке, выше Усть-Киренского Никольского повосту, воеводу Лаврентья Обухова они, воры и изменники убили, и племянника ево, Богдана Обухова, ранили, и иных многих служилых и промышленых людей побили, и многих ранили, и животы воеводы Лаврентья Обухова пограбили.

И как они, воровские беглые люди и изменники, приплыли на Чичюйской волок и они, воры, на Чичюйском приказново Ивана Бур-

лака насильством своим грабили, и иных служилых людей, и торговых, и промышленых много також своим насильством пограбили.

А нас, сирот ваших, меня, Максимка, и Петрушку, те воры и изменники взяли к себе на суды своим воровским насильством, связали и мучили нас, сирот ваших, и, угрожая великими угрозами, велели нам писать на воеводу на Лаврентья Обухова изветные челобитные и всякие писма, и грамотки к свойственным людем и к друзьям своим.

И мы, сироты ваши, окупая свои головы от смерти, по неволе писали на воеводу на Лаврентья Обухова изветные челобитные и всякие писма по их, воровских людей, веленью за всякими угрозы.

А как они, воры и изменники, Никифорко Черниговской с товарыщи, подали изветную челобитную на воеводу Лаврентья Обухова приказному Ивану Бурлаку, и как они, воры и изменники, поплыли с Чичюйского волоку на низ по Лене реке, и нас, сирот ваших, своим насильством ухватили на суды и свезали, и свезли с собою Чичюйской волости в деревни и до Сполошенского лугу, и всякие писма за угрозами и за боем нам, сиротам, писать велели. И мы, сироты ваши, окупая свои головы от смерти, по неволе писали.

Да те же воры и изменники, Никифорко Черниговской с товарыщи, хотя нас поневолить, а меня, Максимка, з детишками своими разлучить, свезав нас, сирот ваших, хотели с собою свести в Дауры. И мы, сироты ваши, от того воровского смертного походу слезами своими насилу отплакалися. И они, воры и изменники, бив нас, сирот ваших, ослопьем и пищальными дулы, скинули с судов своих на воду. И мы, сироты ваши, насилу на берех попали» [36].

Хотя здесь оба челобитчика названы подьячими, на самом же деле один из них, Максим Григорьев ярославец по прозвищу Чумак, был до этого торговым человеком, а в 1661 году стал пашенным крестьянином в Чечуйске [37]. Второй, Петрушка Семенов Жаравлёв, был действительно подьячим судной избы Чечуйского волока. Им было поручено в это время заниматься сбором пятинных денег — разовым сбором с имущества торговых и промышленных людей, а также пашенных крестьян.

Изветная челобитная с жалобами на воеводу Обухова сохранилась неполностью. Она, вероятно, была обширной, но до последнего времени был известен из нее только один лист, включенный в состав фонда Якутской приказной избы. Еще два листа, до этого неизвестные, были обнаружены мною в фонде Илимской воеводской канцелярии. Поскольку в них идет речь о воеводе Обу-

хове, архивисты включили эти листы в фонд Илимской воеводской канцелярии. Части челобитной, попавшие в эти разные фонды, написаны одним и тем же почерком.

В листах, попавших в фонд Илимской воеводской канцелярии, написано:

«…(денеж)ные и хлебные кабалы.

Да он же, воевода Лаврентей Обухов, велел нам, сиротам, выймовать из вашей великих государей казны хлеб. А имал на нас кабалы к себе, и тот наш долг по кабалам имал он, Лаврентей, к себе, а не в вашу великих государей казну. И мы, сироты ваши, от того обнищали и одолжали великими неоткупными долги.

Да мы же, сироты ваши, пашенные крестьяне, били челом вам, великим государем, а ему, Лаврентью Обухову, подавали челобитные по многое время о ссуде из вашей великих государей казны хлеба на семяна, ржы. И он, Лаврентей Обухов, велел имать в вашу великих государей казну в хлебе кабалы, а хлеба нам, сиротам, на посев не давал. И по тем кабалам он, Лаврентей Обухов, имал с нас, сирот ваших, хлеб себе.

И оттого у нас, сирот ваших, не почал на полях хлеб родиться, потому что у нас, сирот ваших, сев был не во-время, сеяли испоздна. Новой хлеб у нас на Лене приходит в ядро на Семен день [1 сентября. — *Г. К.*].

И от того ево, Лаврентья Обухова, насильства и изгони мы, сироты ваши, обнищали и одолжали великими неоткупными долги и з домами своими, з женами и з детьми, разорились.

А в прошлых же, великие государи, годех мы, холопи ваши и сироты, били челом вам, великим государем, и челобитные подавали на Чичюйском волоку приказному сыну боярскому Федору Пущину. А в челобитье нашем написано, чтоб вы, великие государи, нас, холопей и сирот ваших, пожаловали: велели те наши челобитные с Чичюйского волоку послать под отпискою в Якуцкой острог к стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большому Голянищеву-Кутузову. А из Якуцкого острогу, чтоб великие государи пожаловали: велели те наши челобитные под отпискою послать к вам, великим государем, к Москве.

И стольник и воевода Иван Федорович большой Голянищев-Кутузов те наши челобитные послал к вам, великим государем, к Москве с служилым человеком с Сенькою Епишевым. И он, воевода Лаврентей Обухов, в прошлом во 172 [1664] году ево, Сеньку Епишева, в Ылимском остроге задержал. И тот Сенька Епишев

сведал те наши, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, челобитные, и ему, Лаврентью Обухову, отдал на выкуп. И те челобитные на себя он, Лаврентей Обухов, воровски у себя задержал и затаил, чтоб к вам, великим государем, от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья Обухова, великим государем не дошли.

И после того он, воевода Лаврентей Обухов, уведав на себя челобитные от нас, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, и он, Лаврентей Обухов, нас, холопей ваших и сирот, почал о том челобитье к вам, великим государем, что мы подавали челобитные, всякими приметы приметыватьца, и хотел нас жечь и пытать.

И оттого он, Лаврентей Обухов, имал с нас, холопей ваших и сирот, большие посулы. А мы, холопи ваши и сироты, закладываючи жен своих и детей и последние свои статки, от него, Лаврентья Обухова, откупались, чтоб нас ни жег, ни пытал в том нашем на него челобитье. И в тех деньгах мы, холопи ваши и сироты, стояли многое время на смертном правеже. А окупить нам, холопем вашим и сиротам, тех долгов нечем.

И он, Лаврентей Обухов, ис тех наших заемных долгов правил немилостивым смертным правежем, чтоб впредь от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья, вам, великим государем, челобитья не было. А с правежу велел к ночи в турму [тюрьму. — *Г. К.*]» [38].

Далее следует лист из фонда Якутской приказной избы:

«Да он же, воевода Лаврентей Обухов, с Усть-Киренги с Никольского погоста от церкви Николы чюдотворца изгонил попа Фому Кирилова своими бездельными всякими приметами, составливая чинам попа всякие затейные бездельные делы. И взял с него, попа, своим мучением и угрозою великие посулы. И держал ево, попа, в крепи, в железах и в колоде, в Ылимском остроге. И отпустя ево, попа Фому, с Ылимского волоку на Киренгу, велел ево, попа, держать за крепкими приставы в крепи и в железах, и в колоде до своего приезду, как весною приезжает на Киренгу.

Да он же, воевода Лаврентей Обухов, приехав на Киренгу в прошлом во 172 [1664] году, своим воровским умыслом, выслав ево, попа, с Киренги за приставом на низ, и без него, попа Фомы, изнасильничал сильно жену ево, Фомину, Пелагейку Никифорову дочь блудным грехом. И тем ево, попа Фому, опорочил, от церкви Божии изгонил. И у нас, холопей ваших и сирот, жены наши и дети без отца духовного, и младенцы без молитвы и крещенья помирают.

Да он же, воевода Лаврентей Обухов, в прошлом во 172 [1664] году велел писать о себе к вам, великим государем, о своем сиденье на воеводстве челобитную похвальную градцким служилым людем и пашенным крестьяном, чтоб ему, воеводе Лаврентью Обухову, впредь на воеводстве сидеть в Ылимском остроге. И к той челобитной велел нам, холопем вашим и сиротам, руки прикладывать за великим угрозом. А хто не похочет к той челобитной рук прикладывать, и он, воевода Лаврентей Обухов, угрожал кнутом и батоги, и всякими приметами приметывался.

И мы, холопи и сироты ваши, в нынешнем во 173 [1665] году, не мога ево, Лаврентьева, мученья претерпеть, и от всяких ево изгони и угроз пошли вам, великим государем, служить на Амур реку, покиня домы свои, жен и детей своих» [39].

Видно, что это не конец челобитной.

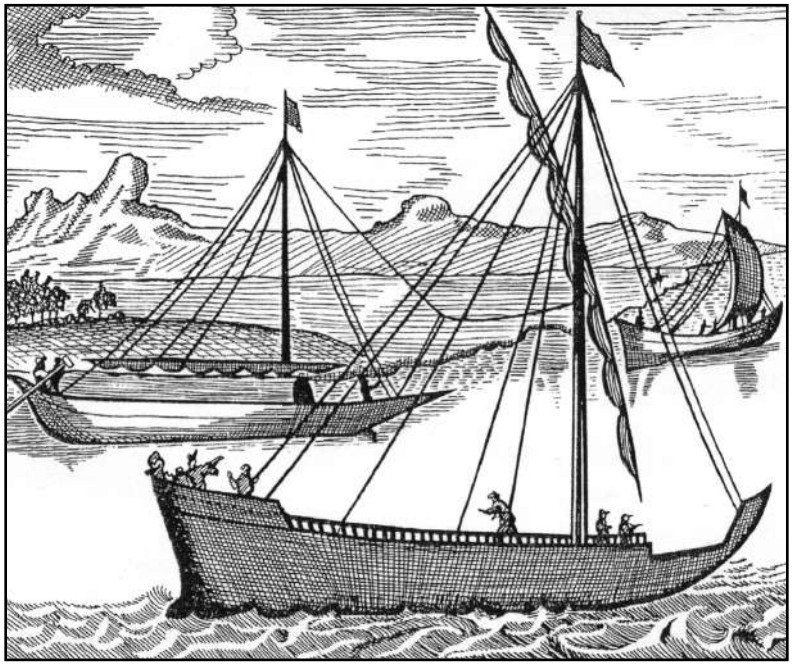
В начале челобитной обычно перечисляются имена челобитчиков. Этот важный лист утрачен. Однако же на обороте первых двух сохранившихся листов есть рукоприкладства некоторых челобитчиков. На обороте листа 1: «К сей явочной челобитной Анисимко Никифоров руку приложил». Написанное красивым почерком, это рукоприкладство принадлежит сыну Никифора Черниговского.

«К сей явочной челобитной вместо Илимского уезду пашенных крестьян Ивана Еремеева, Фетьки Ларионова Москвы по их веленью и за себя Алешка Тимофеев руку приложил».

Иван Еремеев — это Микулка, непосредственный участник убийства воеводы.

Федька Ларионов Москва был из промышленных людей, посажен в пашню в 1654 году на Вешняковской заимке на место сбежавшего в Дауры Никитки Емельянова. Однако Федька Ларионов там не прижился и в 1659 году сбежал в Илимский уезд, бросив лошадь и «пашенный завод». Жил на мельнице на речке Кутолаке. В 169 [1660–1661] и в 173 [1664–1665] годах он записан в пашенных крестьянах на заимке Половинной (Алымовка), в 48 километрах ниже Киренска. Значит, здесь тоже приставали черниговцы. Больше Федька Ларионов Москва в крестьянских книгах не упоминается. Следовательно, сбежал на Амур.

Алешка Тимофеев — это пашенный крестьянин по фамилии Берендилов. Пахал на заимке Берендиловой, в 23 километрах ниже Чечуйска. На Амур он не побежал. Неясно только, почему за себя руку приложил.



Типы русских судов в Сибири XVII в.: дощаник, каюк и коч. С рисунка XVII в.

На обороте листа 2 — еще рукоприкладства: «К сей явочной челобитной вместо Илимского острогу служилых людей Ярафия Архипова Никифорова да вместо пашенных крестьян Михайла Иванова, Осипа Васильева по их веленью Петрушка Осколков руку приложил».

Вероятно, Ярафий Архипов Никифоров — это усть-кутский судовой плотник Ярко Тварогов. В 1674–1675 годах он ездил из Албазина в Москву с соболиной казною и с челобитьем о помиловании участников убийства и побега.

Михайло Иванов — это Михайло Иванов Сапожник (он же Черничёнок), о котором уже было сказано.

Осип Васильев — непосредственный участник убийства воеводы, получивший на Лене прозвище Подкаменный.

Петрушка Осколков — это киренский таможенный целовальник Петрушка Якимов Осколков, которого воевода Обухов вез на дощанике, скованного за какие-то злоупотребления. Как

выясняется, Петрушка Якимов Осколков был зятем Никифора Черниговского. В 1663 году он был приказчиком Албазинского острога.

На оборотной стороне челобитной на стыке листов 1 и 2 имеется скрепа «поп», а на конце листа 2 — «Ермоген». По остаткам скрепы можно приблизительно судить о количестве листов челобитной. Скрепа должна была иметь вид: «К сей явочной челобитной черной **поп Ермоген** руку приложил». Это единственный документ, подтверждающий присутствие Ермогена среди черниговцев на Лене. По сохранившимся скрепам ясно, что от челобитной сохранилась лишь малая часть.

Теперь сделаем отступление, в котором расскажем, что известно о черном попе Ермогене. Его имя связано с основанием Усть-Киренского Троицкого монастыря.

Откуда появился черный поп Ермоген, неизвестно. В 1688 году илимский воевода Федор Михайлович Павлов назвал его «прихожим»: «И та, государь, Усть-Киренская Троицкая пустыня строена в прошлом во 171 [1663] году без вашего великих государей указу при прежнем илимском воеводе при Лаврентье Обухове. Строил прихожей черной поп Ермоген по челобитью всяких чинов людей и по благословению преосвященного Симеона, архиепископа Сибирского и Тобольского» [40].

Правда, благословение было получено уже после постройки.

Эта история описана во многих сохранившихся документах, но везде одинаково:

«Лета 171 [1663], июня в 10 день, бил челом великому государю [А. М.], а в Усть-Киренской волости, на Никольском погосте, в Съезжей избе воеводе Лаврентию Овдеевичю Обухову черной поп Ермоген подал заручную челобитную. А в челобитной его написано: в нынешнем де во 171 [1663] году, марта в 15 день, били челом государю [А. М.] и на Ленском волоку в Ылимском остроге, в Съезжей избе, воеводе Лаврентью Овдеевичу Обухову илимской спаской поп Амбросим Толстоухов и все мирские люди Ленского волоку, и с великие реки Лены пашенные крестьяне и промышленные люди подали заручную челобитную.

А в челобитной де их написано, чтоб великий государь их, Амбросима с товарыщи, пожаловал: велел построить на великой реке Лене на Киренском погосте монастырь и братью собрать, и строителем быть ему, попу Ермогену.

А церковь они обещалися строить живоначальные Троицы с

пределы. А под тот монастырь земли им отвести на великой реке Лене подле Киренской Никольской погост на стрелке от великие реки Лены, от креста, что поставил сын боярский Ярофей Хабаров, в бор на Киренгу реку к истоку [устью. — *Г. К.*], а против истоку на Киренге реке и на устье Киренги реки островки против заимки пашенного крестьянина Петрушки Киренского и до Никольского лугу, а вверх — по великой реке Лене до Мельничной речки и до мельницы, которою мельницею владеет илимской сын боярский Ярофей Хабаров.

Да к тому же де монастырю дать на кормлю на великой реке Лене заимку Василья Скоблевского с половниками и со всеми угодьями.

Да против тое заимки за каменем [за хребтом. — *Г. К.*] подле Киренги реки у курьи в межах: с верхную сторону от пашенного крестьянина от Тимошки Шибеника вниз по Киренге до заимки Васильева ж половника Васки Монакова и с рыбными ловлями и со всякими угодьи» [41].

Заручная челобитная — это челобитная «за руками», то есть за подписями челобитчиков, которые «руку приложили». Упомянутый здесь Петрушка Киренский — это ссыльный воронежский черкашенин Петрушка Астафьев Аксамитов. Сначала он был поселен на Никольском лугу (на левом берегу Лены ниже Никольского погоста), а затем переселился на новое место, где сейчас находится деревня Сидоровская (Бочкарева). Острова против заимки — это острова Монастырский и Игуменский. Закончил свои дни Петрушка Аксамитов в Киренском монастыре. Его потомки носят сейчас несколько видоизмененную фамилию — Аксаментовы.

Тимошка Шибеник (Шибенок) — тоже ссыльный воронежский черкашенин. Сначала он также был поселен на Никольском лугу, а затем переселился вверх по реке Киренге туда, где находилась деревня Рыкова (сейчас Усть-Киренга).

Заимка Васьки Монакова, половника бывшего приказчика киренских пашенных крестьян Василия Скоблевского, находилась на Киренге, где впоследствии появились деревни Шорохово и Пахорукова. И поныне курья в том месте называется Монаковской, есть и ручей Монаковский.

Половник — это, выражаясь по-современному, арендатор, отдававший половину урожая тому, у кого он арендовал землю.

Берег, где сейчас расположен поселок Пролетарский, был отдан во владение монастырю. Выше начинается скала, подсту-

пающая к Лене, а выше этой скалы впадает речка Мельничная (Тихтилячиха), где когда-то была мельница Ерофея Хабарова.

По какому случаю был поставлен крест Ерофеем Хабаровым и в каком году, нигде в документах не сообщается.

Далее в документе говорится:

«И по указу великого государя [А. М.] воевода Лаврентей Овдеевич Обухов отдал тое землю, которая написана выше сего, под Троецкой монастырь черному попу Ермогену и з деревнею Василья Скоблевского, и со всеми ее половники.

А сколько половников и хто имяны, и много ли у них детей, и всякого деревенского их заводу, и скота, и насеяново хлеба в земле, и тому дана ему, Ермогену, роспись» [42].

Роспись эта, к сожалению, не сохранилась.

Как уже говорилось ранее, деревня Василия Скоблевского, в 37 километрах выше Киренска, тогда называлась Скоблевской, а сейчас Скобельской.

Через месяц и десять дней после этого черный поп Ермоген приобрел для монастыря двор пашенного крестьянина Петрушки Аксамитова на устье Киренги:

«Се аз, Ленского волоку Илимского острогу Киренские Никольские волости пашенной крестьянин Петр Остафьев Аксамитов, продал есми в Никольской в Киренской волосте на усть Киренги реки двор свой со всяким дворовым строеньем Усть-Киренского новаго Троицкаго монастыря строителю черному попу Ермогену.

А тот мой двор стоит на государеве земле. А на дворе хором: изба, а против ее анбар на подклете, да изба новая скоцкая без верха, и баня. А круг двора городьба и погребы да анбар хлебной, да гумно крытое и овин.

А взял я, Петр, у нево, строителя, черново попа Ермогена, за все дворовое строение сто девяносто рублев денег, все наперед у сей купчей.

А та моя заимка, где стоит двор мой, земля великого государя, выпахана и хлеба не родит. И бил я челом великому государю, чтоб меня великий государь пожаловал: велел мне в тое место заимки дать для своей великого государя десятинной пашни земли вверх по Киренге реке.

И впредь мне, Петру, о том дворе, о выкупе, великому государю не бити челом. А хто у него, строителя, в тот мой двор учнет вступатьца по каким моим писмянным крепостям, и мне, Петру, тот двор ото всяких писменных крепостей очищать.

А тот мой двор к Троицкому Киренскому монастырю смежен и для скотцкого монастырского пригону строен.

А будет он, строитель, похочет тот двор впредь построить на котором месте на той моей заимке, и мне, Петру, в то не вступатьца.

А будет хто у него, строителя, в тот мой двор и во всякое дворовое строение учнет вступатьца, и мне, Петру, очищать и убытка ево никакова не довесть.

А что ему, строителю, черному попу Ермогену, от ково учинитца каково убытка ни будь, и ему все свои убытки и взятые денги, сто девяносто рублев денег, на мне, Петре, по сей купчей.

А на то послух Михалко Дмитреев сын Пивоваров.

Купчую писал Илимского острогу служилой человек десятник Надейка Нефедьев.

Лета 7171 [1663] году, июля в 20 день.

К сей купчей вместо Петра Остафьева по его велению устюжанин Кондрашко Суханов руку приложил.

Послух Мишка Пивоваров руку приложил» [43].

Михайло Дмитриев Пивоваров когда-то был приказчиком Ерофея Хабарова.

Сейчас здесь деревня Сидоровская (Бочкарёва). На выпаханной прежде земле зеленеют поля.

Однако к очередному севу Петрушке Аксамитову не успели подыскать новое место, и он посеял на государя на старом месте. Об этом есть запись в сметной книге на 172 [1663–1664] год:

«Да Киренские волости пашенной крестьянин Петрушка Остафьев в нынешнем во 172 [1664] году ко 173 [к 1 сентября 1664. — *Г. К.*] году посеял на великого государя десятину ржаную на прежней своей заимке, которую заимку он, Петрушка, по поступной записе отдал в прошлом во 171 [1663] году под новой Усть-Киренской Троецкой монастырь, потому что по договору и до прииску новые заимки велено ему, Петрушке, на великого государя пахать по полуторе десятины ржи и яри по вся годы на старой заимке, покамест приищет пашенную землю» [44].

Петрушка Аксамитов переселился в деревню Юксееву на левом берегу Киренги, в 16 километрах от ее устья.

«Лета 7172 [1664], февраля в 25 день, по государеву [А. М.] указу воевода Лаврентей Овдеевич Обухов отдал по челобитью Усть-Киренского Троецкого монастыря строителя, черного попа Ермогена, выпашную пометную заимку Усть-Киренскому к ново-

му монастырю в дом пресветлой живоначальной Троице, которую заимку в прошлом во 171 [1663] году усть-киренской пашенной крестьянин Петрушка Аксамитов покинул, роспашную землю и сенные покосы, и скотинной выпуск, и всякие деревенские угодья, чем он, Петрушка, владел, и на той заимке двором и всяким дворовым строеньем поступился он, Петрушка к живоначальной Троице в монастырь же.

И по указу великого государя [А. М.] воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по даче и по поступной записе велел тою пометною Петрушкинскою заимкою Усть-Киренского нового монастыря строителю, черному попу Ермогену з братьею пашенною и непашенною землею, и сенными покосы, и скотинным выпуском, и всякими угодьи владеть **безданно и безоброчно**.

А по отводу пашенных крестьян прикащика Богдана Черепанова межи той пометной Петрушкинской заимке: от Лены реки вверх по Киренге реке против Никольского истока, что под погостом исток в реку в Киренгу пал. А на киренской стороне — на нижной конец Елового острова до камени по старым межам, по которым межам владел Петрушка Остафьев» [45].

А на Киренге были переданы монастырю земли выше деревни Рыковой. Право на владение было подтверждено данной:

«Лета 7173 [1665] года, февраля в 16 день, били челом государю [А. М.], а на Ленском волоке в Ылимском остроге в Съезжей избе воеводе Лаврентью Овдеевичю Обухову подал челобитную в прошлом во 172 [1664] году нового Усть-Киренского монастыря строителя черново попа Ермогена з братьею того ж монастыря вкладчик Захарко Григорьев. А в челобитной их написано:

В прошлом де во 171 [1663] году построили они, Ермоген з братью, в Троецком монастыре часовню и кельи, и братью, и вкладчиков прибрали. А сытым де им быть нечем.

А есть де вверх по Киренге реке порозжая земля от Буторины заимки вверх по Киренге реке и [у] усть Могуля и до Кутимы рек по обе стороны Киренги реки лушки под хлебную пашню и под сенные покосы, и под скотинной выпуск с курьями и озерками.

И великий государь ево [б], Ермогена, и з братьею пожаловал: велел те лушки под сенные покосы и под скотинной выпуск, и с рыбными ловлями, и со всякими угодьи отдать к живоначальной Троице под монастырь.

И по указу великого государя [А. М.] воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по сыску и по дозору Усть-Киренские волости

пашенных крестьян прикащика Ивана Роспутина велел отдать тое порозжую пашенную землю и сенные покосы, и под скотинной выпуск с курьями и с озерками, и с рыбными ловли, и со всякими угодьи в дом живоначальной Троице и Усть-Киренского монастыря строителю, черному попу Ермогену, з братью под пашню и под сенные покосы, и под скотинной выпуск.

А по дозору и по мере, и по записке прикащика Ивана Роспутина вверх по Киренге реке на лушках пашенные земли пятьдесят десятин да сенных покосов пятьсот копен, да под поскотину плохих наволочных и болотных мест на десять десятин, на которых пашни пахать и сена косить нельзя.

А межи той земле: от Ивашковы заимки Буторы [д. Верхняя Шорохова. — *Г. К.*] вверх по Киренге реке на правой стороне от первые малые реки [речка Монакова. — *Г. К.*], а на другой стороне против тое речки красной яр, и до усть Могули и Кутимы рек, и по красной яр, которой яр против Кутимского устья.

А по сыску и по допросу и по скаске киренских пашенных крестьян Иевка Карпова, Тимошки Шибеника, что та земля лежит впусте и в даче ни за кем не бывала, и нихто тою землею не владеет, и на тех местех живоначальные Троицы Усть-Киренского монастыря строителю черному попу Ермогену з братью и вкладчиком пашню пахать, и хлеб на тех даных местех на себя сиять без выделу и без десятые, и сена ставить безданно и безоброчно, и двором построитьца, и рыбными ловлями и всякими угодьями по отводу и по даче владеть до указу великого государя.

А сверх отводу и дачи ни в какие пашенные места и в сенные покосы, и в рыбные ловли, и во всякие угодьи ему, Ермогену, з братьею не вступатьца, чтоб пашенным крестьяном и иноземцом от монастырских людей никакова утеснения не было» [46].

В. Н. Шерстобоев сообщает, что в 1665 году около устья Кутимы был посажен в пашню монастырский крестьянин Иван Кутимский [47]. Ссылки В. Н. Шерстобоев не дает. Отсюда следует, что фамилии давались по названиям рек, а не наоборот. Кутимские и сейчас живут в Киренском районе.

А от вкладчика Захара Григорьева осталась память в названиях острова Захаровского, протоки Захаровской и переката Захаровского ниже устья Моголи.

Иевко Карпов — это дядя пашенного крестьянина Ивашки Буторы, который жил в деревне Заборской в 66 километрах выше Киренска.

В мае 1665 года воеводе Лаврентию Обухову была подана мирская челобитная о даче из патриаршего двора благословенной памяти. Воевода отправил об этом отписку в Москву и приложил челобитную:

«Государю [А. М.] холоп твой Лаврушка Обухов челом бьет:

В прошлом во 171 [1663] году били челом тебе, великому государю [А. М.], а на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе мне, холопу твоему, подали заручную челобитную Илимского острогу спаской поп Амбросим Леонтьев и дети боярские, и подьячие, и служилые люди, Илимского уезду пашенные крестьяне и приезжие торговые и промышленые, и гулящие всяких чинов люди, чтоб ты, великой государь, их пожаловал: велел в Ылимском уезде на великой реке Лене, на усть Киренги у Никольского погосту по обещанию их построить вновь Троецкой монастырь, и велеть быть в том Троецком монастыре строителем черному попу Ермогену, потому что в Ылимском остроге многие всяких чинов люди при старости живут, а обещания кладут в иноческой чин постритьца. А в Ылимском остроге и в уезде твоего великого государя богомолье, монастыря, не построено, и по обещанию постричь их некому.

И я, холоп твой, по твоему великого государя указу против челобитья всяких чинов людей в Ылимском уезде, на усть Киренги реки у Никольского погосту, монастырь построил, и под монастырь земли на усть Киренги и под кельи, и под огороды, и за Киренгою рекою под скотинной двор и под пашни ис порожжих пустых нетяглых земель велел отвести. И в том новом Троецком монастыре велел быть до твоего великого государя указу строителем черному попу Ермогену.

И в том, государь, твоем великого государя богомолье, в Троецком монастыре, по се число построено часовня и кельи, и многие, и всякие монастырские заводы заведены, и братьи собралося человек с тритцать, и больши.

И в нынешнем, государь, во 173 [1665] году, маия в 1 день, били челом тебе, великому государю [А. М.], а на Ленском волоку, в Ылимском остроге в Съезжей избе, мне, холопу твоему, подали заручную челобитную Илимского ж острогу спаской поп Абросим Леонтьев и дети боярские, и подьячие, и служилые люди, и из уезду пашенные крестьяне, и приезжие торговые и промышленые люди того же Троецкого монастыря о церковном и о всяком монастырском строенье.

И я, холоп твой, тое их заручную челобитную под сею отпискою послал к тебе, великому государю [А. М.], к Москве.

И о том, как ты, великий государь [А. М.], укажешь?» [48].

На обороте отписки отметка о подаче: «174 [1666], ноября в 3 день, с ленским Илимского острогу казачьим десятником с Онтропком Мартемьяновым».

В пространной челобитной перечислены имена большого количества разных чинов людей:

«Царю [А. М.] бьют челом:

богомолец твой, Ленского волоку Илимского острогу спаской поп Амбросим Леонтьев сын Толстоухов

да холопи твои Илимского острогу:

дети боярские Микифорко Качин

да Съезжие избы подьячие:

Пашко [Иванов] Пежемской

Ондрюшка Иванов [Попов]

Микитка Лазарев

Ивашко Ортемьев [Распутин]

Микифорко Се(нотру)сов

Бориско Зубов

Васка Березовской

таможенной подьячей Ивашко Пузанкин

сотник стрелецкой Якунько Онцыфоров

атаманы казачьи:

Пронька Задубин

Богдашко Черепанов

городничей Сава Брага

пятидесятники казачьи:

Назарко Кистенёв

Ивашко Салдат

Ивашко Дунаев

Мишка Козлов

Микифорко Черниговский

десятники:

Парфенко Сенотрусов

Терешка Пашков

Ларька Смирной

Титко Арсеньев

Силка Шишкин

Мишка Бекетов

Данилко Куликов
Сенка Малыга
Костька Сидоров
Онтипко Шестаков
Васка Дряной
Васка Воронин
Максимко Литвинцов
Митрошка Кокшаров
рядовые служилые люди:
Ивашко Решетник
Дружинка Литвинцов
Ганька Подкаменной
Васка Котовщик
и все Илимского острогу служилые люди ружники и оброчники,
посадцкие люди:
Васка Сергиев
Федька Саватиев
Завьялко устьянец
Оничка Мыльник
да приезжие разных городов торговые люди:
гостя Афанасья записи прикащик ево Ивашко Тварогов
Родька Щепотник
Микифорко Бобров
пашенные крестьяне:
Митька Жмур
Савка Ступин
Дружинка Ус
Гришка Бубен
Мишка Костентинов
Фомка Шапошник
Марчко Никитин
Микитка Макаров
Куска Воронин
и все пашенные крестьяне Илимского уезду и всяких чинов люди.

В прошлом, государь, во 171 [1663] году бил челом я, богомолец, и мы, холопи и сироты твои, тебе, великому государю [А. М.], а на Ленском волоку, в Ылимском остроге в Съезжей избе, подали заручную челобитную твоему великого государя воеводе Лаврентью Овдеевичю Обухову я, богомолец, и мы, холопи и сироты твои, чтоб ты, великий государь, меня, богомольца, и холопей

и сирот своих пожаловал: велел в Ылимском уезде на великой реке Лене в Усть-Киренской волости на Никольском погосте по нашему обещанию построить монастырь во имя живоначальные Троицы, а в пределе — сретение чюдотворные иконы Богородицы Владимирские и святого праведного Алексея, человека Божия, а вторую церковь — явление чюдотворные иконы Богородицы Казанские, а строителем быть черному попу Ермогену.

И по твоему великого государя указу и по нашему челобитью твой великого государя воевода Лаврентей Овдеевич Обухов в Усть-Киренской волости на Никольском погосте монастырь строить велел и указную память строителю, черному попу Ермогену, о том монастырском строении дал.

И на той монастырской земли часовня построена, и кельи поставлены, и братья, и вкладчики збираютца. А святительские благоверные грамоты о том церковном строение и для освящения церкви, и антимисов нет.

<...> Вели, государь, сию нашу челобитную в Ылимском остроге в Съезжей избе своему государеву воеводе Лаврентью Овдеевичю Обухову принять и под отпискою послать к тебе, великому государю, к Москве.

И вели, государь, на то монастырское строение дать свою великого государя строительную грамоту тому черному попу Ермогену, и святые соборные апостольские церкви ис патриаршего двора благословенную грамоту и антимисы, и мир, и масло церкви освятить» [49].

Когда в Москве получили эту челобитную, черный поп Ермоген и Никифор Черниговский уже были на Амуре.

Эти документы мы привели для того, чтобы, во-первых, устранить ошибки некоторых авторов о годе основания монастыря и, во-вторых, чтобы прояснить причину бегства Ермогена на Амур. Задача эта трудная, почти невыполнимая.

Из документов следует, что дела по строительству монастыря у Ермогена шли весьма успешно. Никакого противодействия со стороны воеводы он не встречал, а скорее, наоборот, воевода оказывал ему всякое содействие. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что Ермоген присоединился к Черниговскому из-за каких-то гонений со стороны воеводы. Ни в одном из документов не сказано, почему Ермоген оставил монастырь и бежал на Амур. Поэтому существовало мнение, что Черниговский взял с собою Ермогена силой. Однако это весьма сомнительно, так как не под-

тверждено документами. Так ли уж необходим был поп беглецам? Ведь до этого было много побегов на Амур. Бежали более многочисленные ватаги Мишки Сорокина, Проньки Кислого, Васьки Черкашенина. Ни в одной из них не было попа.

Возникает вопрос: а не знал ли Ермоген заранее о готовящемся побеге и по своей воле принял в нем участие?

Тем не менее в литературе получило распространение утверждение Лаврентия Мордовского, бывшего настоятеля Киренского монастыря, заинтересованного в сохранении доброго имени монастыря, а следовательно, и Ермогена: «Удаляясь из Киренского острога, **увлекли** они с собой и строителя Ермогена против его воли» [50].

Однако же не объяснил, для чего нужно было «увлекать» попа против его воли. Заметим, что Киренского острога в то время не существовало, он был построен в 1680 году.

У И. Р. Калининой о Ермогене написано, что «в 1666 г. его схватили разбойные люди, убившие воеводу Л. Обухова, и в качестве **заложника** насильно увезли в Даурскую землю» [51].

Здесь неверно указан год.

Однако скрепа, поставленная Ермогеном на изветной челобитной, ставит под сомнение утверждение, что его увезли в качестве заложника.

Теперь обратим внимание на одно важное место в изветной челобитной, а именно: «Да он же, воевода Лаврентей Обухов, приехав на Киренгу в прошлом во 172 [1664] году, своим воровским умыслом, выслав ево, попа, с Киренги за приставом на низ, и без него, попа Фомы, изнасильничал сильно жену ево, Фомину, Пелагейку Никифорову дочь блудным грехом».

Возьмем на себя смелость утверждать, что Пелагейка Никифорова дочь была дочерью Никифора Черниговского, а поп Фома Кирилов – его зятем. Тогда описанное здесь происшествие было бы одной из причин нападения на воеводу и бегства Никифора Черниговского на Амур.

Кое-какие документы о попе Фоме Кирилове удалось найти. Но не удалось найти главного. В росписи отписок, посланных в Москву воеводой Обуховым, упомянута отписка о попе Фоме Кирилове, но самой отписки в столбце нет, поэтому непонятно, почему Фома Кирилов был выслан в чужое Якутское воеводство и почему у него был приставом служилый человек Якутского воеводства Иван Деревня. Однако, будучи за приставом, Фома Кирилов особо

не был ограничен в своих действиях. В Чечуйске он подал челобитную с жалобой на сына боярского Федора Пущина:

«Царю [А. М., А. А.] бьет челом нищей ваш царской богомолец, усть-киренской никольской поп Фомище Кирилов. Жалоба, великие государи, нищему вашему царскому богомольцу Якуцкого острогу на сына боярсково на Федора Иванова сына Пущина.

В прошлом во 172 [1663–1664] году збежал у меня, нищево, из двора скупленой мой кабальной человек Чюгча, покрадчи животы мои и платье. И с теми животами пришел к нему, Федору в Чечюйскую волость. И ныне тот мой збеглой человек живет у него, Федора. А он, Федор, тово моево збеглово человека мне от себя не отдает, неведомо для чево.

<…> Пожалуйте меня, нищево своего царского богомольца. Велите, великие государи тово моево збеглово человека ему, Федору, отдать и с покраденым моим животом» [52].

Подробностей этого дела нет. Скажем только, что слово «нищий» не следует понимать буквально. Как служилые люди называли себя в челобитных «холопами», а крестьяне «сиротами», так и священнослужители называли себя «нищими богомольцами».

О том, что Фома Кирилов не был на самом деле нищим, свидетельствуют записи в таможенных книгах. В таможенной книге Чечуйского волока за 173 [1664–1665] год записано:

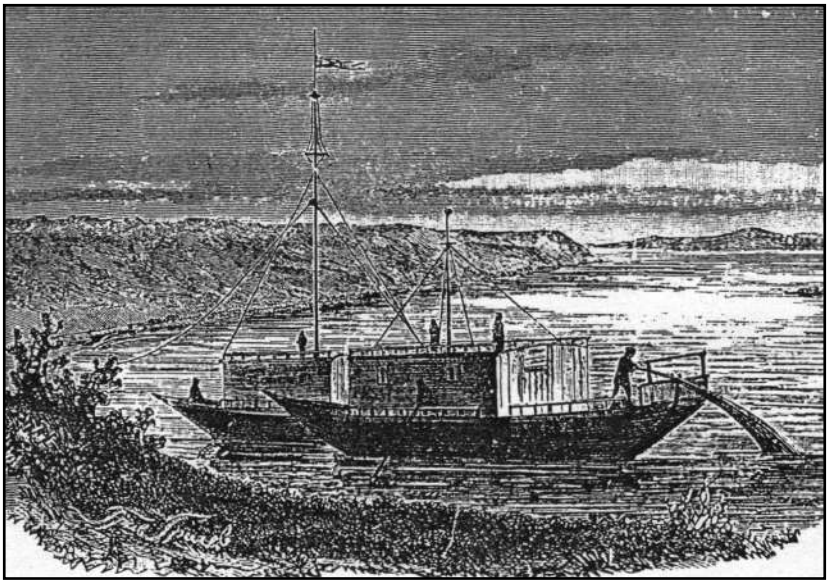
«Маия в 9 день [1665 г. — *Г. К.*] с усть-киренского никольского попа Фомы Кирилова, с перекупных ево со шти сороков соболей, десятой дватцать четыре соболя с хвосты взято» [53].

В другой таможенной книге за этот же год имеется обширная запись о покупках:

«Того ж месяца [мая 1665 г. — *Г. К.*], в 10 день, Якутцкого уезду Чичюйской волости пашенной крестьянин Степан Лукоянов продал усть-киренскому попу Фоме Кирилову промыслу своего девять соболей с хвосты. Взял девять рублев. Записной пошлины с продавца, с рубля по две деньги, итого три алтына взято.

Того ж числа промышленой человек Максимко Михайлов Сумкин продал иркуцкой [с] своей проезжей грамоты усть-киренскому никольскому попу Фоме Кирилову четырнатцать соболей с хвосты. Взял четырнатцать рублев. Записной пошлины с продавца, с рубля по алтыну, итого четырнатцать алтын взято.

Того ж числа промышленые люди Трофимко Иванов да Кирилко Федоров продали своего промыслу по киренской выписи усть-киренскому никольскому попу Фоме Кирилову семьдесят со-



Шитики на реке Лене

болей с хвосты. Взяли семьдесят рублев. С продавцов записной пошлины, с рубля по алтыну, итого два рубли три алтына две деньги взято.

Того ж числа промышленые люди Власко да Кирилко Осиповы устюжана продали усть-киренскому никольскому попу Фоме Кирилову пятьдесят пять соболей с хвосты. Взяли пятьдесят пять рублев. Записной пошлины с продавцов, с рубля по алтыну, итого рубль дватцать один алтын четыре деньги взято.

Того ж числа промышленые люди Васка Иванов кременщик да Оска Федоров вычегжанин продали по киренской выписке усть-киренскому никольскому попу Фоме Кирилову тритцать три соболя с хвосты. Взяли тритцать три рубли. С продавцов записной пошлины, с рубля по алтыну, итого тритцать три алтына взято» [54].

Затем Фома Кирилов поехал в Якутск. Там в явчей книге за 173 [1664–1665] год записано: «По чичюйской таможенной выписи у усть-киренского попа у Фомы Кирилова перекупных пять сороков шеснатцать соболей с хвосты. Десятая взята на Чичюйском волоку в таможне в нынешнем во 173 [1665] году мяхкою рухлядью сполна» [55].

Дата почему-то не указана, но, судя по месту записи, это было в июле. Так что во время пребывания Черниговского на Чечуйском волоке он с Фомой Кириловым не встречался. Затем Фома Кирилов вернулся на Чечуйский волок. Там о нем в приходной таможенной книге 174 [1665–1666] года сделана запись:

«Сентября в … день [1665 г. — *Г. К.*] отпущен с Чичюйского волоку из таможенной избы вверх по Лене реке к Ленскому волоку Усть-Киренского погоста поп Фома Кирилов.

А с ним отпущено перекупной мяхкой рухляди три сорока десять соболей с хвосты. А Чичюйского волоку по таможенной оценке тое у него мяхкой рухляди на сто на тритцать рублев. И с тое у него мяхкой рухляди на Чичюйском волоку великих государей десятая пошлина взята мяхкою рухлядью в нынешнем во 174 [1665] году.

Отъезжего с него — алтын. И с мяхкой рухляди по оценке, по деньге с рубля, печатных пошлин, итого дватцать алтын четыре деньги, посорокового — по четыре деньги с сорока, итого два алтына з деньгою.

И всего с него, Фомы, взято на Чичюйском волоку в таможне в казну великих государей дватцеть четыре алтына пять денег» [56].

Поп Фома Кирилов поехал в Москву. След его обнаружился в Верхотурье. Там на таможне проводился тщательный досмотр, а точнее, повальный обыск всех проезжающих из Сибири начиная с воевод и членов их семей и кончая промышленными людьми. Разрешалось искать утаенную мягкую рухлядь, даже зашитую в одежду. В «Росписи выимочной мяхкой рухляди» с 16 ноября по 5 декабря 1666 года записано: «Якуцкого острогу у попа Фомы Кирилова соболь ленской» [57].

В изветной челобитной, поданной Ивану Бурлаку, беглые люди жаловались на служилого человека Семена Епишева, который будто бы разгласил воеводе содержание мирской челобитной пашенных крестьян Усть-Киренской волости с жалобами на Обухова, вследствие чего воевода задержал отправку челобитной. Но как бы ни задерживал, не отправить ее он не мог. Семен Епишев доставил эту челобитную в Сибирский приказ вместе с другими отписками 6 марта 1665 года. Воевода Лаврентий Обухов был еще жив. Якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов в отписке сообщал:

«В нынешнем, великий государь, во 171 [1663] году, августа в 17 день, били челом тебе, великому государю [А. М.], а в Якут-

цком остроге в Съезжей избе мне, холопу твоему, за илимских пашенных крестьян [перечисляются имена, указанные в челобитной, которую мы приведем ниже. — *Г. К.*] и во всех достальных Усть-Киренские волости пашенных крестьян место подал челобитную служилой человек Артюшка Салдат за их, пашенных крестьян, руками в обидах и в продажах, и в грабежу, и в насильствах на твоих великого государя илимских воевод.

И я, холоп твой, ту их челобитную под сею отпискою послал к тебе, великому государю [А. М.] к Москве» [58].

В крестьянской челобитной написано:

«Царю [А. М.] бьют челом сироты твои, Илимского уезда Усть-Киренские волости пашенные крестьяне:

Микитка Макаров [Чепиных]
Марчко Микитин
Ивашко Филипов [Бутора]
Мартынко Терентьев [Пахарук]
Якушка Михайлов [Рябухин]
Фетька Олексеев [Балаган]
Ивашко Еремеев [Микулка]
Тренька Карпов [Чугуевский]
Ивашко Романов [Куц]

и вовсех достальных Усть-Киренские волости пашенных крестьян место, которые, наша братья, и мы, сироты, пашем на тебя, великого государя, десятинную пашню от Якуцкого присуду от Чечюйского волоку по Лене вверх до усть Куты реки.

Пашем мы, сироты твои, на тебя, великого государя, десятинную пашню, а что с той нашей пахоты родитца, и тот десятинной хлеб посылаетца в Якутцкой острог твоим великого государя служилым людем, ружником и оброчником на жалованье нами на тот корм.

А ведают нас, сирот твоих великого государя, воеводы из Ылимского острогу. И нам, сиротам, от тех илимских воевод — продажи и изгони большие: емлют нас, сирот, и волочат по зазывным памятем в Ылимской острог безпрестанно, а мы, сироты, по Лене реке живем от Илимского острогу в дальном расстоянии.

Да оне же, Илимского острогу воеводы, приезжают к нам, сиротам, на Усть-Киренгу сами и детей своих присылают по двое на год. И нам, сиротам твоим, — продажа и изгоня великая. Приезжаючи, те воеводы и дети их воевоцкие, на нас, сиротах, корм и подводы правят, посулов и поминков себе на нас, сиротах, спра-

шивают. И от той их воевоцкой изгони наша братья, пашенные крестьяне, бегают.

И в нынешнем, великий государь, во 171 [1663] году, от изгони из-за пристава лутчей твой великого государя усть-киренской пашенной крестьянин Стенька Костянтинов Красноштан безвестно утерялся. А, чают ево, Стеньку, что утопился в воду.

И нам, сиротам твоим, под Ылимским присудом жить немочно от напрасных воевоцких продаж и налоги, отбирают у нас, сирот, илимские воеводы напрасными своими приметами, скотом и хлебом. И от того мы, сироты, обнищали и обдолжали великими своими неискупными долги.

А к Москве бити челом тебе, великому государю, те илимские воеводы нас, сирот, не отпускают, чтоб тебе, праведному и великому государю, про наши, сирот твоих, нужи и их, илимских воевод, к нам, сиротам, разоренье было ведомо.

А которые, наша братья, пашенные крестьяны, пашут твою великого государя пашню под Якутцким острогом в Чечуйской волосте, тем пашенным крестьяном от твоих великого государя стольников и воевод из Якуцкого острогу изгони и продажи нет.

Да у нас же, сирот, жили по деревнишкам и работали из наймов промышленные гулящие люди. И тем промышленным и гулящим людем от тех твоих великого государя Илимского острогу воевод по тому же изгоня и обида болшая. И видячи милость и ласку из Якуцкого острогу от твоих великого государя стольников и воевод, те промышленые гулящие люди вышли все в Якуцкой уезд в Чечюйскую волость. А мы, сироты, пашенные крестьяна, людишка бедны и одинакие, безлюдные, и пахать у нас, сирот, некому.

<…> Вели, государь, нам, бедным сиротам своим, быть под Якуцким присудом, с Чечюйскою волостью вместе. И вели, великий государь, нас ведать во всем своим государевым стольником и воеводам из Якуцкого острогу, а не с Ылиму.

И вели, великий государь, сию нашу челобитную принять Якуцкого острогу своему государеву стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большему Голенищеву-Кутузову, и под отпискою послать к себе, праведному и великому государю к Москве, чтобы нам, бедным сиротам твоим, будучи под Ылимским присудом, от илимских воевод продажи и налоги, и досталь вконец не погинуть, и врознь не розбрести, а твоей бы великого государя десятинной пашни впусте не покинуть» [59].

Была ли просьба киренских крестьян передать их в Якутский

уезд искренней, или она была лишь хитрой уловкой, чтобы их жалобу на воеводу Обухова отправить законным и легким путем, неизвестно. Еще каких-то шесть лет назад, в 1657 году, эти же крестьяне, которых донимала ямская гоньба, просили присоединить Чечуйскую волость к Илимскому уезду, чтобы уменьшить свои тяготы. Якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову челобитная была как нельзя кстати. Его хвалили крестьяне соседнего воеводства, которые жаловались на своего воеводу, что тот силой заставлял их писать хвалебные челобитные в Москву с просьбой продлить его полномочия.

Упомянутый в челобитной пашенный крестьянин Стенька Константинов Красноштан, ссыльный воронежский черкашенин, пахал в деревне Ульканской, в 140 километрах выше Киренска. Это предок ленских Красноштановых, и сейчас живущих в Киренском районе. За какие столкновения с воеводой или их детьми он был отдан «за пристава», неизвестно. Пропал ли Стенька Красноштан безвестно или нашелся, сказать с уверенностью нельзя. Во всяком случае, в окладной книге за 173 [1664–1665] год вновь встречается его имя. Может быть, записан он здесь по старой памяти (были случаи, когда умерших крестьян продолжали писать в книгах). За 172 [1663–1664] и 173 [1664–1665] годы книги не сохранились. А в ужинной книге за 175 [1666] год упоминается его старший сын Пашка Красноштанов, которому в то время было 19 лет.

Покинув Чечуйск, Никифор Черниговский и его люди приплыли на Захаровскую заимку (сейчас Петропавловск), в 28 километрах ниже Чечуйска. Там они ограбили торгового человека Мишку Стахиева сына Гусельникова. Мишка Стахиев был племянником гостиной сотни торгового человека Василия Федорова Гусельникова, который вел обширную торговлю на Лене и на северных реках. Мишка Стахиев Гусельников бывал на Яне и Индигирке. В челобитной он писал:

«Жалоба, великие государи, мне, сироте, на промышленых людей:
на Олексея Иванова сына Мешкова
да на Григорья Степанова Коровника
на Степана Федорова Косово

в том, что в нынешнем, великие государи, во 173 [1665] году, живучи я, сирота, в Чечюйской волосте на заимке пашенного крестьянина Захара Игнатьева, помогали мне, сироте, оне, Олексей и Григорей, и Стефан, носить и хоронить живот мой и хлебной

запас на лес от грабежу в Даурскую землю беглецов, Микифорка Черниговсково с товарыщи.

А я, сирота, бояся от него, Микифорка, к себе смертного убойства и мученья напрасного, по тому же убежал на лес.

И как те даурские беглецы, воры, Микифорко с товарыщи, пришли на тое заимку к Захару Игнатьеву, и оне, Олексей и Григорей, и Стефан, на те мои похоронные хлебные запасенка и на животишка тех даурских беглецов, Микифорка Чернеговсково с товарыщи, по лесом водили и указывали, изгоняючи меня, сироту.

И по их, Олексееву и Григорьеву, и Стефанову, оговору и наводу те воры, Микифорко Чернеговской, взяли у меня, сироты, на лесу хлебного моево запасу семьдесят пуд муки ржаной да животишка моево, гарна, на десять рублев. И меня, сироту, оне, Олексей и Григорей, и Стефан, учинили без промыслу, без торгу тем своим оговором.

А ныне он, Олексей, с Чечюйской волости приплыл в Якутцкой острог. А Григорей Стефанов и Стефан Федоров ныне в Чечюйской волосте» [60].

Алексей Иванов сын Мешков был в Якутском остроге допрошен и сообщил другие подробности.

«Олешка Мешков в роспросе своем сказал, что де в нынешнем во 173 [1665] году он, Алешка, с товарыщи своими з Гришкою Степановым да с Стенькою Косым и с ним, Мишкою, ево, Мишкины, хлебные запасы, три бочки, пуд по дватцети, хоронили в солому от воровских людей, от беглецов, от Микифорка Черниговского с товарыщи. И тот де запас был в соломе две ночи.

И как де тот запас был две ночи, и те де воровские люди, два человека, Федьки Осипова дворовые люди, увидели. И тот де запас по ево, Мишкину, приказу ис той соломы скатили в лес. А он де, Мишка Стохеев, тот же запас тут же вместе с ними в лес скатил.

А ево, Микифорка с товарыщи, водил он, Олешка, к ево, Мишкину, хлебному запасу потому, что де не мог Микифорковы муки претерпеть. И ево, Олешку, пытали и на огонь поднимали. А пытал ево Мишка Сапожник.

А сказали де ему, Микифорку, люди Стенки Лукиянова да Федьки Осипова про него, Олешку, что де он, Алешка, тот запас Мишки Стахеева знает. И он де, Микифорко, с товарыщи потому ево, Олешку, и взяли и про ево, Мишкины, хлебные запасы роспрашивали. И он де, Алешка, потому им тот хлеб и указал.

А на живот де ево, Мишкин, ево, Микифорка, не приваживал и не указывал ж их взять» [61].

Конца нет.

Упомянутые здесь Федька Осипов Охлопков и Стенька Лукиянов Зайков (он же Чёрный) были пашенными крестьянами, пахали на Сполошенском лугу. Их «люди» — это либо работники, либо дворовые. Потомки Стеньки Лукиянова по фамилии Черных и сейчас живут в Киренском районе.

Пребывая на Сполошенском лугу, Никифор Черниговский решил заплатить приказному человеку Ивану Бурлаку за награбленное имущество.

«А за тот грабеж оне, воровские люди, прислали к нему, Ивану, Чичюйские волости из деревни Сполошенново лугу Якутцкого острогу [с] служилым человеком с Ывашком Деревнею за угрозой, чтоб ту посылку он, Иван Деревня, взял и отвез бы к нему, Ивану Бурлаку, кумган медной лужоной да три братины медных же, ветчаных. И он, Ивашко, тое посылку от них привез и объявил в Судной избе приказному Ивану Васильеву сыну Бурлаку. А в то время он, Ивашко, был в приставах на Сполошном лугу за попом Фомою.

И тот грабленой живот, кумган и братины, приказной человек Иван Васильев сын Бурлак, пересмотря, велел записать и, запечатав, велел положить на Чичюйском волоку в Богородицкую казну до указу великих государей и до ведома стольника и воеводы Ивана Федоровича большего Голенищева-Кутузова» [62].

В 20 километрах ниже деревни Сполошного луга была заимка якутского сына боярского Федора Пущина. Она тоже подверглась ограблению. Федор Пущин подал явочную челобитную:

«В нынешнем, великие государи, во 173 [1665] году, убив вашего государева илимского воеводу Лаврентья Обухова, воры, Илимского острогу пятидесятник казачей Никифор Черниговский с товарыщи, с пашенными крестьяны, побежали в Даурскую землю. И в том побеге, пловучи по Лене реке, пристали ко мне, холопу вашему, в деревнишку, и без меня, холопа вашего, женишку мою пограбили: платьишко и ружье, и всякую посуду, оловянную и медную, и пашенной завод — косы и ральники, серпы и топоры — с собою побрали и скот побили, и хлебные запасы пограбили ж.

А что имянно тех моих всех пожитков пограбили, тово я, холоп ваш, имянно заочи написать не умею, потому что я, холоп ваш, в то время был в Якутцком остроге.

Да оне ж, воры, пловучи, взяли с собою вневолю моих дворовых двух человек: Афоньку Прокопьева да Ефремку.

И тем своим грабежем и воровством меня, холопа вашего, до конца разорили» [63].

В челобитной Федора Пущина упомянуты имена двух его дворовых людей, бежавших вместе с Никифором Черниговским на Амур. В более поздних документах упоминается еще один его человек, некий Пахомка, который бежал из Албазина в Китай. С ним в Пекине встретились люди из русского посольства. Подробнее об этой встрече будет рассказано в следующей главе.

Возможно, Федор Пущин и Никифор Черниговский когда-нибудь встречались, но документов об их встрече нет. А встречи служилых людей Якутского и Илимского воеводств бывали постоянно. Но сейчас было не до личных отношений.

Подробностей ограбления нет. Жена Федора Пущина, конечно же, не могла противостоять грабителям, хотя и была не из робкого десятка.

Ниже деревни Федора Пущина до Пеледуя (в 15 км ниже устья Витима) в то время никаких деревень не было. А на устье Пеледуя недавно поселился пашенный крестьянин Ивашко Кондратьев. Он был сыном пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Кондрашки Моисеева, пахавшего в деревне Захаровой. Ивашко Кондратьев впоследствии получил фамилию Панов. Его тоже ограбили беглые люди. Ивашко Кондратьев подал челобитную:

«Царю [А. М., А. А., Ф. А.] бьет челом сирота ваш, Чичюйские волости пашенной крестьянин Ивашко Кондратьев.

В прошлом, великие государи, во 173 [1665] году [у] усть Пеледуя речки, на новой пашнишке моей, Якуцкого острогу служилой человек Иван Михайлов Деревня оставил у меня, сироты, для бережи мне, сироте, от иноземцов пищаль.

И в прошлом же, великие государи, во 173 [1665] году Илимского острогу служилые люди, в Даурскую землю беглецы, Микифорко Черниговской с товарыщи, пришед на ту пашню, пограбили меня, сироту твоего, и тое пищаль у меня сильно грабежем взяли.

Да моего живота оне же, Микифорко, грабежем взяли:

двои ральники, цена десять рублев
два топора дроворубных, цена два рубли
сковороду, цена рубль
четыре пальмы, цена четыре рубли
одеяло баранье новое, цена четыре рубли

да коробью окованную со всякою домовою мелочью, а мелочи в той коробке было на пятнатцать рублев.

А ныне он, Иван, в той пищале на меня, сироту, вам, великим государем, бьет челом.

<...> Велите, великие государи, по своему великих государей указу и по соборному уложенью в той пищале свой великих государей указ учинить» [64].

На обороте: «К сей челобитной вместо пашенного крестьянина Ивана Кондратьева по ево веленью Петрушка Жаравлев руку приложил».

Недалеко от устья Олёкмы стоял небольшой острожек. В нем находились приказчик и служилые люди. Главной их обязанностью был сбор ясака и таможенных пошлин. Им же вменялось в обязанность не пропускать на Олёкму беглых людей. Острожек по реке шириной в несколько километров можно было бы легко обойти незамеченным. Но Никифор Черниговский со своими людьми там приставал, однако вовсе не для того, чтобы брать его приступом. Приказчиком Олёкминского острожка в то время был ссыльный поляк, якутский сын боярский Федор Тышкевич. С ним можно было договориться.

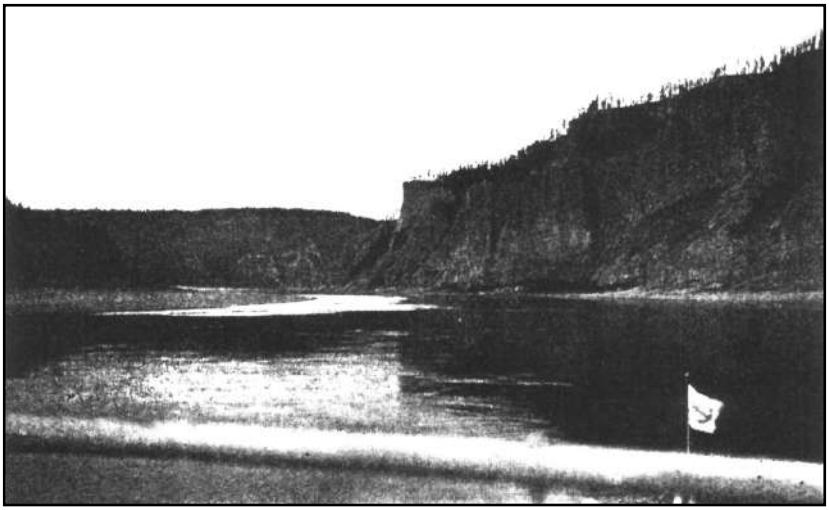
Описания Олёкминского острожка того времени нет. Через 70 лет после побега Никифора Черниговского от острожка не осталось и следа. Вот что записано в «Описании реки Лены» переводчика экспедиции Академии наук И. Яхонтова, относящемся к 1735 году:

«Здесь ныне острогу не имеется, а был прежде того небольшой острог, четыреугольной, стоячей, без башен, в котором строения было только два казенныя анбара, один хлебной, другой, где содержалось ясашная казна. Подле острогу от реки Лены было зимовье, в котором присланные прежде того из Якуцка для збору ясаку служилые жили. А ход в оной острог был из помянутого зимовья» [65].

Однако же ворота в острожке все-таки были. Например, в наказной памяти якутскому сыну боярскому Гарасиму Кондратьеву от 5 июня 1663 года было приказано: «Да тебе ж, Гарасиму, построить с полчаны своими в остроге в новом ворота» [66].

Незадолго до этого Олёкминский острожек был построен заново.

О пребывании в Олёкминском острожке Федька Черниговский рассказывал:



Река Лена ниже Киренска

«А на усть Олёкмы взяли две пищали у служилых людей сильно ж, грабежем. А дали за те пищали только четыре соболишка.

Да тут же на усть Олёкмы реки взяли лагун муки ржаные приказново человека Федьки Тушкевича. А дали ему за тое муку тритцать соболей» [67].

Лагун — это род бочки. За лагун муки — 30 соболей! Это уже была взятка. Вспомним, что на Чечуйском волоке за 150 пудов муки они дали лишь 16 соболей торговому человеку В. Протопопову.

Покинув Олёкминский острожек, Никифор Черниговский пошел вверх по Олёкме. Федька Черниговский рассказывал:

«Да на Олёкме реке грабежем взяли дощаник торгового человека Лучки Новосёлова с хлебными запасы и покрученики, да три дощаника Семейки Татарина, да Микифорка Бобровского с покрученики и с хлебными запасы. А четвертой дощаник у них же, Семейки и Микифорка, переменили.

А хто де ис тех ис промышленых людей похотел итить в Даурскую землю, и те де с отцом ево, Микифорком, с товарищи и пошли. А иные промышленные люди поворотилися назад на Лену реку.

И по Олёкме реке шли они, Федька, до усть Тугиря реки на семи дощаниках. А собралося де их всех, воровского их войсково,

на тех семи дощаниках восемьдесят четыре человека. А на воевоцком грабежу и убийстве только было дватцать два человека» [68].

О торговом человеке Никифоре Дорофееве Бобровском известно, что он в 1668 году предпринял поездку на Индигирку на своем коче [69], был колымским таможенным целовальником в 1675–1676, 1684–1686 годах [70].

Подробности ограбления Луки Новосёлова сообщил через полтора года его отец Петр Новосёлов. Его сын по какой-то причине в это время уже умер. Петр Новосёлов — тобольский житель, крупный сибирский торговый человек, в 1647 году был таможенным целовальником на Колыме, впоследствии был ленским таможенным головой. Его сын Лука — Тобольского города посадский человек [71].

В челобитной Петра Новосёлова написано:

«В прошлом, государь, во 173 [1665] году сынишко мой покойной Лучка Петров отпущен был с Усть-Киренги и с Чичюйского волоку ис таможен на соболиной промысел на два годы на дву дощаниках пятнатцати ужины по Олёкме реке за камень.

И в прошлом же, государь, во 173 [1665] году, августа в 1 день, постигли сынишка моево Лучку на Олёкме реке беглые воровские изменники, убойцы, убив илимского воеводу Лаврентья Обухова.

И Илимского острогу казачей пятидесятник Микифорко Романов Черниговской з детьми своими да Якуцкого острогу служилой человек Федотко Лукьянов, да усть-киренские пашенные крестьяне Осипко Васильев Подкаменной да Мишка Иванов Сапожник, да Ивашко Еремеев Микулка с товарыщи под Лагуновым порогом, и постигши сынишка моево Лучку, ограбили безостатку, дочиста, и вконец разорили» [72].

Лагунов порог на современной карте не обозначен.

Далее идет перечисление награбленного, в том числе 800 пудов хлебного запаса, пяти пищалей, восьми фунтов пороха, восьми фунтов свинца, постельных принадлежностей, обуви и одежды, орудий для лова соболей, десяти промышленных собак, невода, сетей.

«А всего того грабежем взяли они, воры, Микифорко Черниговской с товарыщи, у сынишка моево Лучки хлебново запасу и промышленного всякого заводу, и русково товару, и всяково животново, и покрученик, что на годы на платье давано, и во что тот подъем стал на промысел сынишку моему Лучке, на тысячю на пятьсот на пятьдесят на пять рублев.

Да с ним же, Микифорком Чернеговским, с товарыщи ушло покрученик должных и выкупных сынишка моево Лучки восмь человек. Да он же, Микифорко Чернеговской, с товарыщи взял у сынишка моево Лучки на тех покрученик кабал и бескабальных пameток долговых на двести на шездесят рублев.

А поднимался на промысел на Олёкму реку сынишко мой Лучка должным, займовал на подъем деньги и запас в большу самую цену, у торговых и у служилых, и у промышленных должался. И в том должном животе давал кабалы с приписью торговым людем и служилым. И ныне, государи, тех долгов по кабалам сынишка моево Лучку покойного просят на мне, сироте твоем. А мне, государи, сироте твоем, платить по тем кабалам нечем таких неоткупных больших долгов» [73].

Один из покрученик Луки Новосёлова прибыл в Якутский острог и рассказал воеводе о намерениях участников побега. Воевода послал в Илимский острог приказным людям, подьячим Никите Иванову Ларионову и Ивану Артемьеву Распутину, которые временно управляли Илимским воеводством после убийства Л. Обухова, память:

«Лета 7174 [1666], марта в 19 день. По указу великого государя память на Илимской волок в Ылимской острог приказным людем Миките Иванову, Ивану Ортемьеву.

В нынешнем во 174 [1666] году извещал словесно в Якуцком остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большему Голенищеву-Кутузову промышленой человек Петрушка Алексеев, а в ызвете своем сказал, что де он, Петрушка, покрутился на покруту у торгового человека у Лучки Новоселова на два годы. И с Чечюйского де волоку он, Петрушка, пошел с ним, Лучкою, по Олёкме реке вверх.

И шли де вверх по Олёкме реке четыре недели. И пришли де к ним воры, которые бежали с чечюйского волоку в Дауры, пятидесятник Микифорко Черниговской с товарищи, с сыном своим Федькою, с тритцетью человеки на Олёкме реке, и настигли де ево, Луку, в каменю подле Лагуновых порогов ночью.

И ево де, Лучку, к воде приводили и хотели сколоть досмерти, и живот ево пограбили. И он де, Лучка, воротился назад, с ними не пошел. А ево, Петрушку, взяли сильно с собою. И шли де с ним, Никифорком, две недели. И он де, Петрушка, убежал из Лагунова порогу.

А Микифорко де с товарищи, собрався всего з девяносту

человеки, думает, пришед за волок в Лавкаево, и зделать острог, пашни завести, и заведчи пашни, думает жить в Лавкаеве, будет родитца хлеб. А из Лавкаева де хочет он, Микифорко, з детьми своими итить по жену свою и по детей с Верхоленья реки вниз по Лене реке, да вверх по Олёкме реке и, взяв их, итить назад тою ж дорогою в Лавкаево.

А достальные де ево товарищи думают итить, которые не хотят пашни пахать, в Нерчинской острожек к сыну боярскому к Лариону Толбозину. А иные де хотят итить назад по Олёкме реке в нынешнем же во 174 [1666] году летом.

И как к вам ся память придет, и вам бы по указу великих государей велеть тех воровских беглых людей, Микифорка Черниговского с товарищи, жен их и детей, посадить в тюрьму до указу великих государей, чтоб впредь в другой ряд воровского заводу не учинили» [74].

Лавкаев городок — бывший городок князя Лавкая на левом берегу Амура, чуть ниже впадения в Амур речки Урки, где сейчас находится поселок Игнашино. Там находилось пригодное для пашни место. Однако, как показали дальнейшие события, Никифор Черниговский на Лавкаевом лугу не остановился, а спустился вниз по Амуру и обосновался в разрушенном со времен Ерофея Хабарова городке Албазине. Албазин находился ниже Лавкаева городка в 160 километрах.

Следует обратить внимание, что среди бежавших не было единого мнения о дальнейших действиях.

Кроме Петра Новосёлова жалобу подавали и другие торговые люди. Ее переслали в Сибирский приказ. В записной книге воеводских отписок Сибирского приказа за 175 [1666–1667] год отмечено, что 20 сентября 1666 года была получена «отписка против челобитья торговых людей Сенки Татарина с товарыщи на Микифорковых детей Черниговского в грабежных животах» [75]. Однако эту отписку обнаружить не удалось.

На следующее лето после побега Н. Черниговского в Якутском остроге получили о нем известие от приказного человека Олёкминского острожка сына боярского Петра Иванова Цынбеева. Он писал:

«В нынешнем во 174 [1666] году, июня в первый день, по се число во Олёкминском острожке, дал Бог, все здорово. <…>

Да мая в двадесят девятой день приплыли служилые люди с верх Олёкмы ис Тугирсково острошку. А сказываютца, что пол-

ку Лариона Толбозина, оставлены были в Тугирском острошку у хлебных запасов и у казны Богородицкой у воску. А сказывают, что де грабили их в Тугирском острожке беглые воровские люди, Микифорко Черниговской с товарищи, десятник Зотька Титов Нерчинского острогу да Енисейского острогу Кузька Филипов, да Ивашко Семенов Круглой.

А что у них спаской и богородицкой казны и всяково борошну, и мяхкой рухляди, и их, служилых людей, пожитков, и то все на двои мере записано на роспись. И ту роспись их, служилых людей, послал х тебе в город с своими служилыми людьми, с Федькою Жуком да с Мартынкой Каковским.

Да с ними же на дощанике выплыл промышленой человек Левка Терентиев, покрученик Луки Новоселова. А сказывает, что де ушел от беглых людей, от вора Микифорка Черниговского с товарищи. А посылал де ево с ними хозяин ево за судовою снастью.

А что за ним, Левкою, каких вестей, и он, Левка, хотел сказать перед тобою, стольником и воеводою, Иван Федорович.

И о том о всем, как укажешь?» [76].

Через десять дней, 7 июня 1666 года, отписка была получена в Якутске.

После прибытия в Якутский острог десятник Зотька Титов и его товарищи были допрошены воеводой.

«174 [1666] году, июля в 23 день, в Съезжей избе стольник и воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов Енесейского острогу служилых людей, десятника Зотьки Титова да Куски Филипова, да Ивашка Семенова, допрашивал, сколько воры, Елизарко с товарыщи да Микифорка Чернеговского товарыщи, казны взяли, воску и свеч, и сколько соболей положил Елизарко с товарыщи, и сколько положили воры, Микифорка Черниговского товарыщи.

И Енисейского острогу служилые люди Зотька с товарыщи в роспросе своем сказали:

В прошлом де во 172 [1663–1664] году воры, Елизарко с товарыщи, взяли богородицкой казны, воску и свеч, полчетверта [3,5] пуда. И за те де свечи те воры, Елизарко с товарыщи, кинули полчетверта сорока соболей. А про те де мы соболи не знаем, что те соболи ево ли, Елизарка с товарыщи, или воровские, грабленые.

Да в нынешнем во 174 [1665–1666] году вора Микифорка Черниговского товарищи взяли богородицкой казны семь пуд свеч восковых. А за те свечи кинули полтретья [2,5] сорока соболей

да три сорока десять пупков, да одиннатцать хвостов собольих. А про те де мы соболи и пупки, и хвосты мы не знаем, что де их ли промыслу или воровские, грабленые» [77].

Конечно, по современным ценам это был не грабеж, а хороший подарок.

Елизарко, о котором идет здесь речь, — это казак Елизарко Семенов Донщина из амурского войска Хабарова. Выйдя после разгрома этого войска на Лену, он собрал ватагу служилых людей и, ограбив пашенных крестьян, бежал в Даурскую землю.

«А тот де воск вез с собою Ларион Борисович Толбозин, одиннатцать пуд, в Нерчинской острог х Богородице. И он де, Ларион Борисович, пошел ис Тугирсково зимовья нартным путем. И тое богородицкие казны воску ис Тугирсково острогу не повез тое казны за тягостью. А хотел из Нерчинского острогу по ту казну прислать. И по ту казну он, Ларион, и по сю пору не присылывал» [78].

Однако эту казну пытался вернуть в Нерчинск тобольский сын боярский Данило Аршинский, сменивший Лариона Толбузина, и отправил отписку в Москву:

«Государю [А. М., А. А., Ф. А., И. А.] холоп ваш, великих государей, Данилко Аршинской, челом бьет.

В прошлом во 169 [1660–1661] году воевода Офонасей Пашков выслал ис Даур из Нерчинского острогу в Енисейской острог церковные Воскресенские казны два сорока дватцеть соболей [100 штук. — *Г. К.*]. А велено на те соболи купить воску скани. И на те церковные соболи в Енисейском куплено воску девять пуд скани.

И та церковная казна в Енисейском дана Лариону Толбозину, как он, Ларион, по вашему великих государей указу шел в нерчинские остроги на перемену Офонасью Пашкову. И тое церковную казну Ларион допровадил до Тугирсково острошку. И ис Тугирсково острошку пошел он, Ларион, через Тугирской волок зимним путем. А у тое церковные казны оставил даурсково служилово человека Зотейка Титова.

И в прошлом де во 172 [1664] году бежали с великия реки Лены через Тугирской волок воровские люди, Елизарко Донщина с товарыщи, и взяли у него, Зотейка, силно церковные казны четыре пуда свеч. А дали де ему за свечи полчетверта сорока соболей [140 штук. — *Г. К.*].

Да в прошлом же де во 174 [1665] году шли с великие ж реки Лены беглые люди, Микифорко Чернеговской с товарыщи, и взяли у него, Зотейка, из достальные церковные казны свечи сильно,

и бросили де ему, Зотейку, за те свечи полтретья сорока соболей [100 штук. — *Г. К.*].

А всего было у него Зотейка взборе церковные казны шесть сороков [240 штук. — *Г. К.*]. И он, Зотейка, живучи в Тугирском острошке, после грабежу беглых воровских людей заголодал. А в Нерчинской острог попасть не мог. И с тою церковною казною он, Зотейко, выплыл в Якуцкой. И в Якуцком де воевода Иван Голенищев у нево, Зотейка, тое государеву казну взял в вашу великих государей казну» [79].

Получается, что беглые люди, даже не забрав все свечи, заплатили почти в два с половиной раза больше, чем потратил на покупку всех свеч Ларион Толбузин.

Выяснилось, что эту казну якутский воевода потратил на оплату торговым людям.

В конце своей сказки Федька Черниговский сообщил:

«И пришед де они на усть Тугиря, з дощаников вон сносились и пошли за волок по Тугирю реке нартами.

А он де, Федька, з братьями зимовал тут же на усть Тугиря реки. И на весне поплыли на нис по Олёкме реке, и выплыли на Лену реку. А на Лене де реке взял их, Федьку з братьями, якуцкий сын боярской Тимофей Чернышёв. А с отцом де своим, с Микифорком, в Дауры они, Федька з братьями, не пошли.

Да им же де, Федьке з братьями, сказывал промышленной человек Федька Терентьев, который приезжал к ним, Федьке, на усть Тугиря реки, что убили де тово их воровского сбору тунгуские люди пятнатцать человек, которые де ходили от отца ево, Федькина, от Микифорка, на тех тунгусов в поход.

Да к ним де, Федьке з братьями, на усть Тугиря реки промышленные люди, Еремка Елфимов с товарищи, приходил с двенатцати человеках и взяли у них, Федьки, две пищали да лук. А их хотели убить. И они де у них от тово убийства отплакались» [80].

Упомянутый здесь Тимофей Чернышёв (Чернышевский) был сосланным на Лену военнопленным поляком. При обмене военнопленными ехать в Польшу отказался. Умер на Лене.

А промышленный человек Еремка Елфимов с 12 человеками, видимо, послан был Никифором Черниговским за сыновьями.

Федька не сказал, почему у них произошел разлад с отцом и почему они решили вернуться на Лену, прекрасно понимая, что им не избежать наказания. Видимо, рассчитывали, что повинную голову меч не сечет. Возможно, что заскучал Федька по молодой

жене. Женился он недавно, по окладной книге 169 [1660–1661] года числился холостым.

Вот что сообщил в Сибирский приказ якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов после поимки братьев Черниговских:

«В нынешнем, великий государь, во 174 [1666] году, июня в 10 день, поймали воров изменничьих, против Каменки реки, Илимского острогу пятидесятника казачья Микифорка Черниговского, трех человек, Федьку да Ониску, да Васку Черниговских Якутского острогу сын боярской Тимофей Чернышевской да человек мой Иващко Соколов. А привезли, великий государь, ко мне, холопу твоему.

И яз, холоп твой, их, Федьку и Ониску, и Васку пытал в застенке накрепко. И они, Федька и Ониска, и Васка, с пытки мне, холопу твоему, сказали, что де отец их, Микифорко, Илимского острогу воеводу Лаврентья Обухова грабить с ними умышлял, а не убить; что де ево, Лаврентья, везти до Чечуйского волоку и на Чечюйском де волоку отпустить ево, Лаврентья, назад.

А закололи де ево, Лаврентья, пальмою у берегу на Лене реке, повыше курьи, Якутцкого острогу служилой человек Федотко Лукиянов да с ним промышленной человек Матюшка Максимов.

А было де, великий государь, их всех в заговоре, что ево, Лаврентья, пограбить, дватцать два человека.

А животы де ево, Лаврентьевы, отец их, Микифорко, пограбя, разделил их с товарищи своими. И их, Федькин и Онискин, и Васкин, пай взял с собою. И взяв де тот живот с собою, ушли де они в Даурскую землю. И им де отец их того паю не дал, для того, что де они в те поры от него, Никифорка, норовились уйти к тебе, великому государю, с повинною.

А про тот де, великий государь, грабеж ведают все Киренского погосту промышленные люди и пашенные крестьяне. Немногие де, великий государь, про такое дело не ведают.

И яз, холоп твой, тем оговорным людем послал память за своею рукою на Илимской волок к сыну боярскому к Алексею Ларионову. И велел я, холоп твой, тех оговорных людей дать ему, Алексею, на поруки з записью до очных ставок с ними, ворами.

А на Илиме де, великий государь, про то дело дети боярские и подъячие Пашко да Ондрюшка Ивановы и служилые люди ведают ли и в заговоре были ль, того они не ведают. Только де они, Пашко и Ондрюшка, говорили: сам де он, Лаврентей, не воскрес, а нас погубил.

А зять де их, Петрушка, что за ним, Петрушкою, сестра их, и матери, и жены их не знали. Только де узнали в те поры, как де отец их, Микифорко, с товарищи побежал в Даурскую землю. И оне де на него являли всем пашенным крестьяном.

А взял де отец их с собою в Даурскую землю вневолю. И они де с ним пошли, бояся смерти от отца своего, что де их не убил.

А сколько, великий государь, статков после его, Лаврентьевы, смерти взяли, и тому, государь, послана на Илимской волок роспись за моею ж, холопа твоего, рукою.

А тех, великий государь, изменничьих детей яз, холоп твой, пошлю к нему, Алексею, на Илим в нынешнем же во 174 [1666] году для подлинного сыску и очных ставок» [81].

По этой отписке определить место, где были пойманы сыновья Н. Черниговского, а вернее, где они сдались, точно нельзя, так как «Каменка» — довольно распространенное название многих речек, впадающих в разных местах в Лену. Да и названия речек менялись по нескольку раз. Но можно высказать предположение, что это место находится напротив устья реки Олёкмы, по которой только и можно было возвратиться с Тугирского волока. Здесь впадает в Лену как раз речка Каменка.

Алексей Ларионов, здесь упомянутый, — это тобольский сын боярский Алексей Ларионов сын Расторгуев-Сандалов, временно управлявший Илимским воеводством до приезда нового воеводы С. О. Оничкова. Память, которую якутский воевода посылал ему, обнаружить не удалось.

Из показаний Федьки Черниговского следует, что убийство воеводы не входило в намерения заговорщиков.

Подьячие Пашка да Ондрюшка Ивановы — так неточно назвал якутский воевода подьячих Павла Иванова Пежемского и Андрея Иванова Попова. Они были на дощанике вместе с Л. А. Обуховым во время его убийства. Их отписку об обстоятельствах убийства воеводы мы приводили выше. Почему-то у якутского воеводы возникло подозрение, что они тоже были участниками заговора.

Здесь следует обратить внимание на то, что убийцами воеводы Л. Обухова Федька Черниговский называл якутского служилого человека Федотку Лукьянова и промышленного человека Матюшку Максимова, тогда как потом, будучи в Албазине, Никифор Черниговский называл пашенных крестьян Осипка Васильева Подкаменного и Ивашку Еремеева Микулку.

Нужно обратить внимание также на то, что в показаниях Федьки Черниговского упомянута дочь Н. Черниговского, которая была замужем за Петрушкой. Это был целовальник Петрушка Якимов Осколков, которого вез скованным в Илимский острог воевода Л. Обухов за какие-то прегрешения. Может быть, и это было одной из причин нападения на воеводу. Ранее мы уже упоминали, что впоследствии Петрушка Якимов Осколков некоторое время был приказчиком Албазинского острога.

Сыновья Черниговского были отправлены из Якутского острога в Илимский острог. 11 ноября 1666 года Федька Черниговский дал сказку новому илимскому воеводе С. О. Оничкову, которая по частям приведена в этом повествовании.

Среди людей, которые готовились вместе с Никифором Черниговским к побегу, Федька Черниговский в своей сказке назвал промышленного человека Федьку Тарасова. Но тот почему-то на Амур не побежал, а остался в Чечуйской волости. На него донес чечуйскому приказчику якутскому сыну боярскому ссыльному поляку Федору Тышкевичу, который сменил Ивана Бурлака, пашенный крестьянин Кондрашка Федоров Верещагин, живший в деревне, названной по его имени Кондрашиной, в десяти километрах ниже Чечуйска.

Меры, которые предпринял Федор Тышкевич в Чечуйской волости для поимки Федьки Тарасова, показались Кондрашке Верещагину явно неудовлетворительными, и он пожаловался новому приказчику Ивану Ерастову (Ярастову), который сменил Федора Тышкевича. Иван Ерастов произвел допрос свидетелей, и на этом дело застопорилось, так как якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов умер, и должность воеводы временно исполнял его сын.

В августе 1667 года в Якутск ехал новый воевода Иван Петрович Борятинский. Ему Иван Ерастов подал изветную записку:

«175 [1667] году, августа в 21 день, в Чечюйской волости окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому приказчик Иван Ярастов подал изветную записку, что извещал крестьянин Кондрашка Федоров на Федора Тышкиева. А в ней пишет:

175 [1667] году, марта в 13 день, на Чичюйском волоку в Судной избе перед приказным сыном боярским перед Иваном Ерастовым пашенной Кондрашка Федоров говорил речи про прежново приказново про Федора Тышкиевича: взял де ты, Федор, с

промышленова человека дватцать пуд ржи и отпустил де ево на Тунгуску. А тот де промышленой того ж побегу Микифорка Черниговсково, которые, изменя де великим государем, побежали в Дауры, убив воеводу Лаврентья Обухова.

И того же числа Кондрашка допрашиван: кому то ведомо, что Тышкиев с того промышленого человека себе дватцать пуд ржи взял и ево отпустил на Нижную Тунгуску? И он, Тышкиев, ведал ли, что промышленой человек на убийстве ево, Лаврентья Обухова, был?

И Кондрашка (ска)зал, что он извещал про того промы(шленого человека) ево воровство. И Кондрашка сказал: прислана де была по того промышленого память из Илимского острогу, что того промышленого велено было сыскать. И он, Федор Тышкиев, того промышленого к себе имал. А посылал по того промышленого служилого Данилка Збицково. Да опять де тово промышленого и отпустил. И тот промышленой после того жил в Чечюйской волости з год времяни у пашенного Кирилка Кобеля.

А как де тех воеводы Лаврентья Обухова убойцов поимали, Фетку Чернеговского з братьею, и Федор Тышкиев того промышленого с Чичюйской волости выслал на Нижную Тунгуску. А взял де Федор с того промышленого себе дватцать пуд ржи. А про ту рожь ведает служилой Данилко Збицкой.

Августа в 22 день служилой (человек Данилко Збицкой) в допросе сказал…» [82].

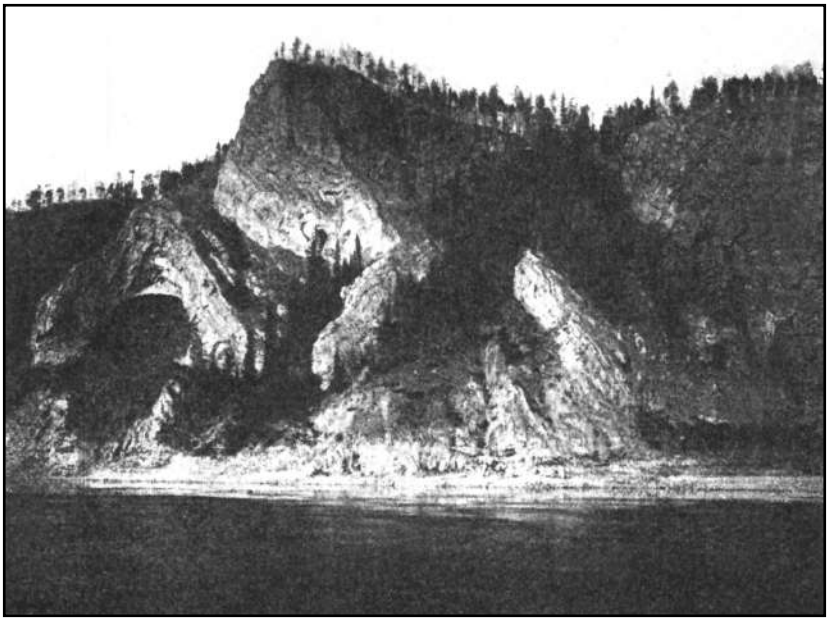
Далее один, а может быть, несколько листов отсутствуют.

Упомянутый здесь пашенный крестьянин Кирилко Игнатьев Кобель, ранее служивший в войске Хабарова десятником, пахал в основанной им деревне Кобелевой (Орловой), ниже Чечуйска в 40 километрах.

После приезда в Якутский острог воеводы Борятинского там был допрошен Федор Тышкевич.

«А Федор Тышкиев в Якутцком остроге в Съезжей избе допрашиван.

175 [1667] году, августа в 21 день, в Чичюйском волоку окольничему и воеводе князю Ивану Петровичю Барятинскому приказщик Иван Ярастов подал изветную записку, что извещал крестьянин Кондрашка Федоров на Федора Тышкиева: взял де он, Федор, с промышленого человека, а как ево зовут, того де в ызветной записке не написано, и отпустил де ево на Тунгуску. А тот де промышленой человек побегу Микифорка Чернеговского,



Ленские щеки – берег между деревнями Частинской и Пьянобыковской

которые изменили вел(икому) государю, побежали в Дауры, убили воеводу Лаврентья Обухова.

И Федор Тышкеев против ево зарушной записки сказал, что де он, Федор, промышленого человека Федьку Тарасова на Тунгуску не отпускивал. А был де тот Федька на Чичюйском волоку у пашенного крестьянина у Кирилка Кобеля в работниках на срок, на год. И сказал де ему, Федору, литвин Данилко Збицкой, что де тот Федька был в побеге с ызменниками с Микифорком Чернеговским.

И он де, Федор, того Федьку у того пашенного у Кирилка Кобеля взял и послать хотел на Илимской волок. И пашенной крестьянин Кирилко Кобель о том ему, Федору, говорил, что де он, Федька, с Микифорком Чернеговским был взят по неволе с Киренги и от них де, Микифорка, з дороги с Нижного лугу утек.

И ему де, Федору, он, Кирилко Кобель, дватцать пуд ржи дал, чтоб у него того работника, Федьки, не отняли, и на Илим не сослал. А тот де, Федька, жил у Кирилка после того больши году. А извету на него, Федьку, не бывало.

И приехал с Ылиму сыскивать сын боярской Илимского острогу Иван Зуб сыскивать заговорщиков, хто на убойстве в заговоре с ызменниками был. И он де, Федор, послал литвина Данилка Збутцкого да Агафонка Те…бу, да илимских двух человек служилых людей. И ево де не сыскали.

А пашенные де крестьяне сказали, что де тот Федька пил брагу у Берендила на заимке. И ево де не стало, неведомо де, где пропал.

А он де, Федор, ево, Федьку, на Тунгуску не отпускивал. И тем де он, Кондрашка, ево, Федора, поклепал» [83].

На обороте польскими буквами хорошим почерком написано: «К сей сказке Федор Тышкеевич руку приложил».

Нижний луг — это Сполошенский луг. Берендил — пашенный крестьянин Алешка Берендилов, пахавший в деревне Берендиловой, в 23 километрах ниже Чечуйска.

Упомянутый здесь Иван (Ян) Зуб был ссыльным поляком, был хорошо знаком с Никифором Черниговским. Впоследствии Иван Зуб вернулся в Польшу при обмене военнопленными.

А в 1667 году прибыл в Илимский острог еще один человек из отряда Н. Черниговского. Это был упомянутый в челобитной подьячих Павла Иванова Пежемского и Андрея Иванова Попова служилый человек Гришка Кулаковский, ссыльный поляк, плывший с воеводой Обуховым на дощанике и перешедший на сторону Н. Черниговского. Вот что писал об этом в Сибирский приказ илимский воевода Сила Осипович Оничков:

«В нынешнем, государь, во 176 [1667] году, октября в 8 день, пришел на Ленский волок с великие реки Шилки ис Теленбинского острогу воровсково даурсково Микифоркова побегу Черниговского беглой илимской служилой человек Гришка Семенов сын Кулаковской.

И в роспросе в Ылимском остроге в Съезжей избе передо мною, холопом твоим, сказал: в прошлом во 173 [1665] году, как своровав, изменили тебе, великому государю, побежали с великие реки Лены из Усть-Киренские волости в Даурскую землю, убив илимского воеводу Лаврентья Обухова и пограбя животы ево и всяких чинов людей, илимской пятидесятник казачей Микифорко Черниговской з детми и с товарыщи, и после де тово воеводцкого убойства с тово воеводцкого дощаника, ево, Гришку Кулаковского, те воры и даурские беглецы, Фетка Черниговской, Мишка Сапожник, Оска Подкаменной с товарыщи, взяли с собою в даурской побег сильно.

А он де, Гришка, про тот воровской умысел и про даурской

побег, и про убойство воеводы Лаврентья Обухова не ведал.

А как де про то же воевоцкое убойство и про даурской побег воров и даурских беглецов, якутцкого служилого человека Федотка Лукьянова да промышленного человека Матюшку Максимова, тобольской сын боярской Ларион Толбузин в Теленбинском остроге роспрашивал, и оне де, Федотка и Матюшка, в роспросе перед ним, Ларионом, говорили, что убили де воеводу Лаврентья Обухова Федотко Лукьянов да Матюшка Максимов, да Микифорков сын Черниговского Васка. А велел де убить брат ево, Васкин, Фетка Черниговской да Мишка Сапожник с товарыщи. А жену ево, Лаврентья, отпустить не велел.

И я, холоп твой, велел ему, Гришке Кулаковскому, и Фетке, и Васке Черниговским дать очную ставку. И на очной ставке передо мною, холопом твоим, Гришка Кулаковской с Феткою и с Васкою Черниговскими говорил прежние ж свои речи, что убили воеводу Лаврентья Обухова якуцкой казак Федотко Лукьянов да промышленой человек Матюшка Максимов, да Микифорков сын Черниговского Васка. А велел убить брат ево, Васкин, Фетка.

А Фетка и Васка Черниговские з Гришкою Кулаковским на очной ставке говорили, что они на воевоцком убийстве с Федотком Лукьяновым и Матюшкою Максимовым не были. А был де он, Васка, в то время на берегу, а Фетка на дощанике. А убить де ево, Лаврентья, он, Фетка, не велел же. А Гришка Кулаковской в даурской побег пошол с ними своею охотою.

И я, холоп твой, роспросив Гришку Кулаковского и дав им очную ставку с Феткою и Васкою Черниговскими, до твоего, великого государя, указу велел посадить в тюрьму» [84].

Итак, снова полной ясности, кто же был непосредственным убийцей воеводы Лаврентия Обухова, нет. К тому же опять появились новые вопросы, каким образом очутились в Телембинском остроге Гришка Кулаковский, Федотко Лукьянов и Матюшка Максимов. Телембинский острожек находился там, где сейчас существует населенный пункт Телемба. Это в 78 километрах на северо-восток от города Читы. Обычно на Амур и с Амура ходили, минуя это место. Шли Олёкмой и ее притоком Тугирем, затем через волок переходили на Амазар или Урку. Не означает ли это, что и Никифор Черниговский, прежде чем уйти на Амур, также заходил в Телембинский острожек?

Непонятно также, что имел в виду Гришка Кулаковский, когда говорил: «А жену ево, Лаврентья, отпустить не велел». Зна-

чит, жена воеводы была с ним в этой поездке. Почему же о ней не упоминают другие свидетели? Чтобы не было поводов истолковывать это в том смысле, что Н. Черниговский забрал жену воеводы с собой на Амур, приведем документ, в котором сообщается, что жена воеводы благополучно или не совсем благополучно, но все-таки выехала на родину. Вот что сообщал об этом енисейский воевода Кирилл Аристархович Яковлев:

«По твоему великого государя [А. М.] указу велено мне, холопу твоему, у прежних енисейского и илимского воевод животы их и деньги, (и вся)кую мяхкую рухлядь сибирских пожитков имать (на те)бя, государя.

И в нынешнем, государь, во 175 [1667] году приехала в Енисейской из Илимского острогу на дощанике прежнего илимского воеводы Лаврентьевская жена Обухова Ульяна.

И я, холоп твой, по твоему, великого государя, указу посылал к ней на дощаник таможенного и заставного голову Федора Звягина с товарищи Лаврентьевых животов Обухова и мягкой рухляди обыскать. А что, государь, таможенной и заставной голова Федор Звягин его, Лаврентьевских, животов сыскал, и я, холоп твой, те ево, Лаврентьевские, животы у жены ево Ульяны взял на тебя, великого государя.

А что, государь, Лаврентьевских животов Обухова у жены ево на тебя, великого государя, взято, и те ево взятые животы пошлю я, холоп твой, к тебе, великому государю [А. М.], к Москве с твоею великого государя поминочною и ясачною, и десятинною казною вместе» [85].

Разрешалось провозить одежду, которая на себе, и 300 рублей денег. Что было изъято у жены Обухова, сообщал казачий десятник Михайло Селин, которому было поручено это дело: «А у илимского де воеводы Лаврентия Обухова у жены ево, вдовы, взял он, Михайло, (суды) серебряные и платье соболье, (и горно)стайные, и иную рухлядь. А иного де имать, шуб собольих добрых, с себя и з д(етей) не дала, учинилась сильна…» [86], то есть оказала сопротивление. А денег у вдовы не оказалось.

Каковы причины, побудившие Н. Черниговского к побегу? Г. Ф. Миллер на этот счет высказался осторожно: «Он видел, как в прошедшие годы много беглецов из Илимского уезду ушли на Амур, которые за их преступления наказаны не были; сие, может быть, побудило его следовать их примеру» [87].

В. А. Александров отводил Никифору Черниговскому пассивное присоединение к участию в народном возмущении. Он писал: «Но, конечно, говорить об инициативе Н. Черниговского в организации восстания и переселения на Амур не приходится. Скорее всего, он присоединился к восстанию, воспользовался народным возмущением для расправы с Л. Обуховым и, возможно, в силу личных причин оказался во главе восставших» [88].

Приведенная нами сказка Федьки Черниговского опровергает эту точку зрения. Побег готовился Никифором Черниговским заранее. Его сыновья, родственники и единомышленники были основными руководителями нападения на караван воеводы. Лишь убийство воеводы было случайным.

«А на бою и на грабежу меж собою они, воры, говорили: называли пашенного крестьянина Мишку Сапожника атаманом. А говорили они, что де им итти в Даурскую землю. А большим де у них в даурском походе быть атаманом с Киренги Илимского острогу пятидесятнику казачью Микифору Черниговскому» [89].

История с убийством воеводы стала известной уже в XVII веке не только в России, но и на Западе. Ее поведал в весьма искаженном виде хорватский ученый монах Юрий Крыжанич в своей «Истории о Сибири», написанной на латинском языке в 1680 году. Об убийстве воеводы Крыжанич узнал во время своего пребывания в Тобольске. На русском языке эта история была издана дважды. Первый раз в Санкт-Петербурге в 1822 году под названием «Повествование о Сибири. Латинская рукопись, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским». Без указания имени автора. Об Албазине там сказано на странице 40.

Второй раз это произведение было издано в сборнике А. А. Титова «Сибирь в XVII в.» (М., 1890). Титов в предисловии указывает, что автором сочинения является Ю. Крыжанич, а также отмечает, что перевод Г. Спасского неудовлетворителен, поэтому дает свой перевод. И действительно, в переводе Г. Спасского Албазин почему-то назван Алапаевском, хотя в латинском подлиннике Алапаевск и не упоминается.

В книге А. А. Титова этот перевод выглядит так:

«Лет за двадцать и более перед сим был в городе Енисейске один военачальник, родом поляк. Сестра его, девица, была лишена невинности одним из начальников; поляк, движимый негодованием вследствие такого подлого поступка, склонил своих товарищей к восстанию. Они убили того начальника и, разграбив

лавки купцов, вышли из города и направились к югу; пройдя путь многих дней, они воздвигли крепость на реке, именуемой Албазин.

В течение десяти лет они утверждали там свое местопребывание, послали в Москву дары и били челом царскому величеству снять с них вину в совершенном ими преступлении, сами же обещали ежегодно собирать с туземцев дани и посылать царю.

Царь, даровав им прощение, облек сказанного поляка саном воеводы, а енисейскому воеводе приказал снабжать их всем необходимым, в чем будут нуждаться» [90].

На Западе это сочинение Крыжанича стало известно гораздо раньше, чем в России. В Амстердаме тремя изданиями, в 1692, 1704 и 1785 годах, вышла книга Н. Витзена «Северная и Восточная Тартария» [91].

В этой книге Н. Витзен приводит перевод на голландский язык, касающийся истории убийства воеводы. Перевод не очень дословный. Н. Витзен правит текст. Вместо «направились к югу» он пишет «на юго-восток» — Zuid-ooften. «Абазин» исправляется на «Албазин». Латинское «трибун» Tribunus переводит русским словом «воевода» weiwoda, и так далее.

Г. Ф. Миллер был хорошо знаком с книгой Витзена и даже сделал перевод этого отрывка об Албазине на немецкий язык [92].

Естественно, что данный перевод еще более удалился от латинского первоисточника. Здесь Г. Ф. Миллер не высказывает своего мнения о достоверности этой истории. Но позднее в сочинении «История о странах, при реке Амуре лежащих» написал: «Посему надлежит исправить то, что в Витзеновой Северо-Восточной Татарии 2 издания на 115 странице о постройке Албазина и о покорении, и о прощении Черниговского объявляется несколько с отменными обстоятельствами» [93].

О сестре Н. Черниговского Г. Ф. Миллер вообще не упоминает. Поскольку из приведенных выше документов известно, что Н. Черниговский был сослан в Сибирь с женой, без сестры, то историю с сестрой надо решительно отбросить. К Н. Черниговскому она не имеет никакого отношения.

Прошло еще немного времени — и в «Древней Российской вивлиофике» были опубликованы «Записки, к сибирской истории служащие». Там написано: «В Илимском остроге Лаврентей Авдеев сын Обухов; и тамо его убиша Никифорко Черниговской с товарищи за озорничество от жен своих, на дороге: ездил на Киренгу» [94].

А в 1862 году выходит 8-й том «Дополнений к актам историческим». В документе 73, где рассказывается о прощении Н. Черниговского и его товарищей, приведена выдержка из челобитной албазинцев, в которой они писали, что «воеводу Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпенье, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал».

Этот документ мы приведем полностью в следующей главе.

Но этого было уже достаточно, чтобы через некоторое время С. В. Максимов дал живописное описание убийства воеводы, перенеся место действия из Киренска в Усть-Кут. (Ведь у Г. Ф. Миллера сказано, что Черниговский заведовал усть-кутской соляной варницей.) Приводим это описание:

«В это время в Усть-Кутский острог успел благополучно прибыть илимский воевода Лаврентий Обухов, успел отдохнуть, огляделся: осмотревшись удалось ему заприметить, что у ссыльного надзирателя Черниговского жена хороша, да такая, что он, небывший в Польше и притом долго голодавший на сибирском лесном безлюдьи, много не думал. Класть на весы свои воеводские права с правами ссыльного сибирский воевода счел за грех и за большое для себя преступление. Бесчисленные примеры были у него перед глазами: сам знаменитый завоеватель Амура Ерофей Павлович Хабаров, слабый в эту сторону, не клал на себя охулки и владел чужими женами, никого не спрашиваясь.

Обухов отнял жену у Черниговского и, кончив дела на Лене, поплыл с красивою полькою вверх по Куте в Илимск. Но что Хабарову с рук сходило (он обломал бока якутским крестьянам, присланным в Киренск на его заимку для поселения, и ничего с ним за то сделать не смогли), что Хабарову удавалось и чем другим воеводам счастливило, на том Обухов оборвался.

Черниговский решился мстить: собрал товарищей, напал на воеводу, убил его и прислугу, захватив имущество, не разобрав казенного от воеводского, и так как в это время шатались без дела свободные люди из шайки Сорокина и много других удальцов, то Черниговскому и немудрено было сбить большую шайку» [95].

Заметим, что ни о каких людях из «шайки Сорокина» в документах о побеге Н. Черниговского не упоминается. Это совсем другая история, случившаяся на десять лет раньше, в 1655 году. Почти все люди, бежавшие на Амур с Михаилом Сорокиным, погибли.

А дальше пошло, как из рога изобилия. Приведем некоторые подобного рода описания.

Ю. П. Бартенев в статье «Герои Албазина и Даурской земли» писал: «Есть предание, что он [Обухов. — *Г. К.*] отнял жену у Никифора Черниговского (ссыльного литвина или малоросса), который жил в Усть-Кутцком острожке и заведовал там соляным промыслом» [96].

А вот выдержка из произведения Чернозубова:

«Известно только, что он был досмотрщиком над соляными промыслами в Усть-Куцком остроге. В 1665 году сюда прибыл енисейский воевода Лаврентий Обухов и, увидя у ссыльного поляка красивую жену, овладел ею.

Окончив дела на Лене, воевода-ловелас поплыл восвояси со своею добычею. Но не таков был Черниговский, чтобы терпеть обиду. Вернувшись назад, бродяги шайки Сорокина, бывшие у него под рукой, дали возможность осуществить ему свой план мести. Самолюбивый, решительный поляк, собрав этих бесшабашных удальцов, подстерег возвращавшегося похитителя, умертвил его и, забрав все добро, не разбирая частного от казенного, вероятно по совету своих сподвижников, бежал на Амур» [97].

Списано у С. В. Максимова, но слегка «подправлено» в худшую строну. Обухов из илимского воеводы здесь превратился в енисейского. Всюду перед нами маячит тень «прекрасной полячки» из гоголевского «Тараса Бульбы».

Приведем еще одну выдержку – из книги благовещенского краеведа Г. С. Новикова-Даурского:

«В 1652 г. Черниговский служил приказчиком Усть-Кутского солеваренного завода. В 1665 г. в Усть-Кутском остроге зимовал илимский воевода Лаврентий Обухов, готовивший к сплаву в Якутск караван барок с казенными запасами и своими товарами.

Отправляясь в обратный путь, Обухов попытался увезти с собою жену Черниговского, но тот подговорил партию гулящих и служилых людей в числе 84 человек, напал на воеводу, убил его, забрал все суда с запасами и товарами и отправился в поход на Амур» [98].

Отправиться из Усть-Кута в Илимск можно только по реке Куте. А убийство воеводы произошло на Лене возле Обухова острова.

А вот что писал Е. Ермаков в статье «Албазин — первая столица Приамурья»:

«Но как написано в одном из исторических документов, чтобы препятствовать "побегу в Дауры служилых и промышленных и

всяких людей и пашенных крестьян", в устье реки Олёкмы устроили заставу. Одним из "служилых людей" был на ней Никифор Черниговский, приказчик Усть-Кутского солеваренного завода.

Как-то сюда приехал готовиться к сплаву в Якутск воевода Лаврентий Обухов. Отправляясь с караваном в обратный путь, Обухов попытался увезти с собою жену Черниговского. Приказчик подговорил служилых и гулящих людей, и они убили воеводу» [99].

Тут уж никак не поймешь, где происходит действие, то ли на устье Олёкмы, то ли в Усть-Куте, расстояние между которыми 1 380 километров. Никаких документов о пребывании Никифора Черниговского на олёкминской заставе нет, и ни один илимский воевода на устье Олёкмы никогда не бывал и не готовился к сплаву в Якутск.

В сборнике «Амур — река подвигов» Н. А. Шиндялов писал: «После того, как усть-кутский воевода, зимовавший в Илимске, пытался похитить его красавицу-жену, он убил воеводу и, подговорив несколько десятков добровольцев — "гулящих" и служилых людей, в 1665 г. ушел с ними на Амур» [100].

Тут уже появился усть-кутский воевода, которого в истории никогда не существовало. В Усть-Куте были только приказчики.

Что же касается вымыслов о «красавице полячке», то вспомним: жена Черниговского Аносьица вышла замуж за него в 1635 году, значит, в 1665 году ей было по крайней мере уже за 45. К тому же она родила трех сыновей и две дочери. Не поблекла ли ее красота? Видимо, поэтому некоторые авторы сочли необходимым заменить жену Черниговского на сестру.

П. В. Шуман писал: «В 1665 г. приехал в Киренск на Лену илимский воевода Лавр Авдеев Обухов. Черниговский его убил за его озорничество, как сказано в летописи Черепанова, а именно за сестру» [101].

С. В. Бахрушин писал то же самое: «Говорили, что воеводa оскорбил сестру Черниговского и тем навлек на себя его гнев» [102].

«Говорили» — не очень подходящая ссылка для историка, тем более знаменитого.

Итак, сестры у Никифора Черниговского не было, жена была уже в немолодых годах. Но была Пелагейка Никифорова дочь, жена попа Фомы Кирилова. Эта Пелагейка была дочерью Никифора Черниговского. Воевода «изнасильничал сильно жену ево, Фомину, Пелагейку Никифорову дочь блудным грехом».

Путаницу не только с географией, но и с датами встречаем и в современных изданиях. К примеру, Игорь Попов пишет: «В 1661 г. пятидесятник Никифор Черниговский с отрядом казаков, выйдя из Илимского острога (Киренск), достиг Албазина» [103].

Албазина он достиг на пять лет позже, в 1666 году. Игорь Попов не делает различия между Илимским острогом и Киренском. А от Илимского острога до Киренска расстояние 460 километров.

Примечания

1. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 212об.
2. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 897, л. 15.
3. Ф. 214, кн. 306, л. 147–148.
4. Ф. 214, кн. 580, л. 406.
5. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 212об.
6. Там же, л. 213.
7. Ф. 214, кн. 580, л. 394.
8. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1777, л. 30об.
9. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 213.
10. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 896, л. 1.
11. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. — М., 1844. — С. 143.
12. Ф. 214, кн. 480, л. 140.
13. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 213.
14. Ф. 210. Б. стол, ст. 154, л. 366.
15. Ф. 214, ст. 298, л. 89.
16. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 896, л. 2.
17. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 451.
18. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 213.
19. Там же, л. 213–213об.
20. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 153, л. 61–62.
21. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1461, л. 7.
22. Ф. 199, оп. 2, № 517, ч. I, портфель 1, д. 20, л. 27.
23. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 213об.
24. Там же, л. 214.
25. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 127, л. 207об.–210.
26. Ф. 214, ст. 579, л. 14–15.
27. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 213об.
28. Там же, л. 214.
29. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1506, л. 22.
30. Там же, л. 25.
31. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 214.
32. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1506, л. 15.

33. Там же, л. 26.
34. Там же.
35. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1510, л. 1.
36. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1543, л. 3–4.
37. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1358, л. 139.
38. Ф. 494, оп. 3, ед. хр. 21, л. 1–2.
39. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 7, л. 55.
40. Ф. 214, ст. 653, л. 53–54.
41. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 21.
42. Там же, л. 21.
43. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 22–22об.
44. Ф. 214, кн. 480, л. 59–59об.
45. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 25–25об.
46. Там же, л. 25об.–26об.
47. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск, 1949. — Т. 1. — С. 97.
48. Ф. 214, ст. 450, л. 114–115.
49. Там же, л. 112–113.
50. Мордовский Л. Историческое описание Киренского Троицкого монастыря. — М., 1841. — С. 6–7.
51. Калинина И. Р. Православные храмы Иркутской епархии. — Иркутск, 2000. — С. 282.
52. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 3572, л. 41.
53. Там же, оп. 4, ед. хр. 873, л. 5об.
54. Там же, ед. хр. 875, л. 11об.–12.
55. Там же, ед. хр. 865, л. 13об.
56. Там же, ед. хр. 876, л. 19.
57. Ф. 214, ст. 772, л. 31.
58. Ф. 214, ст. 361, л. 492.
59. Там же, л. 199–200.
60. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 224, л. 64–65.
61. Там же, л. 66.
62. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1506, л. 22–23.
63. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1543, л. 2.
64. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1457, л. 2.
65. Ф. 199, оп. 2, № 517, ч. I, портфель 1, д. 20, л. 45об.
66. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1462, л. 37об.
67. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 214.
68. Там же, л. 214–214об.
69. ДАИ. — СПб., 1853. — Т. V. — № 65. — С. 336.
70. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — Л.; М., 1952. — С. 309, 326.
71. Там же. — С. 73, 280.
72. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 128, л. 210–210об.

73. Там же, л. 211.
74. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 129, л. 211об.–212.
75. Ф. 214, кн. 521, л. 3об.
76. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1556, л. 92, 94.
77. Там же, л. 103.
78. Там же, л. 98.
79. Ф. 214, ст. 1659, л. 177–178.
80. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 130, л. 214об.–215.
81. Ф. 214, ст. 361, л. 144–146.
82. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1604, л. 6–8.
83. Там же, л. 9–10.
84. Ф. 214, ст. 586, л. 216, 215, 214; нумерация обратная.
85. Ф. 214, ст. 809, л. 85.
86. Там же, л. 89.
87. Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1757. — Июль–окт. — С. 196.
88. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII века). — М., 1969. — С. 24.
89. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 153, л. 62.
90. Титов А. А. Сибирь в XVII веке. — М., 1890. — С. 214–215.
91. Witsen N. Noord en Oost Tartarye. — Amsterdam, 1785.
92. Miiller G. F. Sammlung russischer Gechischte. Bd. 1, Stiick 1–6. — St. Peterburg, 1733–1736. — С. 315.
93. Миллер Г. Ф. Указ. соч. — С. 193.
94. Записки, к сибирской истории служащие // Древняя Российская вивлиофика. — 2-е изд. — М., 1788. — С. 200.
95. Максимов С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. III. — С. 4.
96. Бартенев Ю. П. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. — СПб., 1899. — № 2. — С. 310.
97. Чернозубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения // Военный сборник. — СПб., 1907. — № 11. — С. 5.
98. Новиков-Даурский Г. С. Историко-археологические очерки. — Благовещенск, 1961. — С. 98.
99. Ермаков Е. Албазин — первая столица Приамурья // Дальний Восток. — 1969. — № 5. — С. 124.
100. Шиндялов Н. А. Путь на Восток // Амур — река подвигов. — Хабаровск, 1970. — С. 174.
101. Шуман П. В. Первые русские поселенцы на Сибирском Востоке // Русский архив. — СПб., 1879. — С. 27–28.
102. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. — Л., 1925. — С. 63.
103. Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. — М., 2004. — С. 68.

В АЛБАЗИНЕ

Даурская земля была под непрочной властью енисейского воеводы. А имевшиеся там в это время три острожка — Нерчинский, Иргенский и Телембинский, подчинялись приказному человеку Лариону Борисову сыну Толбузину. Толбузин пошел на смену воеводе Афанасию Пашкову по Лене и Олёкме. В отписке якутскому воеводе Ивану Федоровичу большому Голенищеву-Кутузову он сообщал:

«Господину Ивану Федоровичю Ларион Толбузин челом бьет.

В прошлом во 169 [1661 году] по государеву [А. М., А. А.] указу посланы были со мною в провожатые якуцкие служилые люди Гаврилко Алексеев с товарыщи. И в нынешнем во 170 [1661] году, октября в 2 день, пришел в Тугирской острог. А ис Тугирского острогу, взяв с собою служивых людей, енесейских якуцких и илимских, дватцать человек, **и пошел** в Нерчинской острог на лыжах, марта в 5 день. А из Нерчинского острогу — в Ыргенской острог на перемену воеводе Афонасью Пашкову. И из Ыргенского острогу отпустил воеводу Афонасья Пашкова, маия в 15 день, через Байкал. А с ним якуцких служилых людей пошло в провожатых, Гаврилко Алексеев с товарыщи, семь человек.

А достальные служивые люди, енесейские, якуцкие и илимские, остались в Тугирском остроге з зелейною и свинцовою казною. И те служилые люди ис-под Тугирского волоку пришли в Нерчинской острог июня в 5 день в стругах.

И я тех достальных якуцких служилых людей, десятника казачья Андрюшку Чабака с товарыщи, семь человек, из Нерчинского острогу отпустил в Якуцкой июня в 16 день» [1].

На обороте отметка о подаче: «170 [1662] году, июля в 18 день, подал отписку служилой человек Андрюшка Чабак».

Здесь уместно обратить внимание на ошибку А. Р. Артемьева. У него написано: «2 октября Ларион Борисов Толбузин, посланный на замену Пашкову, был уже на Тугирском волоке, откуда 5 марта 1662 г. на лыжах **добрался** до Нерчинского острога» [2].

Есть другая отписка Лариона Толбузина енисейскому воеводе Ивану Ивановичу Ржевскому, где дата прибытия в Нерчинский острог указана определенно:

«Господину Ивану Ивановичю Ларион Толбузин челом бьет.

В прошлом, господине, во 168 [1660] году по указу великих государей послан я на службу их, великих государей, в Сибирь, в новую Даурскую землю, на великую реку Шилку, в Нерчинской острог, воеводе Офонасью Пашкову на перемену.

И я, господине, пришел на великую реку Шилку в Нерчинской и в Иргенский остроги к воеводе Афонасью Пашкову в нынешнем во 170 [1662] году, **маия в 12 день**. И по указу великих государей у воеводы Афонасья Пашкова на великой реке Шилке и на Иргене озере, и на Теленге в их, великих государей, в трех острогах служилых и новоприборных людей, которые были у воеводы Афонасья Пашкова на его подъеме семьдесят пять человек принял.

А хлеб в Нерчинском остроге и на Иргене озере не родитца. И мне, господине, с такими с малыми служилыми людьми и без великих государей присыльных из Енисейского острога хлебных запасов, и без прибавочных служилых людей в их, великих государей, в трех острогах служить их, великих государей, службы никакими мерами не мочно, и в ясачном сборе им, великим государем, болшие прибыли учинить некем, и их, великих государей, остроги от немирных земель людей оберегать некому» [3].

А в грамоте томским воеводам написано, что приехал в Нерчинск 14 мая [4].

Такое разночтение получилось, видимо, потому, что в скорописи XVII века числа 2 и 4 иногда обозначались похожими символами.

Итак, у Афанасия Пашкова Ларион Толбузин принял три острожка: Нерчинский, Иргенский и Телембинский. А у Г. В. Мелихова читаем: «В его [А. Ф. Пашкова. — *Г. К.*] подчинении находились все остроги, поставленные русскими землепроходцами в Приамурье: Усть-Стрелочный (1650–1651), Албазинский (1651), Кумарский (1652)» [5].

Поход в Дауры не обошелся без злоупотреблений. Якутский воевода Голенищев-Кутузов писал илимскому воеводе Вындомскому:

«Господину Тихону Ондреевичю Иван большой Голенищев-Кутузов челом бьет.

В нынешнем во 170 [1662] году писал ты ко мне в Якутцкой острог в отписке своей, что де в прошлом во 169 [1661] году били челом великому государю [А. М.], а на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе подали тебе, господине, чело-

битную многие торговые и промышленые люди, что де тобольской сын боярской Ларион Толбозин с служилыми людьми на походе в Даурскую землю, по Лене реке пловучи, многих торговых и промышленых людей и пашенных крестьян пограбили. И от тово де грабежу торговые и промышленые люди и пашенные крестьяне торгов своих и соболиных промыслов отстали» [6].

В отписке в Сибирский приказ якутский воевода Голенищев-Кутузов описал этот грабеж подробно:

«В нынешнем, великий государь, во 169 [1661] году, июня в 14 день, бил челом тебе, великому государю [А. М.], а мне, холопу твоему, в Съезжей избе подал челобитную торговой человек Гришка Росторгуев.

А в челобитной ево написано: как он, Гришка, плыл по Лене реке в Якутцкой острог на дощенике от Олёкмы, и встретили де их служилые люди, башлык Ганка Алексеев да рядовые служилые люди:

Ондрюшка Степанов
Карпунка Пустун
Евдокимко Ондреев
Тараско Толстяков
Пронка Алексеев
Максимко Денисов
Микитка Акинфеев
Ивашко Кондратьев
Никитка Власов.

И взяли де у него, Гришки, сильно:
два пуда пороху, цена тритцеть два рубли
два пуда свинцу, цена десять рублев
пятьдесят камысов лосиных, цена пять рублев
два мешка муки весом десять пуд, цена два рубля с полтиною
сковорода железная, цена полтина.

И всего у него, великий государь, Гришки, товару взяли на пятьдесят рублев. А за тот товар они, Ганка с товарыщи, покинули ему, Гришке, кабалу на служилых людей, на Ондрюшку Степанова с товарыщи, на десять человек. А своего имени в ту кабалу не написал. Только в их, Ондрюшкино, место с товарыщи к кабале руку приложил в двунатцати рублех с полтиною.

И в судне великий государь у него, Гришки, запас на судне розграбили, и в бочках, в муке, и в мешках щупали, искали воровски розных товаров.

Да в нынешнем во 169 [1661] году, июня в 20 день, били челом тебе, великому государю [А. М.], а мне, холопу твоему, приходя в Съезжую избу, торговые люди, Акинфов приказчик … Кирилко Афанасьев да Максимко Григорьев словесно. А в ызвете своем сказали, что де их грабили на Олёкме реке Ганка Алексеев, Ондрюшка Степанов с товарыщи, человек з дватцеть. И взяли де у них, у Кирилка, четыре мешка муки ржаные весом дватцеть пуд. У Максимка Григорьева взяли пятнатцеть пуд муки ржаные.

Да в нынешнем же во 169 [1661] году, июня в 25 день, били челом тебе, великому государю [А. М.], а мне, холопу твоему, приходя в Съезжую избу, торговые люди Васка Выломаев да Васка Толстая, да промышленой человек Гришка Кипреянов словесно.

А в ызвете своем сказали, что де на Олёкме реке грабили Лариона Толбозина полку атаман Енисейского острогу Тимошка Колодезников да Якутцкого острогу служилые люди Ганка Алексеев, Марчко Федоров, да Енисейского и Илимского острогу служилые люди. Всего было человек с сорок.

А взяли у них:

У Васки Выломаева:

два пуда прядена

сто пасм нитей шитых

три топора

три мешка муки ржаные весом четырнатцеть пуд.

Да у Васки Толстой муки взяли дватцеть два пуда муки ржаные да топор.

Да у промышленого человека у Гришки Кипреянова — шеснатцеть пуд муки ржаные да мешек простой.

Да в нынешнем, великий государь, во 169 [1661] году прислал ко мне, холопу твоему, сын боярской Ларион Толбозин отписку. А в отписке ево, великий государь, написано, что он, Ларион, взял на твой великого государя обиход у торговых и у промышленых людей прядено:

у Васки Выломаева два пуда

гостя Афонасья записи приказщика ево у Ивашка Елизарьева пуд пятнатцеть гривенок

у Лучки Шелоника пуд

у промышленого человека у Проньки Емельянова пуд.

И всего он, Ларион, взял на твой великого государя обиход пять пуд пятнатцеть гривенок.

Да яз, холоп твой, роспрашивал ево, Ларионова, полку слу-

жилых людей, десятника казачья Ефремка Иванова да рядового Фетку Пирошкова, которые в свои места наняли наемщиков, про него, Лариона, и про служилых людей, что он, Ларион, торговых и промышленых людей сам грабил ли или ково посылал. И они, Ефремко и Фетка, сказали, что Ларион Толбозин посылал своих полчан, атамана Тимошку Колесникова, Якутцкого и Енисейского, и Илимского острогов служилых людей человек с семьдесят, и велел у торговых и у промышленых людей прядено имать. И они де, служилые люди, у тех торговых и у промышленых людей прядено имали. А сколько пуд числом взяли, того они не ведают. А иного де ничего не имали. А они де, Ефремко и Фетка, у тех торговых и у промышленых людей ничего не имали.

И за тем, великий государь, воровством многие их братья, торговые и промышленые люди, с своими товары и с хлебными запасы в Якутцкой не пошли, бояся ево, Ларионова, грабежу.

А стоял, великий государь, Ларион Толбозин на Олёкме реке недели три и больше.

И по твоему великого государя указу, услышав я, холоп твой, у торговых и у промышленых людей ево, Лариона, с полчаны воровской грабеж торговым и промышленым людем, послал из Якутцкого острогу детей боярских Михаила Санатцкого да Василья Петрова. А с ним[и] послал служилых сорок человек, и велел, великий государь, ево, Лариона, и с полчаны от Олёкминского острожку отослать прочь в Олёкму реку, и на усть Олёкмы реки велел стоять ему, Михаилу Санатцкому, для приезду торговых и промышленых людей, чтоб их, торговых и промышленых людей, грабить Лариону Толбозину с полчаны своими не дать.

И он, Ларион, уведав посылку от меня, холопа твоего, из Якутцкого острогу, от Олёкминского острошку отшел и пошел по Олёкме реке вверх до Тугирского острожку.

И от того, великий государь, в Якутцком остроге у таможенного головы у Петра Новосёлова в таможне недобор стал большой. И иные, великий государь, торговые и промышленые люди [с] своими невеликими товары и с хлебными запасы в Якутцкой острог плыть не смели, бояся ево, Ларионова, грабежу.

А что, великий государь, Якутцкого острогу служилые люди, Ганка Алексеев с товарыщи, своровали, имали у торговых и у промышленых людей товары и хлебные запасы насильством своим, и как они, великий государь, будут с твоей великого государя службы, проводя воеводу Афонасья Пашкова, назад в Якутцкой

острог, и яз, холоп твой, за то их воровство учиню им наказанье и велю, великий государь, взять из их денежных казачьих окладов торговым и промышленым людем в платеж, сколько у кого товару и хлебных запасов взяли, против их челобитья» [7].

На обороте первого листа отписки отметка о подаче: «170 [1662], февраля в 22 день, с ленским якутцким с казаком с Федотком Омельяновым».

Никаких мер по этой отписке в Сибирском приказе принимать не стали, а просто приняли к сведению, так как на этом листе помечено: «Чтена, в столп».

Таким образом, в некоторых случаях действия служилых людей ничем не отличались от действий беглых людей. Когда появился на Амуре Черниговский, у Лариона Толбузина не было никаких оснований обвинять его в грабеже.

На реке Тугире отряд Лариона Толбузина пополнился служилыми людьми из разгромленного амурского войска Онофрия Степанова Кузнеца:

«Да в том же де во 170 [1661] году встретились с ним, Ларионом, на Тугире реке прежние служилые люди, которые остались после бою богдойских людей, Обрашко Парфенов с товарыщи, четырнатцать человек. И он де, Ларион, тем служилым людем, Обрашке Парфенову с товарыщи, велел быть и нашу государеву службу служить в Нерчинском остроге» [8].

Положение Лариона Толбузина в Даурской земле было непрочным и бедственным. Тобольские воеводы писали в Москву:

«В нынешнем государи во 173 [1665] году, генваря в 4 день, в твоей великого государя [А. М.] грамоте писано в Тоболеск к нам, холопем вашим: в прошлом во 172 [1664] году, генваря в 23 день, писал к тебе, великому государю, из Даурской земли Ларион Толбузин:

в прошлом де во 171 [1663] году даурские служилые люди, Обрашко Парфенов с товарыщи, да к ним же пристали прежние даурские службы служилые люди, Захарко Левонтьев, с товарыщи, подговоря с собою якутцких, илимских, енисейских да нерчинских и иргенских служилых людей, побежали по Шилке реке на Амур.

И после того побегу в Даурской земле, в трех острогах, служилых людей с ним, Ларионом, осталось только сорок шесть человек, и те нужны и бедны, служат вам, великим государем, шесть лет без вашего государева жалованья.

И ныне по вашему великих государей указу посланы с Москвы в Сибирь, в Даурскую землю, в Нерчинской да в Ыргенской и в Телембинской остроги, даурские служилые люди, пятидесятник казачей Стенька Вятка, рядовые Ивашко Бубённой, Вавилко Фомин, Куземка Бархатов.

А с ними послано вашего государева жалованья даурским служилым людем, которые остались в Даурской земле после Офонасья Пашкова, сороку шти человеком, на прошлые годы, на 167 [1658–1659] и на 168 [1659–1660], и на 169 [1660–1661], и на 170 [1661–1662], и на 171 [1662–1663], и на 172 [1663–1664] год денег четыреста шездесят рублев на два года, по пяти рублев человеку на год, да на два ж году сукнами анбурскими да сетьми неводными и холстами, и крашенинами» [9].

На обороте листа 30 отметка о подаче: «173 [1665], марта в 1 день, с тобольским сыном боярским с Савою Туркиным».

Денежная и товарная казна была благополучно доставлена по назначению, и Ларион Толбузин отписал в Москву: «И я, холоп ваш великих государей, в прошлом во 174 [1666] году, июля в 15 день, у даурских служилых людей, у пятидесятника казачья у Стеньки Вятки с товарыщи, в нерчинских острогах по вашей великих государей грамоте вашу великих государей денежную и товарную казну, и хлебные запасы, и соль велел у них принять налицо, все сполна, и в приход записать» [10].

Это позволило на время снять напряжение.

Приход Никифора Черниговского на Амур облегчил положение Лариона Толбузина. Как поселился Н. Черниговский в Албазине, сведений нет. Албазин, когда-то городок даурского князца Албазы, в это время представлял собою городище. После второго приезда Хабарова на Амур городок был захвачен его казаками. Вопреки утверждениям ряда авторов, никакого острога в нем Ерофей Хабаров во время своего пребывания на Амуре не ставил. В изветной челобитной Степана Васильева Полякова с товарищами написано: «И как суды поделали, и июня в 10 день из Албазина городка поплыл он, приказной человек Ярофей Хабаров, **на низ** по Амуру реке, а Албазин городок **покинул пуст**» [11].

А. Алексеев писал совсем иначе: «Укрепив Албазин и захватив с собою большую часть отряда, Хабаров двинулся вниз по Амуру» [12].

Не укреплял и никого не оставлял, “покинул пуст”. Больше Хабаров с войском до Албазина вверх по Амуру не поднимался.

В изветной челобитной, поданной на Чечуйском волоке при-

казному человеку Ивану Бурлаку, Н. Черниговский и его люди писали, что они идут на Амур служить государю. Почти сразу же после побега Н. Черниговский налаживает связи с приказным человеком Нерчинского острога Ларионом Толбузиным. Неизвестно точно, когда возникли эти связи, но самая ранняя из сохранившихся отписок Л. Толбузина о Н. Черниговском свидетельствует о том, что она не была первой:

«В прошлом, великие государи, во 175 [1666] году, сентября в 28 день, писал ко мне из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской: поимали де оне в Олбазинском остроге тунгуса оленного Контагирсково роду и взяли де у нево сына в оманаты, и ясака на вас, великих государей, взяли девятнадцать недособолей летних.

И хлеб де в Олбазинском остроге, рожь и ячмень, и пшеница, родился добр. А каков хлеб родился, и я, холоп ваш, великих государей, тому хлебу роспись послал к вам, великим государем, к Москве.

А в нынешнем, великии государи, во 176 [1667–1668] году в Олбазинском остроге собрано на вас, великих государей, ясачные соболиные казны сорок пять соболей.

А кругом де Олбазинского острогу оленных тунгусов много и даурские люди живут блиско. А в Олбазинском остроге служилых людей мало, пороху и свинцу, и пушек нет. А ясачные люди сказывают велят жить с великим береженьем, что будут де богдойские и даурские люди в Олбазинской острог войной да и под нерчинские остроги войною. <…>

А как по вашему великих государей указу в Нерчинском и в Лавкаеве построетца пашенные крестьяне и семенной хлеб пришлетца, и на оклады служилым людем хлеба напахать мошно. А в Олбазинском и в Лавкаеве пашенных мест много, и земли добры и хлебородные. <…>

Да в нынешнем же, великии государи, во 176 [1667–1668] году били челом вам, великим государем, Олбазинского острогу служилые люди, а мне, холопу вашему, великих государей, в Росправной избе подали челобитную, что де у них в Олбазинском остроге кузнецов нет, послать неково, чтоб вы, великие государи, их, холопей своих, пожаловали: велели в Олбазинской острог прислать кузнеца» [13].

Из этой отписки следуют очень интересные выводы. Во-первых, уже к осени 1666 года Н. Черниговский со своими людьми отстрои-

ли Албазинский острог. Во-вторых, обложили ясаком местное население. В-третьих, завели пашню и сняли первый урожай. Но самое интересное, что в то время, как на Лене людей Н. Черниговского называли не иначе как «воры и даурские беглецы», у Л. Толбузина они — «служилые люди», а Н. Черниговский — «приказной человек». Со стороны Л. Толбузина это, несомненно, был смелый шаг. Обычно в таких случаях просили разрешения у Москвы, писали, что «до твоего государева указу я не смею». Неизвестно, какие приказы давала на этот счет Москва. Документов об этом нет. Может быть, Москва отмалчивалась.

Из более поздних документов известны любопытные сведения: «Да в прошлом во 175 [1667] году призвал и устроил из Нерчинского острогу в Албазинском остроге Ларион Толбузин пашенных крестьян, Родьку Васильева с товарыщи, пять человек. А по порушным записям, каковы ныне в Нерчинском остроге в столпу, которые порушные записи збирал по них прикащик Микифор Черниговской, пахать им на великого государя десятинной пашни по полудесятине ржанова да по четверти десятины яровово хлеба, а в дву по тому ж, по вся годы бесперевводно» [14].

В 1675 году албазинский приказчик Федька Евсевьев писал в Нерчинск приказному сыну боярскому Павлу Шульгину: «Да изволь, Павел Яковлевич, пожаловать: прислать к нам подчал дощаничной, что взял у нас Ларион Борисович для ради церковного подъему на время. А у нас в Албазинском остроге заводится церковь. Снастей нет, подымать нечем, нужно» [15].

Люди Черниговского не были первыми беглецами. Обычно беглецы, ограбив торговых людей и местное население и даже убив при этом кого-нибудь, уходили в дальние края, начинали собирать ясак, потом через некоторое время этот ясак отправляли воеводам, писали челобитную о том, что уже несколько лет служат государю без хлебного, денежного и соляного жалованья («с воды и с травы»). И грехи их прощались, выдавалось жалованье. Но не было еще случая, чтобы убивали воеводу. Это было не просто преступление, а покушение на власть.

В некоторых книгах иногда пишут, что на следующий год после побега Черниговский отправил ясак в Нерчинский острог. Например у Е. В. Гонсовича сказано: «В 1666 г. Черниговским отослан в Нерчинск первый ясак» [16].

В отписке Л. Толбузина сказано лишь о том, что Н. Черниговский собрал ясак, но не говорится, что он отправил его в Нер-

чинский острог. Сохранилась ясачная книга Нерчинского острога за 175 [1666—1667] год. В ней написано, что ясачная казна собрана в Нерчинском, Иргенском и Телембинском острогах. Албазинский острог там не упоминается [17].

Могут спросить, как же так получилось, что в то время, когда на Лене Н. Черниговского и его людей называли не иначе как «воры и даурские беглецы», у Толбузина они — «служилые люди», а сам Н. Черниговский — «приказной человек»?

Непросто далось Л. Толбузину такое решение. Было из чего выбирать. Или получить в подкрепление готовый острожек со служилыми людьми, прикрывавший подступы к Нерчинскому острогу со стороны Амура, или вступить в борьбу с Н. Черниговским, попытаться схватить его. И это в то время, когда сил у Л. Толбузина было недостаточно, а среди ясачного населения была «шатость». Еще неизвестно, чем могла бы кончиться такая борьба. Конечно же, то, что албазинские казаки убили воеводу, ставило Л. Толбузина в сложное положение. Но, может быть, воевода сам виноват, того и заслужил? А то, что, идя на Амур, Н. Черниговский грабил торговых и промышленных людей и пашенных крестьян, не так уж и важно. А кто без греха? Ведь жаловались же илимский воевода Т. А. Вындомский и якутский воевода М. Ф. Голенищев-Кутузов на самого Л. Толбузина: «тобольской сын боярской Ларион Толбозин с служилыми людьми на походе в Даурскую землю, на Лене реке пловучи, многих торговых и промышленных людей и пашенных крестьян пограбили».

Может быть, Л. Толбузину надо было действовать так, как предлагал в 1682 году, спустя 16 лет после обоснования Н. Черниговского в Албазине, нерчинский воевода Ф. Воейков? «Как де Федор Воейков был в Албазинском, и олбазинских де казаков ворами называл и причитал их к вору Стеньке Разину. И говорил, он, Федор, про Албазинской острог: тот де острог воровской и ставили его воры, и доведетца церковь божия раскласть, а острог сжечь» [18].

Самому Ф. Воейкову это не удалось, но через три года его пожелание исполнили по принуждению маньчжуров. Они-то уж понимали значение Албазинского острога. Заметим, что Ф. Воейков говорил эти слова спустя семь лет после прощения царем албазинских казаков, а Л. Толбузину приходилось принимать решение по горячим следам после убийства воеводы. Так какое решение лучше? Судите сами.

За время с 1667 по 1668 год никаких документов, где упоминался бы Никифор Черниговский, обнаружить не удалось.

В 1667 году Ларион Толбузин отправил в Москву челобитную:

«Царю [А. М., А. А., Ф. А., С. А.] бьет челом холоп ваш великих государей Ларька Толбузин.

Служу я, холоп ваш великих государей, вам, великим государем, на вашей великих государей службе в нерчинских острогах со 170 [1662] году по нынешней 175 [1667] год бес перемены. И будучи на вашей великих государей дальной службе, оскудал и одолжал великими долгами. А женишко мое и детишка в Тобольску скитаютца промеж двор, помирают голодною смертью.

<...> Велите, великие государи, меня, холопа своего, с своей великих государей з дальной службы из нерчинских острогов переменить» [19].

Челобитная была доставлена в Сибирский приказ 12 февраля 1668 года.

Действительно, Ларион Толбузин на одном месте переслужил все мыслимые сроки. Обычно воевод и приказных людей на одном месте держали два года. И если кто-то задерживался больше, то это считалось большой удачей. Легче было скрыть свои злоупотребления и продолжать греть руки на разного рода хищениях. Воевода Лаврентий Обухов даже принуждал служилых людей и пашенных крестьян писать челобитную в Сибирский приказ с просьбою, чтобы ему продлили службу в Илимске. А в нерчинских острожках, видимо, служба не была медом.

В 1669 году на смену Лариону Толбузину был послан тобольский сын боярский Данило Аршинский. Обычно в таких случаях приказному человеку вручалась наказная память, в которой предписывалось, как действовать. Наверняка в этой грамоте давались предписания, какую линию поведения необходимо выдерживать по отношению к Никифору Черниговскому. Умолчать об этом было невозможно. Но эта грамота не сохранилась. Одно лишь ясно, что действовать вопреки наказной грамоте Данило Аршинский не стал бы.

Замена в Нерчинском остроге сына боярского Лариона Толбузина на сына боярского Данилу Аршинского ничуть не ухудшила отношения к Н. Черниговскому. В документах 1669 года Н. Черниговский именуется по-прежнему как «приказной человек». «Приказными людьми» называли начальников, назначенных властями. Неназначенных называли «выборными», «**атаманами**».

Хотя нерчинские остроги были приписаны к Енисейскому воеводству, Даниле Аршинскому ввиду удаленности от Енисейска

пришлось обращаться за помощью к илимскому воеводе. Вот что писал в Москву илимский воевода Сила Осипович Оничков:

«В нынешнем, государь, во 177 [1669] году, марта в 6 день, писал ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог из Баргузинсково острошку тобольской сын боярской Данило Аршинской: в нынешнем же во 177 [1669] году, генваря в 27 день, писал из Даурские земли ис Телембинсково острошку тобольской же сын боярской Ларион Толбузин в Баргузинской острожек к енисейскому сыну боярскому к Якову Похабову, что в Даурской де земле идут войною на Нерчинской острожек и на ясачных людей богдойские люди на две дороги, по Кайларе озеру и по Аргуне реке, семь тысяч войска, и чтоб к нему, Лариону, прислать служилых людей и зелья.

А он де, Данило Аршинской, идет на твою великого государя службу в Даурскую землю в Нерчинской острожек на перемену Лариону Толбузину. А зелья и свинцу у него, Данила, нет. Которое де зелье послано было для твоей великого государя службы с ним, Данилом, в Даурскую землю, и на Байкалове де море у него суды розбило, и зелье все водою розмыло.

Да нынешнем ж, государь, во 177 [1669] году, июля в 15 день, писал ко мне, холопу твоему, в Ылимской острог из Нерчинсково острошку он же, Данило Аршинской: в нынешнем же во 177 [1669] году, апреля в 10 день, в Нерчинском острошке перед ним, Данилом, в роспросе сказал Намяситцково роду ясачной князец Еткела: поезжают де на Аргунь реку богдойские воинские люди беспрестани, человек ста по четыре. А большое де богдойское войско стоит на Кайларе озере. А то де Кайлар озеро блиско Нерчинсково острошку, езду конем шесть дней. И будет де то богдойское войско под Нерчинской острожек.

И он де, Данило Аршинской, с служилыми людьми живет с великим бережением. А в Нерчинском де острошке в твоей великого государя казне зелья ручново и свинцу нет, и служилых людей мало, только де сто дватцать четыре человека, и те в розни, в трех острошках, бес хлебных запасов помирают голодною смертью, хотят розбрестися все врознь и нерчинские де острошки покинуть.

И по твоему великого государя указу послати было мне, холопу твоему, из Ылимсково острогу к нему, Данилу, в Даурскую землю, в Нерчинской острожек, служилых людей и зелья ручново, и свинцу, и хлебных запасов для твоей великого государя службы и для всяково осадново времени.

И по твоему великого государя указу и по отпискам тобольсково сына боярсково Данила Аршинсково по тем воинским вестям послал я, холоп твой, из Ылимсково острогу на твою великого государя службу в Даурскую землю наскоро в нынешнем во 177 [1669] году зимним путем илимских служилых людей, Богдашку Балахню с товарыщи, десять человек, горою через море Байкал на лыжах с нартами.

Да с ними же, служилыми людми, для осадново времени в запас послал к нему ж, Данилу Аршинскому, три пуда зелья. А больши тово из Ылимсково острогу мне, холопу твоему, служилых людей и зелья послать в Даурскую землю для твоей великого государя службы к Данилу Аршинскому неково, служилых людей в Ылимском остроге в остатке за всякими службами мало. А зелья ручново нет. С Москвы и ис Тобольска в присылке вново зелья и свинцу не бывало. А хлебных запасов за росходом в остатке нет же.

А которые, государь, хлебные запасы, илимская и ленская пахота, и те твои великого государя хлебные запасы по твоему великого государя указу и по грамотам на илимские ни на какие росходы в Ылимском остроге держать в росход не велено. А велено те хлебные запасы посылать из Ылимского острогу, илимская и ленская пахота, мне, холопу твоему, вся безостатку в Якутцкой острог. И отпущены из Ылимсково острогу те хлебные запасы до ево, Даниловы, отписки.

А из Енисейска, государь, по вся годы хлебных запасов в присылке бывает мало. А в нынешнем, государь, во 177 [1669] году в отпуску из Енисейска в Ылимской острог хлебных запасов ничево нет ж, и мне, холопу твоему, хлебных запасов в Даурскую землю послать из Ылимского острогу нечево.

И буде, государь, впредь Даурские земли тобольской сын боярской Данило Аршинской для твоих великого государя служеб и для осадново времяни станет просить из Ылимсково острогу зелья и свинцу, и хлебных запасов, и мне, холопу твоему, по твоему великого государя указу в Даурскую землю к тобольскому сыну боярскому к Данилу Аршинскому зелья и свинцу, и хлебных запасов послать будет нечево.

И о том, великий государь [А. М.], что укажешь?» [20].

На обороте первого листа отписки отметка о получении: «178 [1670], февраля в 4 день, с ылимским казачьим пятидесятником с Ывашком Микитиным».

При таком неустойчивом положении портить отношения с Никифором Черниговским было нельзя.

В Илимске, видимо, не испытывали недостатка в сведениях об обстановке в Албазинском остроге. В 1670 году в Верхоленский острожек прибыл один из участников побега на Амур. По нему сохранилась поручная запись:

«Се аз, Илимского уезда Усть-Киренского Троицкого монастыря вкладчик Софрон Емельянов сын, поручился есми в Верхоленском Братцком остроге приказному человеку пятидесятнику казачью Назару Кистенёву по Иване Андрееве Булыгине в том, что в прошлом во 172 [1664] году взяли его, Ивана, с усть Киренги реки с Никольского погосту в Даурскую землю даурские беглецы, Микифор Черниговской с товарыщи, по неволе.

И как его, Ивана, в нынешнем во 178 [1670] году на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе воевода Сила Осипович Аничков в даурском побеге спросит, и мне, Софрону, его, Ивана, на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе поставить за своею порукою тотчас, не мотчав.

А буде я, Софрон, его, Ивана, как его на Ленском волоку в Ылимском остроге спросят, в Съезжей избе перед воеводу перед Силою Осиповичем Аничковым налицо за своею порукою не поставлю, и на мне, Софроне, порука и моя, Софронова, голова в его, Иванову, голову место.

Поручную писал верхоленской служилой человек Ларька Мезенцов 178 [1670] году, июня в 13 день» [21].

Здесь с ошибкой указан год побега Черниговского, надо: 173. Кроме этого никаких подробностей нет. Напомним, что Назар Кистенёв лично был знаком с Никифором Черниговским. В 1650 году Черниговский под его началом ездил на Чечуйский волок, когда был спор, какому воеводству он принадлежит.

А между тем в 1670 году Ларион Толбузин прибыл в Москву и в Сибирском приказе дал сказку. Сказка довольно обширная, касается многих вопросов. Но листы в столбце подшиты не по порядку, перепутаны, частично попорчены. Мы приведем только те места, которые касаются сведений о Н. Черниговском:

«178 [1670] году, майя в 29 день, по указу великого государя [А. М.] тобольской сын боярской Ларион Борисов сын Толбузин сказал по святой Христове непорочной евангельской заповеди господни: <…>

А в Албазинском остроге, где поселился Микифор Чернигов-

ской с товарыщи, и пашни завел, и как великий государь укажет послать из сибирских городов пашенных крестьян, и в Албазинском остроге на оклады служилым людем хлеба напахать мочно. А покамест в Албазинском остроге на оклады служилым людем хлеба напашут, и до тех мест провадить хлеб и соль на запасы в нерчинские остроги Енисейского уезду из Братцкого и из Ыркуцкого острогов блиско.

А в Албазинском остроге построено пашенных крестьян пять человек. А на помогу им дано государева жалованья по лошаде и по корове да по двои ральники, да по косе, да по два серпа. А льготы им дано на десять лет» [22].

«А от Нерчинского острогу до Албазинского на низ водою плыть легким судном, гресть шестеры сутки. А из Албазинского острогу до Нерчинского по рекам по Амуру и по Шилке вверх против воды легким судном переменными людьми ходу 3 недели.

А из нерчинских острогов летом водяным путем служилым людем для государевых всяких дел, опричь Албазинского острогу, посылок никуды не бывает, для того что реки полегли малые, а воды в них мелкие» [23].

Эта сказка вызывает много вопросов, на которые нет ответа. Получается, что, кроме как на Албазинский острог, в деле обеспечения служилых людей нерчинских острогов хлебом больше не на кого было надеяться. Не сказано, кто строил крестьян в пашню, давал подмогу за счет государева жалованья и льготу на десять лет. Кроме Лариона Толбузина, этого никто сделать не мог. Значит, между ним и Никифором Черниговским были тесные отношения, служилые люди из Нерчинского острога плавали в Албазинский острог. Но в этом документе не выражено отношение Сибирского приказа к Никифору Черниговскому. Так сказать, принято к сведению, и только.

В стремлении собрать как можно больше ясака Н. Черниговский прибегал к крайним мерам, к погромам, что часто не способствовало увеличению сбора, а, наоборот, приводило к его снижению. Вот что сообщал Данило Аршинский:

«В нынешнем во 178 [1669] году, писал ко мне в Нерчинский острог из Олбазинского острогу приказной человек Никифорко Черниговской: в прошлом де во 177 [1669] году, июня во 2 день, посылал де он, Никифорко, из Олбазинского острогу албазинских служилых людей шестьдесят человек вниз по Амуру реке в

поход на даурских и на чючерских людей. А он де, Никифорко, оставался в остроге небольшими людьми.

И приходили де под Албазинской острог оленные тунгусы Контагирского роду, те, которые тунгусы в прошлом во 176 [1667–1668] и во 177 [1668–1669] годех прислали аманатов. И те де тунгусы под Албазинским острогом на пашне побили служилых людей трех человек и отогнали у них от острогу кони и рогатой скот.

И в нынешнем во 178 [1669] году те тунгусы в Албазинской с ясачным платежем под аманатов не бывали. А збиралось де с тех тунгусов под аманатов на вас, великих государей, ясаку по пятидесят соболей.

Да в нынешнем же во 178 [1669] году приезжали в Нерчинской острог богдойские люди, Шаралдай с товарыщи, в посланцах и били челом вам, великим государем, на албазинских служилых людей, что ходят де они в походы и громят даурских и чючерских людей, и промеж де землями чинят ссору. И чтоб вы, великие государи, тех богдойских людей пожаловали: из Албазинского острогу в походы ходить и воевать не велеть.

И я, холоп ваш, великих государей, по вашему великих государей указу писал в Олбазинской острог к Никифорку Черниговскому и в походы ходить им не велел, чтоб промеж землями ссоры не чинили» [24].

Здесь следует обратить внимание на сообщение о том, что в 1676 и 1677 годах Никифор Черниговский под аманатов собирал ясака **на великих государей** по 50 соболей. Значит, эти соболи отправлялись в Москву.

Подробности приезда богдойских людей описаны Д. Аршинским в отписке тобольскому воеводе Петру Ивановичу Годунову. Аршинский сообщал, что 10 декабря 1669 года в Нерчинский острог приехали четыре человека богдойских промышленных людей во главе с Шарандаем.

И далее: «Да в нынешнем же во 178 [1670] году, апреля в 18 день, по указу великих государей с теми богдойскими посланцы, Шарандаем с товарыщи, посылал я из Нерчинского острогу к богдойскому царю посланцов нерчинских служилых людей Игнашку Милованова, Антонка Хилева, Ваську Милованова, Ваську Захарова, Гришку Кобякова.

И те посланцы, Игнашка с товарыщи, пришли от богдойского царя в Нерчинской острог в нынешнем же во 178 [1670] году, августа в 11 день.

А мне те посланцы, Игнашка с товарыщи, в роспросе сказали, что были де оне в Богдойском государстве перед богдойским царем. Да с ними же, посланцами, приходил в Нерчинской острог от богдойского царя посланец воевода Муготей, а с ними приходили служилых людей тритцать человек да торговых и кашеваров тритцать пять человек.

А привез тот воевода Муготей от богдойского царя лист. И я богдойского царя лист в Нерчинском остроге принял. И тот лист переводчиком велел списать. И в нынешнем же во 178 [1670] году, августа в ... день послал я с отписками к великим государем к Москве.

Да тот же богдойской посланец, воевода Муготей, бил челом великим государем: из Албазинского де острогу Никифорко Черниговской с служилыми людьми воюет де их украинных людей, даур и чючер. И я, по указу великих государей писал к Никифорку Черниговскому, чтоб он без указу великих государей даур не воевал» [25].

А в наказной памяти Игнатию Милованову с товарищами Данило Аршинский писал:

«А буде у вас станут спрашивать про албазинских казаков, и вам бы, посланцом, говорить: учинилось де воеводе нашему ведомо от казаков, что приходили де под Албазинской острог войною дауры и чючера и под Албазинским де острогом служилых людей убили 12 человек, и кони же, и рогатой скот у них отогнали.

А им де, служилым людем, сказывали ясачные оленные тунгусы, что впрямь де приходили под острог дауры и чючеры. И казаки де по тому их задору ходили на них в поход. И воевода по казаков посылал и велел взять албазинских казаков 10 человек в Нерчинской острог, и держит их о себя, чтоб оне впредь без указу великих государей в походы не ходили и задору б не чинили. И об указе воевода писал к великому государю к Москве» [26].

Здесь Данило Аршинский берет под защиту Н. Черниговского. Вину за убийство трех служилых людей возлагает не на оленных тунгусов, а на дючер, причем вместо трех человек уже говорится о двенадцати.

А в листе богдойского царя о Никифоре Черниговском написано:

«Да были мои промышленые люди [Шарандай. — *Г. К.*] на Шилке реке для соболиного промыслу, а приехав, те мои промышленые люди сказали мне: по Шилке де реке [т. е. на Амуре. — *Г. К.*] в Олбазинском живут руские небольшие люди, Никифорко Черни-

говской с служилыми людьми, и воюют де наших украинных людей, даур. И я, богдокан, хотел послать на руских людей войною. И мне сказали, что живут твои великого государя люди, и я воевать не велел. И послал я своих людей проведывать, впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои великого государя люди.

И воевода из Нерчинского острогу по твоему великого государя указу Данило Аршинской присылал ко мне послов и писмо. И я ныне узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу.

И впредь бы наших украинных земель людей не воевали, и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радосте. И для того я, богдокан, к тебе, великому государю [А. М.] послал лист» [27].

В расспросных речах о пребывании Игнатия Милованова в Пекине упоминается о встрече с греками и с русскими перебежчиками. К нему приходили на посольский двор три человека гречан, которых занесло по морю в Китай и которые жили в Пекине уже 17 лет.

«Богдойской де царь велел им жить у себя и православные веры у них не отнял.

А после того приходил на посольской двор изменник, новокрещен, родом крымских татар, прежнего ленского воеводы Дмитреев человек Францбекова Анашка Урусланов, которой ушел из Даур с Амура реки в Китайское государство в прошлых годех.

Да в Китайском же де государстве видели они изменника ж, руского человека ленского сына боярского Федорова человека Пущина, Пахомка, которой ушол из Даур от Микифорка Черниговского в прошлых годех.

И те де изменники, Анашка да Пахомка, в Китайском государстве поженились и держат веру их, китайскую, и от богдохана идет им корм, а живут они своими дворами» [28].

О побеге в Китай Анашки Урусланова сообщал (после июня 1662 г.) якутский воевода Иван Федорович большой Голенищев-Кутузов: «А по сказке, великий государь, в Якутцком остроге атамана Артемья Петриловского, которой послан в Даурскую землю на твою великого государя службу в прошлом во 159 [1651] году с служилыми с охочими и промышленымы людьми, да с ними ж посланы были к богдойскому царю в послах Тренка Чечигин да Дмитреев человек Онашка Русланов, и тот Онашка тебе, великому государю, изменил: во 161 [1659] году с усть Шингалу ушел

к богдойским людем. А по сказке даурских иноземцов, что де тот Онашка у богдойского царя учинен честным человеком. И от того, великий государь, от изменника от Онашки Русланова чаять всякого дурна» [29].

«Учинен честным человеком» значит живет в почете, в почести.

Пока Игнатий Милованов ездил в Китай, в Албазине происходили важные события. Чем больше Албазин подпадал под власть Нерчинска, тем сильнее становился страх наказания за убийство воеводы Л. Обухова и заставлял главных участников убийства искать выход из положения. Надежды на прощение было мало. И выход нашли. Вот что сообщил Данило Аршинский: «В прошлом, великие государи, во 178 [1670] году, июня в 20 день, писал мне из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской: изменили де вам, великим государем, в Олбазинском остроге черкасы, которые на великой реке Лене, на Киренге, убили воеводу Лаврентья Обухова, Микулка Пан да Оска Подкаменной с товарищи, восмь человек, убежали в Богдойскую землю» [30].

Упомянутый здесь Микулка Пан — это воронежский черкашенин Ивашко Еремеев Микулка, сосланный на Лену в пашенные крестьяне. Оска Подкаменной — также воронежский черкашенин Оська Васильев Подкаменный, сват Никифора Черниговского. На его дочери был женат Федька Черниговский. Эти черкасы уже упоминались в приведенной в предыдущей главе челобитной илимских подьячих об убийстве Л. Обухова. Но там они не назывались непосредственными убийцами. Не называли их ни Федька Черниговский, ни якутский служилый человек Гришка Семенов Кулаковский, вернувшийся на Лену в 1667 году. Вопрос, кто же был непосредственным убийцей воеводы, еще более запутывается. Имена остальных шести человек неизвестны.

20 июня 1670 года — это дата получения отписки Н. Черниговского Данилой Аршинским. Когда же бежали в Китай восемь человек, точно неизвестно. Но можно определить самую позднюю предполагаемую дату побега. На дорогу из Албазина в Нерчинск в то время затрачивалось, по сказке Лариона Толбузина, три недели. Но можно было поспеть и раньше. Спустя десять лет побывавший в Сибирском приказе албазинский казак Костька Емельянов сообщал: «И шел он из Албазинского до Нерчинского Амуром реками, вверх водою, малым судном, две недели» [31].

Значит, отписку о побеге черкасов Н. Черниговский отправил либо в конце мая, либо, по крайней мере, не позднее 6 июня.

А дальше Данило Аршинский писал то, о чем ни в одной книге не упоминается:

«Да в нынешнем во 179 [1670] году, декабря в 15 день, писали ко мне из Олбазинского острогу албазинские охочие служилые люди, Петрушка Екимов с товарищи: сказала де ему казачья Ивашка Перелешина жена Анница: в прошлом де во 178 [1670] году, после побегу черкас Микулки и Оски с товарыщи, в третий день, Микифорко Черниговской хотел де бежать в Даурскую землю к богдойскому царю. А тое казачью жену Анницу звал он, Микифорко, бежать с собою. И она де, Анница, бежать не похотела. И албазинские служилые люди Микифорка Черниговского и казачью жену Анницу с приставы прислали ко мне в Нерчинский острог.

И я, холоп ваш, великих государей, Микифорка Черниговского в том даурском побеге пытал. И он, Микифорко, в том даурском побеге повинился. И я ево, Микифорка, сковав, хотел держать в Нерчинском остроге до вашего, великих государей, указу» [32].

Упомянутый здесь Петрушка Екимов (Осколков) — это зять Никифора Черниговского. А Ивашко Перелешин был до побега на Амур чечуйским мельником. Он упоминается во многих документах. Федька Черниговский называл Ивашку Перелешина в числе людей, посвященных в план побега. Через несколько лет, в 1675 году, Ивашко Перелешин приедет в Москву с ясаком и с повинной челобитной албазинских казаков, по которой им будет даровано царское прощение. О жене Ивашки Перелешина до сих пор не упоминалось в документах. Был ли он женат еще до побега или женился после, сведений нет.

Поскольку известно, что Н. Черниговский хотел бежать на третий день после побега черкасов, значит, это произошло не позднее 9 июня 1670 года. Но почему так поздно Д. Аршинский узнал об этом? Вспомним, что он отправил отписку Н. Черниговскому, чтобы тот «даур не воевал» после 11 августа 1670 года. Можно только предположить, что жена Ивашки Перелешина Анница долго молчала и рассказала о намерении Н. Черниговского бежать только в конце ноября. Детали этой истории, по-видимому, так и останутся неизвестными. А Никифор Черниговский оказался в Нерчинском остроге 15 декабря 1670 года.

А далее в этой же отписке Данило Аршинский сообщал: «А ныне в Олбазинском остроге охочих служилых людей восмьдесят четыре человека. А служат вам, великим государем, и новых землиц неясачных иноземцов приискивают, и ясак на вас, великих государей, збирают, и заводят в Олбазинском вечное житье, и хлеб пашут. А около де Олбазинского острогу пашенных мест много и новых землиц неясачных иноземцов много ж» [33].

Ранее Федька Черниговский сообщал, что с Никифором Черниговским пошло 84 человека, из которых 15 было убито в стычках с тунгусами. После побега прошло пять лет. И снова в Албазине 84 человека.

Вместе с этой отпиской Д. Аршинского была послана в Москву и челобитная албазинских казаков, написанная черным попом Ермогеном. В ней не сохранилось последнего листа. Но все-таки имеется одна важная помета, где указана дата: «180 [1672], февраля в 7 день. Выписать».

В начале челобитной упомянуты, как обычно, имена наиболее значимых челобитчиков без указания чинов. Никифор Черниговский не упоминается. В самой челобитной о нем также нет ни слова:

«Царю А. М. и царевичам бьют челом холопи ваши великих государей даурские службы Олбазинского острогу вольные охочие служилые десятничишка казачьи и рядовые казачишка [читать по столбцам. — *Г. К.*]:

Петрушка Екимов	Коземка Стефанов
Федька Евсевьев	Офонька Федотов
Ярофейка Тварогов	Ефремко Григорьев
Офонька Прокопьев	Ивашко Тарасов
Иевко Фомин	Екимко Мартемьянов
Аверка Офонасьев	Левка Васильев
Ивашко Перелешин	Петрушка Исаков
Левка Сысоев	

и всех места албазинских служилых людей, восемьдесят двух человек» [34].

К сожалению, только о нескольких из этих людей имеются подробные сведения.

О Петрушке Екимове (Осколкове) и Ивашке Перелешине мы уже привели краткие сведения. Далее о них будет рассказано подробно. Федьку Евсевьева упоминал в своей сказке Федька Черниговский как промышленного человека. Федька Евсевьев после Н. Черниговского станет приказчиком Албазинского острога в

1675 году. Ярофейка Тварогов упоминался в сказке Федьки Черниговского как усть-кутский плотник. В 1674 году он и Ивашко Перелешин прибыли в Москву с ясачной казной и выхлопотали албазинцам прощение. Об этом будет рассказано после. Об остальных ранее нигде не упоминалось.

Далее в челобитной написано:

«С прошлого, великие государи, со 174 [1665] и по нынешний по 179 [1670] год приходили мы, холопи ваши, ис сибирских городов своею охотою, гулящим и промышленным числом, при Ларионе Толбузине и ныне при Даниле Аршинском. И били челом вам, великим государем, а в Нерчинском остроге в Росправной избе подавали зарушные свои челобитные, чтобы вы, великие государи, нас, холопей своих, пожаловали: велели по Албазинскому острогу приверстать в казачью службу.

И по вашему великих государей указу Ларион Толбузин и Данило Аршинский нас, холопей ваших, в вашу, великих государей, службу в розных годех по Албазинскому острогу приверстали. И мы, холопи ваши великих государей, на великой реке Шилке [т. е. на Амуре. — *Г. К.*] на Олбазинском городище поставили ваш, великих государей, острог, и около острогу для приходу воинских людей выкопали ров. И под вашу, великих государей, царскую самодержавную высокую руку новых неясачных иноземцов, Контагирсково роду тунгусов оленных, призвали, и оманатов взяли. И ныне те тунгусы под аманатов платят вам, великим государем, ясак собольми. И в нынешнем во 179 [1670] году с тех контагирских с оленных тунгусов под оманатов собрали мы, холопи ваши, на вас, великих государей, ясаку два сорока дватцать пять соболей [105 штук]. — *Г. К.*]. И ту вашу, великих государей, ясашную казну отослали мы в Нерчинский острог к Данилу Аршинскому в вашу, великих государей, казну.

Да мы ж, холопи ваши великих государей, в Олбазинском остроге заводим пашнишка и сеем хлеб. К нынешнему 179 [к 1 сентября 1670 г.] посеяно у нас ржи пятьдесят десятин. А ярова хлеба будет у нас посеяно столько ж. А около Албазинсково острогу пашенных мест много.

А для хлебные пахоты сошники и серпы, и косы, и для приходу воинских людей порох и свинец по вашему великих государей указу Данило Аршинской дает нам в Нерчинском остроге из вашей великих государей казны и во всем нам помогает.

И мы, холопи ваши великих государей, будучи на вашей

великих государей службе в Олбазинском остроге, без вашева великих государей указу, без денежново и без хлебново, и без соленово жалованья нужны и бедны, наги и боси. И в вашем, великих государей, в Олбазинском остроге пушек и зелья ручново, и свинцу нет, и для оружейные починки кузнеца нет же.

А околь Албазинсково острогу неясачных иноземцов много, даур, чючер и тунгусов. И под вашу, великих государей, царскую самодержавную высокую руку никакими мерами подозвать немочно. А поиску над ними поискать некем, потому что служилых людей мало.

Милосердый государь, царь...» (конца нет) [35].

В заключительной части должна быть записана просьба челобитчиков, но она не сохранилась. Хотя конца этой челобитной нет, но видно, что смысл ее был прост: албазинцы считают себя служилыми людьми государя, признают над собой власть нерчинского воеводы и подтверждают делами, в частности сдачей ясака в государеву казну, а за это просят государя, в свою очередь, признать их своими служилыми людьми и подтвердить это выдачей денежного, хлебного и соляного жалованья. А на деле это означало бы прощение албазинцев.

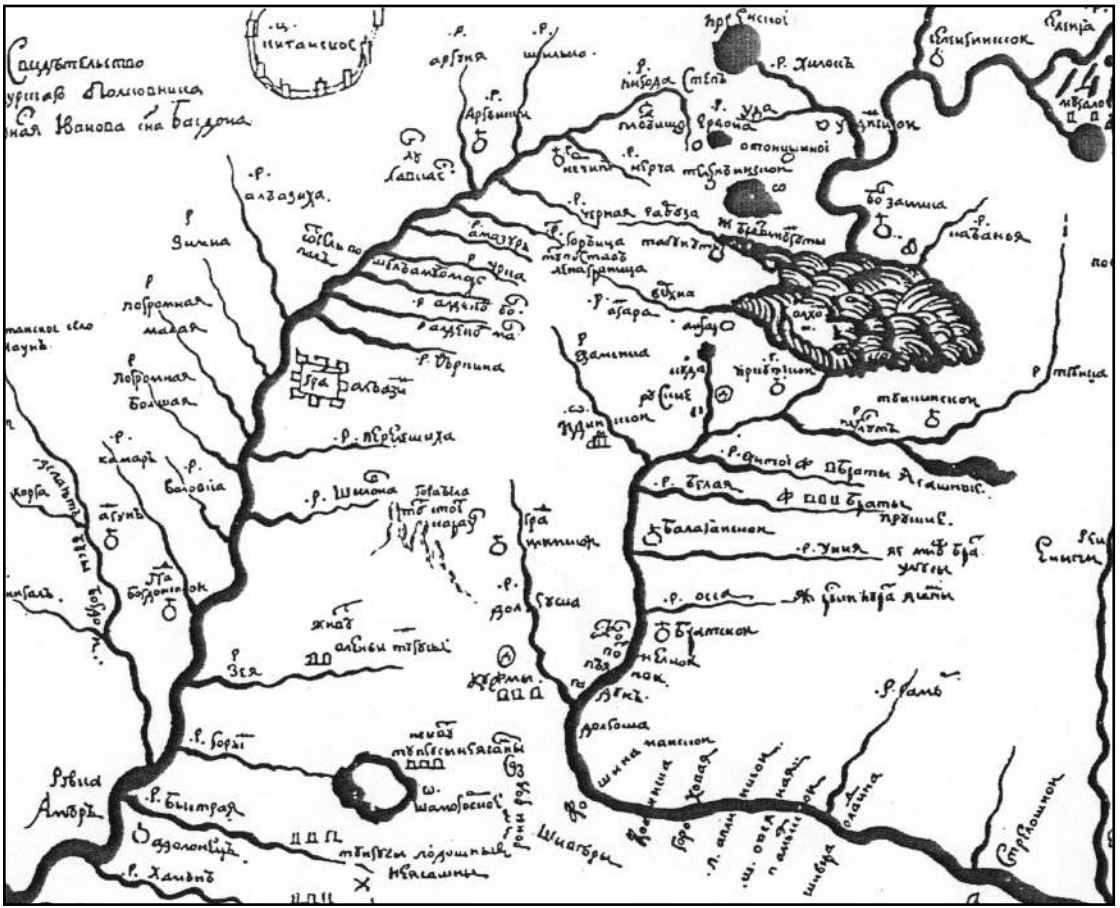
Челобитная скреплена подписью черного попа Ермогена: «К сей челобитной вместо албазинских служилых людей по всей челобитной имяны писал и во все войско по их велению черной поп Ермоген (руку приложил)».

Взятые в скобки слова, видимо, находились на последнем, утраченном, листе челобитной.

Следует обратить внимание на не очень внушительную ясачную казну, 105 соболей. Н. Н. Бантыш-Каменский приводит совершенно необоснованные сведения об отсылаемой из Албазина в Москву соболиной казне. У него написано: «Из сего острогу посылалось ясаку до приходу китайцев по 30 и по 40 сороков соболей по московской цене по 9 000 и по 8 000, и по 7 000 рублей на год» [36].

Ответ на челобитную неизвестен. Хотя на обороте челобитной написано «Выписать», но никакой выписки не сохранилось. Эта выписка прояснила бы отношение Сибирского приказа к албазинцам. Но из последующих документов видно, что Москва продолжала придерживаться прежней двойственной линии поведения: ясак принимала, а жалованья не платила.

За 1671 год имеется один документ, который нуждается в пояснении. Это отписка якутского воеводы Ивана Борятинского:



«Река Амур. Свидетельство даурского полковника Афонасия Иванова сына Байдона» (А. И. Бейтона) из «Хорографической чертежной книги» 1697—1711 гг. С. У. Ремезова

«В нынешнем, великий государь, во 179 [1671] году, февраля в 13 день, приехал в Якутский острог из Олёкминского острошку сын боярской Матвей Ярыгин и привез с собою твоей великого государя ясашной казны, что он, Матвей, собрал в Олёкминском острошке с твоих великого государя ясачных людей, с тунгусов и с якутов, на нынешней на 179 [1670–1671] год.

Да подал он, Матвей, в Съезжей избе нам, холопам твоим, записку за иноземскими знамены. И в записке, государь, написано:

179 [1671] году, января в 17, Аннагирского роду ясачной тунгуз Юпчанейко Дачигин сказал у ясачного платежу: был де он на соболином промыслу и видел беглово тунгуса Онкоулка Сегленкина вверху на Олёкме, и слышал у него, Онкоулка, что де был во 178 [1670] году летом в Даурах, и сказывал де он, Онкоулко, ему, Юпчанейку, что де Никифорко Черниговский с товарищи, которые убили илимского воеводу Лаврентия Обухова, и, сбежав, жили на Амуре в Лавкаевом острошке, и тот де Черниговский Никифорко в острошке обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острошком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди и около де того острошку зделали вал земляной.

А сказывал де он, Онкоулко, чает де, что Черниговской с товарыщи побиты.

Да богдойские же, государь, люди под Тугирским волоком поставили городок и в тот де городок многие хлебные запасы привезли» [37].

Здесь Албазинский острожек неправильно назван Лавкаевым.

Многие историки принимают это сообщение за достоверное, хотя еще в 1879 году П. В. Шуман писал, что оно ложное: «В 1671 г. послали в Москву **ложное** донесение о том, что собрались большие силы китайцев, построивших уже будто бы крепость на Тугире» [38].

Тунгус Онкоулко, отказавшийся платить ясак, преднамеренно запугивал русских, чтобы они не появлялись на Олёкме и на Тугирском волоке.

Попутно заметим, что у С. В. Бахрушина события 1669 и 1670 годов описаны не так, как в приведенных выше документах:

«Не ограничиваясь ближайшими окрестностями, разбойники производили набеги на дауров и дючеров, живших в пределах Китайской империи. Китайцы и маньчжуры в Нингуте с ужасом увидели в 1669 году людей "из царства Ло-че". <...>

Паника охватила население Нингуты. <…> Но грабители благополучно вернулись восвояси <…>

Летом 1670 г. под Албазином появился китайский флот, к которому затем присоединилась и кавалерия, и приступил к осаде. Черниговский построил кругом города деревянный вал и отсиделся за ним» [39].

Нингута находилась в Маньчжурии. Никакого похода в Маньчжурию Черниговский в это время не совершал. Китайцы в 1670 году под Албазин не приходили. Если бы такой поход был, о нем бы обязательно было упомянуто в челобитной, написанной черным попом Ермогеном. Непонятно также, что это за сооружение — «деревянный вал».

П. Т. Яковлева считала сведения об осаде Албазина достоверными. Она писала: «Интересны сообщения из Якутска об осаде Албазина маньчжурскими войсками» [40].

Такого же мнения придерживался В. С. Мясников:

«Во второй половине 1670-го — начале 1671 маньчжурские войска заметно активизировали свои действия. Якутский воевода И. П. Барятинский доносил в Сибирский приказ в феврале 1671 г. о том, что Н. Черниговский со своими людьми в Албазине "обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острогу сделали вал земляной"» [41].

Пока в Албазине и Нерчинске происходили описанные выше события, попытку побега на Амур предприняли красноярские служилые люди. Илимский воевода С. О. Оничков писал в Сибирский приказ:

«В прошлом во 177 [1669] году объявились в Ылимском уезде, в Нижней Илимской волости, красноярские беглые служилые люди Первушка Мякинин, Мишка Саранчин, Захарко Чеусов с товарыщи, семнатцать человек.

И я, холоп твой, посылал из Ылимского острогу сына боярского Ивана Качина с служилыми людьми для поимки тех беглых красноярских служилых людей.

И ис тех беглых красноярских служилых людей в Ылимском уезде пойманы Первушка Мякинин с товарыщи, три человека, а четырнатцать человек, Олешка Прыткой с товарыщи, от поимки отбилися и бежали в Енисейской уезд в ангарские деревни.

А пойманные красноярские служилые люди, Первушка Мякинин с товарыщи, в допросе говорили: с Красного де Яру с твоей великого государя службы бежали для того — на Красном де Яру твоего великого государя денежного и хлебного жалованья давали им мало, только де им дано на корм на празник рожества Христова по полуполтине денег человеку, а хлеба небольшое, помесячно. И кормились де они там милостынею, а иные, терпя де голоду, бежали с Красного Яру тайно.

А после, государь, роспросу те беглые красноярские служилые люди, Первушка Мякинин с товарыщи, даны за приставы, и за поруками кормились, ходя в Ылимском уезде по деревням.

И в нынешнем, государь, 178 [1670] году те же красноярские служилые люди, которые в Ылимском жили за поруками и которые от поимки отбилися, и жили в Енисейском уезде в Братцком Нижнем острошке, Первушка Мекинин, Олешка Прыткой с товарыщи, завели в Братцком острошке тайно воровской скоп и заговор бежать в Даурскую землю. Многих людей в Ылимском и в Енисейском уездах по острошкам и по деревням с собою бежать подзывали.

И ныне, государь, те воры в Ылимском остроге и по деревням в розни, и на заставе Ангарские дороги пущие воры и завотчики воровского побегу, Первушка Мекинин, Олешка Непрепасов, Олешка Прыткой с товарыщи, семнатцать человек, и иные их прибору промышленые и бродячие люди пойманы.

А в роспросе все запирались. И после роспросу с пытки в даурском побеге винились: збирались де они и зговаривались меж собою, и иных многих людей в тот свой воровской скоп и в заговор подзывали.

А как де бы они собрались с немалыми людьми нынешние весны [1670 г. — *Г. К.*] на Ангаре реке, и всем собрався воровским своим войским, и грабить де было у пашенных крестьян и у промышленых людей ружье и платье, и запас. И с Ангары итти де было на Илим и в Нижную Илимскую волость, перешед пашенных и в Ылимской острог пришед, всяких чинов людей розбивать и грабить, хто б ни попал к ним, не обходя никово.

И бежати б им в Даурскую землю через Ленской волок Леною и Олёкмою реками. И в судовом ходу, и на дорогах розбивать хотели торговых людей. А взяти де было им в тот свой побег суды и хлеб в запас за Ленским волоком ис твоих великого государя судов, из ленских запасов, которые суды, дощаники, для посылок

ясачных зборов, а хлебные запасы служилым людем на жалованье припасены и изготовлены были в якутцкой отпуск или бы де чьи суды иные какие нашлись.

А в воровском де их в том скопе и в Даурскую землю бежати бы атаманом Первушке Мякинину, а ясаулом Олешке Прыткому.

Да в роспросе же говорил и с пытки того ж скопу и заговору промышленой человек Софронко Овчинник, что де хотели же к ним быти и бежати ж с ними в Даурскую землю по их подзову из Верхоленского острожку красноярской же беглой служилой человек Ивашко Трофимов сын, прозвище Форнос, с товарыщи, тритцать человек.

Да в тот же даурской побег в верхоленских деревнях в новой Знаменской [Илгинской. — *Г. К.*] волости пашенных крестьян и всяких людей призывал, и прибирал, и побег заводил промышленой человек Якунька Ларионов сын важенин.

И я, холоп твой, по твоему великого государя указу тех воров и завотчиков, Ивашка Фарноса и Якуньку важенина, и иных в Верхоленском острошке и в деревнях поймати и привести в Ылимской острог велел.

Да в роспросех красноярской же беглой казак Олешка Непрпасов говорил: в прошлом во 177 [1669] году, как де они збирались бежать с Красного Яру, слышал де он, Олешка, от ыных красноярских служилых людей про даурской же иной побег. Говорили де с ним, Олешкою, Мишка Толкачев да Тимошка Донщина с товарыщи: толко де вперед на Красном Яру твоего великого государя денежного и хлебного жалованья им не будет, и они де, служилые люди, Мишка Толкачев, Тимошка Донщина с товарыщи, триста человек, хотели бежать с Красного Яру в Даурскую землю. А атаманом де у них будет в том побеге красноярской же служилой человек Митка Толкачев. И заговоры де от огняного ружья он, Мишка, что пищали портит, знает.

А суды де они под себя на Красном Яру хотели взяти те, в которых судах воевода Алексей Сумароков пошлет их по твои великого государя хлебные запасы в Енисейской острог. И на тех судах пойдут де они вверх Тунгускою рекою. А с Тунгуски реки которою дорогою в Дауры они пойдут, тово де он, Олешка, подлинно не ведает.

А естьли подлинно будет с Красного Яру такой воровской большой побег в Дауры, триста человек будет, и их чаять побегу через Ленской волок, и грабеж, и разбой пашенным крестьяном и

торговым людем в Ылимском, и за Ленским волоком по великой реке Лене раззорение большое будет, и твои великого государя ленские хлебные запасы и суды поимают, и службы, и ясачные зборы постановят. И по Лене реке многие нужные пашенные крестьяне от бедности и от хлебного недороду, и дети их, и воровские бродячие люди к ним приставати в даурской побег учнут, потому что, государь, наперед сего в прошлых годех при прежних воеводах из Ылимского острогу и из Верхоленского острошку ис служеб служилые люди и пашенные крестьяне, пометав пашни и жен своих, и детей, и заводы, и промышленые люди, и всякие воры, собрався большими людьми, бежали в Дауры многажды. И в Ылимском, государь, и по великой реке Лене пашенных крестьян и иных многих с собою по неволе имали, а осталых пашеных крестьян разоряли и твои великого государя пашни запустошили, и к Усть-Кутцкому острожку приступали, и по острогу стреляли, и в острожке торговых и всяких людей грабили, и иных побивали и досмерти.

И в прошлом во 173 [1665] году даурские же побещики, заворовав, Микишка Черниговской з детьми, ссыльной человек Мишка Сапожник с товарыщи, Илимского острогу прежнего воеводу Лаврентья Обухова убили досмерти.

И от тех, государь, воровских людей больших скопов и заговоров, и от даурских побегов в Ылимском остроге всякие жилецкие люди и в уезде по Илиму, и по великой реке Лене пашенные крестьяне, от грабежев и от разорения вконец обнищали и десятинные пашни запустошили.

Да для тех же, государь, даурских побегов, боясь грабежев, из руских и ис сибирских городов торговые люди с рускими товары в Ылимской острог и на Лену приезжать ныне учали мало, и на соболиные промыслы по великой реке Лене и по сторонним рекам уженье отпускать не смеют. И оттого, государь, ныне в Ылимском остроге и на Лене в таможнех твоей великого государя десятой пошлине в деньгах и в мяхкой рухледи чинитца недобор большой.

А мне, холопу твоему, будучи на твоей великого государя службе в Ылимском остроге, от такого большого скопу даурских беглецов твоей великого государя казны и хлебных запасов, и пашенных крестьян от их воровского грабежу и от разоренья уберечь, и за малолюдством в Ылимском остроге, некем, потому что, государь, в Ылимском служилых людей за твоими великого

государя службами оставаетца мало и те беспрестанно бывают в остроге в караулех.

А пашенных крестьян мне, холопу твоему, за дальным растоянием одержати от побегу и оберечь от раззоренья воровских людей нельзе, потому что по великой реке Лене крестьяне живут от Ылимского острогу в дальных местех и в розни, и на понизовой воде у даурского уходу блиско.

А в прошлом, государь, во 165 [1657–1658] году прислана твоя великого государя грамота ис Сибирского приказу за приписью дьака Григорья Протопопова в Ылимской острог к прежнему воеводе к Петру Бунакову. Велено служилых и промышленых, и всяких чинов людей, и пашенных крестьян, которые, заворовав, учнут бегати в Дауры, торговых и промышленых грабить, и досмерти побивати, а те воры пойманы будут, и тех самых пущих воров, по сыску выбрав у них двух или трех человек, велено вершить — повесить, а достальным велено чинить наказание — бити кнутом.

А ныне я, холоп твой, по той прежней твоей великого государя грамоте нынешным даурским беглецом и пущим завотчиком, Петрушке Мекинину, Олешке Неприпасову, Олешке Прыткому, за воровской их скоп и заговор даурского побегу бес твоего великого государя указу вершить не смел, а оставил их в Ылимском остроге и велел кинуть в тюрьму. А товарыщев их, беглых же красноярских служилых людей, семь человек, Ивашка Борисова, Нефетка Васильева, Ларьку Сабачкина, Митку Сургутцкого, Оську Аладанова, Мишку Саранчина, Ваську Вагина, да восьмого человека, прежнего збегу, Митьку Чакрыгу, учинил им наказание: послал их за приставы с ылимскими служилыми людьми на Красной Яр к воеводе к Олексею Сумарокову.

О том, что ты, великий государь, мне, холопу своему, укажешь?» [42].

На обороте первого листа отметка о получении в Сибирском приказе: «179 [1670], декабря в 9 день, с ылимским с пешим казаком с Путилком Терентьевым».

Годом позже якутский воевода Иван Петрович Борятинский послал отписку в Сибирский приказ. Тобольские воеводы вскрыли отписки Борятинского (им дано было такое право) и, прочитав, послали их в Москву, добавив к ним свои соображения:

«Государю [А. М., Ф. А., И. А.] холопи ваши, Ивашко Репнин, Ивашко Щербатово, Мишка Чириков, Юшка Блудов челом бьют.

В нынешнем в 179 [1671] году, июня в 19 день, приехали с

Лены из Якутцкого острогу казачей атаман Семен Дежнёв с товарыщи, и отписки, которые посланы с ними к вам, великим государем, мы, холопи ваши, для ведома чли.

И в отписке окольничево и воеводы князь Ивана Петровича Борятинского да диака Степана Ельчюкова написано:

По вашему великих государей указу писал к ним ис Тобольска стольник и воевода Петр Годунов да диак Михайло Посников, что объявились в Тобольску беглые красноярские служилые люди. А в роспросе им сказали, что хотят Красноярского острогу многие служилые люди, заворовав, розбежатьца врознь.

И буде хто красноярских служилых беглых людей объявитца в Якутцком, и тем бы беглым за побег и о посылке их на Красной Яр учинить по вашему великих государей указу.

И в прошлом де во 178 [1670] году писал к ним в Якутцкой острог из Ылимского острогу воевода Сила Оничков: пойманы в Ылимском остроге и на заставе Ангарские дороги воры и завотчики, красноярские беглые служилые люди, Первушка Мекинин, Олешка Неприпасов, Олешка Прыткой, Оска Ладанов с товарыщи, семнатцать человек» [43].

Далее излагается содержание отписки С. О. Оничкова дословно, а затем следуют некоторые отличия. Их и приведем:

«А в прошлых годех с Ленского волоку и из Верхоленского острогу, своровав, служилые люди, Мишка Сорокин с товарыщи, подговоря с собою пашенных крестьян и пограбя в Якутцком уезде на Чючюйском волоку торговых и промышленых людей, и пашенных крестьян, збежали в Дауры.

Да после де того с Киренги илимской пятидесятник казачей Микифорко Чернеговской с товарыщи, убив Илимского острогу воеводу Лаврентья Обухова и пограбя торговых и промышленых людей, и пашенных крестьян, збежали в Дауры.

А в Якутцком де остроге ссыльных людей много, а служилых людей в Якутцком за службами к зиме остаетца мало, потому что служилые люди посылаютца на ваши великих государей службы в дальные места на два годы. И ныне на два года посланы, и тем дано хлебного жалованья на один год. А которые посланы на год, и тем дано вполы их окладов на год.

А которые оставаютца в остроге за посылками, человек по семидесят и по штидесят, и те де бьют челом вам, великим государем, о хлебном жалованье, а иные в Съезжую избу приходят, и им дать нечево.

А ружья де — четыре пушки да сто дватцать мушкетов, и те попорчены. А починить некому. И свинцу мало ж, а зелья нет» [44].

А далее тобольские воеводы писали от себя:

«А из Даур, из Нерчинского острогу, тобольской сын боярской Данило Аршинской про тех воровских людей, где они ныне и сколько их в собранье, о том к нам, холопем вашим, в Тоболеск не писал.

А мы, холопи ваши, на Красной Яр о тех вестях к воеводе к Олексею Сумарокову писали с нарочным гонцом, чтоб ему те вести были ведомы, и жил бы он на Красном Яру с великим бережением.

А в Дауры, в Нерчинской острог, к Данилу Аршинскому мы, холопи ваши, послали, чтоб он про тех воровских людей, где они ныне в Даурех, изведав, и буде мочно над ними промысл учинить, велел их переимать, и пущих воров и заводчиков велел двух-трех повесить. А будет их многие люди и поимку над ними учинить немочно, и он бы послал к ним знающаго человека, и велел им говорить, чтоб они, помня Бога и ваше великих государей крестное целованье, от того воровства отстали и шли б на Красной Яр и в ыные городы, хто откуда збежал, и были б в службе попрежнему. А ваша великих государей милость к ним будет.

А что у него, Данила, учинитца, и о том бы он отписал к нам, холопем вашим. А как Данило Аршинской к нам, холопем вашим, и что отпишет, и о том к вам, великим государем, мы, холопи ваши, отпишем.

<...> А ленские отписки, запечатав вашею великих государей тобольскою (печатью), я, холоп ваш, Ивашко, послал к вам, великим государем, к Москве» [45].

В Москве эту отписку получили 13 октября 1671 года. А приведенную выше челобитную албазинских казаков, напомним, получили 7 февраля 1672 года, то есть спустя менее чем через три месяца. В очень неподходящее время была доставлена в Сибирский приказ челобитная албазинских казаков. Никаких документов об ответе на эту челобитную нет.

Описывая события в Албазине, мы закончили тем, что албазинские казаки привезли Никифора Черниговского 15 декабря 1670 года в Нерчинский острог. А кто стал приказчиком в Албазине? Г. Ф. Миллер писал: «В 1671 г. в Албазине находился присланный из Тобольска Иван Осколков. При нем в том же году не-

далеко повыше Албазина при урочище Брусяном камне с согласия всех албазинских казаков заложен был иеромонахом Ермогеном монастырь во имя Спаса всемилостивого» [46].

Вслед за Г. Ф. Миллером Франц Шперк повторяет: «Затем из Тобольска прислан был начальником в Албазин Иван Осколков» [47].

Эти события он, как и Г. Ф. Миллер, относит к 1671 году.

У П. Т. Яковлевой изменена даже фамилия: «В 1671 г. из Енисейска в Албазин был прислан приказчик Иван Охолков» [48].

В. А. Александров без ссылок на источник называет приказчиком Албазинского острога в 1672 году Любима Авдеева [49].

Такого приказчика не было.

А вот Г. Берх приводит документ, в котором у Осколкова имя не Иван, а Петр. (Может быть, инициал Берха указан ошибочно, это не Г. Берх, а Василий Берх.) Берх писал:

«Следующую здесь грамоту почерпнул я из записок трудолюбивого члена Вольного Экономического общества г. коллежского советника Антона Ивановича Лосева, находящегося в Иркутске губернским землемером.

"Лета 7181 [1672–1673] били челом нам, господину преосвященному Корнелию, митрополиту Сибирскому и Тобольскому, Даурския земли Албазинского острога служивые люди, приказной Петрушка Осколков да десятники и все рядовые служивые, чтоб нам, господину, пожаловати: благоволити в Албазинском остроге на церковь лес выронить и церковь построить во имя Воскресения Христова да о пределах Пресвятые Богородицы Владимирския, да собор архистратига Михаила, и на освящение церкви антимис, миро и масло дать.

И мы, великий господин, преосвященный митрополит Сибирский и Тобольский, пожаловали, благоволили и приказали: в Албазинском остроге на церковь лес ронить и церковь построить во имя Воскресения Христова да о пределах пресвятыя Богородицы Владимирския, да собор архистратига Михаила, и на освящение антимис, миро и масло дал.

А для освящения диакона указали мы, господин, взять из Енисейского острога"» [50].

Здесь уже, как говорится, лед тронулся. Но до царского прощения оставалось еще далеко.

А теперь напомним то, о чем писали подьячие Илимской приказной избы Павел Иванов Пежемский и Андрей Иванов сын По-

повых: «Да они же, воры, колодников, убойца Савка Иванова да беглово Илимского острогу целовальника Петрушку Осколкова, разломав железа, великого государя с товарными книгами Съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему и к себе в воровской даурской побег взяли».

А сыновья Н. Черниговского давали такие показания: «А зять де их, Петрушка, что за ним, Петрушкою, сестра их…»

Таким образом, Петрушка Осколков вовсе не был прислан из Тобольска, а был илимским целовальником, к тому же зятем Никифора Черниговского. А в челобитной албазинских казаков, написанной черным попом Ермогеном, первым упомянут Петрушка Екимов. Он и есть Петрушка Осколков. Неизвестно, за какие прегрешения был закован Петрушка Екимов Осколков, но о том, чем он занимался, и о его родственных связях удалось разыскать немало документов.

В таможенной книге Якутского острога за 153 [1644–1645] год записано:

«Того ж дни [июнь 1645 г.] отпущен ис таможни вниз по Лене реке на рыбную ловлю и на соболиной промысел печатника и думного дьяка Федора Федоровича Лихачёва крестьянина ево Ивана Амосова Осколкова брат ево Петрушка Екимов, а с ним покрученики Ивашка Осколкова [перечислено 19 человек. — *Г. К.*]. А с ними хлебного запасу и промышленого заводу по якутцкой таможенной оценке на девятьсот на дватцать на восмь рублев на одиннатцать алтын на четыре деньги.

Да с ним же, Петрушкою, идет своеужинник Лучка Малахов Воробьёв с покрученики Онашка Исаков, Сергушка Максимов, Шумилко Исаков. А с ними идет хлебного запасу и промышленого заводу по якутцкой таможенной оценке на сто на тритцать рублев.

А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого дватцать четыре алтына» [51].

В этой записи обращает на себя внимание внушительная цена хлебного запаса и промышленного завода.

Ивашко Амосов Осколков и Петрушка Екимов Осколков братьями были двоюродными, что выясняется из последующих записей. У Ивана Амосова Осколкова было множество родственников, которые совместно с ним занимались торговлей и снаряжением на соболиный промысел охотничьих ватаг.

В енисейской таможенной книге за 153 [1644–1645] год записано:

«Июня в 5 день [1645 г.] прошел с великие реки Лены мимо Енисейской и Маковской остроги по якуцкой проезжей грамоте печатника и думного дьяка Федора Федоровича Лихачёва крестьянин Андрей Амосов Осколков. Да с ним, Ондреем, для товарново береженья брат ево, Андриев, Панфилко Левонтьев. Да Левка Микифоров.

Проезжей пошлины взято по гривне с человека, итого десять алтын взято.

Того ж дни прошел в великие реки Лены мимо Енисейской и Маковской остроги к Русе по якутцкой проезжей грамоте думново ж дьяка и печатника Федора Федоровича Лихачёва крестьянин Осипко Амосов Осколков. Да с ним Офонька Микифоров для торгового береженья.

Проезжей пошлины две гривны взято» [52].

В следующем году в таможенной книге Якутского острога имеется запись об отъезде Петрушки Якимова «к Русе»:

«Того ж дни [20 августа 1646 г.] отпущены ис таможни вверх по Лене реке к Илимскому волоку и в Енисейской острог, и к Русе печатника и думного дьяка Федора Федоровича Лихачева крестьянина ево Ондрея Осколкова приказщик Стенка Онофреев да брат ево [Андрея Осколкова. — *Г. К.*] Петрушка Якимов да Ивашко Оболтин.

А с ними пошло мяхкой рухляди индигирсково привозу семьдесят шесть сороков тритцать семь соболей с хвосты, пятьдесят сороков пупков собольих, двести хвостов собольих, шубенко пупчатое, восмь исподов шапочных пупчатых, околы собольи.

А тое у них мяхкой рухляди Якутцково острогу по таможенной оценке на три тысячи на двести на шездесят рублев. И с тое у них мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята на Индигирской реке в прошлом во 153 [1645] году.

Да с ними ж идет мяхкой рухляди, что пришло с Вилюя, своего промыслу пятнатцать сороков соболей с хвосты, десять сороков пупков собольих да перекупных пятьдесят два соболя с хвосты, двенатцать соболей Божьих, четыре испода шапочных пупчатых, околы собольи, шубенко пластинное соболье.

А тое у них мяхкой рухляди Якутцкого острогу по таможенной оценке на шестьсот на тритцать на четыре рубли. И с тое у них мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якутцком остроге в таможни мяхкою рухлядью» [53].

В таможенной книге Якутского острога за 157 [1648–1649] год записано:

«Того ж дни [6 ноября 1648 г.] отпущен с Ленского волоку из Ылимского острогу ис таможни в Енисейской острог для долговой взятки торгового человека Осипа Осколкова брат ево Петр Якимов. А с ним товару и денег и мяхкой рухляди нет ничего.

Отъезжей с него пошлины алтын взято. Да печатного три алтына две деньги взято» [54].

В этой же книге имеется запись о его возвращении с товаром из Енисейска и отпуске его в Якутский острог:

«Того ж дни [13 мая 1649 г.] отпущен с усть Муки реки с таможни на великую реку Лену в Якутцкой острог торгового человека Еренского городка Осипа Амосова сына Осколкова брат ево сродной Петрушка Якимов.

А с ним, Петрушкою, отпустил он, Осип, своего и братня Иванова привозу русково товару из енисейской проезжей грамоты:

три пестряди бухарских
пятнатцать концов холсту середнего, мерою середние
два пуда свеч восковых
пять крашенин двойных портищных
десятеры штаны, вязаных шелком
десять рубах середнего холсту, шиты золотом в малую петлю
дватцать рубах пестрядинных
пятьдесят чарков красных, дружек.

А по усть-мукской таможенной оценке того русково товару на сто на восмьдесят рублев на дватцать на шесть алтын на четыре деньги. И с того товару на усть Муки реки государевы десятой пошлины не взято, потому что возметца с него, Осипа, государева десятая пошлина в Якуцком остроге с ево и з братним привозом с товарным и з запасным платежем вместе.

Да с ним же отпущены Осиповы ж покрученики:

Шумилко Исаков
Никонко Терентьев
Поспелко Данилов
Дениско Яковлев
Мишка Онисимов.

Отъезжей с них пошлины шесть алтын взято. Да с русково товару печатных пошлин, по деньге с рубля, итого тритцать алтын з деньгою взято. Да с покрученików же со всех печатных пошлин, по гривне с человека, итого шеснатцать алтын четыре деньги взято» [55].

А при отъезде из Якутского острога в таможенной книге была также сделана запись:

«157 [1649] году, июля в 2 день, отпущен на Индигирскую и на Колыму реки на соболиной промысел и для торгу Еренского городка торгового человека Осипа Осколкова брат ево Петрушка Якимов.

А с ним пошло хлебново запасу и русково товару, и промышленово заводу по таможенной оценке на 1265 рублев на 16 алтын на 4 деньги» [56].

Во время пребывания Петра Осколкова на Индигирке о нем упоминается в двух отписках индигирского приказчика пятидесятника казачьего Константина Степанова Дуная якутскому воеводе Францбекову.

«Государя царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю да дьяку Осипу Степановичю Ленского розряду пятидесятник казачей Костька Степанов челом бьет.

В прошлом во 157 [1648–1649] году принял я, Костька, на Индигирке реке у ясашных зборщиков, у Андрея Горелово с товарыши, государев дощанишко, старое, худое.

<…> Да я же, Костька, принял у нево же, Андрея, государев кочик, ветчаной, невеликое, на котором он, Андрей, пришел из Якутского острогу на Индигирку реку.

<…> И в нынешнем во 158 [1650] году промышленые люди Федька Аникиев Худяков устьцылемец учал бить челом государю, а на Индигирке реки, в Съезжей избе, мне, Костьке, чтобы ему, Федьке, тот государев кочик из государевы казны продали с парусом и с кочевною снастью.

И я, Костька, торговым и промышленым людем:

Андрею Косицыну

Петру Осколкову

Ивану Белому

Костянтину Осипову колмогорцу

велел тот кочик оценить индигирскою прямою ценою.

И торговые и промышленые люди, Андрей Косицын да Петр Осколков с товарыщи, оценили тот государев кочик против индигирские цены в сорок соболей и с кочевною снастью» [57].

В апреле 1650 года Петр Осколков стал готовиться к отъезду в Якутск и сделал очень крупные закупки мягкой рухляди. Запись об этом в индигирской таможенной книге занимает несколько листов. Подобной записи не встречается ни в одной таможенной книге.

«Того ж дни [25 апреля 1650 г.] продали промышленые люди Федька Онтропьев да Васка Иванов Голыгин устюжанин два со-

рока шесть соболей Осипа Осколкова брату ево Петрушки Екимову. Взяли восмьдесят шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли девятнатцать алтын.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Стенька Григорьев пинежанин десять соболей. Взял десять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять алтын.

Того ж дни ему ж продал промышленой человек Федка Аникиев Худяков да племянник ево Дружинка Иванов четыре сорока тритцать пять соболей. Взяли сто девяносто пять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого пять рублев два-тцать восмь алтын две деньги.

Ему же продал промышленой человек Никифорко Самойлов устюжанин шесть соболей. Взял шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого шесть алтын.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Ермолка Фокин два сорока один соболь. Взял восмьдесят один рубль. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли четырнатцать алтын две деньги.

Того ж дни ему ж продал Гришка Ларионов важенин два сорока дватцать восмь соболей. Взял сто восмь рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого три рубли восмь алтын.

Ему ж продал промышленой человек Васка Семенов Драчев сорок соболей. Взял сорок рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого рубль шесть алтын четыре деньги.

Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера шубу соболью. А в ней шездесят недособолей. Взял восмьдесят рублей. Записных пошлин взято по алтыну с рубля, итого два рубли тринатцать алтын две деньги.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Рудачко Павлов три сорока два соболя. Взял сто дватцать два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого три рубли дватцать два алтына.

Того ж дни ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Костка Осипов колмогорец три сорока два соболя. Взял сто дватцать два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля итого три рубли два алтына.

Ему ж продал промышленой человек Венедишка Олферьев устьянец два сорока два соболя. Взял восмьдесят два рубли. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли пятнатцать алтын две деньги.

Ему ж продал гостя Данила Панкратова приказщик ево Ондрюшка Юрьев Косицын четыре соболя. Взял четыре рубли дватцать шесть алтын четыре деньги.

Ему ж продал промышленой человек Первушка Семенов усолец осмнатцать соболей. Взял осмнатцать рублев. С записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого осмнатцать алтын.

Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера десять соболей. Взял десять рублев. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять алтын.

Ему ж продали промышленые люди [перечислено 14 человек. — *Г. К.*] два сорока дватцать шесть соболей. Взяли восмьдесят шесть рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого два рубли девятнатцать алтын две деньги.

Ему ж продал промышленой человек Митка Федотов усцелемец тритцать восмь соболей. Взял тритцать восмь рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого рубль четыре алтына четыре деньги.

Ему ж продал промышленой человек Якунька Максимов Падера сорок соболей. Взял сорок рублей, записной пошлины взято рубль шесть алтын четыре деньги.

Ему ж продал промышленой человек Онисимко Степанов дватцать один соболь. Взял дватцать один рубль. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого дватцать один алтын.

Ему ж продали промышленые люди Никонко Терентьев, Евдокимко Федоров одиннатцать соболей. Взяли одиннатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого одиннатцать алтын.

Ему ж продал промышленой человек Марчко Васильев десять соболей. Взял десять рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого десять алтын.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Семейка Савинов белозерец тритцать четыре соболя. Взял тритцать четыре рубля. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого тритцать четыре алтыну.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Первушка Спиридонов осмнатцать соболей. Взял осмнатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого осмнатцать алтын.

Ему ж продал промышленой человек Ивашко Петров устюжанин двенатцать соболей. Взял двенатцать рублей. Записной пошлины взято двенатцать алтын.

Ему ж, Петрушке, продали промышленые люди Шестачко Аввакумов да Куземка Фотеев семь соболей. Взяли семь рублей. Записной пошлины взято семь алтын.

Ему ж, Петрушке, продал промышленой человек Ермолка Фокин пятнатцать соболей. Взял пятнатцать рублей. Записной пошлины взято по алтыну с рубля, итого пятнатцать алтын» [58].

Перед отъездом в Якутский острог Петр Осколков и другие люди заплатили явочную и отъезжую пошлины, о чем в таможенной книге сделана запись:

«Того ж дни [30 апреля 1650 г.]

с торгового с Петрушки Екимова Осколкова
с Ывашка Савина Белово
с Суханка Иванова
с Микитки Леонтьева
с Офонка Никифорова
с Шумилка Исакова
с Терешки Игнатьева
с Осташка Баженова
с Овдокимка Федорова
с Поспелка Кирилова
с Юдки Нефедьева
с Ыгнашки Остафьева

по осми алтын по две деньги явчего и отъезжего по два алтына, итого три рубля дватцать четыре алтына» [59].

Во второй отписке приказчик Константин Степанов Дунай сообщал об отправке соболиной казны в Якутск:

«Государя царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю да дьяку Осипу Степановичю Ленского розряду пятидесятник казачей Костька Степанов челом бьет.

В нынешнем во 158 [1650] году по государеву указу собрал я, Костька, с товарыщи на Индигирке реке с иноземцов, с юкагирей, государева ясаку на нынешней на 158 [1650] год с Янгинского и с Шеренберсково роду, и с нижних Олюбенских юкагирей семнатцать сороков соболей. Да я же, Костька, с товарыщи собрал государева недоборного ясаку дватцать один соболь на прошлой на 157 [1648–1649] и на 155 [1646–1647] год с нижних Олюбенских юкагирев.

И тое государеву ясачную соболиную казну послал с Индигирки реки в Якуцкой острог нынешнего 158 [1650] году, июня в 23 день, [с] служилыми людьми с Ваською Жаворонковым, с

Якунькою Кузнецом, с Офонькою Левонтьевым да с торговыми и промышленными людьми:

с Андреем Косицыным
да с Петром Осколковым
с Олешкою Марковым Таловиком
с Ваською Яковлевым Новиковым устьцылемцем
с Ывашком Андреевым Широким с товарыщи.

А велел им, служивым и торговым, и промышленным людем явитьца с государевою ясачною соболиною казною в Якутцком остроге в Съезжей избе тебе, государеву воеводе. <...>

А хто имяны с ними, служивыми людьми, с Ваською Жаворонковым с товарыщи, торговых и промышленых людей, которые пошли с Ындигирки реки за государевою соболиною казною в Якуцкой острог, и тем людем роспись имянная под сею отпискою.

Роспись торговым и промышленым людем . <...>» [60].

В росписи записано 20 человек среди них: «Петр Екимов Осколков».

Упомянутый здесь служилый человек Якунька Кузнец — это родной брат Онофрия Степанова Кузнеца, который командовал амурским войском после отъезда Хабарова в Москву.

В феврале 1651 года якутскому воеводе Дмитрию Францбекову поступило известие, что не все привезенные с Индигирки и Колымы соболи приобретены законным путем.

«159 [1651], февраля в 2 день, в съезжей избе воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да диаку Осипу Степанову извещал словесно промышленой человек Юшко Селивёрстов: в нынешнем де во 159 [1650] году, которые торговые и промышленые люди пришли в Жиганы з дальных рек, с моря, с Ковымы и с Алазейки, и с Индигирки, и с ыных сторонных рек с своею с мяхкою рухлядью, с собольми, и в тех де у них соболях многие соболи иноземского промыслу, а иные обводные утаенные соболи-одинцы добрые, которые годны в государеву казну.

И против таможенной росписи про иноземские соболи воеводы Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов торговых и промышленых людей допрашивали, у ково они у иноземцов имяны те иноземские соболи покупали и на которых реках.

И торговой человек Иван Амосов сын Осколков в допросе сказал, что иноземские соболи привезли с Ындигирки реки брат ево Петрушка Якимов да с Ковымы реки приказщик ево Олешка Васильев сын Едомской три сорока дватцать пять соболей. По-

купали те соболи на тех реках у служилых людей да у промышленых людей, которые на тех же реках с служилыми людьми по челобитным служат вместо служилых людей.

А у ково де сколько по именом брат ево Петрушка и приказщик Олешка соболей купили и тому де на Индигирке и на Ковыме реках у таможенных целовальников в таможенных книгах записка всему тому есть. И государева де десятая пошлина на тех реках с тех соболей плачена сполна.

А у иноземцов де никаких соболей брат ево и приказщик не купливали» [61].

Однако же на якутской таможне было предъявлено значительно большее количество соболей.

«А в нынешнем во 159 [1650] году пришло с Петрушкою мяхкой рухляди по индигирской выписи своего промыслу 11 сороков соболей с хвосты да 10 сороков 30 соболей с хвосты, 2 подскора пупчатых, околы собольи, шубенко недособолье.

А Якутцкого острогу по таможенной оценке той мяхкой рухляди на 1941 рубль на 25 алтын. И с тех соболей у брата ево, у Ивана Осколкова, взято на государя иноземского промыслу 2 сорока 23 соболи с хвосты.

Да с ним ж, Петрушкою, отпущен на покруте без товару и без денег Шестачко Юрьев вычегжанин. А в нынешнем во 159 [1650] году пришло с ним, Шестачком, по индигирской выписи работной и перекупной мяхкой рухляди 45 соболей с хвосты. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него мяхкой рухляди на 49 рублев с полтиною.

И с тех соболей у него, Шестачка, взято на государя иноземского промыслу один соболь с хвостом» [62].

Однако в индигирской выписке у Петрушки Осколкова значится гораздо меньше соболей, чем в индигирской таможенной книге. Одних только перекупных соболей у него было 24 сорока 37 соболей.

Когда появился в Киренске Петрушка Осколков, неизвестно. Документы илимского архива вплоть до XVIII века утрачены, за редким исключением. За что воевода Обухов сковал Петрушку Осколкова, установить, видимо, не удастся. В целовальники он был выбран торговыми людьми. За год до побега он имел перед казной небольшой долг. В книге денежных доходов Илимского острога за 177 [1668–1669] год записано:

«Из доимки ж на прошлой на 172 [1663–1664] год по счетно-

му списку за казенного Съезжие избы целовальника за Петрушку Осколкова по выбору на выборщиках гостиные сотни Силы Усова на человеке ево на Сенке Тотарине, на илимском посадцком на Завьялке Семенове с товарыщи, помечено взяти сорок два рубли три алтына две деньги.

И в то число из доимки на прошлой на 172 [1663–1664] год тех денег не взято, потому что в Ылимском остроге всех налицо не было» [63].

Упомянутые здесь люди при выборе дали поручную запись по Петрушке Осколкову. Теперь с них должны были взыскать его долги.

Вернемся в Албазин и Нерчинск. Летом 1672 года Данило Аршинский отправил в Сибирский приказ соболиную казну, отписки и челобитные. Данило Аршинский писал:

«Государю [А. М., Ф. А., И. А.] холоп ваш великих государей Данило Аршинской челом бьет.

В нынешнем, великие государи, во 180 [1672] году, маия в … день в Нерчинском остроге нерчинские и олбазинские служилые люди били челом вам, великим государем, а мне, холопу вашему, в Росправной избе подали заручные челобитные, чтоб вы, великие государи, холопей своих пожаловали: указали мне, холопу вашему, те их заручные челобитные у них принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве.

И я, холоп ваш, по вашему великих государей указу те их заручные челобитные у них принял и послал под сею отпискою к вам, великим государем, к Москве с нерчинскими служилыми людьми с Коземкою Бархатовым с Шестачком Офонасьевым.

А велел я, холоп ваш, Коземке и Шестачку подать отписку и челобитные в Сибирском приказе вашему великих государей окольничему Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, Льву Ермолаеву» [64].

На обороте отписки отметка о подаче: «181 [1672], декабря в 13 день, з даурским казаком с Коземкою Бархатовым».

«И у выписки даурские казаки, которые приехали из Даур к Москве с отписки, Куземка Бархатов, Шестачко Офонасьев, по допросу сказали: в прошлом во 180 [1672] году, майя в 10 день, посланы они из Даур к великому государю к Москве с отписками» [65].

Таким образом, на дорогу было потрачено семь месяцев.

Челобитная албазинских казаков в некоторых местах до-

словно повторяет челобитную, написанную два года назад черным попом Ермогеном. Но в ней есть отличия. Не совпадает начало челобитной, где упоминаются имена челобитчиков. Не совпадает год подачи челобитной, в прежней был указан 178, а в этой 180. Не совпадает количество челобитчиков, в прежней их было 82, а сейчас 120. В 1670 году хлеба было посеяно 50 десятин, а в 1672 году 90. Кроме того, в этой челобитной сохранилась заключительная часть, в отличие от челобитной, написанной черным попом Ермогеном. Поэтому мы приведем ее полностью.

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, даурские службы Албазинского острогу служилые людишка, десятничишка казачьи и рядовые казачишка:

Федька Евсивьев Плот[ник]
Петрушка Осколков
Ярк[о] Тварогов
Карпушка Семенов
Завьялко Ларион[ов]
Артюшка Семенов
Якунька Савин
Ивашко Козьмин
… Иванов
Левка Сысоев
Богдашко Тороканов

и во всех место албазинских служилых людей ста дватцати человек.

С прошлого, великий государь, 174 [1665] году и по нынешней 180 [1672] год приходили мы, холопи твои, из сибирских городов своею охотою гулящим и промышленым числом на великую реку Шилку при Ларионе Т(олбо)зине и при Даниле Даниловиче Аршинском. И били челом тебе, великому государю, а в Нерчинском остроге в Росправной избе Лариону Толбозину и Даниле Аршинскому подавали заручные свои челобитные, чтоб ты, великий государь, нас, холопей своих, пожаловал: велел по Албазинскому острогу верстать (в) твою государеву казачью службу.

И по твоему государеву указу Ларион Толбозин и Данило Аршинской нас, холопей твоих, в розных годех и месяцех, и числех в твою государеву службу верстали.

И мы, холопи твои, на великой реке Амуре на Албазинском городище поставили твой государев острог, и для приходу воинских людей около острогу ров копали, и надолбы поставили. И под твою царскую самодержавную высокую руку новых неясач-

ных оленных Контагирсково роду тунгусов привели и аманатов взяли на Амуре.

Да мы ж, холопи твои, в новом Албазинском остроге пашню сеем хлеб. И тем мы, холопи твои, на твоей государеве службе питаемся.

А к нынешнему ко 180 [1672] году насеяно у нас холопей твоих девяносто десятин ржи, а ярового будет посеетца всякого хлеба девяносто же десятин. А для хлебные пахоты сошники и серпы, и косы, и для приходу воинских людей порох и свинец по вашему, великих государей, указу Данило Аршинской дает нам в Нерчинском остроге из вашей, великих государей, казны и во всем нам помогает.

И мы, холопи твои, будучи на твоей государеве дальной службе в Албазинском остроге, без твоего государева жалованья и без указу ныне нужны и бедны, и наги, и боси. И в твоем великого государя в новом в Албазинском остроге для приходу воинских людей снаряду и пушек, и мушкетов, и зелья ручново, и свинцу нет. А для оружейные починки кузнеца нет же.

А около Албазинского острогу иноземцов, неясачных даурских людей и тунгусов, много, и под твою великого государя царя самодержавную высокую руку никакими мерами подозвать не мочно. А поиску над ними без твоево государева указу мы, холопи твои, поискать не смели.

А из Албазинского острогу и до Богдойского царства албазинские служилые люди ходу проведали: на коне ехать три недели всего.

А по Амуру реке с усть Аргунь реки вниз до Албазинсково острогу по лугам пашенных хлебородных мест много. Можно поселить триста семей в твою великого государя десятинную пашню. И от той бы пашни мочно служилым людем нерчинских острогов и нового Албазинсково острогу без енисейской хлебной присылки сытым быть.

А в тое свою великого государя десятинную пашню — ково ты, великий государь, изволишь прислать с Руси или из сибирских городов.

А ниже Албазинского острогу пашенных мест безчис(ленно) много.

Милосердый государь [А. М.], пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем, чем тебе, великому государю, всемилосердый господь известит. И изволь, великий государь, к

нам, холопем своим, послать снаряд: пушки и мушкеты, и зелье ручное, (и с)винец, и пашенных крестьян.

<…> Пожалуйте, великие государи, нас, холопей своих, за ту нашу службишку и за острожную поставку своим великих государей денежным и хлебным, и соляным жалованьем, что вы, великие государи, нам холопем своим, укажете.

И велите, великие государи, сию нашу заручную челобитную в Нерчинском остроге Данилу Аршинскому принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве» [66].

И, наконец, рукоприкладства: «К сей челобитной вместо десятников казачьих Федьки Евсевьева да Петра (Я)кимова и вместо рядовых, служилых же, поп Федор Иванов по их велению руку приложил» [67].

Здесь впервые указано прозвище бывшего ленского промышленного человека, а теперь казачьего десятника, приказчика Албазинского острога Федьки Евсевьева — Плотник. А откуда и когда появился поп Федор Иванов, неизвестно.

«К сей челобитной вместо Албазинского острогу служилых людей: десятников казачьих Офоньки Прокопьева, Левки Сы(сое)ва и рядовых служилых людей: Ондрюшки Иванова, Фильки Хомутова, Тимошки Андреева [?], Оверки Офонасьева, Гаврилка Флорова, Петрушки Троино(ва), Олешки Иванова, Петрушки Сухово, Серешки Петрова, Ондрюшки Овд…, Вакулки Куркова [?], Пиминка Григорьева, Олешки Ярофеева, Гришки Осокина по их велению албазинской служилой человек Мишка Жданов руку приложил» [68].

Из них в прежней челобитной упоминался только Оверка Офонасьев. Гаврилко Флоров будет в 1677 году приказчиком Албазинского острога.

Как и прежде, в челобитной обойден главный вопрос — об убийстве воеводы Л. Обухова. О приходе китайских людей под Албазин тоже не сказано. Значит, его не было.

На эту челобитную, как и на челобитную, написанную черным попом Ермогеном, ответа не последовало. Обратим еще раз внимание на то, что данная челобитная поступила в Сибирский приказ 13 февраля 1673 года. А между тем многие авторы утверждают, что в 1672 году состоялось прощение албазинцев. Значит, они ломились в открытую дверь? Нет, прощения пришлось ждать еще два года. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в конце главы.

Среди челобитных была также и челобитная самого Данилы Аршинского:

«Царю [А. М., А. А., Ф. А., С. А., И. А.] бьет челом холоп ваш, Данилко Аршинской.

По вашему великих государей указу послан я, холоп ваш, ис Тобольска на вашу великих государей службу в Даурскую землю в нерчинские остроги на Ларионово место Толбозина.

А служил я, холоп ваш, вам, великим государем, в Тобольску сорок три годы всякие ваши государевы службы. И на ваших государевых непослушников, на колмацких людей, и на изменников, на башкыр, ис Тобольска в походы посылан бывал, и на боях ранен бывал же, и языков имывал.

А ныне я, холоп ваш, стар и увечен.

<...> Пожалуйте меня, холопа своего, за мое службишка и за раны, и за старость, и за увечья. Велите, великие государи, меня с своей великих государей з дальной службы из нерчинских острогов переменить» [69].

Довольно необычная челобитная. Для того чтобы заменили, пришлось, по примеру Толбузина, писать челобитную, причем не просто писать, но и перечислять свои заслуги.

В мае 1673 года Данило Аршинский послал в Москву челобитные служилых людей нерчинских острогов. В отписке он сообщал:

«Государю [А. М., Ф. А., И. А.] холоп ваш, великих государей, Данилко Аршинской челом бьет.

В нынешнем, великии государи, во 181 [1673] году, маия в 10 день, в Нерчинском остроге били челом вам, великим государем, нерчинские служилые люди и новоприборные казаки, а мне, холопу вашему, в Росправной избе подали заручные челобитные, чтоб вы, великие государи, указали мне, холопу своему, те их заручные челобитные у них принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве.

И я, холоп ваш, по вашему великих государей указу те их заручные челобитные у них принял и послал под сею отпискою к вам, великим государем, к Москве с нерчинскими служилыми людьми с Нехорошком Елфимовым да с Ларькою Саранчиным. А велел я, холоп ваш, подать отписку и челобитные на Москве в Сибирском приказе вашему великих (государей) окольничему Родиону [написано: Росиону. — *Г. К.*] Матвеевичю Стрешневу (да) дьяком Григорью Порошину, да Льву Ермолаеву» [70].

Данило Аршинский отправил также в Сибирский приказ очень важную челобитную албазинцев, которая не сохранилась или же не найдена. Содержание ее известно из грамоты царя Фе-

дора Алексеевича красноярскому воеводе Дмитрию Степановичу Римскому-Корсакову от 19 апреля 1689 года:

«В прошлом во 182 [1674] году писал блаженные памяти к великому государю [А. М.] из Даур тобольской сын боярской Данило Аршинской и прислал Албазинского острогу Микифорка Черниговского с товарыщи, ста одного человека, челобитную и челобитчиков, Микифорковых товарыщев Черниговского, Ивашка Перелешина да Ярка Тварогова.

А в челобитной их написано: пошед де они, Микифорко с товарыщи, из Усть-Киренские волости, воеводу Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпенье, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал и животы их вымучивал. И идучи де они по Лене реке, нашим государевым всяких чинов людем никакие обиды не чинили и не побивали, и не грабили» [71].

Насчет того, что не грабили, сказано слишком смело.

О челобитчиках уже было сказано, что Ивашко Перелешин был чечуйским мельником, а Ярко Тварогов — усть-кутским судовым плотником. Оба были посвящены в замысел побега и участвовали в нападении на дощаник воеводы. Ивашко Перелешин и Ярко Тварогов ехали в Москву вместе с Нехорошком Елфимовым. Недалеко от Москвы, в Ярославле, случилась задержка на долгое время, и они подали челобитную:

«Государю [А. М.] бьют челом сибирские служилые людишка розных городов и острогов:

тарской сынчишко боярской Александрко Чередов
Березовского города десятничишко казачей Якунька Канкаров
да нерчинской казачишко Нехорош Елфимов
да албазинской десятничишко казачей Ивашко Перелешев
Сургуцкого города десятничишко казачей Васка Макаров с товарыщи.

<...> И в нынешнем, государь, во 182 [1674] году приехали мы, холопи твои, с твоею великого государя соболиною казною в Ярославль, генваря в 11 день. А стоит твоя великого государя казна и мы, холопи твои, в Ярославле многое время» [72].

Однако же стояли не так уж долго. На нескольких челобитных нерчинских казаков указана дата прибытия в Москву Нехорошка Елфимова: «182 [1674], генваря в 19 день, з даурским казаком с Нехорошком Елфимовым» [73].

Значит, Ивашко Перелешин прибыл в Москву в это же время. Нет только челобитной албазинских казаков.

Ответом на челобитную было царское прощение, но это произошло не сразу. Подробно об этом будет рассказано в конце главы.

Поскольку Данило Аршинский не получил ответа из Москвы, как поступить с Никифором Черниговским за попытку побега в Китай, то он, видимо, не нашел ничего лучшего, чем отпустить Черниговского в Албазин. Никаких подробностей об этом нет, только в документах упоминается, что в 1673 году Черниговский снова был приказчиком.

К нему продолжали прибывать беглые промышленные люди. Приказчик Олёкминского острожка сын боярский Матвей Ярыгин сообщал в Якутский острог о вестях, получаемых на заставе от приплывающих с верху Олёкмы людей:

«Да того ж числа [24 мая 1673 г.] выплыли с соболиного промыслу с Олёкмы реки из-за камени двумя дощаниками промышленые люди, передовщик Трифонко Олексеев с товарыщи, тринатцать человек.

<...> Да они ж, передовщик Трифонко с товарыщи, на заставе у записки сказали, что было де их в ватаге на соболином промыслу дватцать один человек. И, опромышляв, весною семь человек, Якунька Васильев Собатчиков с товарыщи своими, мяхкой рухлядью розделясь, сошли тайным обычаем на Амур реку к Никифорку Черниговскому» [74].

Далее сообщаются имена этих людей:

У торгового человека Матфея Степанова Норицына было нанято три покрученика. Двое из них пришли на олёкминскую заставу. «А третей ево, Матфеев, покрученик Бориско Федоров с своею третью с собольми ушел на Амур реку» [75].

Своеужинник Игнашко Терентьев сообщал: «А покрученик ево, Игнашкин, Герасимко Леонтьев, розделясь, своею третью [с] собольми ушел на Амур реку» [76].

«Якунька Сабатчиков двумя ужинами с покрученикомсвоим Ондрюшкою Ивановым с своей мяхкой рухлядью с собольми ушли на Амур реку.

Своеужинник Семейка Иванов с своей мяхкой рухлядью с собольми ушел на Амур реку.

Своеужинник Левка Иванов с своей мяхкой рухлядью с собольми ушел на Амур реку» [77].

Не только промышленные люди уходили к Черниговскому. Туда же бежали и некоторые служилые люди. В окладной книге

денежному жалованью Илимского острога за 186 [1677–1678] год имеются записи об этом:

«Мишка Васильев сын Мотузов. Во 182 [1674] году был послан в Даурскую землю в нерчинские остроги. Из Даур бежал на Амур реку» [78].

«Кирюшка Иванов сын Прокошев был послан в Даурскую землю в Нерчинской острог. И из Нерчинского бежал на Амур реку» [79].

В окладной книге за 187 [1678–1679] год записано: «Исачко Богатырёв во 182 [1674] году был послан в Даурскую землю в нерчинские остроги. Из нерчинских острогов бежал безвестно» [80].

«Онтонко Яковлев сын Гиляшихин во 182 [1674] году послан в Даурскую землю в нерчинские остроги. И из нерчинских острогов бежал безвестно.

Юшко Кирилов сын Верхоглядов во 182 [1674] году был послан в Даурскую землю. И из нерчинских острогов бежал безвестно» [81].

В Москве вскоре подыскали замену Даниле Аршинскому. Приказным человеком в нерчинские остроги был назначен тобольский сын боярский Павел Яковлевич Шульгин.

«В нынешнем во 183 [1675] году, генваря в 24 день, писал к великому государю [А. М.] из Даур тобольской сын боярской Павел Шульгин. А в отписке написано:

в 1-й: Во 182 [1673] году, ноября в 31 день, по указу великого государя пришол он Павел, в Нерчинской острог и принял у Данила Аршинского Нерчинской, Телембинской остроги налицо» [82].

Почему-то не упомянут Иргенский острог.

24 января 183 [1675] года — это дата получения отписки в Москве. То же самое имеется и в фонде 62 [83], но почему-то датой получения отписки указан не 183, а 184 год. В этом случае получается, что отписка шла более двух лет.

О Павле Шульгине сохранилось множество документов в различных фондах, относящихся к разным годам. Чтобы упоминание его имени не было пустым звуком, сделаем большое отступление, в котором приведем только документы, описывающие главные события его жизни. Может быть, именно эти события и наложили свой отпечаток на его деятельность в последние годы жизни.

Отец Павла Шульгина служил в Тобольске стрелецким казачьим головой. Сыновья служилых людей, как было принято в те времена, также зачислялись на государеву службу. В 1657 году Павел

Шульгин приезжал из Тобольска в Москву с соболиною казною, совмещая службу со своей выгодой. Из Ямского приказа была послана память в Сибирский приказ:

«Лета 7165 [1657], февраля в 25 день. По государеву указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому, да дьяком Григорью Протопопову да Федору Иванову.

В нынешнем во 165 [1657] году, февраля в 18 день, писал ко государю [А. М.] Сухонского яму ямской приказщик Любим Свиязев: в нынешнем де во 165 году ехал из Тобольска из Сибири з государевою соболиною казною Павел Шульгин с казаками. А вез на ямских подводах, навив возы рыбы своей невмеру. И от тое де ево рыбы пересадил два мерина.

А в государеве [А. М.] указе написано: московские и розных городов ямщики, опричь татинных и розбойных, и убивственных дел, в всяких делах ведомы в Ямском приказе.

И по государеву [А. М.] указу боярину князю Алексею Никитичю да дьяком Григорью Протопопову, да Федору Иванову о присылке того Павла Шульгина в Ямской приказ учинить по государеву указу.

Дьяк Гарасим Головкин» [84].

На обороте помечено: «Отослать».

Рыба предназначалась для продажи. Вырученные деньги пригодились для покупки. А о покупке написано в челобитной:

«Царю [А. М.] бьет челом холоп твой, Пашка Шульгин.

Купил, государь, я на Москве литовского полону две женки: Анютку Филимонову да Агафьицу Федорову з дочерью з девкою с Анюткою Кондратьевою.

<...> Вели, государь, мне на тех моих купленых людей дать с Москвы до Тобольска проезжую грамоту» [85].

Просьбу уважили, на обороте челобитной: «Отпустить».

Но в 1659 году жизнь семьи Шульгиных круто изменилась. Тобольский воевода Иван Андреевич Хилков сообщал в Сибирский приказ:

«В нынешнем, государи, во 167 [1659] году, маия 16 день, в вашей великого государя [А. М., А. А.] грамоте писано нам, холопем вашим: велено стрелецкого казачья голову Якова Шульгина з женою и з детьми за ево многие ссоры сослать ис Тобольска на Лену в Якуцкой острог на вечное житье, и на Лене служить з детьми боярскими.

И велено, государи, нам, холопем вашим, Якова Шульгина

з женою и з детьми, будет они ныне в Тобольску, послать в Енисейской острог с приставом и с провожатыми, и о том к воеводе к Ивану Ржевскому велено отписать. А от вас, великих государей, к нему, Ивану, писано: велено ево, Якова Шульгина, з женою и з детьми из Енисейского острогу послать на Ленской волок в Ылимской острог по тому [ж] с приставом и с провожатыми.

А будет Яков Шульгин или дети ево из Тобольска где в отсылке, и нам, холопем вашим, послать тех, которые ныне в Тобольску. А достальных велено послать в другой посылке безо всякого мотчанья с приставом же и с провожатыми.

А на Лену, в Якутцкой острог, от вас, великих государей, к стольнику и воеводе к Ивану Голенищеву-Кутузову да к диаку к Ивану Бородину, и в Ылимской острог к стряпчему и воеводе к Петру Бунакову об них и об окладех их писано.

И по вашему великого государя [А. М., А. А.] указу мы, холопи ваши, послали Якова Шульгина з женою Марьею да с сыном Федором, з дочерьми з девками, з двемя Овдотьями да с Ориною, да невестку ево, Яковлеву, Павлову жену Шульгина Степаниду з детьми до Енисейского острогу с приставом с Енисейским казачьим головою с Микитою Стеншиным да с провожатыми, с тобольскими казаки, маия в 17 день.

А достальные дети ево, Яковлевы, Павел Шульгин послан был ис Тобольска в Тобольской уезд в (Киргин)скую слободу для вашие великих государей хлебные покупки. А денег на ту хлебную покупку послано с ним, Павлом, пять рублев. И ис Киргинской слободы в Тоболеск не бывал.

А другой сын ево, Яковлев, Петр Шульгин, ис Тобольска бежал к брату своему Павлу в Киргинскую слободу до нашего, холопей ваших, в Тоболеск приезду.

И по вашему великих государей указу посылали мы, холопи ваши, в Киргинскую слободу тобольского сына боярского Наума Венгерова. А велели ему, Науму, Павла и Петра Шульгиных взять и привесть в Тоболеск тотчас. А для береженья велели мы, холопи ваши, взять ему, Науму, ис Киргинской слободы тамошних служилых людей, сколько человек пригоже.

И июня, государь, в 5 день, тобольской сын боярской Наум Венгерской в Тоболеск приехал, а Павла и Петра Шульгина не привез. А в роспросе, государи, нам, холопем вашим, Наум Венгерской сказал: по вашему великих государей указу ездил он, Наум, в Киргинскую слободу и про Павла де и про Петра Шуль-

гиных прикащика Ондронника Зяблово и крестьян роспрашивал, где они ныне. И прикащик де Ондронник Зяблово и все крестьяне ему сказали, что Павел и Петр Шульгины поехали в Тоболеск на дощанике тобольского сына боярского з Дружининым сыном Полозова с Васильем.

И он де, Наум, взяв у прикащика у Ондронника Зяблово служилых людей десять человек, и с теми служилыми людьми у Василья Полозова на дощанике того Павла Шульгина доехали одного. А брата его, Петра Шульгина, на том дощанике не было. А сказал де ему, Науму, Павел Шульгин, что брат ево, Петр Шульгин, поехал в деревню. И он де, Наум, оставил у Павла для береженья служилых людей пять человек, и велел ево беречь, чтоб он з дощаника куда не ушел.

А з достальными де служилыми людьми ходил он, Наум, в деревню, в которой сказали ему Петра Шульгина. И в той де деревне ево, Петра, не сыскали.

А как де он, Наум, ходил в деревню по Петра Шульгина, и без него де, Наума, Павел Шульгин с людьми своими у служилых людей отбился саблею и ушел на лошади, неведомо куды. А лошадь де ему, Павлу, привели к судну люди ево» [86].

«И во 167 [1659] [году] Яковлевы дети Шульгина Павел да Петр на Москве объявились, и в Сибирском приказе подали тобольских всяких чинов руских людей и татар челобитную за руками» [87].

В этой челобитной подробно рассказано о причинах ссылки Якова Шульгина и его семьи. Челобитчики жаловались на прежнего тобольского воеводу князя Алексея Ивановича Буйносова:

«И он, князь Алексей, ведая перед вами, великими государи, свою неправду, писал к вам, великим государем, затеяв и поклепав напрасно, ложно, будто приходил в Тобольску стрелецкой голова Яков Шульгин с служивыми людьми к городу и приступал с пищальми, и хотели ево, князь Алексея, убить. <…>

А Яков Шульгин с служивыми людьми к городу с пищальми никаким воровским заводом и заговором не прихаживал, и ево, князь Алексея, убить не умышливал. Тем ево, Якова, князь Алексей своими ложными отписками поклепал напрасно, и о нем повинно, и вас, великих государей, на гнев воздвиг ложно.

А в прошлом, государи, во 166 [1658] году, в месяце августе, приходили в Тобольску служилые люди, казаки и стрельцы, бити челом вам, великим государем, о денежном и о хлебном жалова-

нье, и ему, князь Алексею, били челом словесно, вежеством, а не криком и не шумом, без пищалей и без Якова Шульгина. А Яков в те поры лежал болен. А дети ево, Яковлевы, были розосланы по вашим государевым службам» [88].

Челобитчики просили: «Не велите, государи, ево, князь Алексееву, ложному, затейному, поклепному писму поверить. И не велите, государи, без вины и без сыску тово Якова Шульгина и детей ево напрасно разорить, и в такие в дальние в понизовые городы и в нужной путь разослать» [89].

А в выписке Сибирского приказа отмечено:

«А позади челобитной руки приложили: 2 человека голов, татарской да казачей; 16 человек детей боярских, 3 человека атаманов, 3 человека пятидесятников, 22 человека казаков, 5 человек посадцких людей, в том числе один староста мирской.

… человек руки приложили польским письмом да руки ж приложили татарским письмом» [90].

Сколько человек приложили руки польским и татарским письмом, не сказано. А в начале челобитной упомянуты «юртовские мурзы и татаровя» и «бухарцы».

Каким образом удалось братьям Шульгиным собрать такое количество подписей тайно от воевод, в документах не говорится.

После разбирательства в Сибирском приказе была написана память в Ямской приказ:

«Лета 7167 [1659], августа в 18 день. По государеву [А. М.] указу боярину Ивану Ондреевичю Милославскому, да дьяком Миките Головину да Ивану Горюнову.

В нынешнем во 167 году объявились на Москве из Сибири Тобольского города дети боярские Павел да Петр Шульгины без указу и без отпуску великого государя боярина и воеводы князь Ивана Ондреевича Хилкова с товарыщи ис Тобольска.

И великий государь [А. М.] указал тех тобольских детей боярских Павла и Петра Шульгиных с Москвы послати в Сибирь в Тоболеск за приставы на ямских подводах» [91].

Что было дальше, рассказано в отписке следующего тобольского воеводы Петра Годунова:

«И в прошлом же, государи, во 168 [1659] году Яковлевы дети Шульгина, Павел з братом, с Москвы в Тоболеск приехали и подали в Приказной избе боярину и воеводам князю Ивану Андреевичю Хилкову с товарыщи вашу великих государей грамоту.

А в грамоте написано: велено про него, Якова, з детьми ро-

зыскать и, розсмотрив про всякие ссоры. Да будет по разсмотренью от них дурна и ссоры не чаять, и детей ево, Яковлевых, Павла и Петра, ис Тобольска на Лену посылать не велено, и отцу их, Якову, з женою и с невесткою велеть из Енисейского быть в Тоболеск. А в Тобольску им быть по-прежнему.

И против тое вашие великих государей грамоты писали ис Тобольска к вам, великим государем, боярин и воевода князь Иван Андреевич Хилков с товарыщи: только де быть Якову Шульгину и детем ево впредь в Тобольску, и от нево, Якова, и от детей ево и впредь чаять большого дурна и ссоры со всякими градцкими людьми.

И против тое отписки прислана в Тоболеск ваша великих государей третья грамота. А велено Яковлевых детей Шульгина, Павла и Петра, послать ис Тобольска в Енисейской острог, с кем пригож. И к воеводе к Ивану Ржевскому об них и об окладех их отписать.

А велено отца их, Якова, с ними и з женами их, и з детьми из Енисейского, с кем пригоже, послать на Лену в Якуцкой острог. А на Лене им быть по прежнему вашему великих государей указу.

И по той вашей великих государей грамоте Павел Шульгин ис Тобольска в Енисейской острог послан.

<...> А Павлов брат Шульгина, Петр, в Тобольску умер» [92].

Что же касается сыска, то о нем тобольский воевода Петр Годунов писал следующее:

«Да в прошлых же, государи, годех после ево, Яковлевы, ссылки по вашему ж великих государей указу и по челобитью тобольских всяких чинов служилых людей прислана в Тоболеск ваша великих государей грамота при боярине при князь Иване Ондреевиче Хилкове с товарыщи о нем же, Якове Шульгине, з детьми. А велено про него, Якова, в Тобольску сыскать вашим государевым богомольцом, бывшим Симионом архиепископом и архимаритом, и всяких чинов Тобольского города жилецкими русскими людьми и татары.

И по той де вашей великих государей грамоте ничего о нем, Якове, не сыскано, для того что прежде той вашей государевы грамоты об нем сыскивали, и в сыску ево в Тобольску всем городом оправили» [93].

Итак, несмотря на царскую грамоту, сыска не проводили, ввиду того, что раньше был какой-то сыск. И хотя Якова Шульгина в том сыске всем городом «оправили», он все-таки был отправлен в ссылку.

Из Енисейска семья Якова Шульгина была отправлена на Ленский волок, а оттуда в Якутский острог. Илимский воевода Тихон Вындомский отправил их вместе с другими ссыльными, о чем известил якутского воеводу Ивана Голенищева-Кутузова отпиской: «В нынешнем во 169 [1661] году, июня в 6 день, посланы с Ленского волоку из Ылимского острогу к тебе, господине, в Якутцкой острог ссыльные люди, шесть человек, с якутцкими служилыми людьми, с Нестерком Прибытковым с товарыщи, великого государя на запасных судах» [94].

В росписи ссыльных первым числится: «Яков Шульгин з женою Марьею да с сыном с Федором, з дочерьми: з двумя Овдотьями да с Оринкою, да невестка, Павлова жена Шульгина, Степанида з детьми с Васильем да с Олександром» [95].

Якова Шульгина поселили на Чечуйском волоке. Хотели его поставить на подворье к пашенному крестьянину Федьке Яковлеву, но тот воспротивился и подал челобитную. Просьбу Федьки Яковлева вначале вроде бы учли и отправили чечуйскому приказчику память:

«Лета 7169 [1661], августа в 14 день. По указу великого государя [А. М.] память на Чичюйской волок Ивану Жеглову.

В нынешнем во 169 [1661] году, августа в 8 день, бил челом великому государю [А. М.], а в Якутцком остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большему Голенищеву-Кутузову Якутцкого острогу пашенной крестьянин Федька Яковлев подал челобитную.

А в челобитной ево написано, чтобы великий государь пожаловал ево, Фетьку: не велел на Чичюйском волоку на подворье ево, Якова Шульгина, и иных ссыльных никаких людей ставить, чтобы ему великого государя пашни не отбыть.

И как тебе, Ивану, ся память придет, и ты бы Якова Шульгина и иных ссыльных людей на дворе у нево, Фетьки, не ставил, и налоги ему, Фетьке, никакие не чинил» [96].

На Чечуйском волоке пашенных крестьян было раз два и обчелся, а Федька Яковлев из них был самым зажиточным. Несмотря на челобитную и память воеводы, Якова Шульгина все-таки поселили у Федьки Яковлева [97].

А Павел Шульгин прибыл на Лену поздней осенью 1661 года и зимовал на Чечуйском волоке. На следующий год весной прибыл в Якутск. О его прибытии якутский воевода Голенищев-Кутузов сообщал в Москву:

«В прошлом, великий государь, во 170 [1661] году, сентября в 15 день, писал ко мне, холопу твоему, из Енисейского острогу воевода Иван Ржевской. А в отписке ево написано: в прошлом де во 169 [1660] году сентября в 28 день, по твоему де великого государя [А. М.] указу писал ис Тобольска боярин и воевода князь Иван Ондреевич Хилков с товарыщи и прислал де к нему в Енисейской острог тобольского сына боярсково Павла Шульгина с тобольскими детьми боярскими, з Богданом Назимовым с товарыщи. И по твоему де великого государя указу велено ему, Ивану, того Павла, приняв, послать ко мне, холопу твоему, в Якутцкой острог.

И тот Павел ко мне, холопу твоему, в Якутцкой острог в прошлом во 170 [1662] году, маия в 28 день, прислан.

И он, Павел, подал мне, холопу твоему, в Съезжей избе твою великого государя [А. М.] грамоту за приписью дьяка Григорья Протопопова. А послана та твоя великого государя грамота к стольнику и воеводе к Михайлу Лодыженскому да к дьяку Федору Тонково в прошлом во 161 [1652–1653] году. [Так в тексте, грамота о ссылке Шульгиных пришла в Тобольск в мае 1659 г. — *Г. К.*]

А в той твоей великого государя грамоте написано: велено ему, Павлу, быть на Лене в Якутцком остроге у стрельцов и у казаков в головах. И наказ, по чему (стрельцов) и казаков ведать ему, Павлу, дан. И твое великого государя годовое денежное и хлебное жалованье, и соль велено ему давать тот же оклад, что ему было в Тобольску: денег шеснатцать рублев, шеснатцать четвертей ржи да шеснатцать четвертей овса, да три пуда соли. И как велят стольник и воевода Михайло Лодыженской да дьяк Федор Тонков быть в головах, и о том велено отписать к тебе, великому государю, к Москве.

И та твоя великого государя грамота отпущена старо. А он, Павел, в том году на твою великого государя службу в Якутцкой не бывал, и ту твою великого государя грамоту держал у себя.

И ныне он, Павел, из Енисейского острогу в Якутцкой прислан. А в чем ему в Якутцком быть, и о том ис Тобольска боярин и воевода князь Иван Ондреевич Хилков с товарыщи ничево не писали.

И в прошлом же, великий государь, во 170 [1662] году, июня в 1 день, бил челом тебе, великому государю [А. М.], а мне, холопу твоему, в Якутцком остроге в Съезжей избе он, Павел, подал челобитную.

А в челобитной ево, великий государь, написано: по твоему де великого государя указу послан де он, Павел, ис Тобольска в Якутцкой острог. А велено де ему твоя великого государя служба служить в детех боярских с тобольским окладом.

И твои де великого государя грамоты в Тоболеск и в Якутцкой острог с Москвы отпущены. И в Тобольску ему в Съезжей избе по твоей великого государя грамоте скаска была. А в Якутцкой острог твоей великого государя грамоты не бывало, задержана в сибирских городех, неведомо зачем. И он де, Павел, з женою и з детьми помирает голодною смертью.

И чтоб ты, великий государь, пожаловал ево, Павла: велел свое великого государя денежное и хлебное жалованье дать, и в Якутцком остроге служить свои великого государя службы.

И я, холоп твой, велел ему, Павлу, в Якутцком остроге быть в детех боярских в прежнем ево, Павлове, в тобольском окладе до твоего великого государя указу, и твое великого государя денежное и хлебное жалованье, и соль на нынешней на 171 [1662–1663] год дал с порукою.

И впредь о том, что ты, великий государь [А. М.] мне, холопу своему, укажешь?» [98].

На обороте первого листа отписки отметка о подаче: «172 [1664], февраля в 16 день, подал с Лены новгородец Леонтей Кутузов».

Леонтий Кутузов — это брат воеводы.

Шульгины не смирились со ссылкой на Лену и по прошествии нескольких лет стали добиваться возвращения в Тобольск. Тобольский воевода Петр Годунов сообщал в Сибирский приказ:

«В нынешнем, государь, во 177 [1668] году, ноября в 10 день, писал к нам, холопем вашим, с Лены из Якутцкого острогу окольничей и воевода князь Иван Петрович Борятинской по челобитью детей боярских Якова Шульгина да детей ево Павла и Федора: по вашему де великих государей указу сосланы они из Тобольска на Лену в Якуцкой острог. А на Лене велено им служить ваша великих государей служба с теми ж их оклады, что было им вашего великих государей жалованья в Тобольску.

А в вашей де великих государей грамоте написано, что об них и об оклады их в Якуцкой острог ваша великих государей грамота послана. И той де вашей великих государей грамоты по 176 [1668] год об них в Якуцкой не бывало, и вашего великих государей указу об них никакова нет.

И по вашему великих государей указу велеть бы к нему в Якуцкой отписать, есть ли об них в Тобольску ваш великих государей указ, что им с их оклады в Якуцком служить.

Да в нынешнем же, великие государи, во 177 [1668] году, ноября в 23 день, били челом вам, великим государем, тобольской прежней казачей голова Яков Шульгин з детьми, а в Тобольску в Приказной избе нам, холопем вашим, вместо ево, Якова Шульгина, з детьми иноземец, поляк, Федор Тышкеев подал челобитную:

в прошлом де, великие государи, во 167 [1659] году по вашему великих государей указу и по грамоте сослан ис Тобольска он, Яков, з женою и з детьми в Якуцкой острог. И будучи он в ссылке, в Якуцком, з женою и з детьми по нынешней 177 [1668] год без вашего великих государей без денежного и без хлебного, и соляного жалованья, и без поденного корму, и должая, кормился, ожидаючи вашего великих государей указу, и последние свои статки избыл, и скитаетца меж двор Христовым именем, и помирает голодною смертью.

Да в прошлых же, государи, годех после ево, Яковлевы, ссылки по вашему ж великих государей указу и по челобитью тобольских всяких чинов служилых людей прислана в Тоболеск ваша великих государей грамота при боярине при князь Иване Ондреевиче Хилкове с товарыщи о нем же, Якове Шульгине, з детьми. А велено про него, Якова, в Тобольску сыскать вашим государевым богомольцом бывшим Симионом, архиепископом и архимаритом, и всяких чинов Тобольского города жилецкими русскими людьми и татары. И по той де вашей великих государей грамоте ничего о нем, Якове, не сыскано, для того что и прежде той вашей государевы грамоты об нем сыскивали. И в сыску ево в Тобольску всем городом оправили.

И чтоб вы, великие государи, пожаловали: ево, Яковлеву, челобитную послать из Тобольска к вам, великим государем, к Москве з зятем ево, с Федором Тышкеевым» [99].

Здесь открывается интересное обстоятельство: одна из дочерей Якова Шульгина вышла замуж за ссыльного поляка Федора Тышкеева (Тышкевича). До ссылки Федор Тышкеев был ксендзом: «В прошлом во 167 [1658–1659] году по указу великого государя послан с Москвы в Сибирь на Лену в Якуцкой острог ксен[д]з Тишкеев» [100].

А ксендзам жениться запрещалось. Значит, он принял православную веру.

К отписке воеводы приложена челобитная Якова Шульгина [101]. В ней есть то, о чем умолчал воевода. Яков Шульгин просил: «чтоб мне быти в Тобольску и детишкам по-прежнему».

Отписка воеводы и челобитная Шульгина были доставлены в Сибирский приказ «177 [1669] году, марта в 2 день с шляхтичем Федором Тышкеевым» [102].

На обороте челобитной помечено: «177 [1669], марта в 3 день. Выписать справка подлинно с отпуском [копиями. — *Г. К.*] государевых грамот и з государевым указом, как ево ис Тобольска на Лену велено сослать» [103].

Справедливости ради заметим, что хотя в Якутск и не была прислана грамота о назначении жалованья Павлу Шульгину, он его все же получал. В книгах выдачи жалованья имеются об этом записи.

Через полгода Шульгины подали новую челобитную:

«В прошлом, государь во 167 [1659] году сосланы мы, холопи твои, ис Тобольска на Лену в Якуцкой острог, и по нынешней 178 [1669] год живот свой мучим в Якуцком остроге десятой год, з женишками и з детишками помираем голодною смертью без твоего государева без денежного и без хлебного жалованья. А твоего государева указу об нас с Москвы и ис Тобольска отписки и по се время в Якуцкой острог не бывало.

<...> Вели государь из Якуцкого острогу нас освободить и отпустить в Тоболеск, и служить нам в Тобольску твои великого государя службы с прежних окладов наших. Призри, великий государь, нас безпомощных холопей своих. Не вели, государь нас, голодною смертию уморить. Вели свой государской милосердый указ учинить» [104].

Капля камень долбит. На этой челобитной думный дьяк Дементий Башмаков пометил: «178 [1669] сентября в 21 день. Государь пожаловал: будет они ис Тобольска сосланы в Якуцкой не ызменных или в ных не в больших делах, велел их из Якуцково взять в Тоболеск по-прежнему и давать им корм, чтоб им быть сытым».

13 января 1670 года была написана и 30 января послана в Якутский острог воеводе И. П. Борятинскому грамота с Федором Тышкевичем: «И мы, великий государь, указали Якова Шульгина з женою и з детми из Якутцкого отпустить в Тоболеск» [105].

В подводной росписи пашенного крестьянина Василия Яковлева Рыданного, жившего в деревне Горбовой, в десяти километ-

рах выше Чечуйска, поданной 1 марта 1671 года, написано: «Ходила подвода до Микулихи. А ехал Павел Шульгин. Пошел к Русе» [106].

Микулиха пахала в деревне Никулиной, названной по имени пашенного крестьянина Ивашки Еремеева Микулки, ссыльного черкашенина, который бежал на Амур вместе с Никифором Черниговским. Как уже было рассказано, Никифор Черниговский называл его убийцей воеводы Обухова, поэтому Микулка бежал в Китай. Микулиха, звали ее Палагеица, была женой Ивашки Еремеева Микулки. После побега мужа она осталась в деревне с тремя детьми, Микиткой, Ивашкой и Оськой. Фамилия Никулин и сейчас сохранилась в Киренском районе. По подводной повинности Микулиха должна была довезти Павла Шульгина до следующей деревни.

После прибытия Шульгиных в Тобольск тобольский воевода Иван Репнин с товарищами послали отписку в Москву:

«В нынешнем во 180 [1671] году, октября в 19 день, приехали в Тоболеск из Якуцкого острогу тобольские дети боярские Яков да дети ево, Павел да Федор Шульгины. <…>

И по вашему великих государей указу мы, холопи ваши, Якову Шульгину и детем ево, Павлу и Федору, в Тобольску в детех боярских быть велели. <…>

И Якову Шульгину велели мы, холопи ваши, быть в детех боярских по-прежнему в том же окладе, что ему было наперед сего. А детей ево, Павлов и Федоров, оклады розданы до нашего, холопей ваших, в Тоболеск приезду в прошлом во 171 [1663] году» [107].

Выражаясь современным языком, Павел и Федор Шульгины оказались «за штатом». Они вновь написали челобитную:

«И служили мы, холопи твои, в Якуцком остроге, принимаючи всякую нужу и голод, с проездом тринатцать лет без твоего государева денежного и хлебного жалованья. <…>

И как мы, холопи твои, в Тоболеск приехали, и твой государев боярин и воевода князь Иван Борисович Репнин отцу нашему велел служить в Тобольску в прежнем окладе. А нам, холопем твоим, до твоего государева указу в прежних окладах наших быть не указал. И писал о том к тебе, великому государю, к Москве, для того, что в те оклады наши боярин и воевода князь Иван Ондреевич Хилков верстал ссыльных детей боярских давно, до 168 [1661] году.

<…> Вели, государь, нам служить в Тобольску по своему государеву прежнему указу с прежних окладов наших. И вели, государь, о твоих окладах наших дать в Тоболеск свою государеву грамоту» [108].

На обороте челобитной: «180 [1672], февраля в 25 день. Выписать».

Наконец в Сибирском приказе окольничий Родион Матвеевич Стрешнев указал: «180 [1672], марта в 14 день. По указу великого государя велеть Павлу и Федору Шульгиным ево государева служба служить в детех боярских по-прежнему. А денежные и хлебные жалованья, и соль учинить против прежнего из убылых окладов. А до коих мест из убылых окладов заверстано не будет, то государево денежное и хлебное жалованье, и соль давать им с их братью по вся годы» [109].

Летом 1672 года Павел Шульгин был в Москве и выехал оттуда, видимо, в начале июля, о чем свидетельствует следующий документ:

«Лета 7180 [1672], июля в 2 день. По государеву [А. М.] указу окольничему Никите Михайловичю Боборыкину да дьяком Офонасью Баштакову да Тимофею Литвинову.

В нынешнем во 180 [1672] году, июля в … день, били челом великому государю [А. М.] сибирских розных городов служивые люди, тобольские дети боярские Павел Шульгин да Федор Панютин с товарыщи.

Посланы де они с Москвы в Сибирь з государевою денежною казною и с меновными товары в Тоболеск водою до Соли Камской. И под ту де государеву денежную казну и под товары, и под них, служивых людей, дан струг ис приказу Большово Приходу мал. И на том де стругу з государевою денежною казною и с товарами поднятьца им немочно, и плыть на нем от погоды страшно.

И чтоб великий государь пожаловал их: велел им к тому прежнему стругу дать вприбавку стружёк небольшой.

И великий государь [А. М.] указал: дати под тое свою великого государя денежную казну и под товары, и тобольскому сыну боярскому Павлу Шульгину с товарыщи вприбавку дать стружек со всеми судовыми снастьми, чтоб до Казани и до Соли Камской над его государевою казною и под сибирскими служивыми людьми в дороге какие порухи не учинилось.

И по государеву [А. М.] указу окольничему Никите Михайловичю Боборыкину да дьяком Офонасью и Тимофею учинить о сем по указу великого государя.

Припись дьяка Григорья Порошина» [110].

К памяти приложена челобитная Шульгина и Панютина. На обороте помечено: «180 [1672], июня в 29 день. Послать память в Большой Приход. Выдать вприбавку стружёк небольшой» [111].

Это была последняя служба Павла Шульгина в Тобольске. После этого он получил назначение в Нерчинск. Все унижения закончились. Теперь он стал полновластным начальником нерчинских острогов, с большим рвением взялся за дела, но не надолго. Там же и закончил он свою жизнь, наделав за это короткое время множество злоупотреблений, которые, однако же, выходят за рамки нашего повествования.

Как уже было сказано, во время приезда П. Шульгина в Нерчинск приказчиком Албазинского острога был опять Н. Черниговский. Каким образом это произошло, неизвестно. Но однако вскоре Шульгин сместил его и назначил другого приказчика, о чем сообщил в Москву.

«В нынешнем, великие государи, во 182 [1673] году, декабря в 20 день, писал ко мне в Нерчинский острог из Олбазинского острогу прикащик Микифорко Черниговской: объявились де под Албазинским острогом вор и изменник, якутцкого уезду бывшей ясашной тунгус Онкоулко, с родом своим. И под Албазинским острогом тот изменник Онкоулка на соболином промыслу побил ваших государевых, русских людей: Албазинского острогу служилого человека да двух человек промышленых людей. И опасаючи де с таково убийства, с соболиных промыслов служилые и промышленные люди вышли все в Олбазинской острог. И вашево де, великих государей, соболиного никакова збору в нынешнем во 182 [1673–1674] году в Олбазинском остроге не будет.

И я, холоп ваш, по вашему великих государей указу послал из Нерчинского острогу в Олбазинской острог на Микифорково место Черниговского служилого человека Сеньку Вешняка.

И в нынешнем же во 182 [1674] году писал ко мне из Олбазинского острогу прикащик Сенька Вешняк: приехав де он, Сенька, в Олбазинской острог, и ваших великих государей служилых и промышленых людей на соболиных промыслах оберег вашими государевскими служилыми и охочими людьми. И в Албазинском де остроге он, Сенька, собрал на вас, великих государей, десятые пошлины с промышленых людей три сорока тритцать пять соболей. А собрав, прислал в Нерчинской острог.

И я, холоп ваш, те Албазинского збору десятинные соболи с

вашею великих государей десятинною казною нерчинского збору, для розбору смешав вместе, послал к вам, великим государем, к Москве.

А над вором и над изменником Онкоулком велел промышлять вашими государевскими служилыми и охочими людьми всяким промыслом, чтоб ево, Онкоулка, или сына ево поймать и взять в оманаты» [112].

Здесь Павел Шульгин албазинских казаков называет государевыми служилыми людьми.

При приеме Албазинского острога был составлен расписной список:

«182 [1674] года, февраля 12 дня, по указу великих государей и по наказной памяти, и по приказу Павла Яковлевича Шульгина велено мне, Семену Михайлову Вешнякову, приехав в Албазинский острог, и у приказчика Никифора Черниговского принять государев Албазинский острог и государственных аманатов и казаков, и всякие государевы дела.

И я, Семен, приехав в Албазинский острог, у него, Никифора, по указу великих государей принял государев Албазинский острог с нагороднею, покрыт тесом. А в остроге башен: две башни по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровыя, покрыты тесом, а третья башня — приказ, сверху приказу — чердак караульной, покрыт тесом. А в остроге колодец на вододейке [?] да амбар Воскресенский в надолбах, часовня.

Да принял список служилых людей 109 ч[еловек], коробку с замком нутренным, а в ней книги приходныя и расходныя государеву десятинному хлебу, что имянно с промышленых людей с их привесом нынешнего 182 [1673–1674] года. Да книги соболиному промыслу с торговых и промышленных людей прошлого 181 [1672–1673] года и нынешняго 182. Да книги ясашныя 175 [1666–1667], 176 [1667–1668] и 177 [1668–1669], 178 [1669–1670]. Да списки и указныя памяти из Нерчинского острогу, челобитныя и поручныя новоприбылым служилым людем, да челобитныя на дворовое место и всякия государевы дела.

Да принял аманатов Калтагирского рода, имя ему по-русски Любашка, а по-тунгузки Урбурчи, а отца его имя было по-русски Аютора, а по-тунгузски Жечеун. А ясаку с них не стало, и не платят с прошлого 179 [1670–1671] года.

Да принял государевой казны хлеба в анбаре: ржи, ярицы, пшеницы, ячменю и овса, а весом хлеба всего 56 пуд. Да десятинной соболиной казны восмь соболей с пупки и хвосты. <…>

Да пахотных крестьян 5 человек: Ромка Васильева; Ивашка Иванова; Ваську, Нестерка Гаврилова; Гаврилка Иванова; Ваську, Гаврилка Федотова; Якушка.

Росписной список писал в Албазине остроге подьячий Митька Минин Комаров 182 [1674] года, февраля в 12 день» [113].

Из этого списка видно, что делопроизводство в Албазинском остроге велось по всем правилам, принятым в те времена. Количество служилых людей, по сравнению с указанным в челобитной 1672 года, уменьшилось со 120 до 109 человек. Сказано, что из Нерчинского острога в Албазинский острог поступали указные памяти. А раз они посылались, значит, если не все указания, то какая-то их часть выполнялась. Ни одна из них не сохранилась. Не сохранились ни челобитные, ни поручные записи. С именами пашенных крестьян какая-то неразбериха, как ни расставляй знаки препинания, пять человек не получается.

Заметим, что у Г. Ф. Миллера эти события описаны неточно: «В Нерчинск в 1674 году приехал на место Данила Аршинского тобольской сын боярской Павел Шулгин, а в Албазине начальствовал по-прежнему Никифор Черниговской, но в том же году сменен был присланным из Нерчинска сыном боярским Григорьем Лоншаковым» [114].

Неточно написано и у Н. Н. Бантыш-Каменского: «Данила Аршинский был сменен 31 ноября 1673 г., поручил по государеву указу тобольскому сыну боярскому Павлу Шульгину (см. книгу китайского посольства № 1, л. 103) [по теперешней пагинации ф. 62, оп. 1, кн. 1, л. 110. — *Г. К.*] остроги Нерчинский, Телембинский, Иргенский и Албазинский во управление, коим вскоре учрежден сбор ясашной, какого до него там не было» [115].

Албазинский острог принимал Семен Вешняк. В его расписном списке значатся ясачные книги 175 [1666–1667], 176, 177 и 178 [1669–1670] годов. Что же касается ясачного сбора в нерчинских острогах, то еще во времена Лариона Толбузина за 175 [1666–1667] год имеется роспись ясачного сбора в острогах Нерчинском, Иргенском и Телембинском [116].

Семен Вешняк был первым приказчиком Албазинского острога, присланным из Нерчинска. Албазин де-факто стал государевым острогом. Албазинцы этому не противились, потому что еще при Даниле Аршинском они послали своих челобитчиков в Москву с просьбой о помиловании. Об этом речь пойдет в конце главы. Но это был не окончательный переход Албазинско-

го острога под начало нерчинских приказчиков. Албазинцы еще сохраняли самостоятельность и позже выбирали приказчиков из своей среды.

Н. Черниговский после сдачи Албазинского острога находился в Нерчинском остроге. Сам ли он приехал туда или был вызван, неизвестно. Там он принял участие в походе на «табунуцких людей» (монгольский род). Об этом походе Павел Шульгин послал подробную отписку: «Как де он, Павел, ехал в даурские, и на дороге де в Телембинском остроге били челом великому государю, а ему, Павлу, Теленбинского острогу ясачные лутчие тунгусы подали челобитную: служат де они в даурских острогах в ясачном платеже вечно, и жили на своих породных землях по Хилку и по иным рекам, и около Еравинского озера» [117].

Телембинский острог был расположен там, где сейчас находится населенный пункт Телемба, на северо-восток от Читы в 78 километрах. Река Хилок протекает по нынешней Читинской области и Республике Бурятии, впадает в реку Селенгу. Еравнинское озеро состоит из двух сообщающихся между собою озер, Большого Еравного и Малого Еравного, расположенных на северо-восток от Читы на территории Бурятии.

«А табукуцкие де воровские многие люди ездят в ясачные волости и улусы, и промышляют соболи и всякой зверь, и их побивают досмерти. И побито де их со 179 [1670–1671] по 183 [1673] год человек с 30 и больши лутчих людей, опричь того, что побиты от них де Баргузинского уезду ясачные люди. И те де их и детей в полон емлют, и животы грабят, и лошади, и скот отгоняют. И от того де они, ясачные иноземцы, до конца разорились, и ясак промышлять опасно. И чтоб великий государь пожаловал их: велел от тех табунов оборонить. А те де воровские табунуцкие люди по скаске им, ясачным людем, сторонних людей гондуют де мунгальскому Учюрою хану.

И он де, Павел, по указу великого государя, примерясь к наказу, каков прислан к Офонасью Пашкову, посылал во 182 [1673] году, декабря в 23 день, из Нерчинского острогу казаков 4 человек, да к мунгальскому к Очюраю хану, и велел говорить: будет де он теми табунацкими людьми владеет, и он бы их от воровства унял, и на государевых землях промышлять не велел.

И февраля в 20 день нерчинские казаки в острог, а с ними табунуцкого князьца посланы 3 человека, пришли. А в допросе казаки сказали, что де они до того князьца дошли и князец де их

к мунгальскому хану не пропустил. А сказали, что де они Учюроя хана не слушают, и у него де, хана, и ни у кого под началом не бывали. А живут де табунуцкие люди своею особою, и государеву де землю, где ясачные люди Теленбинского острогу ясак промышляли, приговаривают своею землею. А табунуцкие де посланцы в Нерчинском остроге на посольском дворе сказали те ж речи, что и казаки сказали.

И он де, Павел, с теми посланцы к табунуцким князьцом приказывал накрепко, чтобы однолично они, князьцы, с ево людьми на государеве земле по Хилку и по иным рекам, и около Еравинского озера не кочевали, и государевых ясачных людей не побивали, и не промышляли. А будет они впредь учнут так воровать, и великий государь укажет из даурских острогов огрозитьца ратными людьми без пощады.

И февраля де з 20 числа маия по 1 число те табунуцкие люди от Еравинского озера не скочевали, и государевых ясачных людей с породных их земель збили. И телембинские ясачные люди почали жить около Телембинского острогу с служилыми людьми вместе. И били челом великому государю, а ему, Павлу, говорили безотступно, чтоб их, ясачных людей, от тех воровских табунуцких людей оборонить. А будет де впредь те табунуцкие люди станут на тех их породных землях жить, и им де, ясачным людем, государева ясаку промышлять будет негде и платить нечем.

Да во 182 [1674] году, марта в 15 день, били челом великому государю даурские служилые люди, а ему, Павлу, подали челобитную: служат де они в даурских острогах, всякие службы и многих неясачных иноземцов привели в ясачный платеж. А ныне де воровские табунуцкие люди кочуют и промышляют на государевых землях от Телембинского острогу во днище, а государеву ясаку не платят и впредь платить не хотят. А живут де они промеж острогами и мунгальскими Учюрою и Гагана хана, и им де они противны. А по смете де их, воровских табунуцких, з 2 тысячи. И чтоб великий государь пожаловал их: велел ясачных людей от тех воровских людей оборонить и послать их, служилых людей.

И мая де в 1 день [1674 г. — *Г. К.*] по тому их, служилых и ясачных людей, челобитью отпущал он, Павел, из Нерчинского острогу сына своего Василья да сына боярского Григорья Лонщакова, да албазинского пятидесятника Микифорка Черниговского, а с ними служилых и охочих и ясачных людей с Еравинской степи збить.

И мая ж де в 1 день ратные люди пришли в Нерчинской острог в целости, а с собою привезли табуницкого погрому баб и робят 61 человека.

А сказали: съехали де они табуницких людей от Телембинского острогу в полу 2 днищах [1,5 дня пути. — *Г. К.*] от Еравинского озера блиско и под государеву высокую руку в ясачной платеж призвали. И те де табунуцкие люди учинили с ними бой. И Божиею милостью, а великого государя счастьем, тех табунуцких воровских людей с Еравинской степи збили. А побили де у них человек со 100. И те де погромные бабы и робяты отданы им, служилым людем, за послугу» [118].

В следующем году ехал в Китай с посольством Николай Спафарий. Он писал:

«И как я, холоп твой, приехал в [Селенгинский. — *Г. К.*] острог, и они [мунгальские люди. — *Г. К.*] приехали многие, а с ними табунацкой лаба, которых в прошлом году даурские казаки погромили, и жалобу творил, что невинны были тебе, великому государю.

И я, холоп твой, ему сказал, что они твоим великого государя служилым людем и ясачным многие обиды учинили, как ныне мунгальцы чинят многие обиды селенгинским и даурским служилым людем и ясачным» [119].

Итак, в апреле-мае 1674 года Н. Черниговский находился в Нерчинском остроге. А в январе 1675 года снова о Н. Черниговском упоминается как о приказчике Албазинского острога, о чем свидетельствует наказная память ему от Павла Шульгина.

«183 [1675] году, генваря в 23 день. По указу великих государей память в Олбазинской острог прикащику Микифору Черниговскому.

В прошлом во 182 [1674] году по указу великих государей и по грамоте, и по тобольским приказом присланы в Нерчинской острог в пашню вятчане, Моска Федоров с товарыщи, шесть человек. Велено их поселить в государеву десятинную пашню, где пригоже. И по высмотру Павла Яковлевича Шульгина пригоже их поселить ниже устья Аргуни по Амуру реке на Лапкаевском лугу.

И те де пашенные крестьяне, Моска Федоров с товарыщи, по своему воровскому умыслу и по наученью албазинских казаков подавали в Олбазинском остроге челобитную, чтоб им поселитьца государевыми и своими собинными пашни в Олбазинском остроге. И ты, забыв великих государей указ, страх и свою голову, у тех пашенных крестьян, у Моски с товарыщи, челобитные их принял,

и с Лапкаевского лугу переводишь в Олбазинской острог. И то делаешь не гораздо.

И как к тебе ся память придет, и тебе б по государеву указу пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, из Олбазинского острогу выслать всех на Лапкаевской луг тотчас.

А тем пашенным крестьянем, Моске с товарыщи, шти человеком, [и] которые пашенные крестьяне приговорены в государеву пашню при Ларионе Толбузине, Родька Васильев с товарыщи, пять человек, и тем всем пашенным крестьянем дана ссуда и подмога, и всякой пашенной завод из казны великих государей в Нерчинском остроге.

И как к тебе ся память придет, и тебе б, Микифорку, по государеву указу однолично пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, из Олбазинского острогу выслать на Лапкаев луг безо всякие понаровки.

Да Павлу Яковлевичю ведомо учинилось в Нерчинском остроге, что ты, Микифор, ссужаючи немногих олбазинских воровских казаков, Мальцова с товарыщи, не хочешь дать пашенным крестьяном из государевых житниц государева семенного хлеба. А то ты ведаешь сам, что албазинская всяких людей пашня заведена государскою казною и по государеву указу из Нерчинского острогу дорогою ценою.

И слыша такое воровство, послал из Нерчинского острогу в Баргузинской острог, отрядя тобольского служилого человека Кирюшку Котельника, пашенным крестьяном на государеву пашню по семенной хлеб дорогою ценою, чтоб за их воровством и за ослушанья великих государей пашня не стала.

Да на проезде, как ехал из Албазинского острогу Павел Яковлевич Шульгин, и приказывал государевых пашенных крестьян до времени ведать и в государеву пашню строить пашенному крестьянину Родьке Васильеву. И наказная ему память дана. И ты, неведомо по какому воровскому умыслу, прислал из Албазинского острогу олбазинского служилого человека Васку Терентьева и велел ему над пашенными крестьянами ведать. А тот Васка, забыв великих государей страх, ворует всяким воровством и пашенных крестьян грабит.

И ныне послан из Нерчинского острогу в Олбазинской острог нерчинской служилой человек Семен Вешняк да к пашенным крестьяном прикащик, Илимского острогу десятник казачей Надей Иванов сын Нефедьев. А по государеву указу велено им сыскать. И по сыску, буде Васкино какое воровство учинилось, велено ево вместо кнута бить батоги нещадно и выслати в Олбазинской острог.

И тебе б, Микифорку, и впредь к пашенным крестьяном из Олбазинского острогу никово не присылать. А буде хто поохотитца или ты ково пришлешь к пашенным крестьяням, и тех людей по государеву указу велеть взять в Нерчинской острог. И о том буди писать к великим государем. А их велеть держать в крепости до государева указу.

Да били челом великим государем нерчинские служилые люди на промышленых и гулящих людей: должатца де промышленые и гулящие люди у нерчинских служилых людей и от тех долгов ходят в Олбазинской острог. И тебе б, Никифору, впредь промышленых и гулящих людей, которые от долгов станут уходить в Олбазинской острог, отсылать в Нерчинской острог.

Да по челобитью ж нерчинских казаков в нынешнем во 183 [1674–1675] году, которые служилые люди отпущали из Нерчинского острогу в Албазинской покрученików своих, промышленых людей, на соболиные промыслы, и как нерчинских казаков покрученики выйдут с соболиных промыслов, и тебе б их выслать в Нерчинской острог, а на великих государей десятые пошлины в Олбазинском остроге с них не (и)мать. И как оне придут в Нерчинской острог, и с тех промышленых людей десятая пошлина будет взята в государеву казну в Нерчинском остроге.

Да от тех промышленых людей, которые своими ужинами из Нерчинского по челобитью их отпущены в Албазинской, и тебе б…» (конца нет) [120].

Из наказной памяти следует, что Албазинский острог приравнял себя к государевым острогам. Взимал десятую пошлину, ведал пашенными крестьянами, которые были поселены на Лавкаевом лугу, и в то же время служил убежищем для беглых должников из Нерчинского острога. Теперь же Павел Шульгин попытался лишить албазинских приказчиков этих привилегий. Впервые Албазин посетил начальник даурских острогов: «Да на проезде, как ехал из Албазинского острогу Павел Яковлевич Шульгин…» К сожалению, об этом посещении не сохранилось документа.

Но Н. Черниговский еще не полностью лишился своей самостоятельности, о чем свидетельствует его поход на реку Ган, о котором сообщается в следующем документе. Вот что писал енисейский воевода М. В. Приклонский в Москву:

«В нынешнем, государь, во 183 [1675] году, июля в 19 день, приехали в Енисейской з Байкала из Баргузинского острогу баргузинские и даурские служилые люди. И в Енисейску, государь,

в Приказной избе баргузинские служилые люди сказали: из даурских де острогов пошли в поход на китайских людей албазинские служилые люди, всего 300 человек.

И по твоему, великого государя, указу велел я, холоп твой, для подлинной ведомости допросить даурских служилых людей, которые присланы из Албазинского острогу с твоею, великого государя, казною. И в Приказной избе даурские служилые люди Тимошка Иванов да Якунька Дементьев допрашиваны. А в допросе сказали:

В нынешнем де во 183 [1675] году приезжали в Албазинской острог з Гану реки даурские люди и били челом тебе, великому государю, чтоб им быть под твоею, великого государя царского величества, высокою рукою в вечном холопстве. А живут де они под областию Китайского государства, и им де, государь, от китайских людей — налоги и обиды великие, и утесненье, и жить де им под китайскою областию невмочь. И чтоб ты, великий государь, пожаловал их: велел из Албазинского острогу послать с ними служилых людей для того: как де они, даурские люди, пойдут ис китайских улусов в Албазинской острог, и служилые б люди их от китайских людей оборонили.

И прикащик де албазинской Микишка Черниговской, взяв с собою служилых и промышленных людей 300 человек, и пошел в китайские улусы на Ган реку. А буде де, государь, от китайских людей или от иных иноземцов в тех даурских людех учинится какая спона, и ему, Микишке, над китайскими людьми и над ыными иноземцы чинить поиск.

А о той, государь, посылке к тебе, великому государю, к Москве, нерчинских острогов приказной человек Павел Шульгин не писал. Посылает он, Павел, без твоего великого государя указу в поход на китайских людей и на иных иноземцов безпрестани.

А какову, государь, скаску даурские служилые люди мне, холопу твоему, подали, и тое скаску к тебе, великому государю [А. М.], к Москве, послал я, холоп твой, под сею отпискою» [121].

Содержание сказки ничем не отличается от отписки воеводы [122].

Заметим, что албазинские служилые люди едут в Москву с ясачною казною, и уже, видно, не в первый раз.

Н. Г. Спафарий, который приехал в Иркутский острог 5 сентября 1675 года, не знал, чем закончился этот поход, и опасался, не повредит ли это русскому посольству. В «Книге китайского посольства» записано:

«Только, государь, слух здесь носитца от торговых людей, которые ныне приехали из Даур, что даурские Албазинского последнего острога казаки, собрався вместе с гулящими, человек с триста, пошли войною на китайских подданных, которые живут по местечкам и пашут на Гане реке, шестой день от Албазинского острога. И тех жителей будет человек шестьсот и болши.

И сказывают, государь, что те китайские подданные призвали албазинских казаков сами, чтоб они свободили их от подданства китайского.

И буде, государь, учинилось так, некая препона будет путешествию моему. Однако же, уповаю на милость Божию и на твое, великого государя, счастье» [123].

В книге есть еще одна запись об этом:

«Только, государь, здесь подлинно слышал, что из Албазина Черниговский, собрав 300 человек казаков и гулящих людей, и пошел в марте месяце на подданных Китайского государства, которые живут на реке Науне, чрез которых людей в прошлых годех китайской хан послал лист к тебе, великому государю. А какой они промысл над китайскими подданными учинили, еще здесь никакой ведомости нет» [124].

Эта запись ценна тем, что здесь указан месяц, в котором состоялся поход, март.

Долгое время не было известно, чем закончился этот поход. Франц Шперк в XIX веке писал: «В 1675 году Черниговский из Албазина ходил на реку Ган с 300 казаками, но какими результатами увенчался его поход, неизвестно» [125].

В XX веке П. Т. Яковлева писала то же самое: «Результаты их похода неизвестны» [126].

Между тем эти сведения имеются у Н. Г. Спафария. Спафарий по мере своего продвижения получал сначала неверные, а затем верные подробности об этом походе. В деревне, которая находилась в двух днищах от Селенгинского острога, он записал: «А про албазинских, государь, даурских казаков сказывают, что с пятьдесят человек, и тех казаков обманули, не знаю, китайские или мунгальские ясачные люди, и казаков всех побили. Только, государь, от пятидесяти человек ушол один человек. А еще подлинной ведомости нет. Покамест ко мне ведомость не придет от даурского приказщика чрез посланных, которых послал я, холоп твой, в Дауры» [127].

4 декабря 1675 года Н. Г. Спафарий прибыл в Нерчинский острог. Там он получил новые сведения:

«А про албазинских казаков сказывали, что в прошлом году ходили в поход человек с полтретья ста [250. — *Г. К.*] на порубежных китайцов, для того что сотник китайской обещал им, что он будет со всеми своими людьми выехать на твое великого государя имя в вечное под[д]анство.

А как они поехали, и их обманул, и село запустил, и сам бежал со всеми своими людми. И казаки поворотились назад, и никому ничево не учинили. А иново походу на китайцов не было» [128].

«В прошлом году» означает, что поход состоялся до 1 сентября 1675 года.

И наконец последняя запись об этом:

«А про албазинской поход, что они учинили на здешних, по се время здешние воеводы говорить мне не смеют, для того что в прошлом году сотник, который живет в селе по Гану реке, бил челом тебе, великому государю, и челобитную подал албазинским казакам, чтоб они пришли в поход близ села и взяли б ево и людей ево, сто человек, в Албазинской. И будет он у тебя, великого государя, в вечном подданстве.

И в прошлом году [1675. — *Г. К.*] казаки, человек с триста, близ села того приходили. А тот сотник к ним же приходил и корм им привез, и велел им себя подождать. А приехав назад, запустошил село свое и бежал на Наун. И казаки, видя ево обман, возвратились назад и никово ничем не вредили.

И ныне здешние воеводы, преж моего, холопа твоего, приезду говорили албазинским казакам, чтоб они о том ничего не говорили, и мне, холопу твоему, не сказали б, для того что они и сотник опасаютца богдыхана, чтоб им не учинил наказанья. И я, холоп твой, видя, что они о том ничего не говорят, и им ничего о том не сказал же» [129].

Эта запись сделана уже в Маньчжурии. Речь здесь идет о китайских воеводах. А албазинские казаки сопровождали Спафария.

А теперь сравним сведения Н. Г. Спафария с тем, что написано в сборнике «Русско-Китайские отношения в XVII веке». Там написано: «В 1675 г. по просьбе даурского населения ходил в поход по р. Ган, для того чтобы помочь возвращению на Амур населения, насильственно уведенного оттуда маньчжурами» [130].

На челобитную Н. Черниговского и албазинцев, которую привезли в Сибирский приказ Ивашко Перелешин и Ярко Тварогов, долгое время не было ответа. Наконец в 1675 году Н. Черниговский, его сыновья и товарищи получили от царя

Алексея Михайловича прощение. Это известно из грамоты царя Федора Алексеевича красноярскому воеводе Дмитрию Степановичу Римскому-Корсакову от 19 апреля 1689 года. В грамоте сообщалось:

«В прошлом во 182 [1674] году писал ко отцу нашему, государеву, блаженные памяти великому государю [А. М.], из Даур тобольской сын боярской Данило Аршинской и прислал Албазинского острогу Микифорка Черниговского с товарыщи, сто одного человека, челобитную, и в челобитчиках Микифорковых товарищей Ивашка Перелешина да Ярка Творогова.

А в челобитной их написано: пошед де они из Усть-Киренской волости, воеводу Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпение, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал. И идучи де они по великой реке Лене, нашим государевым всяких чинов людем никакие обиды не чинили и не побивали, и не грабили.

И во 183 [1675] году, марта в 15 день, отец наш, государев, блаженные памяти великий государь [А. М.], указал: Микифорка Черниговского с детьми, с Федькою, с Онисимком, с Васкою, да Ивашка Перелешина с товарыщи, семнатцать человек, за их воровство казнить смертью. А которые к ним после убийства приставали по дороге и торговых и промышленных людей грабили, сороку шти человек, учинить наказание — бить кнутом и отсечь по руке.

И марта ж в 17 день отец наш, государев, блаженные памяти великий государь [А. М.], пожаловал их, Микифорка Черниговского с товарыщи, что они, пришед в Дауры, вины свои принесли и на Албазинском городище острог поставили, и ясашных людей призвали, и аманатов поимали, и пашню завели, казнить и наказанье им чинить не велел. А указал им, Микифорку с товарищи, быть в Албазинском.

А Микифорковых детей Черниговского и товарищей их, которые сидят в Илимском и в Якутцком в тюрьмах, сослати с женами и с детьми в розные сибирские городы, Микифорковых детей в Енисейской да в Красноярской, а товарищей их — в Томской в пешую стрелецкую службу» [131].

День помилования, 17 марта, выбран не случайно. Это — день ангела царя Алексея Михайловича, день преподобного Алексия, человека Божия. Совершить богоугодное дело в этот день как нельзя было кстати. Обычно в день ангела царь прощал челобитчикам долги перед казной, выпускал тюремных сидельцев на свободу.

Это было поистине Соломоново решение. Была подтверждена неотвратимость наказания за преступление и в то же время показано милосердие царя. Привести наказание в исполнение у Москвы не было возможности. К тому же приведение наказания в исполнение вовсе было не в интересах Москвы. Ведь Албазин прикрывал подступы к Нерчинскому острогу со стороны Амура. А албазинцам, в свою очередь, было важно избавиться от клейма преступников, считаться государевыми служилыми людьми и, если посчастливится, получать государево денежное, хлебное и соляное жалованье.

Казалось бы, теперь все ясно. Историки очень любят ссылаться на эту грамоту, благо она опубликована в «Дополнениях к актам историческим» [132], из рукописи, содержащей списки актов красноярского архива, снятых сотрудниками Г. Ф. Миллера. Но челобитная албазинцев и подлинник грамоты царя Алексея Михайловича пока что никем не обнаружены. Поэтому возникает много вопросов. А вернее, они ни у кого не возникали. Просто все авторы повторяют то, что написано у Г. Ф. Миллера.

«Недоставало ничего больше, чтоб получить и от царского величества прощение в учиненном смертоубийстве и побеге. Черниговский послал для того в Москву нарочных с челобитною, подписанной 101 человеком. Посланные приехали в Москву в 1672 году, но нелегко было уходатайствовать желанную резолюцию.

По первому приговору 15 марта 1672 года, Черниговской с сыном и некоторые еще знатнейшие ево сообщники, всего семь человек, осуждены были на смерть, а 46 человек приговорены были к жестокому на теле наказанию. Но два дни спустя после того состоялся милостивый указ и прощение, сверх того 2 000 рублей посланы были албазинским казакам в награждение» [133].

Обратим внимание на даты. В грамоте в фонде 214 Сибирского приказа, в ее копии в фонде 21 Г. Ф. Миллера и в «Дополнениях к актам историческим» везде записано «и во 183 [1675] году, марта в 15 день», а у Г. Ф. Миллера — «15 марта 1672 года». Любому историку ясно, что 15 марта 183 года — это 15 марта 1675 года.

Следовательно, Г. Ф. Миллер ошибся. Есть ли этому доказательства? Есть у самого же Г. Ф. Миллера. Среди копий актов, снятых сотрудниками Миллера в сибирских архивах, имеется грамота енисейскому воеводе Александру Петровичу Салтыкову, которая дословно совпадает с приведенной выше грамотой красноярскому воеводе. Она не имеет окончания, прервана на словах

«и аманатов поимали», но все даты там такие же, как и в грамоте красноярскому воеводе [134].

Приезд челобитчиков в Москву у Миллера также отнесен к 1672 году, а в грамоте — «в прошлом во 182 году». 182 год начался 1 сентября 1673 года и кончился 31 августа 1674 года.

Даже еще в 1673 году Ивашко Перелешин находился в пути в Москву. В наказной памяти сыну боярскому Василию Милованову от Павла Шульгина упомянуто о встрече едущего в Сибирский приказ Ивашки Перелешина с едущим в Нерчинск П. Шульгиным: «Да в прошлом во 181 [1673] году в Енисейском остроге на приезде сказывал Павлу Яковлевичю Шульгину албазинский казак Ивашко Перелешин...» [135].

Выше мы приводили документы о приезде Ивашки Перелешина и Нехороша Елфимова в Ярославль 11 января 1674 года, а также о приезде Нехороша Елфимова (а следовательно, и Ивашки Перелешина) 19 января 1674 года.

Есть еще одно расхождение у Г. Ф. Миллера с грамотой красноярскому воеводе: расхождение в количестве приговоренных к смертной казни. У Миллера 7 человек, а в грамоте — 17. Откуда же взял Миллер число 7? Видимо, из грамоты енисейскому воеводе. Этим отличается грамота красноярскому воеводе от грамоты енисейскому воеводе при полном совпадении другого текста. Но это уж вина переписчика, которая особого значения не имеет. Можно предположить, что никакого списка приговоренных к смертной казни и отсечению руки вообще не существовало. За десять лет после убийства воеводы Л. Обухова личный состав албазинцев сильно изменился, часть была убита тунгусами, восемь человек сбежало в Китай. Откуда в Москве могли знать все эти тонкости?

Что же касается сообщения Г. Ф. Миллера о том, что «сверх того 2000 рублей посланы были албазинским казакам в награждение», то видим, что в грамоте об этом не сказано. В одном из документов, относящихся к 1681–1682 году, упоминается о денежном жалованье, «что прислано в Албазинский с мирским челобитчиком с Ивашком Перелешиным». Речь идет не о награде, а о годовом денежном жалованье, которое ранее албазинским казакам не выплачивалось. Выплата этого жалованья имела не просто материальное значение, но означала также признание албазинских казаков находящимися на государевой службе.

Ошибка Г. Ф. Миллера многократно была повторена различными авторами, в том числе уважаемыми историками.

У С. В. Максимова написано: «15 марта 1672 года по первому приговору в Москве Черниговского с сыном приговорили к смертной казни, а 46 человек его первых устькутских товарищей к жестокому телесному наказанию, но по бывалым примерам через два дня приговор отменили и вместо казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощение и греха разрешение, да сверх того положена была награда в две тысячи рублей» [136].

У П. А. Словцова написано более красочно: «По **представительству** Тобольского воеводства, оценившего раскаивание, покорность и полезную расторопность Черниговского, государь склонился решить судьбу преступника с заслугами, 15 марта 1672 г. осудив его на смерть с 7-ю главными сообщниками и 46 менее виновных на телесное наказание, через два дня изрекает в милостивом указе всем им прощение, сверх того повелевает послать 2 000 р. награды албазинским казакам, а на воеводство в Албазин отправляет Любима Евсевьева, который, прибыв на место, повторил во всеуслышание всех именем государя мир и радость» [137].

П. А. Словцов не только повторил то, что сказано у Г. Ф. Миллера, но и добавил от себя, что помилование было совершено по представлению Тобольского воеводства и что царский указ сообщил албазинцам Любим Евсевьев. Скажем пока, что это не соответствует документам.

То же повторил со ссылкой на П. А. Словцова В. К. Андриевич: «Руководствуясь примером Ермака, он попытался загладить свое преступление взносом дани и преуспел в этом. Кроме обычной дани, отсылаемой им в Нерчинск, он отправил отборный ясак в Москву вместе с повинною. Следствием этого было то, что приговор о предании его смертной казни, состоявшийся 15 марта 1672 года, был отменен, и вместо казни сказано Черниговскому милостивое слово государево: за вину прощение и сверх того награда в 2 000 р[ублей] с[еребром]» [138].

Что же касается отборного ясака, в документах о нем сведений нет.

А Г. Е. Грум-Гржимайло писал так: «Собирая ясак с инородцев, Черниговский имел ясную цель — своими заслугами и присылкой богатого ясака снискать себе прощение за совершенное преступление. Он его добился в 1672 г. Тем не менее, Московское правительство не сочло для себя возможным вручить ему управление краем и заменило его Фадеем Толбузиным. Но последний

почему-то не явился в Албазин. Тогда из Тобольска выслан был сюда некто Иван Осколков, пожелавший оставить при себе в качестве прикащика и Черниговского» [139].

Почему Фадей Толбузин не явился, будет сказано дальше. А об Иване Осколкове — неверно, о нем уже подробно рассказано.

Ю. П. Бартенев писал кратко: «15 марта 1672 г. Черниговский, его сын и еще 7 человек приговорены к смертной казни, а 46 человек к телесному наказанию, но через два дня всем им объявлено прощение, а в награду послано 2000 рублей» [140].

У С. В. Бахрушина написано:

«Было ясно, что без помощи со стороны государства наши разбойники не в состоянии удержаться на Амуре. Поэтому в **1671** году решено было отправить в Москву делегацию с ходатайством об амнистии.

<...> 15 марта **1672** г. состоялся указ, по которому Черниговский и **16** его ближайших сообщников приговаривались к смертной казни, а прочие, примкнувшие к нему бунтовщики, к кнуту и отсечению одной руки, но через день, 17 марта, по случаю именин царя последовала всемилостивейшая отмена состоявшегося приговора и преступники были **осыпаны наградами**. Черниговский был назначен приказчиком в Албазин, его войску послано 2 000 рублей жалованья» [141].

Здесь жирным шрифтом выделено то, что не соответствует документам. Никто не был осыпан наградами. Просто было послано денежное жалованье, причем не одним албазинцам, а служилым людям всех нерчинских острогов. Ведь Ивашко Перелешин и Ярко Тварогов приезжали вместе с нерчинским казаком Нехорошем Елфимовым. Об этом жалованье спустя несколько лет вспоминали служилые люди:

«И били челом тебе, великому государю, нерчинских и Албазинского острогов служилые люди, дети боярские и казаки, Левка Чюжакин с товарыщи: служили де они отцу твоему, блаженные памяти великому государю [А. М.] и тебе, великому государю [Ф. А.] служат многие годы, а только де государева им годового денежного жалованья дано им только одной посылки, что прислано в Албазинской с мирским челобитчиком с Ывашком Перелешиным» [142].

Если историки ошибаются, то что можно ждать от популяризаторов? В журнале «Дальний Восток» была напечатана статья Е. Ермакова. В ней в кавычках приводится якобы выдержка из подлинного документа:

«В день святого ангела великого государя Руссии повелеваем сжечь грамотку нашу о казни вора и грабежника Никифора Черниговского со товарищами. Воров тех милуем, и надобно их сыскать, и больше ворами не злословить, осыпать почетом и наградами.

Никифора же Черниговского именем нашим великого государя всея Руси ставим приказчиком Албазина, а рать его именуем русским царским воинством и шлем жалованье две тысячи серебром. И пусть Никифор Черниговский с казаками те рубежи на Амуре-реке сторожит и на тех рубежах стоит насмерть» [143].

Историку не нужно доказывать, что это взято не из подлинного документа, а родилось в голове сочинителя, совершенно незнакомого с историей XVII века и с тогдашним делопроизводством. А обычному читателю скажем, что от имени царя исходили грамоты, а на грамотки. Грамотками назывались частные письма. А титул царя в то время был не «государь всеа Руси», а «государь царь и великий князь Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержец». За ошибку в титуле подьячих били батогами. А почему «надобно их сыскать», если они помилованы? Сыском называлось административное или судебное расследование. После помилования оно никому не нужно. Да и язык так называемой грамотки даже отдаленно не соответствует царским грамотам.

Удивительно, что даже в сборнике «Русско-Китайские отношения в XVII веке», где напечатана грамота о прощении Н. Черниговского в 183 [1675] году, составители тоже указали 1672 год: «В 1672 г. был прощен правительством и официально назначен приказчиком в Албазине» [144].

Необходимо сделать замечания и по высказываниям В. А. Александрова и Н. Н. Покровского. Они писали: «**Сразу же после восстания** в Илимске и убийства Л. А. Обухова правительство заочно приговорило Н. Р. Черниговского и группу его соратников к смертной казни, но в 1672 г. по предложению тобольских властей, чтобы "утишить" народное возмущение и, главное, поставить под свой административный контроль амурских переселенцев, оно сочло целесообразным помиловать приговоренных, отказавшись, конечно, признавать их властные функции в Албазине» [145].

О том, что Черниговского и его соратников приговорили к смерти сразу же после восстания, документов нет. Выходит, что их приговаривали к смерти дважды. Такого не бывает. Получа-

ется, что Ларион Толбузин, Данило Аршинский и Павел Шульгин сотрудничали с приговоренными к смерти, писали об этом в Сибирский приказ, а там терпели.

Вслед за П. А. Словцовым авторы утверждают, что помиловали черниговцев по предложению тобольских властей. Документов об этом нет. А о том, что албазинцы сами добивались помилования, документы есть. Далее, никакое народное возмущение не требовалось «утишать». В изветной челобитной, поданной Ивану Бурлаку на Чечуйском волоке, соратники Черниговского написали, что они идут на Амур «служить государю», посылали ясак в Москву. Они не требовали, а просили и вызывали у власти даже меньшую озабоченность, чем служилые люди нерчинских острогов, которым годами не выплачивалось жалованье.

В книге А. Р. Артемьева написано: «Царская администрация заочно приговорила Н. Р. Черниговского с семнадцатью товарищами к смертной казни. Однако они настолько преуспели в сборе ясака, что в **1672 г. по настоянию сибирских властей** были прощены» [146].

Перечисленные выше авторы не ссылались на документ. А А. Р. Артемьев, в отличие от других авторов, сослался: ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, с. 275–276. А там сказано, что Никифор Черниговский и его соратники были помилованы в 183 году, марта в 17 день, то есть в 1675, а не в 1672 году. Здесь уже «представительство Тобольского воеводства» (Словцов) превратилось в «настояние» каких-то неопределенных сибирских властей, как будто бы эти власти могли настаивать.

В 2006 году была опубликована его же статья, в которой написано: «По новому указу царя в **1672** г. Черниговский с товарищами были прощены и поверстаны в службу в Албазинском остроге» [147].

Опять дается ссылка на ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, с. 275–276. Поистине какая-то слепота поразила историков.

Пока Ивашко Перелешин и Ярко Тварогов были в Москве, в Албазине произошли важные события. О них С. В. Максимов писал: «Сам Черниговский сошел со сцены и исчез во мраке исторических времен, имя его больше не повторялось, что сталось с ним, с эти первым поляком в Сибири, покрыто мраком неизвестности» [148].

Утверждение, что он первый поляк в Сибири, — довольно шаткое. Ведь одновременно с Черниговским в Енисейск, как мы описывали ранее, было сослано еще несколько поляков. Может

быть, их считать первыми? А кто проверял все документы о ссылке? А разве все документы сохранились? Этим праздным вопросом заниматься не стоит. Важнее установить, куда и когда исчез Черниговский. Со времен Максимова историки не продвинулись в разгадке исчезновения Черниговского. Но вот сравнительно недавно в книге новосибирского историка А. С. Зуева появилась вроде бы разгадка: «В 1680 г. он был определен в дети боярские по Красноярску» [149].

Уважаемый историк задал новую загадку, забыв дать ссылку на источник.

В конце июля 1675 года Павел Шульгин отправил память в Албазин:

«183 [1675] году, июля в 28 день. По государеву указу память в Албазинской острог албазинскому служилому человеку Федору Евсевьеву».

Далее следует вставка, написанная на обороте: «По твоей отписке ведомо учинилось в Нерчинском остроге Павлу Яковлевичю Шульгину, что в Албазинском остроге самовольной и само[о] хотной атаман Микифор Черниговской умер. А после ево албазинские служилые люди в прикащики на время выбрали тебя, Федора. А по указу великого государя и **по грамоте** велено Албазинской острог ведать из Нерчинского острогу» (конец вставки).

Умер, видимо, в июне, так как только на поездку в Нерчинск и обратно скорым путем требовалось не менее месяца. А о грамоте ничего неизвестно. Если она была, то пришла в Нерчинск наверняка до помилования черниговцев в марте 1675 года. Так что помилование было следствием этой грамоты. Нельзя считать острожек государевым, если в нем сидят непрощеные преступники. А челобитная черниговцев была лишь хорошим предлогом для помилования. Отсюда также следует, что о помиловании Черниговский так и не узнал.

Далее в памяти написано:

«В нынешнем во 183 [1675] году по указу великого государя послан из Нерчинского острогу в Албазинской острог тебе, Федору, на перемену Нерчинского острогу служилой человек Василей Милованов.

И как к тебе ся память придет, и тебе б, Федору, по указу великих государей отдать ему, Василью, Албазинской острог и острожные ключи, и на остроге наряд, и в государеве казне деньги, и пушешные, и в житницах всякие хлебные запасы, и государе-

ревым служилым людем, которые ныне в Албазинском остроге, имянно[й] список, и великого государя казне и деньгам, и хлебу, и пушешным, и всяким запасом приходные и росходные книги, и что до тебя, и тебя, Федора, в Албазинском остроге, и какова роду приписано ясашных людей, и взято аманатов, и ясаку, и имянные книги с ясашным платежем [далее зачеркнуто: и что построено вновь пашни по Амуру или в которых местех построено пашни, тому роспись].

А росписався с ним, Васильем, в государеве казне в деньгах и в мяхкой рухляди, и во всяких хлебных и в пушешных запасех подлинно, и тебе б, Федору, и сказав всем албазинским служилым людем, быть великого [написано: великих. — *Г. К.*] государя Василья Милованов[а] во всяких государевых делех [написано: ледех. — *Г. К.*] слушал.

А в чем вам доведетца великому государю бити челом, а в Албазинском остроге государева указ[у] прикащику Василью за чем учинитца будет немошно, и вам бы бить челом великому государю, и челобитчиков с челобитными посылать к Москве или в Тоболеск, а из Нерчинского острогу отпустят тех челобитчиков не замотчав» [150].

Напомним, что Федька Евсевьев был ленским промышленным человеком, одним из участников убийства Л. Обухова. О Василии Милованове в одном из документов говорится как о подьячем Нерчинской приказной избы. В апреле 1670 года он ездил в Пекин с Игнатием Миловановым [151].

В свою очередь, наказная память была также дана сыну боярскому Василию Милованову. В наказной памяти не сохранилось начала и конца. Приводим то, что сохранилось:

«...Федора, в Албазинском остроге, и какова роду принято ясашных людей, и взято аманатов, и ясашные именные книги с ясашным платежем, и что по Амуру реке или в которых местех построено пашни, тому роспись взяв, в том с Федором росписатьца. А росписався, ево, Федора, в государевой казне в деньгах, и в мяхкой рухляди, и во всяких хлебных, и в пушешных запасех счесть подлинно. А што по счету на нем, Федоре, будет, взять сполна.

А самому ему, Василью, быть в Албазинском остроге и ведать государевых служилых людей и пашенных крестьян, и всяких жилецких, и прихожих торговых и промышленных, и гулящих людей.

А приехав и взяв именной список служилым людем и пашен-

ным крестьяном, и имена аманатов, перемотреть всех налицо; и ясашных людей, которые великому государю платят ясак за аманатами и которые без аманатов, збирать ясак на 184 [1675–1676] год и недобору за прошлые годы по книгам и по росписям сполна, каковы он книги и росписи примет у Федора Евсевьева.

Да в прошлом во 175 [1667] году призвал и устроил из Нерчинского острогу в Албазинском остроге Ларион Толбузин пашенных крестьян, Родьку Васильева с товарыщи, пять человек. А по порушным записям, каковы ныне в Нерчинском остроге в столпу, которые порушные записи збирал по них прикащик Микифор Черниговской, пахать им на великого государя десятинной пашни по полудесятине ржанова да по четверти десятины яровово хлеба, а в дву по тому ж, по вся годы бесперевводно.

И со 175 [1667] году по нынешней 183 [1675] год в Нерчинском остроге с тех пашенных крестьян десятинного хлеба ничего не объявилось. А ведомо учинилось Павлу Яковлевичю Шульгину, что те пашенные крестьяня поноровкою Микифорка Черниговского великих государей десятинной пашни не пахали, а пашут свои собинные земли и хлеба напахивают. И тот хлеб курят в вине и продают» [152].

Забыли в Нерчинском остроге, что Ларион Толбузин дал албазинским пашенным крестьянам льготу на десять лет [153]. Здесь также выясняется то, о чем лишь невнятно сообщалось в более ранних документах: Ларион Толбузин не только воздерживался от враждебных действий по отношению к Черниговскому, но даже вступил с ним в сотрудничество по устройству в пашню пашенных крестьян.

Далее в наказной памяти написано:

«(И тебе б, Василью, прика)зать накрепко, чтоб однолишно в Албазинском остроге нихто вина не сидел и на продажу пив не варил. И сказать им великого государя указ: за винное куренья под смертною казнью. А кому случитца албазинским казакам и жилецким людем х какому празднику сварить пива или браги небольшое, и оне б явились ему, Василью. Да и то бы продажного ни у ково не было. Да и самому ему, Василью, отнюдь пива не курить.

А которые люди учнут великому государю бить челом на каких людей в обидах и в насильстве или по кабалам, и ему, Василью, на тех людей давать суд, и росправу меж ими чинить. А с суда, кроме кабальных незапорных дел, имать на великого государя пошлин с рубля по гривне. Да пересуду и правого десятка с суда по семи алтын по две деньги.

А будет казак на казака будет в каких обидах бити челом великому государю, и с тех исков с казаков с ыску з двунатцати рублев пошлин не имать. А што будет иску больши двунатцати рублев, и с того по тому ж имать на великого государя пошлин по гривне с рубля, и пересуд, и правой десяток по указу.

Да в прошлом во 182 [1674] году по указу великих государей присланы в Нерчинской острог в пашню вятчаня, Моска Федоров с товарыщи, шесть человек. Велено их поселить в государеву пашню, где пригож. И по высмотру Павла Яковлевича Шульгина поселены оне ниже Аргуни на Лапкаевом лугу. И оне своим воровством для своих воровских прихотей переселились с Лапкаевского лугу на Олбазинские поля.

И тебе б, Василью, тех пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, шти человек, за ослушанья и за самовольства вместо кнута бити батоги нещадно, чтоб впредь им и иным людем варавать и государева указу ослушатьца было неповадно.

А на государеву десятинную пашню, на яровые десятины, послано к ним по весне рано с нерчинским казаком с Оською Уткиным двенатцать чети овса. И тот им хлеб роздан в Албазинском остроге. А будет оне тово хлеба за своим воровством по весне на яровые десятины не посеяли, и ты б, Василей, вместо тех государевых десятин выделил, сметя, из их собинных севов по четверте десятины овса или ячмени, или пшеницы, какой хлеб у ково в севу объявитца, и весь жжать, и измолотить, и смерить, и всыпати в государевы житницы.

А где оне поселились, и будет то место к пашне пригоже, и с тех их земель не переводить. И о том отписать в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичю Шульгину» [154].

Заметим, что еще в январе 1675 года Шульгин приказывал Черниговскому «пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, из Олбазинского острогу выслать на Лапкаев луг безо всякие понаровки».

«А на ржаные десятины тем пашенным крестьяном на полторы десятины послано с тобою, Васильем, двенатцать пуд ржи. И тебе б, Василью, велеть тот хлеб высеять в нынешнем во 183 [1675] году ко 184 году [к 1 сентября 1675 г.].

Да в нынешнем во 183 [1674–1675] году по указу великого государя и по грамоте, и по енисейской отписке присланы в розных месяцах и числах ссыльные люди за воровство в пашню. А велено их поселить на Амуре реке, где поселился Микифорко Чернигов-

ской. И тех ссыльных людей послано с тобою, Васильем, сорок один человек. А за скудостью государеву пашню во всех трех полях велено им пахать со 184 году [с 1 сентября 1675 г.].

А которые пашенные крестьяне построены при Ларионе Толбузине и которые в прошлом во 182 [1673–1674] и в нынешнем во 183 [1674–1675] присланы в Нерчинской острог и поселены в Албазинской острог, и что кому государевы десятинные пашни пахать, и тому под сим наказам дана роспись» [155].

Роспись эта не сохранилась.

«И ему, Василью, приехав в Албазинской, и будет до ево, Васильева, приезду с пашенных крестьян великого государя десятинной хлеб не собран, и ему, Василью, на тех пашенных крестьянех тот великого государя десятинной хлеб по книгам, каковы примет у Федора Евсевьева, собрать весь сполна и всыпать в государевы житницы, чтоб тот хлеб к весне был готов в государевых житницах.

А будет какие вольные люди пашут пашни около Албазинского острогу, опрочь служилых охочих людей, и ему, Василью, с тех пашен имать на великого государя десятой сноп и велеть им молотить при себе, и тот хлеб по тому ж всыпать в государевы житницы.

А торговые и промышленые люди и покрученики их, как сойдутца с соболиных своих промыслов с собольми, и ему, Василью, имать с тех соболей на великого государя десятого соболя, з добрых доброво, с середних середнего, а с плохих плохово.

А будет торговые и промышленые люди станут у своей братьи соболи купить на деньги и на товары менять, и пойдут в сибирские и в руские городы, и ему, Василью, по тому ж имать на великого государя с тех отъезжих торговых и промышленых людей с перекупных соболей десятую пошлину собольми.

Да с торговых же и с промышленых и з гулящих людей имать на великого государя годового оброку по осми алтын по две деньги с человека по вся годы со всяково человека. И великого государя ясашную десятинную казну: соболи и мяхкую рухлядь, и зборные всяких доходов деньги прислать в Нерчинской острог во 184 [1675–1676] году по зимнему пути, чтоб та государева соболиная казна послать к великому государю к Москве по весне рано з государевою ж ясашною соболиною казною Нерчинского острогу збору вместе» [156].

Заметим, что Черниговскому Шульгин запрещал взимать в Албазинском остроге десятую пошлину с мягкой рухляди.

А далее говорится о встрече в Енисейске Ивашки Перелешина с Павлом Шульгиным. Ивашко Перелешин ехал в Москву, а Павел Шульгин в Нерчинск:

«Да в прошлом во 181 [1673] году в Енисейском остроге на приезде сказывал Павлу Яковлевичю Шульгину албазинской казак Ивашко Перелешин. А хотел известить и ведомо учинить на Москве в Сибирском приказе окольничему Родиону Матвеевичю Стрешневу: в Албазинском де остроге [в] пашенных землях родитца всякой хлеб лу(тче) сибирских городов пашенных земель. И пашут де всякие люди около Албазинского острогу, и хлеба живет у них довольно. А тот де хлеб в Албазинском остроге всякие люди курят (в) вине и то вино продают меж собою, и пи(ва) варят. И безпрестанно де в Албазинском остроге винное куренье не токмо у пашенных людей, [но] и у всяких у торговых, и у промышленых, и у гулящих людей. И будет де впредь в Албазинском остроге станут вино сидеть, и от того де виннаго сиденья будет на хлеб большая дорогая цена и людем голод.

И Василью Милованову того смотреть и беречь накрепко, что[б] однолишно в Албазинском остроге вина не токмо на продажу, [но] и про себя никакие люди вина не сидели, и пив на продажу не варили. А будет какие люди станут вино сидеть или на продажу пива варить, и Василью то вино и продажное пиво выимать. А винные котлы и кубы, и трубы имать на великого государя.

Да на тех же людей за первую выимку имать пеню по пяти рублев, а на питухах по полуполтине. А за другую пеню имать на винных сидельцах и на пивных продавцах по десяти рублев, да их же батоги бить нещадно. А будет хто таких людей объявитца втретие, и за третью пеню имать на винных сидельцах и на пивных продавцах пени по пятинатцати рублев, да их же бить кнутом на козле и впровотку, да посадить на месяц в тюрьму. Да о том отписать в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичю Шульгину. И впредь всяким людем зака(зать)…» (конца нет) [157].

С. В. Максимов так оценил деятельность Никифора Черниговского: «Насколько верить свидетельству летописи о польском происхождении этого человека, носящего непольскую фамилию и русское имя, Черниговский почти единственное лицо, представлявшее поляка в то темное и малоисследованное время. Личность эта, впрочем, характерна тем, что с нею соединяется история первых наших заселений на Амуре. Если в нем не выражался тип польского удальца тех славных воинственных времен Польши времен

Яна Собеского, то, во всяком случае, в нем выяснился один из тех смелых и решительных завоевателей, которыми богата была Сибирь в тот век окончательного ее покорения под высокую руку московских царей. Имя Черниговского встало наряду с именами Хабарова, Атласова, Пояркова и проч.» [158].

О том, что Никифор Черниговский не единственное лицо, представлявшее поляков в Сибири в то время, мы уже говорили. Массовая ссылка нескольких десятков польских шляхтичей, взятых в плен, была, например, уже в 1653 году. Большинство из них было поверстано в дети боярские.

Василий Милованов не пробыл и года приказчиком. О его смене известно из отписок Н. Г. Спафария в Посольский приказ:

«Апреля в 15 день [1676 г. — *Г. К.*] приехали из Албазинского острогу здесь на Наун ко мне, холопу твоему, 5 человек албазинских казаков проведать про меня, холопа твоего, и про посольство, как свершилось, также и с небольшим торгом, и сказали, что готовили в Албазинском 2 дощаника ехать Амуром на реку Зию для ясачного збору.

И я, холоп твой, им здесь наказал и в острог писал, чтоб они есачных китайских ничем не обидели и есак не брали, и в поход не ходили б, до тех мест, покамест, Бог даст, и с чем посольство нынешнее совершится, для того, что нет ни одного дня, чтоб боярин и воеводы не пеняли на албазинских в обидах» [159].

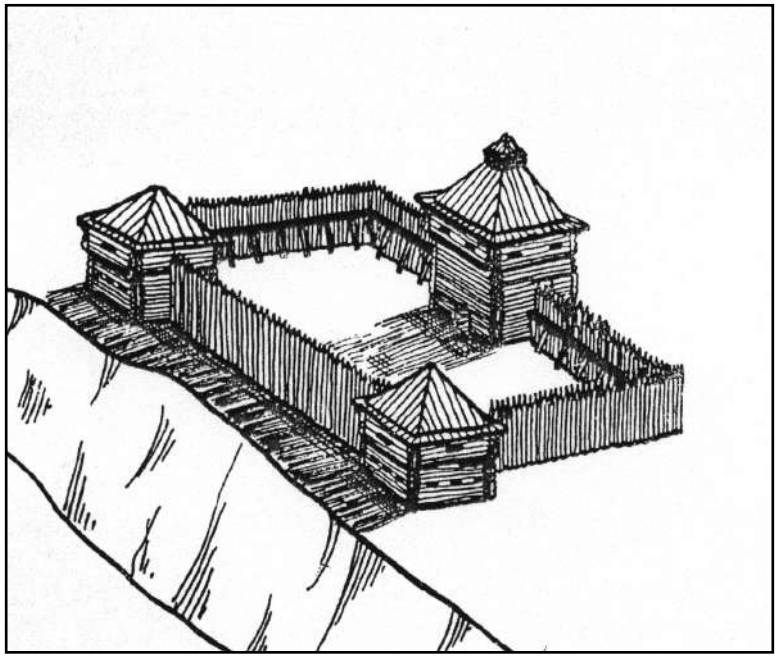
«Боярин и воеводы» — китайские сановники.

Из Науна же Н. Г. Спафарий сообщал:

«А албазинские казаки тебе, великому государю, с великим радением служат. И впредь по тому ж обещают тебе, великому государю, служить до смерти верно.

Толко, государь, меж ими и меж Павлом Шульгиным учинились ссоры, для того что они не приняли тоболского казака одного, которого он послал владеть над ними, потому что он хотел завесть кабак и иные непристойные речи в остроге. А просили, чтоб он дал им ис старых даурских служилых людей начальника. И он им не дал. И оттого, государь, учинились ссоры» [160].

Здесь Н. Г. Спафарий не указал имени казака, которого не приняли албазинцы на должность приказчика. Но нетрудно догадаться, что речь идет о Василии Милованове. Не указал также имени нового приказчика, которому он писал наказную память. Им стал снова Федька Евсевьев, что подтверждается его отпиской, которую он отправил в Нерчинск Павлу Шульгину.



Албазинский острог в 1665—1681 гг. Реконструкция

«Государя царя [А. М.] нерчинских острогов началу Павлу Яковлевичю Албазинского острогу прикащик Федька Евсевьев челом бьет.

В нынешнем во 184 [1676] году государев посол Микулай Гаврилович Спафарий из китайских порубежных городов, с Науну, Нерчинского острогу с сыном боярским Игнатьем Миловановым прислал к нам в Албазинской острог указную память об том, что не велел нам из Албазинского острогу в дощаниках вниз по Амуру и по Зие реке вверх ходить на государеву службу для ради ясашного сбору к Улагирским оленным тунгусам, покаместа посольство вершитца.

Да в нынешнем 184 [1676] писал ты, Павел Яковлевич, в указной памяти об том, что велено мне выслать из Албазинского острогу дву человек, что препроводили с Аргуни реки служилой человек Василей Терентьев с товарыщи Гантимурова роду Солоуна да Собогона. И я тех мужиков выслал к тебе, Павел Яковле-

вич, с служилыми людьми, с Сергеем Григорьевым да с Иваном Белокопытовым.

Да в нынешнем 184 [1676] году, апреля 8 дня, выехали на государево имя из даурскова города мужик в Албазинской острог, имя тому мужику Налюга, а жил он за Амуром рекою повыше Зеи реки. И бил челом тот мужик великому государю, и в Судной избе мне, Федьке, подал челобитную. А в челобитной ево написано, чтобы великий государь ево пожаловал: велел привести в православную христианскую веру и просветить святым крещением. И яз, Федька, у него челобитную принял, и во святую православную веру привели, и во святом крещении наречено имя ему Феодор.

Да изволь, Павел Яковлевич, пожаловать: прислать к нам подчал дощаничной, что взял у нас Ларион Борисович для ради церковного подъему на время. А у нас в Албазинском остроге заводится церковь. Снастей нет, подымать нечем, нужно.

И обо всем об том что ты, Павел Яковлевич, укажешь?» [161].

Из этой отписки видно, что уже, по крайней мере, к апрелю 1676 года, а видимо, еще раньше, Федька Евсевьев уже был снова приказчиком Албазинского острога. В отписке царем упоминается Алексей Михайлович, но он уже умер, однако до Нерчинска и Албазина в это время весть о смерти не дошла.

Приведем другие подробности приезда албазинских казаков к Спафарию в Наун. В путевом дневнике Спафария есть такая запись: «А в тот же день [17 апреля 1676 г. — *Г. К.*] к отпустил с отпискою великому государю Игнатья Милованова через Албазинской острог, а с ним пошли 5 человек албазинских казаков, а с ними же послал вора толмача отвести в Нерчинской острог, которой хотел смутить. А не поехали прямо в Нерчинской, для того что страшно было» [162].

Спафарий не назвал имени толмача. Им был калмыцкий переводчик Спирька Безрядов. После возвращения из Китая он подал жалобу на Спафария. По этой жалобе состоялся сыск, из которого мы приведем выписки, касающиеся Албазина: «А даурских служилых людей в челобитной написано: посылал он, Миколай, в Албазинской острог память и для подвод даурского сына боярского Игнатья Милованова с товарыщи, 3-х человек, чтобы албазинские служилые люди дали подводы под служилых людей и под него, Игнатья Милованова, с товарыщи, и служилые де люди купили 3 лошади в подводы, и дали 30 рублев» [163].

Албазинцы обвиняли Н. Г. Спафария в том, что он этих лошадей не вернул.

«И против челобитья сибирян Мукулай-переводчик сказал: <…> а то де он ведает, что с Науна в Албазин поехал Игнатей на тех же лошадях, на которых приехали из Албазинского» [164].

Что же касается указания Н. Г. Спафария не собирать ясак с тунгусов, которые жили на Зее, то за это его обвинили в сговоре с китайцами:

«Да в нынешнем же 186 [1677–1678] году писал к великому государю [Ф. А.] из Енисейска боярин и воевода князь Иван Петрович Борятинской, и прислал под отпискою изветную челобитную и роспросные речи калмыцкого переводчика, которой был в Китаях с ним, Микулаем, Спирки Безрядова.

А в челобитной и в роспросных речах написано: ведает де он, Спирка, великого государя дело на него, Микулая. По призыву де албазинских служивых людей платили великому государю ясак неясачные тунгусы, которые живут на Зие реке, а принесли де ясак 67 соболей самых добрых в Албазинской. И как де Микулай ехал в Китайское государство, и ево де в Даурах, на Науне, реке встретил китайского богдохана боярин Аксанба, и Микулай де теми ясашными тунгусами поступился китайскому богдохану.

А которыми де тунгусами Микулай поступился, и по ево де, Микулаевой, отдаче те тунгусы ныне платят ясак богдохану. А ведают про то албазинские служилые все, которые ныне в Енисейску, Онцыфорко Кондратьев, Якимко Иванов» [165].

«А нерчинские и албазинские служилые люди, сын боярской Игнатей Милованов и казаки Овдокимко Алексеев с товарыщи, 4 человека, в Енисейску сказали: как де шол в Китай Николай, и он де послал с Науна в Албазинской служилым людем память, чтоб служилые люди для ясашного сбору в судах вниз по Амуру не ходили, а ходили горою.

И Игнатей де Милованов ему, Микулаю, говорил, что им горою ходить на лошадях невозможно: лошади де купят дорогою ценою, и в том будет им издержка лишняя. И Микулай де ево, Игнатья, сажал в железа, и говорил, будто служилые люди построили в Даурской земле остроги без государева указу, воровски.

А к ясачным де людем, которыми поступился Микулай богдохану, ходили служилые люди для государева ясачного збору, и те де тунгусы в ясачном платеже отказали, а сказали: по поступке де Микулаеве платят ясак богдохану, и из улусов своих служилых людей выбили» [166].

Последнему утверждению поверить трудно, так как если бы

даже Спафарий поступился этими тунгусами, то так быстро они бы не смогли узнать об этом. По-видимому, это была хитрость со стороны тунгусов. Поэтому Спафарий не признавал такую вину за собою.

«И в Сибирском приказе перед боярином Родионом Матвеевичем Стрешневым да перед думным дьяком Ларионом Ивановым Микулай-переводчик в роспросе сказал:

<…> а ясачных тунгусов он, Микулай, богдохану не поступался» [167].

«<…> а память де он, Микулай, в Албазинской острог с Науна реки служилым людем послал, чтоб руские люди по Амуру реке на Зию реку и в иные места без государева указу не ходили, и китайских ясачных людей не обидели, и острогов не ставили, покаместа он, Микулай, с товарыщи в Китайское государство сходят.

А Игнатей де Милованов ему, Микулаю, чтоб служилым людем на Зию реку для ясачного сбору ходить, не говорил, и в железа его, Игнатья, не сажал, а был де за караулом с час, за то, что к великому государю к Москве с отписки ехать не хотел» [168].

«А даурские, нерчинские и албазинские, казаки, которые присланы из Даур с государевою соболиною казною к Москве, Ивашко Федоров с товарыщи, 6 человек, против извету Спирки Безрядова сказали: Микулай де переводчик китайскому богдохану поступился ясачных людей по смете человек с 300 и болши. А государева де ясаку собрано было с них, не с больших людей, в первой год 67 соболей, а впредь де хотели уплатить ясак со всех своих родов, а в другой год довелось было с них взять по 2, а в третей по 3, а в четвертой и впредь по 5 соболей с человека.

Да из них же 1 человек сказал: Микулай де, поговоря с китайскими бояры, в Албазинской к **приказщику к казаку к Федьке Евсевьеву** послал память. А велел те ясачные 67 соболей прислать с ясачными зборщики с толмачем с Игнашком Бирсотуком и с казаки на Наун реку. И говорил, что де тот толмач, с кого он государев ясак збирал, знает, и хотел те соболи отдать, будет с их, китайских иноземцов, взяты, китайским боярам, и в судех на Зию реку для государева ясаку и не для чего ходить не велел.

И они де по той ево памяти соболей не послали, потому что посланы были соболи к великому государю к Москве. А сказывали де про то те же иноземцы ясачным зборщиком, что Микулай поступился ими богдохану, и они де ясак с себя и с родов своих не дали, и впредь для ясачного збору ходить не велели» [169].

Еще раз обратим внимание на то, что албазинским приказчиком в это время был Федька Евсевьев.

Федька Евсевьев не очень-то прислушивался к просьбам Н. Г. Спафария. Летом 1676 года он сообщал в Нерчинск, что по просьбе тунгусов посылал служилых людей для постройки зимовья и сбора ясака:

«<...> И я, Павел Яковлевич, снарядил на Зею реку к Улагирским тунгусам для ради ясашного сбору и зимовья ставить, и для аманатской поимки 28 чел. служилых людей в дощениках водяным путем по Амуру реке до устья Зеи реки, и Зее реке вверх, до та мест, где Улагирские тунгусы велели зимовье поставить.

А посланы албазинские служилые люди Тит Фомин да Офонасей Флоров с товарыщи» [170].

В челобитной албазинских казаков, написанной после 1 сентября 1676 года, по-прежнему первым упоминается Федька Евсевьев:

«Государю [Ф. А.] бьют челом холопи твои, Албазинского острогу десятничишка казачьи Федька Евсевьев, Ивашка Тарасов с казаки, всего на все 170 человек.

В прошлом де во 184 [1676] с Науна реки и в нынешнем во 185 [1676] году из Нерчинского острогу твой государев посол Николай Гаврилович писал к нам, холопям твоим, указныя памяти и велел нам в Албазинском остроге жить от богдойских людей с великим береженьем и опас[к]ою, денно и ношно с караулы и на остроге снаряд пороха и свинец велел запасать.

А у нас, холопей твоих, в Албазинском остроге в твоей, великий государь, казне твоего государева оружья, пороху и свинцу нет. А буде в богдойских людех какая шатость учинится, и нам холопям твоим, твоего государева Албазина оберегать будет нечем.

Милосердый государь [Ф. А.], пожалуй нас, холопей твоих. Вели нам из Нерчинского острогу твоему государеву прикащику Павлу Яковлевичю Шульгину прислать из твоей казны оружия мушкетов, пороха и свинцу для всякия поры и осадного времени, колько было бы нам, холопям твоим, чем оберегать твой государев Албазинской острог и всякую твою казну, аманатов» [171].

Эта челобитная была предназначена не для отправки в Москву, а была просьбой Павлу Шульгину.

Между тем, в Дауры уже ехали на замену Павлу Шульгину:

«Того ж 1676 году, июля в 29 день, поехали из Тобольска на дощенике тобольской сын боярской Ларион Борисов сын Тол-

бузин да сын ево Алексей с женами и детьми, и со всеми домы своими в Даурскую землю.

Лариону указано быть в другой ряд в нерчинских острогах по-прежнему воеводством, а сыну ево Алексею на братне место, на Фаддеево, быть в Иркутском и Албазинском острогах. А брат ево Фаддей Толбузин, ехав с Москвы на тот приказ и не доехав Тотьмы, на дороге умре. И Ларион Толбузин, из Енисейского поехав в Дауры, на дороге ж, на Рыбной, умре» [172].

Тотьма находится в нынешней Вологодской области. Рыбная находилась в нижнем течении Верхней Тунгуски (Ангары).

Вслед Лариону Толбузину была послана грамота о помиловании Черниговского и его товарищей, о чем сообщается в выписке Сибирского приказа: «И во 184 [1676] году послана великого государя грамота в Дауры к Лариону Толбузину. Велено им, Микифорку Черниговскому с товарыщи, государьскую милость сказать. И велено им служить государеву службу в Албазинском против нерчинских острогов. А которые из них ныне в пашне, и тем быть по-прежнему в пашне» [173].

Фадей Толбузин был назначен приказным человеком в Иркутск по его челобитью.

«Царю [А. М.] бьет челом холоп твой Фадька Толбузин.

Служу я, холоп твой, тебе, великому государю, в Сибири в Тобольску со 168 [1659–1660] году всякие твои государевы службы. А у каких твоих государевых дел не бывал, служил тебе, великому государю, везде беспорочно.

<...> Вели, государь, мне быть у своево государева дела в Ыркуцком остроге» [174].

На обороте: «К сей челобитной Фадька Толбузин руку приложил».

Тобольским воеводам об этом была послана грамота:

«От царя [А. М.] в Сибирь в Тоболеск боярину нашему и воеводам Петру Михайловичю Салтыкову да стольнику Ивану Федоровичю Пушкину, да диакам нашим Федору Протопопову, да Григорью Михайлову.

По нашему великого государя указу велено быть Томского розряду Енисейского уезду в Ыркуцком остроге у ясачного збору и у пашенных крестьян, и у казаков приказным тобольскому сыну боярскому Фадею Толбузину.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б ево, Фадея, отпустили ис Тобольска в Енисейск. А наш вели-

кого государя указ в Енисейск к стольнику нашему и воеводе к Михайлу Приклонскому о том послан.

Писан на Москве, лета 7184 [1676], генваря в 22 день» [175].

Итак, Фадей Толбузин был назначен приказным человеком в Иркутский острог. А между тем, вопрос о его назначении основательно запутан. Например, в отписке илимского воеводы И. Д. Зубова сообщалось:

«В нынешнем, государь, во 185 [1676] году в твоей великого государя [Ф. А.] грамоте писано в Ылимской острог к прежнему воеводе к Силе Оничкову: по твоему великого государя указу велено боярину и воеводе Петру Васильевичю Шереметеву с товарыщи послать ис Тобольска в Даурскую землю в нерчинские остроги на перемену сыну боярскому Павлу Шульгину тобольских же детей боярских Лариона Толбозина да сына ево Фадея» [176].

А в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде Г. Ф. Миллера имеется грамота енисейскому воеводе Приклонскому под заголовком: «184 [1676] году Михаилу Васильевичю от Петра Большова Шереметева о бытии в Албазинском остроге на место Фадея Толбузина брату его Алексею Толбузину» [177].

В Албазин, вроде бы, Фадей Толбузин не назначался. Непонятно, как можно было совмещать службу в Иркутске и в Албазине.

Павел Шульгин по-прежнему оставался на своем месте, а в Албазине появился новый приказчик из своих же казаков. Он отправил отписку Павлу Шульгину:

«Государя [Ф. А.] Павлу Яковлевичю Албазинского острогу Гаврилко Флоров с служилыми людьми челом бьет.

В нынешнем во 185 [1677] году, марта в 29 день, приходили в Судную избу Албазинского острогу служилые люди:

десятники казачьи: Михайло Иванов Сапожников
да Евдокимко Григорьев
рядовые: Левка Косилов
Ивашко Кондратьев
Стенька Сергеев
Васька Мальцов
Гришка Петров
Стенька Молюга
Ондрюшка Богатырь
Афонька Сергеев
Васька Вятка
Михейка Алексеев с товарыщи

и били челом великому государю, а мне подали заручную челобитную, чтоб их, служилых людей, великий государь пожаловали: велели отпустить в поход на Зею и по Быстрой реке поискать на ясашных иноземцах.

И я у них тое челобитную не принял, потому что прислана указная память от посла Николая Гавриловича Спафария, и не велено ссоры с китайцы никакия чинить, а вниз по Амуру и по Зее и по Быстрой все живут иноземцы, конные и оленные тунгусы, под державою богдойского царя. И я по совету служилых их в поход без указу не отпустил, против памяти посла Николая Гавриловича, чтоб государевых вотчин и дальной его украйны, Нерчинского и Албазинского острогов, не истязати.

И они, Мишка Сапожников с товарыщи, великого государя Судейную избу опорочили и мой домишко вовсе разорили, и многим служилым людем угрожают.

А мы государьского указу к себе против памяти ожидаем с часу на час. И ты к ним о том обо всем изволь и прикажи отписать. А ныне от тех людей в войске великое смятение чинитца» [178].

Мишка Иванов Сапожников — это бывший ленский пашенный крестьянин, которого при нападении на дощаник воеводы Л. Обухова называли атаманом. А Гришка Петров — это, возможно, сын ленского пашенного крестьянина Петрушки Остафьева Аксамитова (Киренского), родоначальника ленских Аксаментовых.

Служба П. Я. Шульгина в Нерчинском остроге закончилась в 1677 году весьма своеобразно. Служилые люди Нерчинского острога ему «от Съезжие избы отказали» и послали об этом челобитную в Москву:

«Илюшка Шутов
Филка Тюфяков
Ярофейко Могулёв.

Жалоба, государь, нам, холопям твоим, Нерчинского острогу на приказного человека на Павла Шулгина в том:

в прошлых, государь, годех и в нынешнем во 185 [1676–1677] году учинил он, Павел Шулгин, в вашей государеве казне поруху болшую и нам, холопям вашим, и ясачным людем учинил налоги и обиды большие. И мы, холопи ваши, от его, Павловых, налог и обид стали нужны и бедны, и служить вам, великим государем, с ним, Павлом, стало невозможно.

И мы, холопи ваши, послали челобитчиков с заручною челобитною к вам, великим государем, к Москве на него, Павла, во

всех своих обидах, а ему, Павлу, до вашего государева указу от Съезжие избы отказали.

И выбрали мы, холопи ваши, в Нерчинском остроге к вашему государеву делу до вашего государева указу нерчинского сына боярского Григорья Иванова Лоншакова да десятника Ивана Иванова Астраканцова» [179].

Обширная челобитная о злоупотреблениях П. Шульгина приведена там же на страницах 371–373. Среди прочих жалоб на Павла Шульгина там написано: «Да в прошлом же, государь, во святый великий пост имал твоего государева царского богомолца черного священника попа Гермогена, напився пьян, ночью снял с него черное платье и разболок донага, и в ремень ставил, и огонь был раскладен, и хотел пытать безвинно для своей бездельные корысти по чмуте тоболского пятидесятника Андрея Шехтина, да взял с него дватцать пуд муки пшенишные, да коня доброго» [180].

Однако Павел Шульгин оказался не так прост. Хотя и выбрали приказным человеком Григория Лоншакова, но неизвестно, приступал ли он к выполнению обязанностей. Как следует из памяти енисейского воеводы, Павел Шульгин, даже будучи больным, не допускал Григория Лоншакова на приказ:

«Лета 7186 [1678], августа в 5 день. По государеву [Ф. А.] указу память в Нерчинской острог стрелецкому и казачью голове Андрею Строганову.

Писал ты в Енисейск к боярину и воеводе ко князю Ивану Петровичю Борятинскому да к дьяку Василью Телицыну в нынешнем же во 185 [1677] [так в тексте. — *Г. К.*] году, июня в 24 день, плыл из Даур из Нерчинского острогу в Енисейск нерчинской казак Юш(ко Але)ксеев с товарыщем. И сказывал тебе он с товарыщем:

В нынешнем в 186 [1678] году, в ап(реле) месяце, после Светлого воскресенья на третьей неделе, даурской и нерчинских острогов приказной человек, тобольской сын боярской Павел Шульгин, в Нерчинском остроге судом Божиим умер.

И как де он, Павел, был болен, и в то время ходил в Нерчинском остроге в Приказную избу сын ево, Павлов, Василей, и росправу во всяких государевых делах чинил.

А как де он, Павел, умер и после де ево, Павловы, смерти нерчинские казаки выбрали и излюбили на приказ Алексея Толбузина. И ныне де в Нерчинском остроге на приказе он, Алексей Толбузин.

И тебе б, Андрею, поедучи в Нерчинской острог, делать вся-

кие государевы дела по прежнему наказу и по памяти, каков тебе дан из Енисейска.

А Павла Шульгина счесть с ево, Павлова, (си)денья по то число, в котором числе (он), Павел, умер.

А Алексея Толбузина по т(ому ж) счесть, с тех мест, как он на ево, (Пав)лово, место на приказе учал быть, (и) зделать счетные списки. И те с(чет)ные списки за руками прислать, и о том отписать в Енисейск к боярину и воеводе ко князю Ивану Петровичю Борятинскому да к дьяку Василью Телицыну.

А по памяти, какова тебе дана за дьячьею приписью, про П(ав)ла Шульгина сыскивать и сыск прислать тотчас» [181].

На обороте отметка о подаче: «Прислана память с нерчинским казаком с Юрьем Алексеевым октября в 18 день».

17 мая 1682 года в Нерчинск прибыл новый воевода стольник Федор Дементьевич Воейков. Почему-то только при нем всплыл вопрос о жалованье, которое было послано с Ивашкой Перелешиным.

С Ивашкой Перелешиным действительно было послано на жалованье албазинским казакам 2 000 рублей. В 1682 году нерчинский воевода Федор Воейков в ответ на запрос Сибирского приказа о выдаче жалованья служилым людям писал: «С Верхотурья из верхотурских доходов послано в Дауры с олбазинским с мирским челобитчиком с Ивашком Перелешиным две тысячи рублев денег, и он Ивашко Перелешин тое твою государеву денежную казну, две тысячи рублев провез в Албазинской острог, и розданы олбазинским казакам до моего ж приезду» [182].

А в 1677 году снова было отправлено из Верхотурья 2 000 рублей на жалованье даурским служилым людям с Игнатием Милововым. Об этом имеется два документа. Это, во-первых, отписка верхотурских воевод Ивана Пушкина и Дмитрия Афанасьева енисейскому воеводе Ивану Борятинскому и дьяку Василию Телицыну:

«Господам, князю Ивану Петровичю, Василью Ивановичю, Иван Пушкин, Дмитрей Офонасьев челом бьют.

В нынешнем во 185 [1677] году, марта в 26 день, великого государя [Ф. А.] в грамоте из Сибирского приказу за приписью дьяка Льва Ермолаева писано к нам, господа, на Верхотурье. А велено послать с Верхотурья в Дауры даурским всяких чинов людем на жалованье две тысечи рублев.

И по указу великого государя и по грамоте послали мы с Верхотурья в Дауры из верхотурских доходов две тысечи рублев

з даурскими с сыном боярским с Ыгнатьем Миловановым [зачеркнуто: да служилыми людьми з Гараском Ивановым, с Федькою Спиридоновым, с Офонькою Флоровым, с Ыгнашкою Калистратовым. — *Г. К.*] с товарыши в мешках за их печатью и отчетом, запечатав в коробках великих государей верхотурскою печатью, апреля в 30 день.

И вам бы, господа, о посылке той казны в Дауры учинить по указу великих государей и о том для ведома велеть отписать» [183].

А второй документ — это отписка верхотурских воевод в Сибирский приказ:

«Государю [Ф. А.] холопи твои Ивашко Пушкин, Митька Офонасьев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 185 [1677] году в твоих великого государя [Ф. А.] грамотах из Сибирского приказу за приписью дьяка Лва Ермолаева писано нам, холопем твоим, на Верхотурье.

А велено послать из верхотурских доходов твоей великого государя казны в Дауры две тысячи рублев з даурскими сыном боярским с Ыгнатьем Миловановым да с казаком с Ыгнашкою Калистратовым, да на Красной Яр тысячю рублев с красноярскими служилыми людьми, з десятником казачьим с Сенькою Черноусовым да с казаком Спирькою Худоноговым, без задержанья.

Да о том к тебе, великому государю, к Москве нам, холопем твоим, велено отписать. А отписку подать в Сибирской приказ боярину Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, да Лву Ермолаеву, да Перфилью Оловешникову.

И по твоему великого государя указу и по грамотам из твоей великого государя казны из верхотурских доходов мы, холопи твои, с Верхотурья в Дауры две тысячи рублев з даурскими с сыном боярским с Ыгнатьем Миловановым с товарыщи, да на Красной Яр красноярским служилым людем на жалованье тысячю рублев послали с красноярскими служилыми людьми с Сенькою Черноусовым да Спирькою Худоноговым» [184].

Это жалованье было послано всем даурским людям, а не только албазинцам. Однако албазинские служилые люди почему-то считали, что это жалованье тоже было послано только им. В 1685 году албазинский воевода Алексей Толбузин по жалобе албазинских казаков производил сыск о злоупотреблениях нерчинского воеводы Федора Воейкова.

«И мая в 20 день в Албазинском в Съезжей избе перед Алек-

сеем Ларионовичем Толбузиным торговой человек Исак Посельской допрашиван. А в допросе он, Исак, сказал:

<…> А как де Федор Воейков приехал в Албазинской острог и просил у албазинских казаков государевы соболиные казны, и они де, албазинские казаки, государевы соболиные казны ему, Федору, не отдавали. И били челом о государеве жалованье. И ему, Федору, говорили: посылано де было к нам в Албазинской острог государева жалованья две тысячи рублев нам, албазинским казакам, на жалованье, и ты де из той государевы казны тысячю рублев роздал нерчинским служилым людем, а нам де в Албазинск прислал тысячю рублев» [185].

Федор Воейков сообщал:

«А в Албазинской, государь, острог албазинским казакам, сту одному человеку, твоей государевы казны роздано три тысячи рублев денег. Да в нынешнем во 190 [1681] году, заняв я, холоп твой, у торговых людей пятьсот рублев денег, и дал им, албазинским казакам, в их оклады, на сто ж на одного человека, которые пришли с Микифорком Черниговским, а оне, албазинские казаки, тое твою государеву денежную казну, три тысячи пятьсот рублев, берут на двесте человек напрасно, потому что без твоего государева указу своим самовольством прибрали себе вприбавку в казаки из гулящих людей девяносто человек воров и зерщиков и бражников» [186].

А торговый человек Петр Норицын во время сыска говорил Алексею Толбузину иначе:

«А про то де он, Петр, ведает как стольник и воевода Федор Воейков просил у албазинских казаков государевы соболиные казны, и албазинские де казаки ему, Федору, государевы казны не отдали, для того де что били великим государем о жалованье, а ему, Федору, говорили, что де нам с тою казною ныне подняться нечем, нужны де и бедны, и государевым жалованьем не пожалованы за четыре годы.

И он, Федор Воейков, занял у торговых людей пятьсот рублев денег и дал албазинским казакам в жалованье. И они де ему, Федору, государьскую соболиную казну отдали» [187].

«Якушко Яковлев, Мишка Вахрамеев сказали: как де приплыл из Нерчинского в Олбазинской острог стольник и воевода Федор Воейков и, пришедчи де он к Съезжей избе, бранил албазинских казаков всякою неподобною бранью, и ворами их, и беглецами называл, и причитал их к вору Стеньке Разину, и гово-

рил де им: по указу великих государей велено быть в Албазинску сту человеком в казаках, а больши де ста человек быть в Албазинску не указано, и тем де сту человеком доведетца государево жалованье давать. А которые де поставлены в казаки не по указу великих государей: и тем де людем он говорил: подите де к богдокану. И Албазинской острог воровской, и ставили де ево воры, и доведетца де церковь Божию роскласть, и острог зжечь.

И промышеным и гулящим людем, и пашенным крестьяном велел албазинских казаков копьи колоть и сабли рубить» [188].

Вскоре это пожелание Федора Воейкова выполнят китайцы.

В Албазине все это время шла череда смены приказчиков. Когда приехал в Албазин Алексей Толбузин, там приказчиком был Любим Евсевьев. О приеме острога имеется документ в копиях Г. Ф. Миллера, он озаглавлен:

«186 [1677] году ему же [Ивану Петровичу Борятинскому. — *Г. К.*] от Алексея Толбузина о принятом им у тобольского сына боярского Любима Евсевьева Албазинском остроге» [189].

Любим Евсевьев еще при Афанасии Пашкове был в Нерчинске казачьим пятидесятником [190].

Затем новая замена. О ней память от енисейского дьяка Василия Телицына.

«Лета 7185 [1677], августа в 24 день. По государеву [Ф. А.] указу память в Дауры (в Нер)чинской острог тобольскому сыну боярскому Павлу Шульгину.

В нынешнем во 185 [1677] году, августа в 20 день, по указу великого государя [Ф. А.] велено быть в Албазинском остроге приказным человеком албазинскому [написано: в Албазинском. — *Г. К.*] сыну боярскому Григорью Л(он)шакову на перемену тобольскому сыну боярскому Алексею Толбузину.

И как к тебе ся память придет, а албазинской сын боярской Григорей Лоншаков в Нерчинской острог приедет, и тебе б по указу великого государя дать ему г(осударевых) провожатых до Албазинского остр(огу) нерчинских служилых людей, сколк(о) пригож, и для … жалованных толмачей тунгускому яз(ыку. А) дать толмача Максима Ларионова. А дав провожатых и толмача, отпустить ево, Григорья, в Албазинской острог тотчас.

Диак Василей Телицын» [191].

На обороте отметка о подаче: «186 [1677], декабря в 9 день, подал сын боярской Григорей Лонщаков».

Видимо, прием острога Лоншаковым был в декабре 1677

года, и об этом отписка: «186 [1677] боярину и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому Нерчинского острогу от сына боярского Гришки Лоншакова о принятом им у тобольского сына боярского Алексея Толбузина Албазинском остроге» [192].

Известна точная дата этого приема — 4 августа 1677 года [193].

В заключение отметим, что по причине недостаточной изученности вопроса о приказчиках Албазинского острога их перечни, приведенные в книге Александра Барсукова [194], неполны и неточны как по годам, так и по именам. Василий Милованов там назван Василием Милославским.

А. И. Крушанов, Ю. А. Сем и О. И. Сергеев составили новый список:

«В Албазине во второй половине XVII в. приказчиками были:

Н. Черниговский (1669–1674);

С. Вешняков (1674–1676);

Ф. Евсевьев (1676–1677);

Г. Фролов (1677–1678) [В документах он иногда называется Г. Флоров. — *Г. К.*];

И. Войлошников (1682–1684);

А. Толбузин (1684–1687);

А. Бейтон (1687–1689)» [195].

Этот список тоже неточен. С учетом приведенных в этой главе документов приказчиками в Албазине были:

Никифор Черниговский (1666–1670);

Петр Екимов Осколков (1670–1673);

Никифор Черниговский (январь 1674 — 12 февраля 1674);

Семен Вешняк (12 февраля 1674);

Никифор Черниговский (январь 1675 — июнь 1675);

Федор Евсевьев (июнь 1675 — 28 июля 1675);

Василий Милованов (28 июля 1675);

*Федор Евсевьев (9 ноября 1675);

*Шестак Афанасьев (сын боярский) (январь 1676) [196];

*Федор Евсевьев (март 1676);

*Гаврила Фролов (Флоров) (29 марта 1677);

Любим Евсевьев (1677);

Алексей Толбузин (1677);

Григорий Лоншаков (декабрь 1677);

*Яков Евсевьев (1680) [197];

Иван Семенов Войлошников (1680) [198];

*Яков Евсевьев (19 апреля 1681) [199];

*Андрей Федоров Воейков (16 марта 1682) [200];

*Иван Семенов Войлошников (26 ноября 1682 — 15 декабря 1683) [201];

Алексей Толбузин (май 1685 — июнь 1686) [202].

Звездочкой отмечены имена тех приказчиков, у которых известна дата упоминания в документах, но неизвестна дата вступления в должность. Ссылка на документ дана только для не упоминавшихся в данной главе документов.

Примечания

1. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1405, л. 1.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 39.
3. ДАИ. — СПб., 1851. — Т. IV. — Док. № 116. — С. 272.
4. Там же. — Док. № 133. — С. 324.
5. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке. — М., 1974. — С. 87.
6. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1400, л. 12.
7. Ф. 214, ст. 361, л. 303–307.
8. ДАИ. — Т. IV. — Док. № 133. — С. 324.
9. Ф. 214, ст. 1572, л. 29–30.
10. Ф. 214, ст. 864, л. 40.
11. Ф. 214, ст. 460, л. 6.
12. Алексеев А. Одиссея Ерофея Хабарова // Амур — река подвигов. — Хабаровск, 1970. — С. 209.
13. Ф. 214, ст. 1659, л. 23–24, 26.
14. Поуездная коллекция 110, ед. хр. 9, л. 11.
15. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. — М., 1844. — С. 158.
16. Гонсович Е. В. История Амурского края. — Благовещенск, 1914. — С. 193.
17. Ф. 214, ст. 864, л. 37.
18. ДАИ. — СПб., 1872. — Т. XII. — Док. № 2. — С. 3.
19. Ф. 214, ст. 864, л. 48.
20. Ф. 214, ст. 813, л. 13–16.
21. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 565, л. 1.
22. Ф. 214, ст. 1659, л. 53.
23. Там же, л. 56.
24. Там же, л. 94–95.
25. ДАИ. — СПб., 1857. — Т. VI. — Док. № 6, V. — С. 45.
26. РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. № 132. — С. 271.
27. ДАИ. — СПб., 1857. — Т. VI. — Док. № 6, IV. — С. 44.
28. РКО. — М., 1969. — Т. 1. — С. 287.

29. ДАИ. — СПб., 1851. — Т. IV. — Док. № 122. — С. 278.
30. Ф. 214, ст. 1659, л. 187.
31. Ф. 214, ст. 720, л. 93.
32. Ф. 214, ст. 1659, л. 187–188.
33. Там же, л. 188.
34. Там же, л. 187.
35. Там же, л. 187–188.
36. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. — Казань, 1882. — С. 22.
37. ДАИ. — СПб., 1857. — Т. VI. — Док. № 22. — С. 153–154.
38. Шуман П. В. Первые русские поселения на Сибирском Востоке // Русский архив. — СПб., 1879. — № 5. — С. 28.
39. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. — Л., 1925. — С. 65.
40. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. — М., 1958. — С. 10.
41. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. — М., 1980. — С. 127.
42. Ф. 214, ст. 814, л. 103–111.
43. Там же, л. 191–192.
44. Там же, л. 194–195.
45. Там же, л. 195–197.
46. Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1757. — Июль — окт. — С. 198.
47. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока // Записки Имп. Русского Географического общества. — СПб., 1885. — Т. XIV. — С. 60.
48. Яковлева П. Т. Указ. соч. — С. 61.
49. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. — М., 1969. — С. 26.
50. Берх Г. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова // Сын Отечества. — СПб., 1821. — Ч. 68. — № XII. — С. 202–203.
51. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 40, л. 2об.
52. Ф. 214, кн. 187, л. 387.
53. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 190, л. 63об.–65.
54. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 361, л. 36.
55. Там же, л. 76–77.
56. Ф. 214, ст. 338, л. 124.
57. Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — М.; Л., 1952. — № 61. — С. 187–188.
58. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 390, л. 20об.–24об.
59. Там же, л. 5об.
60. Белов М. И. Указ. соч. — С. 185–186.
61. Ф. 214, ст. 338, л. 100–102.

62. Там же, л. 125.
63. Ф. 214, кн. 526, л. 3об.–4.
64. Ф. 214, ст. 1659, л. 209.
65. Там же, л. 225.
66. Там же, ст. 1659, л. 214, 216, 207–208, 215, 192; нумерация не по порядку.
67. Там же, л. 216об.
68. Там же, л. 208об.
69. Там же, л. 176.
70. Там же, л. 273.
71. Там же, ст. 985, л. 108; ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — С. 275; Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 24, № 64, л. 120об.
72. Ф. 214, ст. 841б, л. 38.
73. Ф. 214, ст. 1659, л. 273.
74. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1845, л. 120.
75. Там же, л. 123.
76. Там же.
77. Там же, л. 123–124.
78. Ф. 214, кн. 636, л. 40.
79. Там же, л. 41.
80. Ф. 214, кн. 686, л. 42об.
81. Там же, л. 43.
82. Ф. 130, оп. 1, д. 5, л. 1.
83. Ф. 62, оп. 1, кн. 1, л. 110.
84. Ф. 214, ст. 490, л. 367.
85. Там же, л. 290.
86. Ф. 214, ст. 573, л. 4–8.
87. Там же, л. 31.
88. Там же, л. 9–10.
89. Там же, л. 11.
90. Там же, л. 31–32.
91. Там же, л. 12.
92. Там же, л. 24–26.
93. Там же, л. 23.
94. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 217, л. 62.
95. Там же, л. 63.
96. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1458, л. 145.
97. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1456, л. 5.
98. Ф. 214, ст. 573, л. 20–21.
99. Там же, л. 22–23.
100. Ф. 214, ст. 575, л. 8.
101. Ф. 214, ст. 573, л. 27.
102. Там же, л. 22об.
103. Там же, л. 27об.

104. Там же, л. 28.
105. Там же, л. 36.
106. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1777, л. 35.
107. Ф. 214, ст. 573, л. 38–40.
108. Там же, л. 41.
109. Там же, л. 46.
110. Ф. 214, ст. 902, л. 131, 136; нумерация не по порядку.
111. Там же, л. 132об.
112. Ф. 214, ст. 1659, л. 315.
113. Паршин В. Указ. соч. — С. 138–139.
114. Миллер Г. Ф. Указ. соч. — С. 193.
115. Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. — С. 22.
116. Ф. 214, ст. 864, л. 37.
117. Ф. 62, оп. 1, кн. 1, л. 112об.
118. Там же, л. 112об.–117.
119. Там же, л. 30–30об.
120. Ф. 96, ед. хр. 24, л. 1–3.
121. Ф. 214, ст. 1659, л. 360–361; Ф. 62, оп. 2, 1674 г., д. 1, ч. 2, л. 186, 185; ф. 62, оп.1, кн. 3, л. 271об.–274; ДАИ. — СПб., 1857. — Т. VI. — Док. № 133. — С. 395–396; РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. 199. — С. 479–480.
122. Ф. 62, оп. 1, кн. 3, л. 274–275.
123. Там же, кн. 4, л. 23–23об.
124. Там же, л. 26; РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. 199. — С. 479.
125. Шперк Ф. Указ. соч. — С. 61.
126. Яковлева П. Т. — Указ. соч. — С. 10.
127. Ф. 62, оп. 1, кн. 4, л. 28.
128. Там же, л. 34.
129. Там же, л. 57–57об.
130. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — С. 774, примеч. 94.
131. Ф. 214, ст. 985, л. 108–110; Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 24, № 64, л. 120об.–121; ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 73. — С. 275–276.
132. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 73. — С. 275–276.
133. Миллер Г. Ф. Указ. соч. — С. 193.
134. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 24, № 64, л. 120об.–121.
135. Поуездная коллекция 110, ед. хр. 9, л. 5.
136. Максимов С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. III. — С. 5.
137. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886. — Т. 1–2. — С. 101–102.
138. Андриевич В. К. Пособие для написания истории Забайкалья. — Иркутск, 1885. — С. 53.

139. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. — СПб., 1894. — С. 16.

140. Бартенев Ю. П. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. — СПб., 1899. — № 2. — С. 312.

141. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. — Л., 1925. — С. 65–66.

142. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 110. — С. 347.

143. Ермаков Е. Албазин — первая столица Приамурья // Дальний Восток. — Хабаровск, 1969. — № 5, май. — С. 124.

144. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — С. 774, примеч. 94.

145. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII веке. — Новосибирск, 1991. — С. 335.

146. Артемьев А. Р. Указ. соч. — С. 104.

147. Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII в. // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 7.

148. Максимов С. В. Указ. соч. — С. 5.

149. Зуев А. С. Сибирь: вехи истории. — Новосибирск, 1998. — С. 63.

150. Коллекция № 18, Г. С. Батенькова, док. 6, л. 1–1об.

151. РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. № 132. — С. 270; док. № 134. – С. 273; док. № 167. – С. 278; док. № 138. – С. 279.

152. Поуездная коллекция 110, ед. хр. 9, л. 1.

153. Ф. 214, ст. 1659, л. 53.

154. Поуездная коллекция 110, ед. хр. 9, л. 2–3.

155. Там же, л. 3.

156. Там же, л. 4.

157. Там же, л. 4–5.

158. Максимов С. В. Указ. соч. — С. 3.

159. РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. № 209. — С. 517.

160. Ф. 62, оп. 1, кн. 3, л. 57об.

161. Паршин В. Указ. соч. — С. 157–158.

162. Арсеньев Ю. Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария, 1676 год // Известия Оренбургского отдела Имп. Русского географического общества. — Оренбург, 1896. — Вып. 10. — С. 19.

163. Зубарев Д. О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами // Вестник Европы. — СПб., 1827. — № 23 и 24, дек. — С. 167–168.

164. Там же. — С. 174, 176.

165. Там же. — С. 169.

166. Там же. — С. 178; это же: ДАИ. — СПб., 1859. — Т. VII. — № 67, VIII. — С. 326.

167. Зубарев Д. О. Указ. соч. — С. 178.

168. Там же. — С. 180–181.

169. Там же. — С. 181.
170. Паршин В. Указ. соч. — С. 142.
171. Там же. — С. 144–145.
172. Записки, к сибирской истории служащие // Древняя Российская вивлиофика. — 2-е изд. — М., 1788. — С. 220–221.
173. Ф. 214, ст. 985, л. 10.
174. Ф. 214, ст. 695, л. 1.
175. Там же, л. 33.
176. Там же, ст. 813, л. 185.
177. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 23, док. № 286, л. 308–308об.
178. Паршин В. Указ. соч. — С. 143.
179. ДАИ. — СПб., 1859. — Т. VII. — № 75. — С. 373–374.
180. Там же. — С. 373.
181. Ф. 1142, оп. 1, ед. хр. 13, л. 52.
182. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 110. — С. 348.
183. Ф. 1111, оп. 1, ч. I, ед. хр. 45, л. 143–143об.
184. Там же, л. 188–189.
185. ДАИ. — СПб., 1872. — Т. XII. — Док. № 2. — С. 3.
186. Там же. — С. 4.
187. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 110. — С. 348–349.
188. Там же. — С. 6.
189. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 23, № 305, л. 335–335об.
190. Ф. 214, ст. 604, л. 256.
191. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 13, л. 75.
192. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 23, № 302, л. 333об.–334.
193. Ф. 1142, оп. 1, ед. хр. 13, л. 75.
194. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. — СПб., 1902.
195. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма XVII в. — февраль 1917. — М., 1991. — С. 61.
196. Ф. 96, ед. хр. 39.
197. Москвитянин. — М., 1843. — Ч. 4. — № 7. — С. 112.
198. ДАИ. — СПб., 1875. — Т. IX. — № 104. — С. 215.
199. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — № 104. — С. 330.
200. ДАИ. — СПб., 1875. — Т. IX. — № 100. — С. 209.
201. ДАИ. — СПб., 1867. — Т. X. — № 67. — С. 227–237.
202. ДАИ. — СПб., 1872. — Т. XII. — № 2. — С. 3.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРНОГО ПОПА ЕРМОГЕНА В КИРЕНСК

В 1685 году черный поп Ермоген, бежавший на Амур в 1665 году с Никифором Черниговским, возвратился в Киренский монастырь, им основанный в 1663 году. Его двадцатилетнее пребывание на Амуре, где он основал Спасскую пустынь, закончилось. Об этой пустыни побывавший в Сибирском приказе в 1681 году албазинский пятидесятник Ивашко Коркин дал следующую сказку:

«Да блиско де Албазинского, вниз по Амуру с версту, на Брусяном камне построена пустыня и в пустыни церковь во имя Спаса Нерукотворённого. А чернецов де в той пустыни — четыре человека. И хлеб пахали на себя наемными людьми.

В той же де пустыни построены две мельницы. И от мельницы помольными деньгами они и питались. А ныне де те мельницы и пашня, и сенные покосы от той пустыни взяты на великого государя по государеве грамоте, и поселено пашенных крестьян четыре человека» [1].

Но существовать пустыни уже оставалось недолго. В 1683 году китайцы стали стягивать на Амур огромные силы и готовиться к захвату Албазина. Вот какие сведения сообщил албазинский приказчик Иван Семенов Войлошников нерчинскому воеводе стольнику Федору Дементьевичу Воейкову, который, в свою очередь, отправил их иркутскому воеводе Ивану Власову.

«В прошлом во 191 [1683] году, июля в 17 день, посланы были из Албазинского острогу на Быструю [Бурею. — *Г. К.*] и на Хамун [Амгунь. — *Г. К.*] реки албазинские казаки Гришка Мыльник с товарыщи, дватцать человек, да с ними де отпущено промышленых волных людей сорок шесть человек.

И в прошлом же де во 191 [1683] году, августа в 10 день, того отпуску с коровану от Гришки Мыльника пришли уходцы в Албазинской острог албазинские казаки Стенька Харитонов, Ортюшка Калинин да промышленых людей семь человек. И в Албазинском остроге ему, Ивашку Семенову [Войлошникову. — *Г. К.*] они, Стенька с товарыщи, сказали: плыли де они, Стенька з Гришкою Мыльником с товарыщи, от Албазинского острогу до усть Зии реки и, пловучи де, никаких китайских воинских людей не видели.

А как де они поплыли с усть Зии к Быстрой реке и плыли де день, и на другой де день наплыли на китайских воинских людей. А идут де те китайские люди войною в бусах под Албазинской и

под Нерчинской остроги. А бус де идет пятьсот шездесят семь. А в вид де они, Стенька Харитонов с товарыщи, видели триста бус. И на тех бусах китайских воинских людей много с пушками и со всяким огненым боем.

И они де Гришку Мыльника с товарыщи те китайские воинские люди на Быструю и на Хомун не пропустили, и взяли де их к себе в полон, и ружье у них все побрали.

И были де они у тех китайских воинских людей в полону полтора дни. И прося де у Бога милости, от тех китайских людей они, Стенька с товарыщи, десять человек, из-за караулу ушли. И бежали от китайских людей до Албазинского острогу днем и ночью четырнатцать дней.

А Гришка де Мыльник с товарыщи ж остались у них, китайских людей, в полону.

Да они ж де, китайские люди, им, Стеньке с товарыщи, сказали: идет де китайские силы горною дорогою под Албазинской острог шеснатцать тысяч да под Нерчинской острог пятнатцать же тысяч конницы.

А в толмачах де у них, китайских воинских людей, три человека: изменник **Гришка Павлов сын Тобольской, породою он верхотурец Белкиных; а был де он, Гришка, в побеге в прошлых годех с великие реки Лены на Амур с Сорокиным**, да двое де человек, изменников же, Агафонко да Стенька верхотурцы.

И те де изменники языку рускому и их, китайскому, горазды. И про все де про то им, Стеньке с товарыщи, они сказывали ж: идет де под Албазинской и под Нерчинской остроги китайская сила большая бусами и горною дорогою — конница. А хлебных [запасов] на бусах с теми китайскими воинскими людьми много, будет де тому их, китайскому, войску на три года» [2].

Обратим здесь внимание на одного из русских пленных — Гришку Павлова сына Тобольского. Верхоленский казак Мишка Сорокин бежал на Амур в 1655 году, а с ним служилых и промышленных людей, и пашенных крестьян — 300 человек. Они пропали без вести. Считалось, что умерли от голода или их перебили китайцы. И вот теперь выясняется, что погибли не все. Видимо, часть попала в плен к китайцам. К сожалению, больше никаких сведений о них нет.

Вместе с этими сведениями иркутский воевода Иван Власов сообщил енисейскому воеводе Константину Осиповичу Щербатову о мерах предосторожности, которые он принял: «И против той,

господине, отписки послал я из Иркуцкого в селенгинские остроги к прикащиком памяти с подкрепленьем, чтоб они послали в подъезд казаков и проведывали, и у иноземцов со всяким домогательством про Нерчинской и Албазинской остроги, и про приход и замыслы китайских людей а проведав писали о том подлинно с нарочными посыльщики конными в Ыркуцкой» [3].

Но пока было все спокойно. Воевода Иван Власов получил известие от приказчика Удинского острога Максима Григорьева Барыбина. Удинский острог находился на месте нынешнего города Улан-Удэ.

«В нынешнем де во 192 [1683] году, ноября в 14 день, приехали в Удинской из Нерчинского острогу нерчинские служилые люди Василей Леонтьев с товарыщи для своих окладов по хлебные запасы.

И в Удинском де они сказывали ему, Максиму, в Нерчинском де остроге, дал Бог, здорово. А про богдойских де воинских людей они, служилые люди, сказывали ж де: богдойские де люди под Албазинской острог не бывали и бусами не дошли, и, недошед до Албазинского острогу, на усть Зеи реки ставят острог и крепят всякие крепи.

А лехкие де люди у них, конница, шли под Нерчинской острог и, недошед до Нерчинского, от Далая озера воротились, а под Нерчинской не пошли» [4].

Китайский острог на устье Зеи — это сейчас город Хайхэ на правом берегу Амура напротив теперешнего Благовещенска.

Это было предварительное стягивание сил для последующего наступления. В 1685 году у стен Албазина появилось огромное китайское войско, принудившее албазинцев сдать острожек. Вот как описывал Ермоген эти события:

«Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержцем, бьют челом:

богомольцы ваши, Албазинского острогу Спаской пустыни строитель черной поп Ермоген да Воскресенской поп Федор Иванов

служилые люди:

пятидесятник Левка Чюжакин

десятники

Завьялко Ларионов

Матюшка Федоров

Ивашко Лукьянов

Евдокимко Григорьев
Гришка Ворыпаев
Никифорко Поскотинной
Гришка Олёкминской

и рядовые служилые люди, и сироты ваши: торговые и пашенные, и промышленые люди.

В нынешнем, государи, во 193 [1685] году, июня … в день, пришли под Албазинской острог богдойские неприятельские воинские многие люди, на бусах водою и горою конми, с пушками и со всяким городовым приступным боем, и Албазинской острог осадили.

А по смете, государи, тех богдойских неприятельских воинских людей тысеч десять и больши. А пушек, государи, с ними было на приступе з двести и больши: полтораста пушек полковых да пушек с пятьдесят больших, проломных. А ядром, государи, те их пушки большие, проломные, фунтов по дватцати и по пятнатцати, и по двенатцати. А менши, государи, тех больших проломных пушек, ядром двенатцати фунтов, не было.

И мы, богомольцы и холопи, и сироты ваши, от них, неприятельских богдойских воинских людей, в Албазинском остроге сидели с воеводою Алексеем Ларионовичем Толбузиным **дней десять и больши**, и с ними, богдойскими неприятельскими воинскими людьми, бились, не щадя голов своих, и покамест было пороху и свинцу. А в албазинской, государи, было в вашей великих государей каде пороху и свинцу самое малое число, а снаряду было только три пушки, а мелково оружия было у нас, холопей ваших, пищалей с триста.

И неприятельские богдойские люди из нас, холопей и сирот ваших, в Албазинском остроге в осаде побили и острог из пушек розбили, и нас, холопей ваших, от верхних и от нижних боев отбили и во многих местех в Албазинском остроге церковь и колокольню, и лавки, и хлебные анбары огнеными стрелами зажгли.

И мы, богомольцы и холопи, и сироты ваши, видя против их богдойских и неприятельских воинских людей свое неможение, что стоять нам против их, неприятельских богдойских воинских людей, и битьца невозможно, били челом вам, великим государем, а в Албазинском воеводе Алексею Ларионовичю Толбузину словесно, чтоб он послал из Албазинского к богдойским неприятельским воинским людем в полки к воеводам о переговоре, чтоб нас, богомольцов и холопей и сирот ваших, из Албазинского отпустили

к вам, великим государем, в ваши великих государей городы, и в плен к себе не поневолили, и з женишками и з детишками не разлучили.

И воевода Алексей Ларионович Толбузин к ним, богдойским неприятельским воинским людем, в полки к воеводам о переговоре посылал. И договорились, что нас, богомольцов и холопей, и сирот ваших, из Албазинска отпустить к вам, великим государем, в ваши городы. И богдойские воинские неприятельские люди воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и нас, богомольцов и холопей, и сирот ваших, из Албазинска к вам, великим государем, в ваши государевы городы отпустили. А животишка наши к себе побрали все безостатку. А хлебного запасу и лошадей, и рогатого скота нам, богомольцем и холопем, и сиротам, не дали ничего.

Да они ж, богдойские неприятельские воинские люди, из Албазинского острогу воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и нас, холопей и сирот ваших, в полки к полковым воеводам в табары к себе имали и к царю своему богдойскому служить призывали, и многим жалованьем, и честью, и дары от царя своего прельщали.

И воевода Алексей Ларионович Толбузин и мы, холопи и сироты ваши, памятуя православную христианскую веру и вашу великих государей премногую милость, и ко господу Богу, и к вам, великим государем, свое обещание и крестное целование, на их прелесть не здались и богдойскому их царю служить не пошли, и на многое жалованье, и дары не обольстились. И идем к вам, великим государем, в ваши великих государей городы с воеводою с Алексеем Ларионовичем Толбузиным наги и боси, и голодны, питаемся травою и кореньем.

Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы. Пожалуйте нас, богомольцов и холопей, и сирот своих. Велите, государи, сю нашу челобитную принять воеводе Алексею Ларионовичю Толбузину и послать к вам, великим государем, под отпискою» [5].

Отпущенные китайцами албазинцы пошли на запад. Сначала они шли вместе, а достигнув устья речки Урки, разделились на две части. Одна часть пошла дальше на запад в Нерчинский острог, а другая пошла на север по речке Урке, затем через волок на речку Нюкжу, впадающую в Олёкму — приток Лены. Приведенная здесь челобитная написана была еще до разделения русских на две части. На речке Урке сейчас расположена станция

Транссибирской железной дороги Ерофей Павлович, названная в честь Хабарова, в 150 километрах на запад от Сковородино. Вот что сообщается в отписке якутского воеводы М. О. Кровкова:

«В нынешнем, великие государи, во 193 [1685] году, июля в 27 день, приплыли в Якутцкой из Олбазинского острогу албазинские пашенные Васка Микифоров с товарыщи, три человека. Да с ними ж приплыл промышленой человек Якунька Фомин. И в Приказной избе подали мне, холопу вашему, отписку от олбазинского воеводы от Алексея Толбузина. А в отписке ево написано:

в нынешнем во 193 [1685] году, июня в … день, — в котором числе, того в отписке ево не написано, — пришли под Албазинской острог неприятельские богдойские воинские люди на бусах водою и горами многою силою и со всяким городовым приступным огневым боем, и Албазинской острог взяли.

А ево, Алексея, из Албазинского, по договору, с служилыми и всяких чинов людми отпустили в ваши государевы городы. И он де, Алексей, пошел с служилыми всяких чинов людьми в Нерчинской острог. **А с Амура реки по Урке речке на Лену реку через гору отпустил он, Алексей, черного попа Гермогена** да белого попа Федора Иванова, да с ним служилых и всяких чинов людей сто девятнатцать человек по их челобитью, для их нужды и разоренья» [6].

Воевода Кровков расспросил пашенных крестьян Ваську Микифорова, Карпуньку Григорьева, Ондрюшку Семенова, промышленного человека Якуньку Фомина и послал их расспросные речи в Москву.

«А албазинских пашенных крестьян Васку Микифорова с товарыщи отпустил я, холоп ваш, из Якутцкого в Енисейск к боярину и воеводе князю Костянтину Осиповичю Щербатово с товарыщи, для того что по вашему великих государей указу тот Албазинской острог ведом к Енисейскому», — писал воевода Кровков [7].

«И Васка Никифоров с товарыщи в роспросе сказали: в нынешнем во 193 [1685] году, июня в 24 числе, под Албазинской острог пришли неприятельские богдойские воинские люди в половине дни водяным путем на бусах, а бус де будет со сто. А на тех бусах было богдойских воинских людей тысяч пять и больши. А на всяком де бусе, чаять, человек по пятидесяти и больши. Да на тех же бусах были: пушек больших и малых ста с полтретья [250. — *Г. К.*], да мелково ружья было ста с три. А конные силы

богдойских воинских людей было тысяч с восмь и больши. И у тех де конных богдойских людей збруя была, на всех — латы. А бой у них лучной.

А у тех богдойских воинских людей начальных людей, по их назвищу, было четыре боярина да дватцать воевод. А [в] тех воеводах были воеводами изменники руские люди Гришка Мыльник, Федька Петров, которые изменили в прошлом 192 [1684] году, и иные руские люди, изменники, были ж.

И преж приступу те богдойские начальные люди от себя в Албазин присылали к воеводе к Алексею Толбузину лист за печатью с ызменники с рускими людьми з Ганкою Ситником, с Федькою Петровым, с Васкою Родионовым Бесом. И их де он, Алексей, роспрашивал. И после роспросу Федьку Петрова пытал. И с пытки говорил: как де богдойские люди учнут приступать к острогу, и ему де в то время острог зажигать. И он, Алексей, ево, Федьку, хотел казнить.

И как де учели приступать богдойские люди к острогу, и после де того, как богдойские воинские люди взяли Албазинской острог, и ево де, Федьку, те богдойские люди ис колоды выпустили и взяли к себе, и богдойские начальные люди учинили ево, Федьку, по своей вере боярином» [8].

Отметим здесь справедливости ради, что Гришка Мыльник и Федька Петров оказались у китайцев не по своей воле, а были захвачены во время плавания по Амуру.

Вернемся немного назад. Ознакомившись с богдойскими листами, Алексей Толбузин отправил в Нерчинск отписку воеводе Ивану Власову.

«Господину Ивану Аристарховичю Алексей Толбузин челом бьет.

В нынешнем, господине, во 193 [1685] году, июня в 11 день, приехали в Албазинской острог полоненики, руские промышленые люди Федька Тельской и Гаврилка Дмитриев сын Сотник, и привезли с собою три листа. В одном писано русским письмом, в другом богдойским, в третьем польским.

А в Албазинском в Приказной избе передо мною они, Федька и Ганька, в допросе сказали: послали де те листы из Албазинского уезда из Воздаевы деревни с бус богдойского царя воеводы. А велели де те листы подать в Албазинском остроге мне.

А идет де тех богдойских неприятельских воинских людей на стех [т. е. ста. — *Г. К.*] бусах. А на бусе идет воинских людей по

пятидесяти человек да конницы 1 000 человек и больше. А пушек с ними идет 100 полковых да 40 ломовых больших и гранатов.

А под Нерчинский де и под Селенгинский остроги пошли многие неприятельские богдойские люди с пушками и со всяким простым, и иным боем. А сколько силы под Нерчинский и Селенгинский остроги пошло, про то они, Федька, и Ганька, не ведают. А полонены де они из-под Албазинского острога: Федька в прошлом во 192 [1684] году, июля в 7 день, а Ганька в нынешнем во 193 [1685] году, марта 15 дня.

И я с ратными людьми и с промышленными, и с пашенными крестьянами — в Албазинску в осаде. А на посаде дворы, которые были около Албазина, я велел сжечь.

А которые ратные и промышленные люди, и пашенные крестьяне живут в дальних Албазинского острогу деревнях, и те всяких чинов люди в Албазинском по сие число не бывали. А в осаде в Албазинску сидит со мною всяких чинов людей 350 человек.

И о присылке из Нерчинского острогу в Албазин ратных людей на выручку и пушек и мелкого ружья, и пороху, и свинцу учинить бы тебе по указу великих государей и послать, не заматчиваясь вестовыми отписками.

И с богдойскими листами послал я служилого человека Левку Перескокова к великим государем к Москве, и в Енисейск к боярину и воеводе князю Константину Осиповичу [Щербатову. — *Г. К.*], а к тебе, господину, с тех для ведомости с богдойских листов — список под сею отпискою» [9].

Здесь Федькой Тельским назван Федька Петров, а Гаврилкой Дмитриевым сыном Сотником названы люди, которые в сказке Васьки Микифорова именуются соответственно Федькой Петровым и Ганькой Ситником.

Далее Васька Никифоров рассказал:

«И жили те богдойские воинские люди под Албазином десять дней. И в те дни делали они щиты и туры плетеные. А воевода Алексей Толбузин с служилыми людьми в то время делали в остроге крепи: зделали другую стенку и засыпали промеж стен землею.

И зделав щиты и туры, после Петрова дни [29 июня] те богдойские люди приступали к острожку и стреляли ис пушек. А пушки у них были проломные стенобитные мерою сажени по две и по полуторы, а иные полковые по сажене и меньши. И сами под острог подошли и пушки подвели под острожные пот три стены. А стояли от острогу в полуста десте.

И бой у них был один день с утра до вечера. И пушечные ядра сквозь острог проходили, и церковь Божию, и государевы житничные хлебные анбары сквозь пушками пробивали, и пущали на острог и на церковь, и на дворы огненые стрелы. А те стрелы длиною по полутора и по два и полтретья [2,5] аршина. И стреляют теми стрелами ис станку. И теми огнеными стрелами острог и церковь Божию, и дворы тутошных жилетцких людей зажгли.

А в том Албазинском остроге снаряду было три пушки. А у тех трех пушек было четыре ядра.

А ратных служилых и промышленых людей и пашенных крестьян было четыреста пятьдесят человек. А у тех ратных людей ружья было у двусот человек, а у достальных у промышленных людей и у пашенных крестьян ружья и пороху, и свинцу не было. А в государеве казне было зелья пуда с три да свинцу пуда з два. И то зелья и свинец роздан был ратным людем. А ружья и зелья и свинцу в государеве казне для осадного времени не было де ничего.

И воевода Алексей Толбузин, видя от тех неприятельских воинских людей разоренье, что острог и служилых людей многих побили, больши ста человек, и у большой пушки ядром дуло розшибли, и огнеными стрелами острог и церковь зажгли, послал из острожку дву человек служилых людей, Ивашка Семенова, Васку Захарова, к тем богдойским начальным людем переговаривать. А для какова де переговору он, Алексей, их послал, того де они не ведают.

И те де казаки, Ивашко и Васка, от тех богдойских людей назад в острог пришли и сказали ему, Алексею, и всяких чинов служилым и промышленым людем, и пашенным крестьяном: богдойские де начальные люди говорили им, Ивашку и Васке, будет де ваш воевода и все ратные люди острог им здадут и сами приклонятца их богдойскому царю по своей воли, хто похочет к нему итти, и их де богдойской царь тех руских людей пожалует своим многим жалованьем. А которые де люди к их богдойскому царю итти не похотят, и тех де людей отпустит к своему царю. А у их де богдойского царя невольников никово нет.

И воевода Алексей тех же служилых людей Ивашку и Васку посылал к богдойским же начальным людем после того на розговор дважды и просил сроку на три дни. И те богдойские люди не дали им сроку ни на один день.

И пришед те их посыльщики Ивашка и Васка, воеводе Алек-

сею и всем ратным людем сказали: говорили де им, Ивашку и Васке, богдойские начальные люди: будет де ваш воевода Алексей и ратные люди не здадутся, и мы де и вас всех побьем.

И видя, воевода Алексей с служилыми людьми, от тех богдойских воинских людей разоренье великое и убойства, и острога не отстояти, и всем побитым быти, вышел из острогу к ним на розговор. И богдойские начальные люди ево, Алексея, и служилых людей к себе в таборы взяли и призывали ево, Алексея, и служилых людей также, что[б] они к их богдойскому царю приклонились. А их де богдойской царь всех будет жаловать.

И он де, Алексей, со многими служилыми людьми тем богдойским начальным людем отказал, что де Алексей с служилыми людьми их богдойскому царю служити не будет, а отпустили б ево, Алексея, с служилыми людьми к своим государем в Росийское государство.

И был он, Алексей, с служилыми людьми у тех богдойских воинских людей часа с три или с четыре после полдни. И богдойские начальные люди ис полону ево, Алексея, с служилыми и с промышлеными людьми, и с пашенными крестьяны, человеков ста с полчетверта [350], отпустили.

И говорили де ему, Алексею, богдойские начальные люди толмачами рускими людьми-изменники: поди де ты с служилыми людьми на лес в Якутцкой, а в Нерчинской не ходи. А будет де ты пойдешь в Нерчинской, и тебя де с служилыми людьми в Нерчинском убьют. А под Нерчинской де и под Яравну, и под Телембин, и под Селенгу по Байкал море богдойских воинских людей и мунгал пошло больши дватцати тысяч конниц. И им де те острошки все очистить и рубеж учинить по Байкал море. А другой рубеж учинить им по Якутцкой острог. И о том с великими государи у них богдойского царя будет послованья, а бес послованья то дело не будет.

А как из Олбазинского воеводу Алексея Толбозина с служилыми людьми богдойские люди отпустили и он, Алексей, с служилыми людьми пошел вверх по Амуру до усть Урки речки до Перелешины заимки пять дней» [10].

Перелешина заимка находилась недалеко от теперешнего населенного пункта Игнашино на правой стороне Амура. Перелешиной заимка названа по имени Ивашки Перелешина, чечуйского мельника, который в 1665 году бежал на Амур с Никифором Черниговским. В 1675 году он ездил в Москву с челобитной о

прощении Черниговского и других албазинцев. И ему удалось получить это прощение.

Местность, где находилась Перелешина заимка, называлась Лавкаев луг. Побывавший в 1680 году в Сибирском приказе атаман Ивашко Коркин сообщал: «Да он же, Ивашко Коркин, от Албазинского вверх по Амуру реке на левой стороне от китайской границы на Лапкаевом лугу построил слободу и пашенных крестьян на государеву пашню поселил девять человек своими пожитками ис присыльных и ис прихожих людей. <...> А ходу от Албазина до Лавкаева лугу три дни» [11].

Видимо, начало этой слободе положил Ивашко Перелешин.

Далее Васька Никифоров с товарищами сообщили:

«И с усть Амура [так в тексте, надо: Урки. — *Г. К.*] реки пошол Алексей да с ним всяких чинов людей з двести тритцать человек вверх по Амуру реке в Нерчинской острог. А достальных албазинских полонных, **черного попа Гермогена да белого попа Федора Иванова да с ними служилых и промышленых людей и пашенных крестьян, сто девятнатцать человек, по их челобитью для хлебной скудости, что[бы] им всем голодною смертью не помереть, отпустил с Амура реки, с усть Урки речки, в Якутцкой**.

И шли де они, Васка, с албазинскими служилыми людьми вверх по Урке речке пешею ногою, перенимаясь с мысу на мыс и через камень, девять дней. И вышли на вершины Нюгзи [современное название: Нюкжа. — *Г. К.*]. И стояли они на той Нюгзе реке на одном месте восмь дней, делали струги. А стругового лесу в том месте много, и в том де лесу суды делать мочно.

И зделав струги, плыли по Нюхзе реке на гребях днем и ночью, нигде к берегу не приставая. И выплыли на Олёкму реку в пять дней. И по Олёкме реке приплыли в Олёкминской острожек на угреб же в пять дней. А по ночам, боясь порогов и шивер, стояли у берегу. А в то время по Олёкме реке вода была малая. А как бы в Олёкме реке вода была большая, и мочно с усть Нюгзи реки Олёкмою рекою выплыть до Олёкминской острожек в сутки.

А с усть Олёкмы реки вниз по Лене реке до Якутцкого плыли четыре дни. Да сверх того стояли за погодою два дни» [12].

Сомнительной представляется здесь возможность при большой воде доплыть за сутки с устья Нюкжи до устья Олёкмы за одни сутки. Это расстояние равно примерно 500 километрам. Даже по реке Лене вниз скорость парохода не превышает 20 километров в час.

Далее Васька Никифоров с товарищами сообщили о переходе на сторону неприятеля албазинских служилых людей. Таких было немало.

«Да ево же Алексеева полку албазинские приказные избы подьячей Петрушка Хмелёв да служилые лутчие домовные Ивашка Семенов, Васка Захаров, которые ходили на розговор к богдойским людем, от воеводы от Алексея Толбазина, да служилые ж люди

Ортюшка Семенов з братьями с Филькою да с Макарком
Богдашка Козьмин да брат ево Федотко
Карпунька Семенов Шингал
Федька Крюк
Пашко Шахурдин
Кирилко Кабанов
Игнашко Иванов
Сенка Иванов
Гришка Дмитреев
Федька Денисов
Стенька Колмак
Стенька Голой
Васка Клуша
Ивашко Дальняя Примета
Васка Шариков,

а иных людей имя их не упомнят, а чаять де по смете **человек пятьдесят и больши**, забыв Бога и великих государей крестное целованье, великим государем изменили, передались богдойским людем своею волею и поревновали прелесным их словам» [13].

Почему-то в примечаниях в сборнике документов «Русско-Китайские отношения в XVII веке» число перебежчиков преуменьшено. Там написано:

«Под прежними изменниками подразумеваются обычно единичные пленные и перебежчики более раннего периода [до заключения Нерчинского договора 1689 г. — *Г. К.*], среди них известна группа казаков, взятая в плен в 1683 г. <…>

После взятия Албазина их насчитывалось по русским источникам 25 человек, по китайским — 40, в том числе казаки Иван Войлошников, Василий Захаров и подьячий Петр Хмелев» [14].

Иван Войлошников — это упоминаемый в сказке Васьки Никифорова служилый человек Ивашко Семенов, которого посылал на переговоры с китайцами Алексей Толбузин. Иван Семенов

Войлошников был в 1682–1684 годах приказчиком Албазинского острога.

Другой служилый человек — Васька Захаров, которого тоже посылал на переговоры с китайцами Алексей Толбузин, до этого выполнял многие службы, и его имя неоднократно упоминается в документах сборника «Русско-Китайские отношения в XVII веке». 18 апреля 1678 года он ездил со служилыми людьми во главе с Игнатием Миловановым в Китай, и они «были перед богдойским царем» [15]. Так что решение Васьки Захарова перейти на сторону китайцев было вполне осознанным.

После взятия Албазина многим перебежчикам были пожалованы офицерские чины. В стратегических планах усмирения русских «Пиндин Лоча фанлюэ» записано: «День гуй-вэй [25 декабря 1685 г.]. Приказано дать офицерские чины Григорию [Мыльнику? — *Г. К.*] и другим русским, перешедшим на сторону маньчжуров» [16].

Затем Васька Никифоров с товарищами рассказали:

«А в Албазинском де, что было государевы казны: пушек и хлебных запасов, и воеводы Алексея Толбазина животы, и их, служилых и промышленных людей, и пашенных крестьян, пожитки, и хлебные запасы, и ружье, и порох, и свинец, и всякой пашенной завод, и всякова скота: лошадей и кобыл, и быков, и коров, больши дву тысяч, те ж богдойские люди взяли себе. А Албазинской острог и церковь, и дворы, и монастырь все сожгли.

А которые аманаты были в Албазинском, и богдойские люди тех аманатов всех роспустили на волю. А сколько человек аманатов в Албазинском было, того де они подлинно не ведают.

Да те ж богдойские люди взяли в полон в неволю албазинских служилых людей и пашенных крестьян жен их иноземские породы, человеков с сорок, да дети мужеска и женска полу, лет по пяти и по шти, и по десяти, человеков с шездесят и больши.

И они де, Васка с товарыщи, сам четверт, с усть Олёкмы реки пришли с отписками в Якутцкой, а достальные их товарыщи, сто семнатцать человек, с усть Олёкмы реки пошли вверх по Лене реке на заимки для покормленья» [17].

С ними же пошел и черный поп Ермоген. Подробности неизвестны. В июле 1688 года илимский воевода Федор Михайлович Павлов по запросу Сибирского приказа описал состояние Киренского Троицкого монастыря. Помимо всего прочего, там сказано и о Ермогене:

«Братьи в той пустыне ныне: игумен Иосиф, строитель старец Иосиф же, да прежней строитель черной поп Ермоген, да рядовые братьи и з больными сорок пять человек».

Далее приведем выдержки из сказки служилых людей, которые пошли в Нерчинск с Алексеем Толбузиным. О переговорах с китайцами сказано так:

«И договорились, что воеводу Алексея Ларивоновича Толбузина и нас, служилых и всяких чинов людей, из Албазинска к великим государем в их государевские городы отпустить, и пушки и аманатов из Албазинского острогу отдать.

И богдойские неприятельские люди по договору воеводу Алексея Алексеевича [так в тексте, надо: Ларионовича. — *Г. К.*] Толбузина и нас, служилых и всяких чинов людей, из Албазинска к великим государем в их государевские городы отпустили. А против [т. е. согласно. — *Г. К.*] договору пушек и аманатов воеводе Алексею Ларивоновичю Толбузину вывесть не дали. И у многих у нас, служилых и всяких чинов людей, жен и детей в полон к себе взяли» [18].

Затем сообщается о предложении служить богдыхану и о том, что воевода Толбузин и большинство людей не согласились с предложением.

И далее: «А иные служилые и всяких чинов государевские люди, забыв страх Божий и государевскую премногую к себе милость и крестное целованье, великим государем изменили и остались у богдойских воевод в табарах, а с воеводою с Алексеем Ларионовичем не пошли.

А мы, служилые и всяких чинов люди, с воеводою с Алексеем Ларивоновичем Толбузиным от Албазинского острогу с табару от богдойских неприятельских воевод вверх подле Амура реки берегом шли пеши с великою нуждею до устья Урки реки. А лоток было малое число, а государевских дощаников в Албазинску не было.

А по Урке реке через Олёкму на Лену реку отпустил воевода Алексей Ларивонович Толбузин служилых и всяких чинов людей сто дватцать человек по их челобитью для судовой скудости и для того, чтоб, одною дорогою идучи, не помереть голодною смертью. А мы, служилые и всяких чинов люди, с воеводою с Алексеем Ларивоновичем Толбузиным пошли в Нерчинской острог.

И того ж числа на устье тое ж Урки реки настигли воеводу Алексея Ларивоновича Толбузина и нас неприятельские богдойские люди на бусах и горою на конех, и шли за нами до Усть-Аргунской заимки.

Иеромонах Ермоген. Икона

И приезжали к воеводе к Алексею Ларивоновичю Толбузину изменники руские люди, Стенька верхотур с товарыщи, и сказывали: идут де те ж богдойские воеводы на бусах и горою на конех, которые были под Албазинским острогом з богдойскою силою и с пушки, и со всяким городовым огненным боем под Нерчинской острог.

И воевода Алексей Ларивонович Толбузин пошел от усть Аргуни реки по Шилке реке в Нерчинской острог. И против усть Аргуни реки на Шилке реке оставливал для подсмотру неприятельских богдойских людей из нас албазинских служилых людей пять человек, Нестерка Матвеева с товарыши.

И служилые люди на Шилке реке против устья Аргуни реки для подсмотру неприятельских богдойских людей жили два дни. И неприятельские богдойские люди на бусах при них в Шилку реку не пошли. Только они, служилые люди, видели первого дни неприятельских богдойских людей, конницы человек с сорок и больши, против устья Аргуни реки стояли де пониж их, служилых людей, на карауле в прикрытых местех» [19].

В сентябре 1685 года Алексей Толбузин вернулся в Албазин и укрепил его. Вернулись и китайцы и начали вторую осаду Албазина, во время которой Толбузин был убит. Но это уже уходит за пределы нашей темы.

Кроме русских источников по истории взятия китайцами Албазина есть и китайские источники. Полезно ознакомиться и с ними. В 1857 году в «Иркутских губернских ведомостях» была опубликована статья Н. Е. Черных «Разорение Албазина (1685–1689)» по китайским (маньчжурским) источникам. Что это за источники, Черных не сообщает. В них говорится, что поход на Албазин был вызван набегами русских на китайские владения:

«Между тем, русские обитатели Амура несколько лет не предпринимали ничего важного против китайских владений, а в 1685 году они сделали несколько нападений на орочийские, солинские пределы и на пределы поколений Фяка и Хэчже, обитающих при устье Амура, проводя там грабежи и разбои, вследствие чего его величество нарочно данным приказом облек сановника Ланьдань в звание начальствующего войсками (мэйрень-чжангина) и, дав ему в сотоварищи флигель-адъютанта Гуаньбао, мэйрень-чжангина Баньдаржа, гуна 1 степени Пончонь и нингутского мэйрень-чжангина Сабсу, повелел ему двинуться с войсками и начать военные действия. Указ, данный по сему случаю, заключался в следующих словах:

"По прибытии Ланьданева отряда к городу Яксу [китайское название Албазина. — *Г. К.*], если лоча [русские. — *Г. К.*] с покорностью выйдут к нему навстречу или покорятся после данного сражения, тогда Ланьдань отнюдь не должен наказывать и убивать их, но должен в то время распорядиться послать к ним вразумление, основанное на благосклонности милости нашей.

Вразумительные к ним слова должны заключаться в следующем: Хуанди [император Кань-Си. — *Г. К.*] есть повелитель всех царств и всех народов, есть государь сострадательный и человеколюбивый. За учиненные в нынешний год вами ошибки и беспокойства он не хотел и не хочет наказывать вас смертью, эта мера строгости противна его чувствительному сердцу. Теперь от вас требуется только, чтобы вы, благоговея и помня сострадательное человеколюбие нашего Хуанди, вам сказанное, более уже не причиняли, как было прежде, беспокойства нашим владениям"» [20].

Действительно китайцы обращались с русскими в соответствии с этим указом, и это не противоречит русским источникам. Но вот в описании военных действий имеются существенные расхождения. Отметим эти расхождения.

«В 20 число 5 луны войска в Хангомо [д. Воздаева. — *Г. К.*] и, согласно воле его величества, распорядились послать в город Якса внушить старшине Эркеши [так почему-то называют Алексея Толбузина. — *Г. К.*].

В 22 число [по сказке Васьки Никифорова: 24 июня. — *Г. К.*] войска придвинулись к городу Якса и в тот же день начальники отряда, призвав старшину сего города, объявили ему, что государь Хуанди любит щадить и оставляет жизнь провинившимся, и что наказание смертью противно его чувствительному сердцу».

Здесь уже расхождение. Васька Никифоров говорил: «И преж приступу те богдойские начальные люди присылали к воеводе к Алексею Толбазину лист за печатью с ызменники с рускими людьми». В китайском источнике о листе не упоминается. Не упомянуты и русские изменники.

Далее: «Наставления сии не произвели, однако ж, ожидаемых последствий, но напротив пришельцы лоча, надеясь на свою силу, обнаружили непокорность и наговорили много нескромных слов».

По русским же сведениям, ответа никакого не давали, а посланцев неприятеля посадили в колоды.

«Это побудило Ланданя с товарищами немедленно осмотреть все укрепления их города и, обозрев открытое местоположение, возвратиться в свой лагерь.

24 числа [по русскому летоисчислению 26 июня. — *Г. К.*] рано поутру воины увидели более сорока человек лоча, плывших по течению Амура на бревенчатом плоте с намерением пробраться в город, но гвардейский батальонный начальник Ялантай с товарищами, посланный им навстречу с предложением добровольно сдаться, увидев их непокорность и даже попытки к сражению, вскочил на плот и зарубил из них более тридцати человек. Остальных же в числе 15 человек, состоящих из детей и жен, он взял в плен, притянув вместе с ними и самый плот их».

В русских источниках этого нет. Но они, сидя в остроге, могли и не знать. Так что это похоже на правду. Ведь писал же Алексей Толбузин в Нерчинск: «А которые ратные и промышленые люди, и пашенные крестьяне живут в дальних Албазинского острогу деревнях, и те всяких чинов люди в Албазинской по сие число не бывали».

Далее: «К вечеру того же дня Ландань Гуанбао и Баньдаржа распорядились послать мэйрень-чжангина Яцинь и Галай-Да Хубана с двумя отдельными отрядами занять позиции на южной стороне города, с тем, чтобы они, расставив щиты, и делая там насыпной вал, показывали вид, что они намерены взять город приступом.

А мэйрень-чжангину Унодой и чиновникам Фанхана и Лючжао-ци было приказано взять осадные пушки и, подойдя незаметным образом к северной стороне города, произвести пальбу.

Чиновникам Бонецию, Ума и Ха-ю было приказано взять другие пушки и открыть пальбу с правого и левого фланга расположенной осады.

Мэйрень-чжангину Яцина и начальнику Дахурского наблюдательного отряда Бакэ было приказано сесть на военные суда, стоявшие в юго-восточной стороне от города, и быть готовыми сразиться с неприятелем на воде.

Таким образом был расположен осадный приступ, и сражение, продолжавшееся целые сутки, осталось без успеха.

Ландань, увидя невозможность взять город приступом, приказал навалить сухого лесу к стенам города и поджечь его со всех сторон. Старшины пришельцев лоча, увидя сии приготовления, пришли в большое замешательство и предложили свою покорность».

Здесь мы видим большое расхождение в сроках. По сказке Васьки Никифорова осада началась 24 июня, по китайскому источнику — через два дня после начала осады, то есть 26 июня, был произведен обстрел острога и в этот же день русские сдались. А по челобитной Ермогена иначе: «И мы, богомольцы и холопи, и сироты ваши, от них, неприятельских богдойских воинских людей в Албазинском остроге сидели с воеводою Алексеем Ларионовичем Толбузиным **дней з десять и больши**». По сказке Васьки Никифорова тоже: «И жили те богдойские воинские люди под Албазинским **десять дней**. И в те дни делали они щиты и туры плетеные. <…> И зделав щиты и туры, после Петрова дни те богдойские люди приступали к острошку». А Петров день наступил на пятый день после начала осады, так как приходится на 29 июня. Лишь продолжительность обстрела в обоих источниках совпадает — один день.

Далее в маньчжурском документе написано: «Ландань, Гуанбао и Бандаржа, основываясь на повелении своего государя, данном им в день отправки в сию экспедицию, и согласуясь с сострадательным сердцем попечительного своего монарха, покоряющего только одною добродетелью иностранные государства и народы, положили общим голосом немедленно принять и приняли добровольную покорность пришельцев лоча, из числа которых шестьсот с лишком человек изъявили желание возвратиться восвояси».

Здесь сведения о количестве русских расходятся со сведениями Алексея Толбузина и Васьки Никифорова (350 человек).

Затем: «Ландань с товарищами, согласившись на их просьбу, приказал выдать им все вещи, составляющие их домашнюю утварь, и отпустил их, сделав им такое наставление:

Наш великий государь смотрит на вселенную, как на единое семейство, и на всех народов, оную населяющих, как на мало-

летних детей своих; он, как государь сердобольный, не хочет истреблять и наказывать вас смертию, но дарует вам пощаду, дарует и свободу; долг благодарности требует от вас не затевать более неприязненных покушений».

Все это похоже на правду, за исключением одного. Русские утверждали: «А животишка наши к себе побрали все без остатку».

Далее: «Лоча Эркеши [Толбузин. — *Г. К.*] с товарищами отвечали на слова сии низкими поклонами и были по приказанию Ланданя выпровождены посланным под командою мэйрень-чжангиней Баньдаржа и Удои отрядом за реку Эргунэ [Аргунь. — *Г. К.*].

Отряд сей, возвратившись оттуда, привел обратно из среды сопровождаемых им лоча некоего Василья с сорока пятью другими его товарищами с их детьми и женами, которые из благодарности к милостивому с ними поступку не захотели возвратиться в свою землю и признали за лучшее остаться под кровом сердобольного государя. Ландань с товарищами принял их, и как экспедиция его была уже приведена к концу, то он и сделал следующие распоряжения:

1) Солонов и барху обоего пола в числе 160 душ, бывших в плену у лоча, возвратить в их кочевья.

2) Город и все становища пришельцев лоча приказал сжечь, а поля и нивы их, засеянные хлебом, приказал скосить и вырвать».

Здесь уже наблюдаются большие расхождения с русскими источниками. Более правдоподобна сказка Васьки Никифорова, из которой следует, что часть русских перешла на сторону китайцев сразу после сдачи Албазина, а не по пути в Нерчинск, когда русские дошли уже до устья Аргуни. В челобитной Ермогена, написанной в то время, когда русские еще не достигли устья речки Урки, уже говорится о перебежчиках. А в китайском документе, наоборот, ничего не сказано о перебежчиках сразу же после сдачи острога.

Большие расхождения и в количестве душ местного населения в Албазине. По китайским сведениям, их было 160, тогда как Васька Никифоров сообщал, что китайцы не отпустили 40 жен «иноземской породы», на которых были женаты албазинские служилые люди и пашенные крестьяне, и свыше 60 человек их детей, то есть порядка 100 человек. Но были еще и аманаты. Их могло быть не более десятка.

И последнее. Хотя Ландань и распорядился скосить и вырвать поля, засеянные хлебом, это не было выполнено. Урожай

был убран людьми Алексея Толбузина, вернувшимися в Албазин в сентябре.

Теперь расскажем о судьбе русских пленных и перебежчиков.

В 1690 году в Китае с посольством побывал нерчинский сын боярский Григорий Лоншаков. На обратном пути в Москву он умер. В Сибирский приказ приехали бывшие с ним в Китае служилые люди. По их докладу составлена выписка, в которой говорится:

«В нынешнем 200 [1692] году, генваря в 6 день, объявились в Сибирском приказе нерчинские служилые люди пятидесятники казачьи Афонька Чичагов, Якушко Судейкин. <...>

А как де нерчинской сын боярской Григорей Лоншаков посылан был в Китай, и они де, Афонька, с ним, Григорьем, в Китае ж был. <...>

А как де они были в Китае ж, и им де в Чамин [Пекин. — *Г. К.*] город, где китайцов торгуют всякими товары, ходить было повольно.

А которые де руские люди взяты в полон и изменники, и те ж живут в городе особою слободою. И построена у них в слободе часовня. А та де их слобода от посольского двора версты с три.

И с приезда де Григорей Лоншаков да с ним служилых руских людей дватцать человек в ту слободу к руским людем для свидания ездили, и в часовне руской поп Максим Ворожейкин Николаю Чюдотворцу пел им молебен.

И он де, Офонька, с ним, Григорьем, в то время в той слободе был же и с рускими со всеми людьми виделись. А тех де руских людей видели они в той слободе сорок восмь человек, и в том числе полоняников сорок четыре человека да изменников три человека. А иные де изменники живут в ыных далных городех.

И те ж руские люди, поп и служилые люди, ходят и платье носят по-китайски. Только староста да пономарь ходят и платье носят по-руски. А веры де християнские у них не отнимают.

И те руские люди к ним на посольской двор ходили повольно ж по вся дни. И те де руские люди з Григорьем Лоншаковым послали к великим государем за руками челобитную да о всяких китайских ведомостях роспись. И тое де челобитную и роспись Григорей Лоншаков повез с собою к Москве» [21].

К сожалению, челобитной и росписи здесь не приложено, а есть челобитная бывшего албазинского подьячего Петрушки Хме-

лёва. Приводим ее, так как она добавляет некоторые подробности. В начале челобитной Петрушка Хмелёв рассказывает о своей службе в России, а затем об обстоятельствах своего пленения.

«И в прошлом, государи, во 190 [1682] году [надо: в 193. — *Г. К.*], июня в … день, пришед воинским пособом многие неприятельские богдойские воинские люди со всяким приступом, и Албазинской острог взяли.

И богдойских неприятельских воинских людей полковые бояре и воеводы воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и меня, холопа вашего, взяли пред себя.

А в то время богдойские воинские люди стали церковь Божию разорять и Божиею милостью поругатьца.

И я, холоп ваш, памятуя Бога и ваших великих государей крестное целование, ушедчи от тех богдойских бояр в острог, и ис Приказные избы вашу великих государей печать и Соборное Уложение, и денежную казну взял и принес на берег, и отдал воеводе Алексею Ларионовичю Толбузину я, холоп ваш, своими руками имянно при многих руских людех, перед боярами богдойскими. И он, виде такой страх, тое ваших великих государей печать и Соборное Уложение, и денежную [казну], и страха ради такова запамятовал.

И как я, холоп ваш, то все отнесши и назад пришед в острог, хотя взяти всяких приказных дел книги и всякия дела, и богдойские люди все тотчас разорили.

И от воеводы я, холоп ваш, остался и в струги не попал, и ночевал я у них, неприятельских людей, в табарах. А наутря бил челом богдойских неприятельских людей бояром, чтоб меня, холопа вашего, отпустили. Перевотчик и изменник Любишка выезжей отказал, бутто бояре не отпускают. И велел де посадить за караул.

И в том я, холоп ваш, перед вами, великими государи, виноват, что грех ради моих такое замедление стало и попал в бусорманскую такую богдойскую неисповедимую адову треклятую челюсть.

И ныне я, холоп ваш, будучи в такой треклятой челюсти, молю всещедраго Бога и вашего государевского жалованья я, холоп ваш, к себе, чтоб освобждену быти ис такие мне, холопу вашему, погибели. <…>

Пожалуйте меня, прежнего холопа своего, для ради Спаса и пречистые Богоматери и для московских чюдотворцев и для свое-

го многолетнего здоровья в той моей забвенной страдничьей вине простить, чтоб мне, холопу вашему, будя в таком бусорманстве, не обусорманитьца и душевно не погинуть» [22].

Дальнейшая судьба Петрушки Хмелёва неизвестна.

Таковы основные достоверные сведения, содержащиеся в исторических документах об албазинцах, живших в Китае. Кроме этого есть сведения в литературе. К ним относится записка архимандрита Петра, пересказывающего китайские и русские источники без приведения соответствующих текстов и сообщающего о воспоминаниях потомков русских перебежчиков и пленных в 1831 году.

Вот что написано у архимандрита Петра:

«Из книги Ба-ци-тун-чжи и из переводов господина Леонтьева видно, что некоторые из предков их из России в числе 7 человек перебежали в Маньчжурию еще до взятия Китая; потом по взятии Китая в 1683 году в 22-е лето царствования Кань Си взято русских в плен 31 человек, над коими в Пекине сделан начальником перебежавший в 1648 г. русский новокрещеный магометанин Анания Урусланов, по манчурски Улангерий называвшийся. Он в России был у некоего воеводы Франца Бэкова дворовым человеком.

В 1668 году привезен в Пекин Иван с товарищами, а потом еще 2 раза привезены 70 человек, что и составило целую роту. Они не унижены, но сопричтены к дивизии маньчжурского дворянства. Сею ротою по смерти Урусланова управлял наследственно сын его Лододони, коим поколение сие пресеклось» [23].

Под взятием Китая имеется в виду захват Китая маньчжурским правителем Кань-Си.

Здесь у архимандрита Петра много ошибок. 22 лето царствования Кань-Си приходится не на 1683, а на 1685 год. Ананий Урусланов (Анашка Русланов) перебежал не в 1648, а в 1653 году из амурского войска Хабарова.

Архимандрит Петр в примечании пишет: «Прозвание Бэк показывает, что господин его [Анания Урусланова. — *Г. К.*] был из магометан. Бэк означает татарское достоинство».

На самом же деле воевода был немцем по фамилии Фаренсбах. В русских документах его называли чаще Францбеков, реже Франзбеков.

Неизвестно, кто такой Иван и его товарищи. Но действительно, еще до 1683 года русские перебежчики в Китае жили. Так, например, в 1670 году из Албазина бежали в Китай пять человек, среди них непосредственные убийцы илимского воеводы Л. А. Обухова,

ссыльные черкасы Осипко Васильев Подкаменный и Ивашко Еремеев Микулка.

Далее архимандрит Петр дает следующее сообщение, которое может рассматриваться не более чем легенда.

«В первый период моего в Пекине пребывания слышал я от албазинских стариков, будто мудрый император Кан-Си по взятии их из Албазина спросил, желают ли они возвратиться в свое отечество, в Россию, или же хотят остаться у него. Те, кои пожелали возвратиться под знамена природного своего государя, были похвалены, награждены и сопричислены к маньчжурскому дворянству, а кои пожелали остаться у него, названы неверными своему государю.

Когда, сказал он, вы неверны своему природному государю, то можете ли быть верны чужому? Сказав, повелел сослать в ссылку на поселение» [24].

Однако же, прочитав приведеннную выше челобитную Петрушки Хмелёва, каждый усомнится, что такой случай был на самом деле.

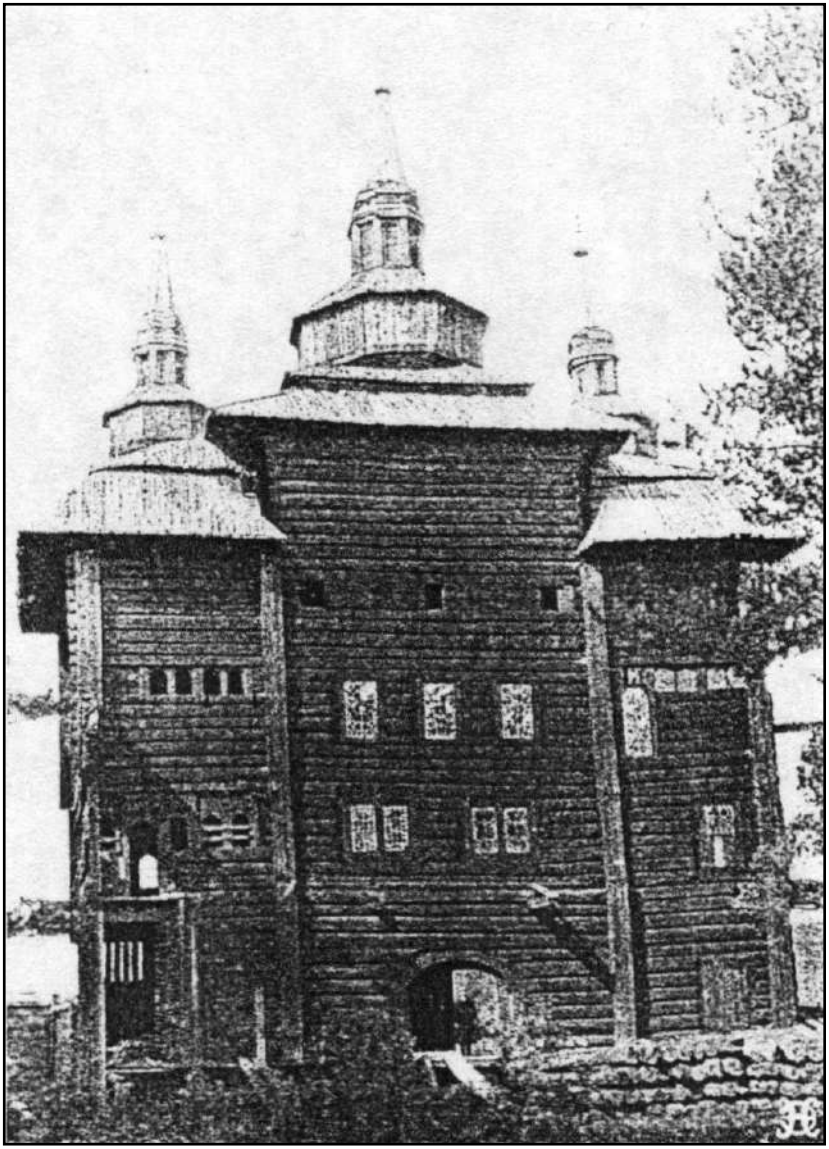
А вот что писал Л. Ульяницкий о судьбе албазинцев в Китае:

«В 1685 г. русские прибыли в Пекин и были обласканы богдоханом. Последний поселил их в северо-восточном углу Пекина в Берестовом урочище (Хуа-пи-чан); здесь одним маньчжурским князем была уступлена русским буддийская кумирня.

По прибытии в Пекин русские были сопричислены к желтому с каймой знамени, которое считалось первым среди 8 знамен императорской маньчжурской гвардии. На знамени русской роты по желтому фону доселе сохранилось изображение голубого креста, который является для них маяком христианства. Русские были прикомандированы к роте Ку-дэ-и, которая, по словам проф. А. М. Поздеева, и раньше носила название русской, так как составлена из русских подданных» [25].

А теперь мы вынуждены указать на ошибки, начало которым положил настоятель Киренского монастыря Лаврентий Мордовский. Неправильно описанная им история возвращения Ермогена в Киренский монастырь сначала стала повторяться другими авторами, а потом «дополняться», «углубляться» и «уточняться». Напомним, что было сказано о возвращении в отписке якутского воеводы Матвея Кровкова:

«И он де, Алексей [Толбузин. — *Г. К.*] пошел с служилыми и всяких чинов людьми в Нерчинской острог. **А с Амура реки**



Троицкий собор (1669) в Киренске

по Урке речке на Лену реку через гору отпустил он, Алексей, черного попа Гермогена да белого попа Федора Иванова, да с ним служилых и всяких чинов людей сто девятнатцать человек по их челобитью, для их нужды и разоренья».

В книге же Лаврентия Мордовского написано:

«В 1685 году по претерпении в Албазине осады от китайцев Ермоген удалился с прочими в Нерчинск. <…>

После того, как по причине неприязненных от китайцев нападений невозможно уже было строить вновь при Албазине монастырь, а потом, по силе заключенного в Нерчинске августа 27 дня 1689 года с китайцами трактата, россияне места около Амура совершенно оставили, то иеромонах Ермоген возвратился обратно в Усть-Киренскую Троицкую пустыню, куда принес он с собою из Албазина нерукотворенный образ **Спасителя**» [26].

По Л. Мордовскому получается, что Ермоген вернулся в Киренск в 1689 или даже после 1689 года. Здесь у него ошибка в годах. Однако то, что Ермоген принес в Киренский монастырь икону из Албазина, не подлежит сомнению. Во времена Лаврентия Мордовского икона была в монастыре.

Другой автор, И. К. Голубев, в основном пересказал то, что было написано у Л. Мордовского, но добавил свое.

«Китайские неприязненные нападения на Албазин сделали невозможным продолжение построек, и по силе заключенного в Нерчинске 27 августа 1689 г. с китайцами трактата, русские должны были совершенно оставить все места около Амура.

Гермоген с несколькими, высказавшими желание сопутствовать ему, сначала удаляется в Нерчинск, а потом на Лену в основанный им Киренский Троицкий монастырь.

Выходцами из Даурской земли вынесено было на Лену из Албазинского монастыря несколько св. икон; одна из них, чтимая православными, нерукотворенный образ Спасителя, была перенесена Гермогеном в Киренский монастырь» [27].

Здесь И. К. Голубев добавил свои подробности. Ермоген удаляется в Нерчинск «с несколькими, высказавшими желание сопутствовать ему». А ведь на Лену этих «сопутствующих» пошло 119 человек, а в Нерчинск еще больше. У Л. Мордовского говорится об одной иконе, у И. К. Голубева их стало уже несколько.

В 1907 году Чернозубов прибавляет новые подробности.

«Глубоко почитаемая чудотворная икона Божьей Матери "Слово плоть бысть" — защитница города Благовещенска, носит

название Албазинской Божьей Матери, так как первоначально находилась в этом городе или, вернее, была в монастыре во имя Всемилостивейшего Спаса, воздвигнутого иеромонахом Гермогеном недалеко от него в урочище "Брусяной камень".

После падения Албазина в 1685 г. Гермоген переселился в тоже основанный им Киренский Троицкий монастырь, оставив по пути туда в Сретенске икону, именуемую "Слово плоть бысть", почитаемую уже тогда чудотворною.

В 1862 г. икона эта была перевезена архиепископом Вениамином в Благовещенск, где в 1865 г. явила чудеса во время эпидемии, посетившей город в этом году. <...>

Кроме Албазинской Божьей Матери есть и другие, вывезенные из Албазина. Так, в станице Болтовской, выше Шилкинского завода, сохранилась еще в 50 годах икона св. Ильи Пророка, вынесенная из Албазина одним из его защитников, прозванного здесь Выходцевым, потомки которого жили здесь» [28].

Здесь уже об иконе Спасителя, привезенной в Киренск, не упоминается. Говорится об иконе Божьей Матери, привезенной в Сретенск. Мы не будем оспаривать ничего, даже чудеса, явленные иконой, за исключением того, что по пути на Лену Ермоген побывал в Сретенске. От речки Урки, где Ермоген повернул на Лену, до Сретенска добрых 500 километров. К тому же, существовал ли в то время Сретенск? В «Большой советской энциклопедии», издание второе, годом основания Сретенска назван 1689, то есть на четыре года позже взятия китайцами Албазина. В третьем издании упоминание о годе основания вообще изъято, видимо, по причине недостоверности. Не обозначен Сретенск и в «Чертежной книге Сибири тобольского сына боярского Семена Ремезова 1701 года» [29], а также на его же двух чертежах Амура из «Хорографической книги», приведенных в сборнике «Русско-Китайские отношения в XVII веке», том 2 [30].

А икона Божьей Матери в Албазине действительно была. Это видно из грамоты митрополита Сибирского и Тобольского Корнелия.

«Лета 7181 [1672–1673] били челом нам, господину преосвященному Корнелию, Митрополиту Сибирскому и Тобольскому, Даурския земли Албазинского острога служивые люди: приказной Петрушка Осколков да десятники и все рядовые служивые, чтоб нам, господину, пожаловати: благоволити в Албазинском остроге на церковь лес выронить и церковь построить во имя Воскресения Христова да о пределах Пресвятые Богородицы Владимирския,

да собор архистратига Михаила, и на освящение церкви антимис, миро и масло дать.

И мы, великий господин, преосвященный митрополит Сибирский и Тобольский, пожаловали: благоволили и приказали в Албазинском остроге на церковь лес ронить и церковь построить во имя Воскресения Христова да о пределах Пресвятыя Богородицы Владимирския, да собор архистратига Михаила, и на освящение антимис, миро и масло дать.

А для освящения диакона указали мы, господин, взять из Енисейского острога» [31].

Если был придел во имя Богородицы, то без иконы не обойтись.

Упомянутый здесь Петрушка Осколков — зять Никифора Черниговского. Петрушка Екимов Осколков, бежавший на Амур вместе с Черниговским, одно время он был приказчиком Албазинского острога.

В последнее время интерес к иконе Албазинской Божьей Матери почему-то усилился. В 1990 году опубликована статья Т. А. Холкиной «Албазинская икона Божьей Матери» [32]; в 1994 году — статья А. Р. Артемьева «Икона "Албазинской Божьей Матери"» [33]; в 1995 году — опять его же статья под этим же названием. Здесь написано: «Во время осады Албазина маньчжурами в июне 1685 г. Спасский монастырь был разрушен, однако его настоятель Гермоген с братиею успели затвориться со всеми албазинцами в остроге и спасли святыню (ДАИ, т. 12, с. 110, СПб., 1872)».

Правильно, затвориться успел, только о спасении святыни в ДАИ нет ни слова. Еще заметим, что икона Богородицы была в Албазине в Воскресенской церкви в приделе Пречистой Богородицы, а в Спасском монастыре, надо полагать, была икона Спасителя, которую, как сообщает Лаврентий Мордовский, Ермоген привез в Киренск.

Далее у А. Р. Артемьева написано: «После взятия Албазина в 1685 г. Гермоген в него больше не возвращался. Он отправился в Усть-Киренский Троицкий монастырь. По пути туда он оставил чудотворную икону в Сретенске, и о ее судьбе в последующие полтора столетия ничего не известно» (ссылка на Чернозубова) [34].

Еще раньше в одной статье с двумя соавторами А. Р. Артемьев писал: «После падения крепости Гермоген вместе с другими албазинцами отправился в Нерчинск, а оттуда вернулся в по-строенный им еще в 1663 г. Усть-Киренский Троицкий монастырь, где и умер» [35].

В книге «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв.» А. Р. Артемьев утверждает: «Икону привез в Албазин прибывший туда в 1665 г. вместе с Н. Р. Черниговским иеромонах Гермоген» [36].

Но никакими документами это не подтверждается. Икона могла быть привезена и из Енисейска или даже Тобольска во время строительства церкви в Албазине. Мог привезти ее белый поп Федор Иванов, поскольку Воскресенская церковь, где находилась икона Богородицы, была в его ведении. И еще мог привезти кто-то другой по поручению.

Далее в этой же книге написано: «После взятия Албазина и разорения монастыря в 1685 году Гермоген вернулся в основанный им ранее Усть-Киренский Троицкий монастырь. [Ссылка на Чернозубова. — *Г. К.*] По пути он оставил икону в Сретенске, где она, по-видимому, хранилась вплоть до 1854 г., когда ею 14 мая благословили в путь знаменитый сплав по Амуру флотилии во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым. В 1680 г. икона Албазинской Божьей Матери была привезена и подарена епископом Иннокентием г. Благовещенску, где до сих пор является самой почитаемой церковной святыней на всем Дальнем Востоке» [37].

Здесь почему-то у А. Р. Артемьева появилось разночтение с Чернозубовым, объяснение которому он не дал: у Чернозубова — икона привезена в 1862 году архиепископом Вениамином, у Артемьева же — икона привезена в 1880 году епископом Иннокентием.

В 1999 году опубликована статья Анатолия Сирина «Киренский Свято-Троицкий монастырь», где правда перемешана с вымыслом. Приведем выдержки из нее, касающиеся Ермогена.

«В Албазине старец не оставил богоугодного дела устроителя церковной и монастырской жизни. Именно здесь, в Албазине, где проживал старец, в 1666 году милость Божия явила свою благодать через чудотворную Албазинскую икону Божьей Матери "слово плоть бысть". В 1671 году при участии всех жителей Албазина старец Ермоген основал Албазинский Спасский монастырь, в который была перенесена и упомянутая чудотворная икона.

Почти четырнадцать лет пробыл старец в созданном им Спасском монастыре в непрестанных трудах и молитвах. Однако Богу было угодно, чтобы в судьбе великого старца и на этот раз произошли крупные и жестокие перемены. **Он вторично был пленен, на этот раз не группой разбойных людей**, а вооруженной китайской силой.

Это случилось ровно через двадцать лет после первого киренского пленения. В 1685 году на Албазинскую крепость напали вооруженные китайцы, и после долгой безуспешной осады острог и все монастырские строения предали огню. **Жителей крепости, в том числе Ермогена, мужественно выдержавших длительную осаду, взяли в плен и увели в Пекин**.

В Пекине встретили их на удивление ласково, отвели пленным в конце города особое место и предоставили полную возможность отправлять свои религиозные обряды. Больше того, богдыхан передал им даже свою **кумирню, которая была переоборудована в церковь-часовню и освящена иеромонахом Ермогеном во имя святой Софии**.

Почти три года находились пленные в Пекине. Лишь после заключения Российско-Китайского мирного договора, так называемого Нерчинского трактата, **пленные, в том числе старец Ермоген, были освобождены и доставлены в Нерчинск**.

По дороге в Нерчинск Ермогену довелось побывать на месте разрушенной крепости и монастыря и видеть печальную картину разрушений, остатки плодов своей многолетней и многотрудной деятельности. Он в буквальном смысле вернулся к родному пепелищу, где почти все было уничтожено огнем.

Но и в самых великих печалях и горестях Господь посылает утешения, особенно тем, кто посвятил свою жизнь служению Ему. **Старец нашел на этом пепелище несколько чудом сохранившихся икон, в том числе главную икону Спасской обители — чудотворный образ Господа нашего, Спаса Иисуса Христа**.

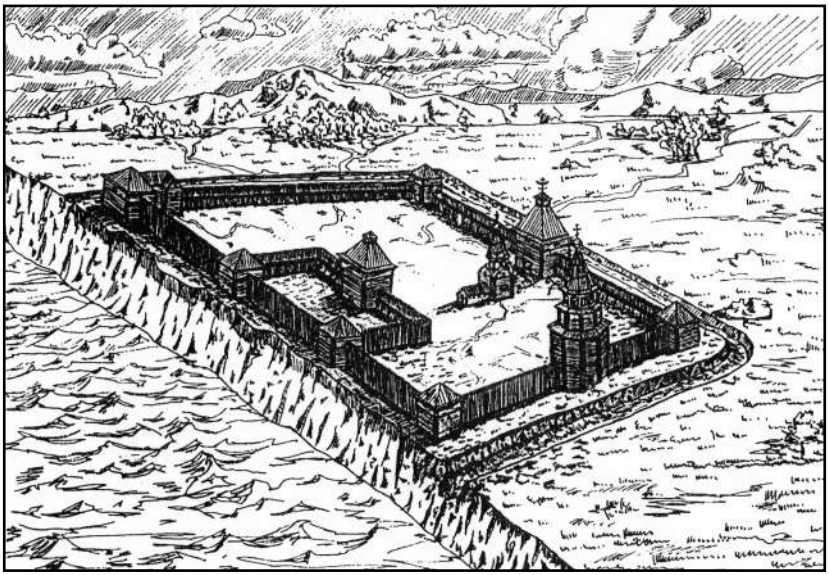
Возблагодарив Бога и слезно помолившись перед найденными иконами, **Ермоген отправился сначала в Нерчинск, а затем с легкой необременительной ношей двинулся в далекий и опасный путь, на великую реку Лену, к устью Киренги, в родной монастырь, оставленный им не по своей воле**. Он твердо решил свой жизненный путь закончить именно здесь, Путь, полный самых неожиданных и крупных поворотов. 27 августа 1689 года, почти через четверть века, Ермоген вернулся к родным берегам» [38].

Сделаем замечания только по тем неверным утверждениям А. Сирина, которые не опровергаются приведенными выше архивными документами, ибо повторяться не стоит.

Первое замечание относится к тому, что Ермоген покинул в 1665 году Киренский монастырь не по своей воле. Лаврентий

Мордовский на этот счет высказывался осторожно. Он писал: «Удаляясь из Киренского острога, увлекли они с собой и строителя Ермогена против его воли». Однако скрепы на листах челобитной, поданной в Чечуйске приказчику Ивану Бурлаку во время побега черниговцев на Амур, приводят к выводу, что Ермоген был посвящен в замысел Н. Черниговского. Побег не был внезапным, убийство было случайным. После убийства воеводы Обухова Н. Черниговский и его сторонники 4 июля в Чечуйске подали явочную челобитную чечуйскому приказчику Ивану Васильеву Бурлаку с жалобами на злоупотребления воеводы Обухова. Листы этой челобитной скреплены подписью Ермогена. Сыновья Н. Черниговского с Олёкмы вернулись обратно на Лену, не пошли в Албазин. Может быть, и у Ермогена была такая возможность, но он ею не воспользовался.

Второе замечание относится к утверждению А. Сирина о том, что после заключения Нерчинского трактата пленные, в том числе и Ермоген, были возвращены из Китая. Возвращение пленных и перебежчиков вообще не предусматривалось. Об этом в договоре



Албазинский острог в 1682—1685 гг. Реконструкция

имелась специальная статья 4-я. В ней записано: «Беглецы, которые до сего мирного постановления, как со стороны царского величества, так и со стороны богдоканова величества, были, и тем перебещиком быти в обеих сторонах безрозменно» [39].

Тут говорится о перебежчиках, а о пленных не сказано, видимо, потому что китайцы брали к себе только «желающих». Однако договор был составлен на трех языках. В дословном переводе они звучат немного по-разному.

В переводе с латинского: «Те же подданные Русской империи, которые находились в Китае, а Китайской империи в России, пусть останутся в том же состоянии» [40].

В переводе с маньчжурского: «Живущих ныне в Срединном государстве русских людей и китайских подданных, находящихся в Русском государстве, оставить там же на жительство» [41].

И последнее замечание, о неувязке в датах. А. Сирин пишет, что Ермоген вернулся в Киренск 27 августа 1689 года. Но это — дата подписания Нерчинского договора. И в то же время он утверждает, что Ермоген был освобожден из плена после подписания договора.

Кроме ошибок, вызванных незнанием истории, у А. Сирина есть и описания чудес, несовместимых со здравым смыслом: «нашел на этом пепелище несколько чудом сохранившихся икон». Действительно чудо. Все превратилось в пепел, а иконы в целости и сохранности. Не нужно забывать, что после первой осады Албазина была еще и вторая и что по договору с китайцами русские срыли Албазин.

Примечания

1. Ф. 214, ст. 720, л. 34.
2. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 43, л. 31–33.
3. Там же, л. 45.
4. Там же, л. 45–47.
5. Ф. 214, ст. 973, л. 198–201.
6. Там же, л. 161–162.
7. Там же, л. 164.
8. Там же, л. 166–167.
9. Русская вивлиофика Н. Полевого. — М., 1883. — Т. 1. — С. 17–18.
10. Ф. 214, ст. 973, л. 167–170.
11. Ф. 214, ст. 720, л. 33–34.
12. Ф. 214, ст. 973, л. 170–171.
13. Там же, л. 171–172.

14. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — С. 769, примеч. 48.
15. РКО. — М., 1969. — Т. 1. — Док. № 137. — С. 277; док. № 138. — С. 279.
16. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — С. 667.
17. Ф. 214, ст. 973, л. 172–173.
18. Ф. 1142, оп. 1, ед. хр. 35, л. 2–3.
19. Там же, л. 3–5.
20. Черных Н. Е. Разорение Албазина (1685–1689) // Иркутские губернские ведомости. — 1857. — № 18. — Часть неофициальная.
21. Ф. 214, ст. 544, л. 278–281.
22. Там же, л. 284–286.
23. Записка архимандрита Петра об албазинцах, № 70, 9 января 1831 года в Пекине. — Пекин, 1906. — С. 1.
24. Там же. — С. 11.
25. Ульяницкий Л. Албазин и албазинцы // Записки Приамурского отдела имп. Общества Востоковедения. — Хабаровск, 1912. — Вып. 1. — С. 84.
26. Мордовский Л. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря Иркутской епархии. — М., 1841. — С. 7–8.
27. Голубев И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь. — СПб., 1894. — С. 7.
28. Чернозубов. Завоевание Амура русскими и албазинские сидения // Военный сборник. — СПб., 1907. — № 12. — С. 13.
29. Чертежная книга Сибири тобольского сына боярского Семена Ремезова 1701 года. — СПб., 1882. — Л. 19.
30. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — Вклейка между с. 524 и 525; с. 611.
31. Берх Г. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова // Сын Отечества. — СПб., 1821. — Ч. 68. — № XII. — С. 202–203.
32. Холкина Т. А. Албазинская икона Божьей Матери // Проблемы краеведения Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Благовещенск, 1990.
33. Артемьев А. Р. Икона «Албазинской Божьей Матери» // Культура Дальнего Востока России и стран АТР. Восток-Запад: Науч. конф. — Владивосток, 1994. — Вып. 1. — С. 30–33.
34. Артемьев А. Р. Икона Албазинской Божьей Матери // Вестник Дальневосточного отделения РАН. — Владивосток, 1995. — № 5. — С. 131–134.
35. Артемьев А. Р., Кудрин А. Ю., Лобанов А. Ю. Албазинский Спасский монастырь, 1671–1685 // VII Арсеньевские чтения. — Уссурийск, 1994. — С. 8.
36. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 103.
37. Там же.
38. Сирин А. Киренский Свято-Троицкий монастырь // Сибирь. — Иркутск, 1999. — № 6. — С. 138–139.
39. РКО. — М., 1972. — Т. 2. — С. 584.
40. Там же. — С. 646.
41. Там же. — С. 650.

СЫНОВЬЯ И ДРУГИЕ ПОТОМКИ НИКИФОРА ЧЕРНИГОВСКОГО

В грамоте о прощении Никифора Черниговского, чтобы не распыляться, мы не привели окончание. Там говорится о его сыновьях:

«А Микифорковых детей Черниговского и товарыщей их, которые сидят в Илимском и в Якутцком в тюрьмах, сослати с женами и с детьми в Енисейск, в Красноярской, а товарыщей их — в Томской в пешую стрелецкую службу.

И ныне мы, великий государь, указали: Микифорковых детей Черниговского, Федку, Онисимка, Ваську, с женами и с детми послать в Енисейск, в Красноярской, а товарыщев их — в Томской, в пешую стрелецкую службу» [1].

Обычно из Томска, Красноярска и Енисейска за различные провинности ссылали на Лену, а здесь наоборот. Кого именно имели в виду под товарищами детей Никифора Черниговского, неизвестно.

О сыновьях Никифора Черниговского, после того, как они были доставлены из Якутска в Илимск и посажены в тюрьму, никаких сведений нет. Однако же Д. Я. Резун и Р. С. Василевский так описывают судьбу семьи Никифора Черниговского: «После ухода в Дауры его семья — жена и трое сыновей: Федор, Анисим и Василий были брошены в тюрьму в Илимске. Отец их погиб в Даурах, а царское правительство лишь в 1680 г. "милостиво" велело принять его сыновей в пешую стрелецкую службу» [2].

Уважаемые авторы ссылку на документ не дают. Мы же заметим, что жена в тюрьму не была посажена. Документа об этом нет. Но есть косвенные свидетельства. Федька Черниговский при допросе говорил, что его мать о предполагавшемся побеге ничего не знала. Так что сажать ее было не за что. Не сажали и других жен. Жена одного из главных убийц воеводы Обухова, Ивашки Еремеева Микулки, Парасковьица (Микулиха), упоминается в подводной росписи 1671 года, когда Павел Шульгин был отпущен «к Руси».

Далее, отец, то есть Никифор Черниговский, не погиб, а умер естественной смертью. Документ об этом приведен в предыдущей главе. Что же касается 1680 года, то это тоже неверно. Ниже мы приведем документы за 1676 год, в которых Федька Черниговский называется служилым человеком, а в 1678 году пятидесятником казачьим. После 15 лет отсидки они бы, уж точно, ни

в какую службу не годились. Кроме того, в 1680 году у сыновей Никифора Черниговского были не только жены, но и дети. Не в тюрьме же они ими обзавелись.

В. А. Александров и Н. Н. Покровский писали: «Трое сыновей Н. Р. Черниговского, почему-то оставшихся в Илимске после восстания 1665 г., содержались там в тюрьме, они были помилованы и вместе с семьями должны были быть высланы в ратную службу в Красноярск только в 1680/81 г.» [3].

Сыновья в Илимске не оставались, а бежали вместе с отцом, но на Амур не пошли, вернулись на Лену, были препровождены в Якутск, а оттуда в Илимск и посажены в тюрьму. Об этом подробно рассказано в главе «Убийство воеводы и побег на Амур». Неизвестно лишь, сколько времени их там держали. Но выпущены они были не в 1680 году, а раньше. Документы илимского архива за это время не сохранились, а с Москвой переписки по этому вопросу, видимо, не было. Но сохранились документы якутского архива, в которых есть записи о Федоре Черниговском.

В приходно-расходной книге Чечуйского острожка за 184 [1675–1676] год имеется запись: «Июня в 19 день [1676 г.] продал промышленой человек Бориско Мартемьянов Стойко Илимского острогу **служилому человеку** Федору Чернеговскому своего промыслу три соболя с хвосты. Взял три рубли. С продавца з Бориска записной порублевой пошлины, с рубля по алтыну, итого три алтына взято» [4].

Другая запись имеется в книге Чечуйской судной избы приходной денежной казне 185 [1676–1677] года:

«Октября в 24 день [1676 г.] подал приставную [память. — *Г. К.*] Илимского острогу казак Фетька Черниговской на торгового человека на Онтонка Семенова по даной кабале в семи рублех да на промышленого человека на Дмитрея Васильева Ларионовского по кабале в дватцати в пяти рублех.

С приставной — восмь алтын две деньги.

А подав приставную, он, Фетька, с челобитною на суде не бывал» [5].

Приставная память — это челобитная для суда, иначе — исковое заявление.

Итак, в 1676 году Федька Черниговский уже не сидел в тюрьме, а служил казачью службу. И с деньгами не бедствовал, так как не с него взыскивали деньги по кабалам, а взыскивал он. А деньги в долг были даны не в 1676 году, а раньше, ибо через суд взыскива-

лись долги в тех случаях, когда все попытки взыскать долг без суда оканчивались неудачей. Сидя в тюрьме, в долг не дают.

Но тут появляется необъяснимое обстоятельство. Если Федор Черниговский был казаком, то он должен числиться в окладных и раздаточных книгах жалованья Илимского острога. Однако в книге 633 за 185 [1676–1677] из фонда Сибирского приказа и в книге 686 за 186 [1677–1678] годы Черниговские не числятся.

Можно предположить, что за эти годы Черниговские пропущены случайно. Однако такое предположение не подтверждается другими документами. Со времени убийства воеводы сохранилось немалое количество окладных и раздаточных книг жалованья в фонде 214 Сибирского приказа. Перечислим их:

За 177 [1668–1669] год кн. 514 — раздаточная книга жалованья.

За 178 [1669–1670] год кн. 526 — окладная книга жалованья.

За 178–189 [1669–1681] годы кн. 767 — раздаточная книга жалованья.

За 179–195 [1670–1687] годы кн. 927 — раздаточная книга жалованья.

За 181 [1672–1673] год кн. 577 — окладная книга жалованья.

За 185 [1676–1677] год кн. 633 — окладная книга жалованья.

За 186–187 [1677–1679] годы кн. 686 — окладная книга жалованья.

Ни в одной из них Черниговские не упомянуты. Не удалось о них найти никаких сведений и в других документах. Наконец в окладной книге жалованья за 187 [1678–1679] год записаны: «Онисимко Микифоров сын Черниговской» [6]; «Пятидесятник Федор Микифоров сын Черниговской» [7].

В 189 [1680–1681] году пятидесятник Федька Черниговский упомянут в числе челобитчиков о пожаловании Киренскому монастырю сенных покосов по реке Анге (правый приток Лены выше Качуга) [8].

А ведь во время побега на Амур Федька Черниговский был рядовым.

Видимо, до этого братья Черниговские уже служили, но служили без государева жалованья. Такие случаи бывали, и нередко. Иногда служили без жалованья продолжительное время. Вот, к примеру, выдержка из челобитной, правда, не имеющая отношения к Черниговским:

«Царю [А. М.] бьет челом холоп твой, володимерец, беломестной и безвотчинной, Федька Головков.

Служил я, холоп твой, тебе, государю, всякие твои государевы службы лет з десять. А твоего государева денежного окладу мне, холопу твоему, не учинено» [9].

А дальше документы о братьях Черниговских уже встречаются. В окладной книге за 191 [1682–1683] год значатся: «Ониска Никифоров сын Черниговской» [10]; «Пятидесятник Федор Никифоров сын Черниговской» [11].

В другом месте записано: «Куплено пуд хмелю для погребных расходов на пиво у илимского служилого человека у Онисимка Черниговского. Денег дано три рубли восмь алтын две деньги» [12].

В окладной книге следующего 192 [1683–1684] года записаны: «Онисимко Микифоров сын Черниговской. Пашню пашет» [13]; «Пятидесятник Федор Микифоров сын Черниговской» [14].

В списке служилых пеших казаков, которые служат по Идинскому острожку и за хлебное жалованье пашню пашут, записан внук Никифора Черниговского: «Емелька Васильев сын Черниговской» [15].

Идинский острожек в те годы находился в подчинении Илимска. Он находился на правом берегу Ангары на широте теперешнего Черемхово.

Возможно, что в те годы, когда сыновья Никифора Черниговского не упоминались в книгах, им вместо хлебного жалованья была отведена пашня.

В этом же 192 [1683] году имена Федора и Анисима Черниговских упомянуты в мирской челобитной [16]. На обороте среди рукоприкладств хорошим почерком написано: «К сей челобитной вместо брата своего Федора Чернеговского по его веленью и за себя брат ево Ониска руку приложил».

А между тем в Сибирский приказ уже стали поступать отписки от воевод о братьях Черниговских. В августе 1681 года там получили отписку от красноярского воеводы. В ней воевода сообщал: «И против твоих государевых грамот и енисейских отписок ссыльные люди в Красноярской не все присланы. А которые, государь, ссыльные люди в Красноярской присланы и которые не присланы, и тем, государь, ссыльным людем именам [послал. — *Г. К.*] я роспись под сею отпискою» [17].

После перечисления присланных людей написано: «Тюремные сидельцы из Ылимского в Красноярской в пешую службу, Микифорковы дети Черниговского, Фетька, Онисимко, Васка з женами и з детьми в Красноярской не бывали» [18].

Почему-то воевода считал, что все дети Никифора Черниговского должны были быть посланы в Красноярск.

То же самое немного позднее сообщал и енисейский воевода. В выписке Сибирского приказа отмечено:

«И в прошлом во 192 [1683] году в отписке из Енисейского боярина и воеводы князя Костянтина Осиповича Щербатово с товарыщи написано: сентября по 1 число 192 [1683] году по ево, боярина и воеводы князя Костянтина Осиповича, в Енисейск приезд Микифорковых детей Черниговского из Ылимского и из Якуцкого в Енисейской не присылованы.

И февраля в 20 день 192 [1684] году послана великого государя грамота в Ылимской: велено Микифорковых детей Черниговского, Федьку да Онисимка, да Ваську, з женами и з детми сыскать и послать их в Енисейск с илимскими служилыми людми, не замотчав. А для чево в Енисейской были не посланы, о том велено писать» [19].

Теперь скажем, по какому случаю появилась эта выписка Сибирского приказа:

«И в нынешнем во 193 [1685] году, февраля в … день, писал к великим государем из Ылимского Илья Змеов и прислал к Москве с отписки и з государевою илимскою соболиною казною илимского казака Ивашка Роспутина.

И великим государем [И. А., П. А.] илимской казак Ивашко Роспутин бьет челом» [20].

Далее идет изложение челобитной, а мы ее приведем полностью.

«Царем, государем [И. А., П. А.] бьет челом ваш сибирянин Ивашко Иванов сын Роспутин.

Отец мой Иван Роспутин служил отцу вашему государеву, блаженные памяти великому государю [А. М.] в Сибири, в Ылимском, лет с тритцать и больши в Приказной избе в подьячих. А я, холоп ваш, служу вам, великим государем, в Ылимском казачью рядовую службу многие годы.

А по вашему великих государей указу и по грамотам велено илимского пятидесятника казачья Федора Черниговского из Ылимского выслать в Енисейск на вечное житье.

<…> Велите, государи, мне быть и свою великих государей службу служить в Ылимском в пятидесятниках на Федорове месте Черниговского, и в ево денежном, и хлебном, и соляном окладе, и о том дать в Ылимской свою великих государей грамоту» [21].

На обороте челобитной дата: «193 [1685], мая в 1 день. Выписать».

По этому случаю и была составлена выписка. В ней отмечено:

«А в ылимских окладных имянных и хлебных книгах 190 [1681–1682] году написано:

во 189 [1680] году, сентября в 12 день, поверстан в казачью рядовую службу на выбылое казачье ж Ивашково место Попова подьяческой сын Ивашко Иванов Роспутин. Оклад ему учинен рядовой казачей: денег 5 рублев, а за хлебной оклад дана ему пашня пахать» [22].

К слову сказать, отец этого Ивана Иванова Роспутина, подьячий Илимской приказной избы Иван Артемьев Роспутин, после убийства воеводы Л. Обухова вместе с другим подьячим Никитой Ивановым Лазоревым временно управлял Илимским воеводством до приезда в Илимск тобольского сына боярского Алексея Ларионова Расторгуева-Сандалова.

В выписке отмечено:

«А ныне они, Микифорковы дети Черниговского, Федька и Онисимко, и Васька, из Ылимского в Енисейск посланы ль, о том из Ылимского к великим государем в Москве майя по … число нынешняго 193 [1685] году не написано» [23].

Челобитье Ивана Иванова Роспутина было удовлетворено:

«193 [1685] году, [майя] в 21 день, по указу великих государей боярин князь Иван Борисович Репнин с товарыщи, сего челобитья и выписки слушав, приказали: послать великих государей грамоту в Ылимской к воеводе. Велеть илимского пятидесятника Федьку Черниговского з братьями по прежнему их, великих государей, указу сослать из Ылимского в Енисейск[ой] острог тотчас, безо всякие поноровки, з женами и з детьми на вечное житье.

А на ево, Федькино, место велеть быть в Ылимском в пятидесятниках илимскому ж казаку Ивашку Роспутину в том же ево, Федькине, денежном и хлебном, и соляном окладе. И с тем окладом написать ево в илимские окладные книги, и давать по вся годы с ево братьею вряд.

А которого числа Федька Черниговской из Ылимского в Енисейск послан будет, и наперед сего до сего великих государей указу зачем не сослан был, о том велеть ему к великим государем послать к Москве в Сибирской приказ» [24].

Соответствующая грамота была написана в Москве 26 мая 1685 года илимскому воеводе Илье Андреевичу Змееву [25]. А ответ на нее неизвестен.

Так Иван Иванов Роспутин из рядовых сразу стал пятидесятником. Подобные случаи не были редкостью. Например, сын племянника Ерофея Хабарова Артемия Петриловского Василий из рядовых сразу же был поверстан в атаманы [26]. Возможно, что и Федька Черниговский тоже был из рядовых сразу поверстан в пятидесятники.

Далее в выписке Сибирского приказа сообщается о довольно странных обстоятельствах:

«А о Микифорковых детех Черниговского, что их сослать во всякие городы, до 188 [1680] году грамот не послано. А во 188 [1680] году, апреля в 9 день, по докладной выписке послана великого государя грамота в Ылимской. Велено Микифорковых детей Черниговского з женами и з детьми послать в Енисейск да в Красноярской, а товарыщей их в Томской в пешую стрелецкую службу» [27].

Таким образом, указ 1675 года о ссылке детей Черниговского «забыли» послать в соответствующие города и спохватились лишь в 1680 году. Поэтому илимские воеводы и действовали по своему усмотрению.

Пока что обнаружены только две грамоты: енисейскому воеводе Александру Петровичу Салтыкову и красноярскому воеводе Дмитрию Степановичу Римскому-Корсакову от 19 апреля 1680 года, которую мы приводили. Грамота илимскому воеводе, видимо, была такого же содержания. А была ли грамота томскому воеводе, полной уверенности нет, так как имена товарищей детей Черниговского, которые были посажены в тюрьмы в Якутске и в Илимске, так и не были названы.

В 1685 году был отправлен в Енисейск Онисим Черниговский. В окладной книге Илимского острога за 193 [1684–1685] год об этом сделана запись: «Десятник Онисимко Никифоров сын Черниговской. И августа в … день [1685 г.] по указу великих государей и по грамоте ис казачьей службы из десятников отставлен и послан в Енисейск» [28].

В этой же книге записано: «Емелька Васильев сын Черниговской пашет пашню» [29].

Напомним, что он был отправлен в Идинский острог. А о Федоре Черниговском почему-то упоминаний нет.

А в окладной книге Енисейска за 194 [1685–1686] год имеется такая запись:

«Петрушка Семенов сын Перешница. И в прошлом во 191 [1682–1683] году он, Петрушка, в Ыркуцком от службы отстав-

лен, и во 194 [1685–1686] году по указу великих государей и по выписке за пометою стольника и воеводы Степана Сабакина в ево, Петрушкино, место и оклад поверстан в пятидесятники казачьи прежней илимской десятник казачей Онисимко Микифоров сын Черниговской» [30].

Иркутск был в то время в подчинении енисейского воеводы.

А Федора Черниговского илимский воевода почему-то отправлять в Енисейск не спешил. На илимского воеводу жаловался енисейский воевода Константин Щербатов (Щербатой) в отписке, написанной 30 июля 1685 года. В этой отписке воевода Щербатов сообщал о том, что в Киренском острожке побывал енисейский приказчик Андрей Чупин. А там «ево, Андрея, роспрашивал в Киренском острожке по наказной памяти стольника и воеводы Ильи Змеова илимской пятидесятник казачей Федька Чернеговской, которого по вашему великих государей указу и по грамотам, и по нашим, холопей ваших, многим отпискам Илья Змеов в Енисейск из Ылимского не высылает» [31].

Наконец с Черниговскими был произведен окончательный расчет. Об этом в илимской книге выдачи хлебного жалованья за 195 [1686–1687] год сделана обширная запись:

«Емелька Васильев сын Чернеговской.

На 191 [1682–1683] 2 чети овса.

195 [1686] сентября в … день великих государей по грамоте и по сей выписке Емельке за овес выдано деньгами сполна. И писана та дача в особой денежной книге. <…>

Пятидесятник Федор Чернеговской.

На 188 [1679–1680] додано осмина полчети ржи, 1 четь полторы осмины овса.

На 189 [1680–1681] 4 чети овса.

На 190 [1681–1682] полосмина овса.

На 191 [1682–1683] 2 чети овса.

Всего 8 чети овса, осмина полчети ржи, 30 алтын пол 3 деньги.

Ему же на 192 [1683–1684] год дать 1 чети с полуосминой, полторы чети ржи; 1 четь овса. Дать 12 алтын полденьги.

195 [1686], ноября в 1 день, по сей выписке Федору на те все годы за рожь и за овес дано по ево челобитью и по выписке деньгами сполна. И писана та дача в особой денежной книге.

Ониска Чернеговской.

На 188 [1679–1680] по чети и по полполчети ржи; 1 четь, осмина, полчети и полполчети овса.

На 189 [1680–1681] 4 чети овса.

На 190 [1681–1682] полосмины овса.

На 191 [1682–1683] 4 чети овса.

Всего полчети и полполчети ржи; 9 чети, полторы осмины, полчети и полполчети овса.

Дать 1 алтын 1 деньга.

195 [1686], ноября в 1 день, по сей выписке Онисимку на те годы за рожь и за овес, и по ево челобитью, и по выписке дано деньгами сполна. И писана та дача в особой денежной книге» [32].

Вначале Федор Черниговский был послан служить в Балаганском остроге. В книге неокладных расходов Илимского острога за 196 [1687–1688] год имеется запись: «Заплачено за пятьдесят пуд, за железо кричное, балаганскому пятидесятнику казачью Федору Черниговскому, по тринатцати алтын по две деньги за пуд, которое железо куплено у него для цыренные починки в нынешнем во 196 [1687] году» [33].

Балаганский острог находился на Ангаре, ниже Иркутска, против устья реки Осы, входил в то время в состав Енисейского уезда.

В 196 [1688] году в отписке иркутского приказного человека Алексея Синявина енисейскому окольничьему и воеводе Федору Алексеевичу Головину о Федоре Черниговском упоминается как о приказчике Идинского острожка: «Да из Ыдинского острожку писал пятидесятник казачей Федор Черниговской и прислал ко мне пуд три гривенки пороху моклово, и чтоб к нему вместо того моклого пороху для обереженья от неприятельских людей прислать пороху ручново» [34].

А далее сообщалось о присылке взамен: «Да в Ыдинской острожек к приказчику к Федору Черниговскому вместо того моклого пороху пуд три гривенки пороху ручного» [35].

Идинский острожек находился при впадении правого притока Ангары речки Иды, на широте чуть севернее нынешнего Черемхова. Потом это поселение называлось Верхнеострожное и Каменка.

С этого времени Идинский острожек и окрестности его становятся местом постоянного жительства многих потомков Никифора Черниговского вплоть до настоящего времени. Об этом подробнее будет рассказано дальше.

Идинский острожек был построен служилыми людьми Илимского воеводства в 1671 году. О его постройке сообщал в Москву воевода Сила Осипович Оничков:

«В прошлом во 178 [1669–1670] году били челом тебе, вели-

кому государю, верхоленские ясачные братцкие и тунгуские люди, которые кочуют у Ангары реки: ходят де они, ясачные люди, для ясачного промыслу с верхоленские стороны, и на ясачном де промыслу изобижают де их мунгальские из немирные землицы мунгальские люди, и угрожают де им войною.

Да их же де, ясачных людей, изобижают из Ыркуцкого и из Балаганского острожков енисейские служилые люди, чинят де им продажу и убытки большие, и чтоб пожаловал ты, великий государь, их, ясачных иноземцов, братцких людей и тунгусов, велел бы для ясачного збору и для прибежища, и для обереганья от воинских мунгальских людей, у Ангары на мунгальской дороге и на перевозе, и на усть реки Иды велел бы острожек поставить, и в острожке быти служилым людем. А где де острожку на усть реки Иды быти, и там де пашенные дикие пустые земли годные есть.

Да и по дозору, государь, против иноземского челобитья Илимского острогу сына боярского Василья Куржумова да верхоленского конных казаков пятидесятника Назара Кистенёва, около того места, где на усть Иды на мунгальском перевозе острожку быти, по их, Васильеву и Назарову, высмотру, пашенные земли и сенных покосов порозжих, диких, пустых, есть много, и пашни вновь завесть, и крестьян поселить можно.

И по твоему великого государя [А. М.] указу, против иноземского ясачных людей челобитья и по высмотру, у Ангары реки на усть реки Иды для прибежища и обереганья ясачных людей Верхоленского острожку велел я, холоп твой, илимскому сыну боярскому Михайлу Торгоне да атаману казачью Прокопью Задубину острожек поставить верхоленскими служилыми людьми, и около острожку вновь пашенных крестьян прибрать, и строить в твою великого государя десятинную пашню.

И в нынешнем во 179 [1671] году, июля в 31 день, писал ко мне, холопу твоему, в Ылимской острог с усть реки Иды Илимского острогу сын боярской Михайло Торгоня да Идинского острожку приказной человек атаман казачей Прокопей Задубин, что де по твоему великого государя указу и по моей, холопа твоево, указной памяти и наряду, они, Михайло Торгоня и Прокопей Задубин, на братцкой степи у реки Ангары, на мунгальской дороге и на перевозе на усть реки Иды твой великого государя острожек поставили верхоленскими служилыми людьми, по росмотрению четвероуголен, длиннику и поперечнику стена по дватцати сажен с выводными боевыми быки, и проезжая башня. Вместо другие

башни в стене на углу изба с нагороднею и с вышкою побашенной. И около острожку надолбы поделаны крепкие.

И велел в том новом Идинском острожке быти на твоей великого государя службе служилым людем беспереводно, стеречь и смотреть на мунгальской дороге немирных мунгальских воинских людей, чтоб на твоих великого государя ясачных людей тайно войною не пришли и не повоевали. И с торгом в Братцкую землю пропускать не велел, чтоб они у твоих великого государя ясачных людей соболиной мяхкой рухледи не выкупали и в свою землю не вывозили.

И у того, государь, Идинского острожку построил я, холоп твой, вновь в твою великого государя пашню на одиннатцати десятинах ис ссыльных [и] из вольных людей пашенных крестьян одиннатцать семей и ссуду, и подмогу деньгами и хлебом, и пашенные заводы против твоего великого государя указу дал им сполна.

И сверх, государь, тех одиннатцати десятин около Идинского острожку иных пашенных крестьян построить есть где» [36].

На обороте первого листа отписки отметка о подаче: «180 [1672], генваря в 13 день, с ылимским казаком с Кирюшкою Кирнаевым».

С упомянутым здесь пятидесятником Назаром Кистенёвым когда-то ездил на Чечуйский волок Никифор Черниговский во время спора о границе между Илимским и Якутским уездами. Впоследствии Назар Кистенёв был приказчиком Верхоленского острожка. По его фамилии была названа деревня Кистенёва, в 25 километрах выше Верхоленска, в которой он жил.

А Михайло Торгоня был взят в плен во время войны с Польшей. О нем упоминается в выписках Сибирского приказа: «Присланы в Сибирской приказ литовские люди, которые взяты на боях в розных местех» [37].

Перечислены девять человек, среди них Михайло Ерофеев Торгоня. Из Сибирского приказа их отправили в тюрьму:

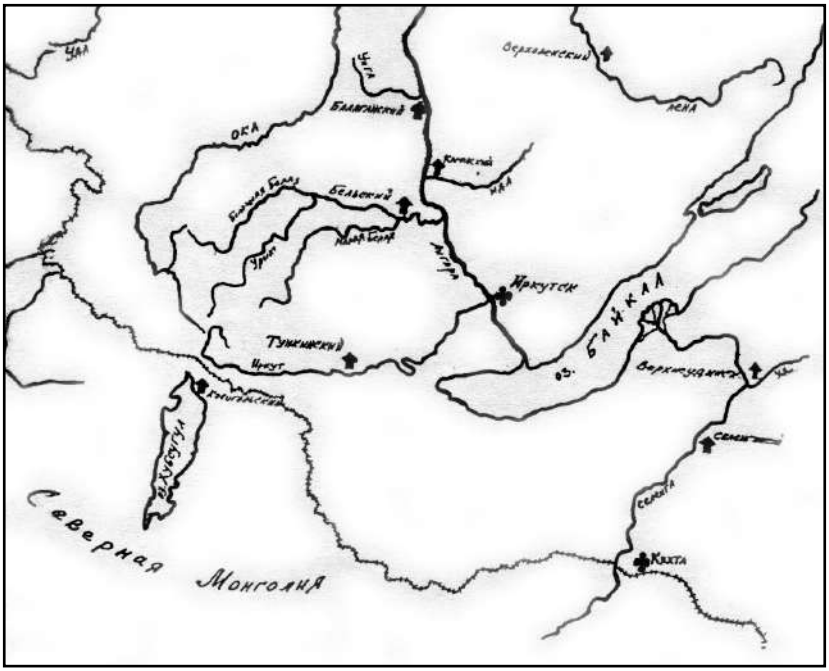
«163 [1655] году, генваря в 29 день, принять на тюремной двор из Сибирского приказу колодников, литовских людей, шляхта [перечислены те же девять человек и среди них. — *Г. К.*]:

Михайло Ерофеев Торгоня. <...>

Писал Розбойного приказу подьячей Сергей Поликарпов» [38].

Затем Михайло Торгоня был сослан в Илимск, где был поверстан в дети боярские.

Однако Д. Я. Резун и Р. С. Василевский строителем Идин-



Карта-схема южной части Прибайкалья в первой трети XVIII в.

ского острожка называют И. М. Перфильева: «Поставлен был на правой стороне р. Ангары из Илимска И. М. Перфильевым для сбора ясака с бурятских племен. В 1671 г. около него поселились 11 семей русских крестьян» [39].

Через 15 лет после постройки острожка он был передан в подчинение Иркутску: «Во 194 [1686] году велено Верхоленской и Идинской, и Олонскую деревню приписать к Иркутцку» [40].

Таким образом Черниговские оказались в Иркутском воеводстве.

Н. М. Полунина, ссылаясь на летопись 1862 года, составленную иркутским губернским архитектором Антоном Лосевым (хранящуюся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки), писала: «…под 147 годом сделана запись: "В Балаганском зимовье, в нынешнем году построенное, поселены казаки из Верхоленского острога. Тогда же построены остроги Бельской по реке Белой, по течению реки на левой стороне, от Балаганска в

100 верстах; Идинской, по течению реки Ангары на правой стороне, по нижную сторону Иды реки, выше Балаганского за 60 верст"» [41].

Сведения эти неверные. Год постройки Идинского острога, указанный здесь, противоречит приведенной выше отписке воеводы Силы Оничкова. Что же касается Балаганского острога, то это к нашей теме не относится. Однако отметим, что его строил енисейский казак Василий Колесников. А Верхоленский острог в 1647 году входил в состав Якутского воеводства, никакие казаки оттуда в Балаганский острог не посылались. О Бельском острожке тоже написано неверно. Об этом подробно скажем после.

Более позднее описание Идинского острога сделано участниками экспедиции Академии наук примерно в 1735 году:

«Оной острог зделан четыреугольной, стоячей. В стене с северную сторону есть проезжая башня. С восточной стороны, в стене ж на углу, — Приказная изба. А с западной стороны от реки на углу ж прикащиков дом. В остроге строения имеется: церковь живоначальныя Троицы с колокольнею; два анбара, один хлебной, другой, в котором пороховая и ясашная казна с военною амуницею лежит; да конюшня.

Артиллерии в оном остроге есть одна пушка медная.

За острогом имеется обывательских домов 17.

Под острогом впала в Ангару речка Ида, от которой сей острог звание получил. Она вышла верстах во 100 с восточной стороны с речкою Осою из одного хребта.

Повыше острогу за помянутою речкою есть слобода того ж острожку, которая Верхнею называется» [42].

Приказчиков в острожках время от времени меняли. 26 июля 1687 года приказчиком Идинского острожка был Сидор Шестаков. В это время в Иркутске находился проездом окольничий и воевода Федор Алексеевич Головин, который был послан в Даурскую землю для ведения переговоров с китайцами. Он же набирал пополнение для даурских острогов. Ему послал отписку Сидор Шестаков:

«Государей [И. А., П. А., С. А.] окольничему и воеводе Федору Алексеевичю Сидорко Шестаков челом бьет.

В нынешнем во 195 [1687] году, июля в 26 день, по указу великих государей послал я из Ыдинского в Иркуцкой илимских казачьих детей Офоньку Хорошево, Офоньку Тарсково с ыдинским десятником казачьим с Онисимом Черниговским, которым велено служить в даурских острогах, и велел ему, Анисиму, их,

Офоньку Хорошево, Офоньку Тарсково, в Ыркуцком объявить перед тобою, окольничим и воеводою перед Федором Алексеевичем, с товарыщи» [43].

На обороте отписки помечено: «По сей отписке велеть тех казаков принять и отослать в Онтонов полк Фаншмалымберха в стрельцы».

Вспомним, что когда Онисима Черниговского посылали на замену отставленного Петрушки Семенова Перешницы, то об Онисиме записано, что он поверстан в пятидесятники, а сейчас он назван десятником.

Офонька Хорошев — внук ссыльного чугуевского черкашенина Захарки Федорова Хорошего, первого конного казака Верхоленского острога. Прибыв в Иркутск, он подал челобитную, чтобы его освободили от отправки в Дауры по причине болезни, у него оказалась грыжа. После осмотра полковым лекарем была составлена выписка и представлена окольничьему Федору Головину.

«195 [1687], августа в 20 день, по указу великих государей окольничей и воевода Федор Алексеевич Головин, слушав сей выписки, приказал:

Офоньку Хорошево за увечьем отставить от службы. А подможные деньги и жалованье, всего десять рублев, на нем в казну взять и записать в приход. А о взятии тех денег и о правежу в Ыдинской к прикащику послать память. Велеть, доправя, прислать в полк» [44].

Память идинскому приказчику была послана. Им в это время уже был Федор Черниговский.

«195 [1687] году по указу великих государей память в Ыдинской острог прикащику Федору Черниговскому.

В нынешнем во 195 [1687] году по указу великих государей отставлен от службы за увечьем идинской новоприборной казак Афонька Хорошев ис полку окольничево и воеводы с товарыщи. Он, Максимко [надо: Афонька. — *Г. К.*], отпущен по-прежнему.

А что ему великих государей жалованья дано на подъем и на год, всего 10 рублев, и те деньги на нем в казну не взяты.

И как к тебе ся память придет, и тебе на нем, вышеписанном новоприборном казаке Максимке [надо: Афоньке. — *Г. К.*], те подъемные деньги, 10 рублев, доправить, и, доправя, прислать в полк к окольничему и воеводе все.

Такова память послана за приписью дьяка Семена Корницково с ыдинским казаком с Минкою Кулаковым» [45].

К 1690 году относится документ, в котором упомянуты Черниговские, служившие в Иркутском воеводстве. Это отписка илимского воеводы Еремея Ларионовича Пятово иркутскому воеводе Леонтию Константиновичу Кислянскому.

«Господину Леонтью Костентиновичю Еремей Пятово челом бьет.

В прошлом во 198 [1690] году, июня в 24 день, в грамоте великих государей [И. А., П. А.] писано ко мне в Ылимской, что в прошлом же во 198 [1690] году писал к ним, великим государем, из Ылимского стольник и воевода Федор Яковлев, что довелось донять на квасном откупщике на Ивашке Стрельникове и на порутчиках ево откупных квасных на прошлые годы доимочных денег. И велел де он, Федор, те денги на откупщике и на порутчиках ево править.

И будучи де они на правеже, подали ему откупщик и порутчики ево челобитную за руками. И тое челобитную прислал он, Федор, под отпискою к великим государем к Москве.

А в челобитной их написано: правят на нем, Ивашке, и на порутчиках откупных денег, и бьют на правеже непрестанно. А им де платить нечем, потому что де на квасной питухов нет и квасу продажи не бывает, для того что от Илимского отписаны шесть волостей хлебных и людей полных к Якутцкому, и откупных денег сбирать им не на чем, и в платежах имать негде.

И впредь де, буде имать у них в казну дворы и животы, и в жалованье зачитать в их, порутчиковы, оклады, и впредь де те денги будут же в доимке, потому что оне, порутчики, в Ылимском самые скудные люди, а иные многие померли, а иные посланы в даурские остроги, а в Ылимском де их малое число.

И чтоб великие государи пожаловали их, порутчиков и откупщика: велели тот квасной откуп с них снять и быть верным целовальником, против иных сибирских городов, а от той поруки свободить.

И по указу великих государей велено с него, Ивашка, тот квасной откуп снять и держать на вере. А старой откуп, что на нем, Ивашке, на прошлые и на настоящей годы доведетца взять, и то на нем и на порутчиках ево велено доправить. И буде на них взять нечево, и у него, Ивашка, и у порутчиков ево веле… [не окончено].

Роспись порутчиком

Пятидесятник Федор Черниговской

Онисимко Черниговской, а дети ево в Ыркутцком

Васка Черниговской, а сын ево в Ыркутцком
В Даурах».

(Перечислено восемь человек, бывших служилых людей Илимского воеводства или их сыновей.) [46].

Следует уточнить, что хотя Черниговские записаны в Иркутске, на самом же деле они находились в Иркутском уезде в Идинском острожке.

В следующем году приказчиком Идинского острожка был Василий Перфирьев. В одной из отписок иркутскому воеводе Леонтию Кислянскому он сообщал:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю Васька Перфирьев челом бьет.

В нынешнем во 199 [1690–1691] году в Ыдинском остроге собрано великих государей соболиной ясачной казны з брацких людей на нынешней на 199 год пять сороков четырнатцать соболей, пятьдесят семь лисиц красных, в том числе четыре сиводушчатых. И те соболи и лисицы посланы в Ыркуцк с ыдинскими служилыми людьми, з десятником казачьим с Прокопьем Черниговским да рядовыми казаками с Прокопьем Манковым, с Петром Бутаковым. И велено подать в Ыркуцком в Приказной избе тебе, стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю» [47].

На обороте: «199 [1691] году, апреля в 29 день, подал идинской казак Пронька Черниговский». А также помечено: «Против отписки счесть, а казну принять».

Не прошло и двух месяцев после сдачи ясачной казны, как Прокопий Черниговский почему-то срочно потребовался в Иркутске. В ответе на запрос иркутского воеводы идинский приказчик писал:

«В нынешнем во 199 [1691] году, июня в … день, прислана ко мне от тебя, стольника и воеводы Леонтья Костентиновича указная память.

А велено мне выслать из Идинского в Ыркуцкой десятника Проньку Черниговского и казака Якуньку Титова. И десятник Пронька Черниговской выслан будет тотчас. А Якунька Титов бежал неизвесно куды» [48].

Ничего страшного не произошло. Якунька Титов сын Арсёнов упоминается в более поздних документах.

В 1691 году была задержка выплаты жалованья идинским казакам. В иркутской окладной книге за 200 [1691–1692] год записано:

«Маия в 5 день [1692 г.] послано великих государей денежного жалованья в Ыдинской острог идинским служилым людем на

жалованье на нынешней на 200 [1691–1692] год в додачю в оклады их шесть рублев с полтиною. А те деньги посланы с ыдинским пятидесятником с Федором Чернеговским. А росписался в ево место иркуцкой казак Ивашко Захаров [Хорошев. — *Г. К.*]» [49].

Федор Черниговский был неграмотным. Ивашко Захаров Хорошев — сын первого верхоленского конного казака Захарки Федорова Хорошего, ссыльного чугуевского черкашенина.

Но это были крохи. Поэтому идинские казаки подали челобитную новым иркутским воеводам. Воеводы послали об этом отписку в Москву. Она повреждена, но легко восстанавливается.

«Великим государем [И. А., П. А.] холопи ваши, Ивашко да Матюшка Гагарины, челом бьют.

В нынешнем, великие государи, 200 [1692] году, июня в 4 день, били челом вам, великим государем [И. А., П. А.], а в Ыркуцку в Приказной избе нам, холопем вашим, подали за руками челобитную Идинского острогу служилые люди, десятник Пронька (Черни)говский с товарыщи, двенатцать (человек).

А в челобитной их написано: на прошлой (на 199) год они, Пронька с товарыщи, (вашим) великих государей денежным (и соляным) жалованьем для скуд(ости) вашей великих государей (денежной казны) не пожалованы.

И чтоб вы, (великие) государи, пожаловали их, Проньку с то(варыщи, веле)ли ту их челобитную (нам, хо)лопем вашим, послать под отпискою к вам, великим (государем, к Москве)» [50].

На обороте отметка о подаче: «201 [1692], октября в 20 день, с ыркуцкими казаки, с Оничкою Воловым с товарыщи».

К отписке приложена челобитная:

«Великим государем [И. А., П. А.] бьют челом холопи ваши, Идинского острогу служилые люди:

десятник казачей	Пронька Чернеговской
конные казаки:	Ивашко Захаров
	Митка Кулаков
пешие казаки:	Сенка Шувай
	Оничка Волов
	Илюшка да Пронька Маньковы
	Федька Безпалов
	Максимко Переломов
	Кирюшка Учюжников
	Петрушка Бутаков
	Якунька Жидов.

На прошлой, государи, на 199 [1690–1691] год не пожалованы мы, холопи ваши, вашим великих государей денежным и соляным жалованьем. И в тот год, служа вам, великим государем, по Идинскому и в розных посылках для всяких ваших уско(ренных) дел, и ездя за ясачным соболиным збором, без вашего великих государей жалованья, и задолжали неоткупны(ми долга)ми.

А стольники и воеводы Иван Петрович да (Матвей) Петрович Гагарины нам, холопем вашим, на прошлой на 199 [1690–1691] год (денеж)ного и соляного жалованья (не выдали).

<...> Ве(лите) нашу челобитную по(слать) к вам, великим государем, (к Москве и велите), государи, нам, холоп(ем вашим), на 199 год денежн(ое и соляное жа)лованье выдать» [51].

На обороте челобитной — рукоприкладства:

«К сей челобитной вместо служилых людей Прокопья Черниговскова, Ивана Захарова, Мини Кулакова, Семена Шувая, Аники Яволова по их веленью иркуцкой казак Фомка Кузнецев руку приложил.

К сей челобитной вместо служилых людей Илюшки да Прокопия Маньковых, да Федора Безпалова, Кирила Учюжникова, Петра Бутакова по их велению Ивашко Захаров Хорошево руку приложил».

Перечисленные в челобитной фамилии встречаются в окладных книгах Илимского острога. Так что почти весь состав служилых людей Идинского острога был набран в Илимском воеводстве.

В 1692 году все внуки Никифора Черниговского по их челобитью были переведены в конные казаки. Федор Черниговский послал иркутским воеводам отписку, к которой были приложены челобитные:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольником и воеводам князю Ивану Петровичю да князю Матвею Петровичю Федька Черниговской челом бьет.

В нынешнем 200 [1692] году, июля в 9 день, били челом великим государем, а в Ыдинском остроге в Судной избе передо мною идинские служилые люди, конные и пешие, десятник Пронька Черниговской, рядовые казаки, Сенька Шувай, Якушко Захаров, Якушко Титов с товарыщи, словесно.

А в словесном своем челобитье говорили: в Ыдинском де остроге конных казаков два человека и пеших самое малое число. А в посылки де за мунгальскими воровскими людьми в погоню и для проведывания шатости и злого намерения ездят они безпре-

станно. И от тех де частых служеб и росылок они разорились и оскудели вовсе.

И великие государи пожаловали б их, Проньку с товарыщи: велели для частых служеб и посылок, и для их скудости и малолюдства учинить в Ыдинском конных казаков, сколько великие государи укажут, чтоб де им за скудостью и малолюдства вконец не разоритьца и великих государей службы не отбыть.

И о том вышеписанном, стольники и воеводы, князь Иван Петрович да князь Матвей Петрович, что укажете?» [52].

На обороте: «200 [1692], июля в 16 день, подал отписку идинской казак Яков Арсёнов».

На обороте же воеводы указали: «Приверстать в конную службу вприбавку к старым х конным казаком четырех человек».

К отписке приложены челобитные трех внуков Никифора Черниговского:

«Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, идинской десятник пеших казаков Пронька Онисимов Чернеговской.

<…> Велите, государи, по Идинскому острогу в конные казачьи десятники служить впредь с конными казаками» [53].

«Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, казачей сын Сергушка Онисимов сын Чернеговской.

<…> Велите, государи, по Идинскому в конную казачью службу и служить впредь с конными казаками» [54].

На обороте челобитной руку приложил его брат: «К сей челобитной вместо Сергушки Анисимова по его веленью Пронька Чернеговской руку проложил».

Сергушка Анисимов назвал себя казачьим сыном, значит, он до этого не был поверстан в службу.

«Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, идинской пешей казак Емелька Васильев сын Чернеговской.

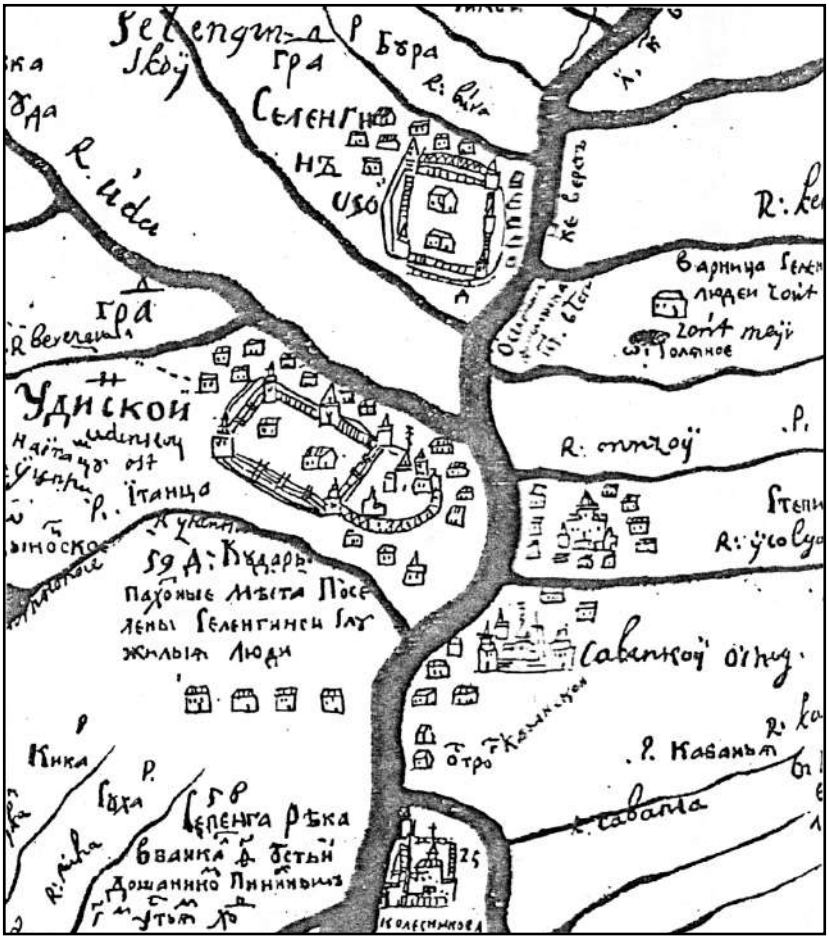
<…> Велите, государи, по Идинскому в конную казачью службу и служить впредь с конными казаками» [55].

Кроме этого были еще две челобитные:

«Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, казачей сын Петрушка Офонасьев.

<…> Велите, государи, по Идинскому в конную казачью службу и служить впредь с конными казаками» [56].

На обороте: «К сей челобитной вместо казачья сына Петрушки Офонасьева сына по его веленью Пронька Чернеговской руку приложил».



Селенгинский и Удинский остроги
из «Чертежной книги Сибири» 1701 г. С. У. Ремезова

«Великим государем [И. А., П. А.] бьет челом холоп ваш, идинской пешей казак Якушко Титов сын Арсёнов.

<…> Велите, государи, по Идинскому в конную казачью службу и служить впредь с конными казаками» [57].

В октябре 1692 года Сергей Черниговский с другими идинскими казаками побывали в Иркутском остроге и били челом о выдаче за 201 год хлебного жалованья. Об этом иркутские воеводы

послали память идинскому приказчику Федору Черниговскому:

«Лета 7201 [1692] октября в 29 день. По указу великих государей память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику казачью Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1692] году, октября сего ж числа, били челом великим государем, а в Ыркуцке в Приказной избе стольником и воеводам князю Ивану Петровичю да князю Матвею Петровичю Гагариным идинские конные казаки Максимко Переломов, Сергушка Черниговской, Алексей Шуваев, Петрушка Афонасьев словесно, чтоб великие государи пожаловали их: велели им выдать свое великих государей хлебное жалованье на нынешней 201 [1692–1693] год.

И как к тебе ся память придет, и тебе б выдать им, Максиму с товарыщи, четырем человеком, великих государей хлебного жалованья арженые оклады по шти чети с осминою человеку, а за овес вполы, по две чети человеку, не давать, потому что великих государей десятинному хлебу сметы не положено.

А которые служат с пашни, и тем казакам отнюдь хлебного жалованья не давать. И тое дачю записать в росходные книги имянно, и о том в Ыркуцк к стольником и воеводам князю Ивану Петровичю да князю Матвею Петровичю Гагариным писать, не мотчав» [58].

В дальнейшем все Черниговские вместо хлебного жалованья служили с пашни, о чем записано в окладной книге Идинского острога 201 [1692–1693] года. Приводим из этой книги выписку:

«Оклад денег 7 рублев 25 алтын, 2 пуда соли, за хлебное великих государей жалованье служит с пашни:

Пятидесятник конных казаков Федор Микифоров сын Чернеговской.

Оклад денег по 7 рублев по 8 алтын, по 2 пуда соли, за хлебное великих государей жалованье служат с пашни:

Десятники конных казаков:

Прокопей Онисимов сын Чернеговской. <…>

Конные казаки:

Оклад денег по 7 рублев, по 2 пуда соли, за хлебное великих государей жалованье служат с пашни:

Емельян Васильев Чернеговской. <…>

Сергей Анисимов сын Чернеговской» [59].

За время пребывания Федора Черниговского в должности приказчика Идинского острога велась довольно оживленная пере-

писка с иркутскими воеводами по различным вопросам. Они ему посылали наказные памяти, он посылал отписки. Таких документов сохранилось немало.

Воеводам Гагариным о присылке в Иркутск монгольского колодника:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольником и воеводам князю Ивану Петровичю, князю Матвею Петровичю Фетька Черниговской челом бьет.

В нынешнем 200 [1691] году, декабря в … день, прислана ко мне от вас, стольников и воевод князя Ивана Петровича, князя Матвея Петровича указная память. А велено мне прислать из Ыдинского в Ыркутцкой колодника мунгалетина Дамбугичеля.

И я ево послал с ыдинскими служилыми людьми с Сергушкою Нефедьевым, с Емелькою Чернеговским, с Кускою Маньковым. И велел ево явить в Ыркуцком в Приказной избе вам, стольником и воеводам князю Ивану Петровичю, князю Матвею Петровичю» [60].

Ниже другим почерком написано: «Против сей отписки нарядчик за караул могольского выходца Далая Манжешсерия Кутыхты Пигелаево Данбу принял и росписался Ивашко Полуяновской».

О сдаче тягла пашенным крестьянином:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольником и воеводам князю Ивану Петровичю, князю Матфею Петровичю Фетка Черниговской челом бьет.

В нынешнем 200 [1692] году идинской пашенной крестьянин Гришка Чертов тягло свое, четверть десятины, здал пашенному ж крестьянину Фетьке Давыдову. И челобитная и поручная по нем, Фетьке, в Ыдинском в Приказной избе.

Да он же, Гришка, подал челобитную, чтоб ево из Ыдинского отпустить в Кецкой монастырь з женою и з детьми, потому что он, Гришка, увечен, пашни пахать не может.

И об отпуске, стольники и воеводы, князь Иван Петрович, князь Матвей Петрович, что укажете?» [61].

Жалоба идинских служилых людей и пашенных крестьян на монгольского выходца:

«Великим государем [И. А., П. А.] бьют челом холопи ваши и сироты, Идинского острогу служилые люди:

десятник конных казаков Пронька Чернеговской
да конные ж казаки: Ивашко Захаров Хорошево
Сергушка Нефедьев
Якушко Арсёнов

Алешка Шуваев
Емелька да Сергушка Чернеговские
да рядовые служилые люди: Сенька да Пронька Маньков
Кирюшка Учюжников
да пашенные крестьяне: Евсютка Лаврентьев
Пашко да Ивашко Серёткины
Якунька Елисеев
Максимко Шишкин
все служилые люди и пашенные крестьяне Идинского острогу.

Жалоба, великие государи, нам, холопем вашим и сиротам, на неясачного мунгальсково выходца на Хара Емегена в том, что в прошлом, государи, во 199 [1690–1691] году зарезал он, Хара Емеген, у нас, холопей ваших и сирот, семнатцать скотин рогатых, и в тех скотинах винился при приказном сыне боярском Василье Перфирьеве. И в нынешних годех он же, Хара Емеген, в Ыдинском руских людей гоняет для смертново убийства и скот тако же режет.

Велите государи от нево, мунгальсково Хара Емегена, дать оборонь, чтобы, государь, от нево нам, холопям и сиротам, вовсе не погинуть и не разоритьца» [62].

Среди рукоприкладств на обороте первого листа челобитной: «К сей челобитной вместо служилых людей Сергушки толмача, Алешки Шуваева, Сергушки Чернеговского по их велению Пронька Чернеговской и за себя руку приложил».

Дата не указана, но, судя по тому, что Сергушка Черниговский здесь назван конным казаком, челобитная написана не ранее 1682 года.

О челобитной ясачных людей:

«201 [1692] году, сентября в … день. По указу великих государей память в Ыдинской острог приказному Федору Черниговскому.

Как к тебе ся память придет, и тебе б против челобитья иркуцких ясачных брацких людей Сысолецкого роду Будайка да сына ево Цаганка сыскать в Ыдинском, или где они живут, с родича их, мунгальских выходцов, дети их, девка имянем Борсока да парня Ишигейка Санкидаева, да табуна их корову стельную, да Качирыка, да тулуп новой, да котел железной. И сыскав тех ясырей, и скот, и тулуп да семь козлин деланных отдать им безо всяково мотчанья им тотчас.

А буде которой ис тех молитвенно, и тех, и велеть им продажу в руских людех, а не в иноземцы повольною ценою, что они у кого за них возьмут.

И скот, и все вышеписанное возьмут, и о том бы тебе в Ыркуцкой к стольником и воеводам князю Ивану Петровичю да князю Матвею Петровичю Гагариным писать» [63].

О челобитной братского мужика:

«Лета 7201 [1692], ноября в 15 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Черниговскому.

Против челобитья брацкого мужика Онзонского роду Гитенку Унденееву с товарыщи довелось ему, Гитенку, с товарыщи взять отгонного табуна на братцких же мужиках Онкотьевского роду на Колочейке да на Коджикойке Бомбокеевых 53 лошади.

И как к тебе ся память придет, и тебе б велеть тот отгонной скот, 53 лошади, тем братцким мужикам Онкотоевского роду Колочейку да Коджикойку Бомбокеевым отдать им, Гитейку Ундекееву с товарыщи.

И как тот отгонной скот отдан будет, и об оддаче того отгонного скота обо всем велеть писать и отписку велеть подать в Ыркуцку в Приказной избе стольником и воеводам» [64].

О подготовке подвод для посланца в Китай:

«Лета 7201 [1692], декабря в 12 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному Федору Черниговскому.

Как к тебе ся память придет, и тебе б велеть готовить идинским и олонским, и буряцким пашенным крестьяном, всем до одного человека, подводы под посланца, которой послан с Москвы в Китайское государство, всех, с монастырскими Бадайскими слободы, сто с тритцать подвод.

И как будет в Ыдинской, и тебе б, собрав своего присуду и монастырские, и Новые слободы подводы, отпустить с проводниками в Ыркутцкой тотчас, чтоб ему, посланцу, и с казною великих государей ни малого замедления не было.

А на Белую к приказщику о готовности монастырских и беловских подвод память послана. Велено монастырским изготовить шестьдесят подвод, переведенцам — дватцать подвод. А буде не достанет, и тебе б имать у служилых людей по подводе или з двух подвод» [65].

Отписка об отправке кричного железа в Илимский острог:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольникам и воеводам князю Ивану Петровичю, князю Матвею Петровичю Фетька Черниговской челом бьет.

В нынешнем 201 [1692] году, декабря в … день, прислана ко мне от вас, стольников и воевод князя Ивана Петровича, князя Матвея Петровича указная память.

А велено мне из Ыдинского послать в Ылимской с ылимским служилым человеком с Моськой Торлоповым тритцать пуд железа.

И я с ним, Моською, послал в Ылимской тритцать пуд железа кричного казенного, и велел явить в Приказной избе стольнику и воеводе Григорью Федоровичю [Грибоедову. — *Г. К.*]. И о том к нему, Григорью Федоровичю, послал отписку» [66].

О беглой бурятской женке:

«Лета 7201 [1693], февраля в 8 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог пятидесятнику казачью Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1693] году, февраля в … день бил челом великим государем Тураева роду брацкой мужик Ахайка Унчиев Гантуева роду на брацкого ж мужика Кабыкинька Седонова. Нынешнего ж 201 [1692] году, осенью, подговорил он, Кабыстынка, у него, Ахайка, жену ево Чикину и увел к себе в юрты, и по се число держит у себя.

И как к тебе ся память придет, и тебе б послать из Ыдинского острогу толмача Сергея Матвеева да с ним служилого человека, кого пригож, на Осуевы юрты и велеть взять ево, братцкого мужика Кабыкынка, и беглую жену Чикинку, и прислать в Ыркуцкой с нарочными посыльщики, и велеть явить в Ыркуцку в Приказной избе стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Гагарину.

А будет ево, Кабыкинка, и беглой жонки в юртах он, толмач Сергей, с товарыщи не застанет, и им, Сергею с товарыщи, взять ево, Кабыкынкина, табуна 20 лошадей и отдать подгородным идинским брацким мужикам, и велеть тех лошадей им, братцким мужикам, держать з береженьем до указу великих государей.

А кому те лошеди отданы будут, велеть имяна написать братцким людем и прислать в Ыркуцкой в Приказную избу» [67].

Почему-то совершенно не обращали внимания на то, чтобы имя одного и того же человека в одном и том же документе писалось одинаково.

Об отдаче коня и коровы бурятскому мужику:

«Лета 7201 [1693] году, февраля в 9 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному казачью пятидесятнику Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1692] году, в октябре месяце, бил челом

великим государем в Ыркуцку братцкой мужик Шихайка Адаев. А в челобитной ево [вставка на обороте: что ты взял у него, Шихайка, за выкуп сродичей своих коня да корову после розгрому за выкуп сродичей своих], что у тебя, Федора, были они сродичи ево в крепи. И ты де их без выкупу не отдаешь.

И как к тебе ся память придет, и тебе б того коня и корову отдать ему, братцкому мужику Шихайку Адаеву, безволокитно, чтоб впредь в том челобитья не было» [68].

О взыскании долгов по кабалам по памятям и распискам:

«Лета 7201 [1693], февраля в 17 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1693] году, февраля в 16 день, бил челом великим государем в Ыркуцку в Приказной избе иркуцкой сын боярской Сидор Шестаков: доведетца де ему, Сидору, взять на идинских и олонских жителях по кабалам и по памятям, и по роспискам:

на Семене Бережных восмь рублев

на Василье Зыкове два рубли шесть алтын четыре деньги

на Никите Леонтьеве шездесят пуд ржи,

и на иных жителях.

И как к тебе ся память придет, и тебе б по тем ево кабалам и по памятям, и роспискам, кто с теми кабалами и памятьми, и росписками будет, велеть тех должников в тех долгех роспрашивать. И будет они станут винитьца, и на них те деньги велеть править, и отдавать исцу с росписками безволокитно. А будет учинитца в чем спор, и тебе б давать велеть с ним, Сидором, им, заимщикам, очные ставки по тому ж» [69].

Память о возвращении холопки:

«Лета 201 [1693], марта в 3 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Чернеговскому.

В нынешнем 201 [1693], марта в 2 день, била челом великим государем, а в Ыркуцку в Приказной избе идинского ясачного буряцкого мужика Онгоевского роду Моккоева жена Текейка словесно. А в словесном своем челобитье говорила: в нынешнем 201 [1693] году по прибывке из Балаганского приказного енисейского сына боярского Бориса Серебренникова взял у ней, Токенки, без нее казак Никитка Осипов холопку с юртою да жеребенка, сапоги, тулуп, и увез в Балаганской, неведомо для чево. И тем де их разоряет он, Борис, напрасно.

И как к тебе ся память придет, и тебе б послать из Ыдинска в Балаганской племянника своего нарочно и велеть ему, Борису Серебренникову, сказать, чтоб он Топейкина холопку с юртою да жеребенка и сапоги, и тулуп, сыскав, отдал ей, Текенке, в целости, без[с]сорно. А к нему, Борису, о том писано ж» [70].

Имя бурятки при каждом упоминании написано по-разному.

А вот память Федору Черниговскому о сыске беглого илимского человека:

«Лета 7201 [1693], маия в 29 день. Память в Ыдинский острог приказному Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1693] году, маия вышеписанного числа, били челом великим государем, а в Ыркутцку в Приказной избе стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Гагарину илимские сын боярской Пимин Сташкеев с товарыщи словесно: видал де он, Пимин, в Ыдинском беглово илимского служилого человека Корнишку Гаврилова.

И как к тебе ся память придет, а из Ыркутцка Пимин Сташкеев с товарыщи для взятья того беглого служилого человека приедут, и тебе б ево, Корнишку, сыскав, отдать ему, Пиминку, с товарыщи [зачеркнуто: которой бежал из Ылимска в нынешнем 201 году. — *Г. К.*].

А как тот беглец им, Пимину с товарыщи, будет отдан, и тебе б о том в Ылимск к стольнику и воеводе Григорью Грибоедову для ведома писать.

Да тебе бы зделать под посланное железо в Ылимской плот, на чем доправадить до Яндинского» [71].

Яндинский острог был на правом берегу Ангары, ниже Идинского острожка, и подчинялся илимскому воеводе.

Отписка о розыске краденого коня:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Фетька Чернеговской челом бьет.

В нынешнем 201 [1693] году, июня в … день прислана ко мне от тебя, стольника и воеводы князя Ивана Петровича, подписная челобитная иркуцково толмача Козьмы Зверева. А велено мне у идинскова казака у Петрушки Бутакова, выня с понятыми коня чалово, и отдать Козьме Звереву.

И я тово коня у нево, Петрушки, взял и отдал ему, Козьме Звереву. А ево, Петрушку, допрашивал. И те допросные речи под сею отпискою послал в Ыркутцкой, и велел подать в Приказной избе тебе, стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю» [72].

На обороте отметка о подаче: «Июля в 3 день подал отписку Олонской деревни пашенной крестьянин Микитка Лукьянов сын Хомкало».

К отписке приложены допросные речи:

«201 [1693] году, июня в … день, бил челом великим государем, а в Ыдинском в Приказной избе приказному пятидесятнику Федору Никифорову сыну Чернеговскому словесно Идинского острогу пешей казак Петрушка Бутаков в том, что в нынешнем де 201 [1693] году, июня в … день, прислана из Ыркуцкого от стольника и воеводы князя Ивана Петровича потписная челобитная.

А в челобитной писано: в прошлых де годех в Великой пост на заимке Федора Гранина выкрали у иркуцкого конново казака у Козьмы Зверева коня чалово, и тот де конь объявился у него, Петрушки. И он де, Козьма, у него, Петрушки, того коня чалово взял и назвал своим, что тот де конь ево, Козьмин. А он де, Петрушка, тово коня выменял у олонсково пашеново крестьянина у Никиты Хомкала, а иных де животов никаких не видал.

И чтоб великие государи пожаловали ево, Петрушку: велели словесное ево челобитье записать, а ево, Никиту Хомкала, допросить, где он тово коня взял, а Петрушке променял.

Того ж числа против сего словесного челобитья пашенной крестьянин Никита Хомколо допрашиван. А в допросе говорил: он де, Никитка, ему, Петру, тово коня чалово променял. А выменял де он, Никитка, тово ж чалово коня у олонского пашенново крестьянина у Нефедка Иванова сына Синькова при многих сторонних людех. А иных де никаких животов он, Никитка, у него, Нефедка, не видал и не имывал. А ныне де он, Нефедко, убежал за море [Байкал. — *Г. К.*].

И против сей отписки к Федору Черниговскому память указная послана. Велено ему розыскать, при ком у Никитки с Нефедкою конская мена была. И буде по розыску третьие скажут, что де он, Нефедка, ему, Никитке, променил чалово коня на ево, Никиткина, коня, и велено у ево, Нефедкиной, матери и у брата взять коня и отдать Никитке, до тех мест покаместа Нефедка будет из-за моря, и в том чалом коне справитца» [73].

Наказная память о выделении служилых людей для сопровождения государевой казны:

«Лета 7201 [1693], июля в … день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Черниговскому.

Как к тебе ся память придет, а из Иркутцка пеших каза-

ков десятник Андрей Москвитинов в Ыдинской к тебе приедет и из Ыдинска поедет Илимского присуду до Яндинского острогу, и тебе б послать с ним, Андреем, идинских служилых четырех человек, кого пригож [вставка на обороте: под казною великих государей. Велеть тем служилым людем итти в работе вместе с тобольскими служилыми людьми] до Яндинского острогу.

А как те служилые люди под казною великих государей в Ыдинской придут, и тебе б дать под казну великих государей до Иркутцка. А прежних людей с служилыми людьми, которые будут посланы в Яндинской... [Далее все перечеркнуто, исправлено и трудно читается.]

Да тебе б, Федору, ему, Андрею, для поспешанья дать вершную подводу до Яндинского острогу» [74].

Память об отправке гвоздей в Иркутск:

«Лета 7201 [1693], июля в 8 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику казачью Федору Черниговскому.

В нынешнем 201 [1693] году писал ты в Ыркутцкой к стольнику и воеводе ко князю Ивану Петровичю Гагарину, а прислал с ыдинским служилым человеком Ылюшкою Маньковым 130 гвоздей большие руки да 450 гвоздей тесовых малые руки. Да с Кузьмою Зверевым прислал тысячю гвоздей тесовых малые руки да триста шездесят гвоздей большие руки.

А в отписке твоей написано, что послано с ним, Кузькою, малых гвоздей тысяча сто гвоздей. И против счету в отдачю ста гвоздей не объявилось.

И тебе б о том велеть с кузнецами справитьца и те недовозные гвоздья прислать по тому ж в Ыркутцкой. И те гвоздья самого плохого дела, шляпки малы и не присадисты, и кованы из худово железа.

И как к тебе ся память придет, и тебе б велеть кузнецам сковать из доброго мяхково железа, которое было неломко, малые руки полторы тысячи гвоздей присадистых, и шляпки велеть ковать больши прежних, чтоб было к городовому строению прочнее, и прислать их в Ыркутцкой с нарочным посыльщиком тотчас, и велеть явить стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Гагарину.

Да тебе ж нанять в Ыдинском остроге или в Олонской деревне служилых людей или пашенных крестьян на пяти подводах, чтоб великих государей казну в Яндинском остроге на те подводы скласть и доставить в Ыдинской острог.

А на подводу рядить велеть по рублю и посылать в Яндинской острог тотчас. А деньги тем подводчикам велено дать нерчинскому сыну боярскому Якову Судейкину великих государей из казны по ево приему.

А что у тебя учинено будет, и о том бы тебе к стольнику и воеводе ко князю Ивану Петровичю Гагарину писать, не замотчав» [75].

Отписка воеводе Гагарину об отправке хлебных запасов и железа:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе Ивану Петровичю Фетька Чернеговской челом бьет.

В нынешнем 202 [1694] году, июня в … день, прислана ко мне от тебя, стольника и воеводы князя Ивана Петровича, указная память. А велено мне селенгинским служилым людем, Гаврилку Анфимову с товарыщи, дать хлебных запасов четыреста сорок три чети бес полуосмины, да ильинским и кабанским, Петру Шестакову с товарыщи, двести чети ржы.

И в то число дано им, селенгинским казаком, Гаврилу Анфимову с товарыщи, четыреста сорок три чети бес полуосмины, да ильинским и кабанским, Петру Шестакову, дано сто пятьдесят четвертей ржи. А больше он, Петр, не принял, потому что де дощаник у нево скуден, больше не подымет.

Да ему ж, Гаврилу Анфимову, дана вприем лотка-набойница, что припроважена с Янды. Да ему ж, Гаврилу, дано тритцеть пять гвоздей тяжных да шеснатцеть троевершечных, да восмнатцеть скоб конопатных.

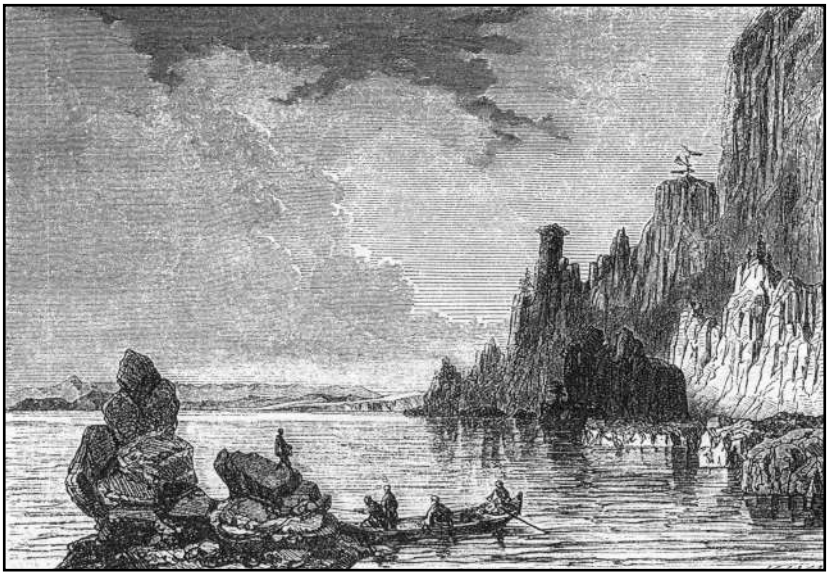
Да с ним же, Гаврилом, послано десятинного железа шеснатцеть криц с полукрицею, а весом дватцеть пять пуд.

И велел явить в Приказной избе, тебе стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю» [76].

Память о сдаче тягла:

«Лета 7203 [1695], маия в 9 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] и по приказу стольника и воеводы Афонасья Тимофеевича Савёлова память в Ыдинской приказному Федору Черниговскому.

В нынешнем 203 [1695] году, маия в сего ж числа, били челом великим государем, а в Ыркуцку в Приказной полате Идинского уезду деревни Абалей пашенной крестьянин Якушко Зверев да гулящей человек Ивашко Юрьев сын Краснояр подали за руками челобитную.



Байкальское озеро

А в челобитной их написано, чтоб великие государи пожаловали ево, Якушка: велели ему великих государей десятинной пашни четь десятины в поле да яровые тож здать, а ему, Ивашку, у него снять.

И на помете на челобитной стольника и воеводы Афонасья Тимофеевича Савёлова против сего их заручного полюбовного челобитья велеть ему, Якушку, здать тягла своего четь десятины, и всяких податей, и подвод с него, Якушка, не имать, а быть тому, хто то здаточное тягло снял, и великие государевы подати платить ему, и подводы гонять. И о том послать к прикащику память, и в том тягле собрать по нем, Ивашке, поручную запись.

И как к тебе ся память придет, и тебе б велеть ему, Якушку, великих государей десятинную пашню, четь десятины в поле, за яровое тож, дать ему, Ивашку, снять, и пашню пахать, и всякие подати платить, и подводы гонять ему, Ивашку, по вся годы с ево братьею вряд. И под именем ево, Якушкиным, в окладных книгах справить.

А поручная запись в том тягле по нем, Ивашке в Ыркуцку в Приказной полате взята, и ево, Якушку, из Идинска и из деревни

Белой в Ыркуцкой отпустить без задержанья, для того что он, Якушко, в Ыркуцку приверстан в казачью службу» [77].

Память о выдаче хлебного жалованья служилым людям:

«Лета 7203 [1695], июня в 4 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] и по приказу стольника и воеводы Афонасья Тимофеевича Савёлова память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Черниговскому.

Как к тебе ся память придет, а иркуцкие казаки и полковые удинские стрельцы, Федор Шибаев с товарыщи, осмнатцать человек, на дощанике припловут, и тебе б велеть им выдать великих государей хлебного жалованья идинской и олонской пахот из десятинного хлеба впредь на 204 [1695–1696] год иркуцким девяти человеком по полуокладу, по три чети с осминою и с полуосминою ржы человеку, и с тем, что даетца за овес; полковым девяти человеком по три чети ржи ж человеку и с тем, что даетца за крупы и за толокно. Да полковому Тимофею Санапальникову на нынешней 203 [1694–1696] год три чети с осминою ржи ж.

А отдать те хлебные запасы им с роспискою. А кому имянно дать, и им под сею указною памятью — роспись.

А сколько великих государей в жалованье хлебных запасов им выдано будет и кому именем, и тебе б о том в Ыркуцк к стольнику и воеводе Афонасью Тимофеевичю Савёлову писать имянно тотчас с нарочным посыльщиком» [78].

К памяти приложена роспись иркутских казаков и удинских полковых стрельцов.

Память об отдаче хлебных запасов:

«Лета 7203 [1695] году, июня в 11 день. По государеву указу великих государей [И. А., П. А.] и по приказу стольника и воеводы Офонасья Тимофеевича Савёлова память в Ыдинской острог приказному человеку Федору Черниговскому.

В нынешнем 203 [1695] году, июня в день, по указу великих государей посланы из Ыркутцка на Белую для приему великих государей хлебных запасов иркутцкие служилые люди, сын боярской Петр Тайшин с товарыщи, на дощанике.

И как к тебе, Федору, ся память придет, и тебе бы велеть бельским целовальнику Сергушке Борниковых отдать великих государей хлебные запасы иркуцким казаком все безостатку, которые хлебные запасы вывезены на Бадай великих государей в житницу.

А у отдачи быть тебе, Федору. [Вставка на обороте: А велено

те великих государей хлебные запасы иркуцким служилым людем провадить до Иркуцка.]

А будет тех великих государей хлебных запасов вдруг на дощанике поднять немочно, и тебе б, Федору, велеть тем вышеписанным иркуцким служилым людем допровадить до Олонские слободы и всыпать великих государей в житницу. А их, служилых людей, послать на другой ряд, чтоб в застое на Белой великих государей хлебных запасов не осталось.

А сколько на дощанике в Ыркуцкой великих государей хлебных запасов с ыркуцкими казаки в отпуску будет, и тебе б о том отписать в Ыркутцкой к стольнику и воеводе Офонасью Тимофеевичю Савёлову» [79].

Память об отправке хлебных запасов:

«Лета 7203 [1694], сентября в 8 день. [Эта дата не согласуется с дальнейшим текстом. — *Г. К.*] По указу великих государей [И. А., П. А.] память в Ыдинской острог приказному пятидесятнику Федору Микифорову Черниговскому.

В нынешнем 203 [1695] году, июля сего ж числа, посланы из Иркутцка на Белую на Бадай великих государей по хлебные запасы иркуцкие казаки приемщик Иван Ослоповской да для письма Иван Хмелёв с товарыщи, шесть человек, на дощанике. А впридачю в работу на тот дощаник велено им взять идинских казаков пять человек да бельских казаков, которые посланы вприбавку, пять человек.

И как к тебе ся память придет, а иркуцкие казаки, приемщик Иван Ослоповской с товарыщи, на дощанике на Белую на Бадай припловут, и тебе б, дав им идинских казаков пять человек, велеть им плыть на Белую реку в монастырскую деревню на Бадай, и тот дощаник нагрузить великих государей десятинным хлебом из бельские пахоты.

А грузить тот дощаник при себе. А будет того хлеба мало, и тебе б в тот дощаник догрузить великих государей десятинным хлебом с олонской пахоты и отпустить тот дощаник в полном грузе безо всякого задержанья.

А сколько в тот дощаник хлеба нагружено, и что у тебя в Ыдинском и в Олонской слободах в остатке будет, и которого числа отпущен, и тебе б о том в Ыркуцк писать имянно» [80].

Память об отправке хлебных запасов в Иркутск:

«Лета 7203 [1695], августа в 2 день. По указу великих государей [И. А., П. А.] и по приказу стольника и воеводы Афонасья

Тимофеевича Савёлова память в Ыдинской острог пятидесятнику казачью Федору Черниговскому.

Как к тебе ся память придет, а иркуцкие казаки, приемщик Степан Жареников с товарыщи, на дощаниках в Олонскую слободу припловут, и тебе б велеть им в те дощаники грузить великих государей хлебные запасы бельские пахоты в монастырской деревне Бадае.

А у тово хлеба у груски быть тебе самому. А будет тово хлеба мало, и тебе б те дощаники велеть догрузить великих государей десятинным хлебом из олонской пахоты.

А сколько того великих государей десятинного хлеба в те дощаники и которой пахоты нагружено, и отпущено будет, и тебе б о том в Ыркуцк к стольнику и воеводе Афонасью Тимофеевичю Савёлову писать имянно.

А впридачю на те дощаники в работу к ыркутцким казакам велеть б тебе дать идинских казаков шесть человек до Иркутцка, и те дощаники велеть б тебе нагрузить полным грузом при себе. И нагрузя, отпустить в Ыркутцкой тотчас, и велеть им на тех дощаниках великих государей с хлебными запасы итить, нигде не мешкая.

Того ж числа послана память в Бельской острог приказному Федору Москвитину об отдаче того хлеба, чтоб отдать весь безостатку, и о том в Ыркуцк писать имянно, сколько того хлеба отпущено будет» [81].

От Бельского острога по настоящее время сохранилась башня. Но не было ясности по двум вопросам: о точной дате его постройки и была ли сохранившаяся башня самостоятельным отдельным сооружением или являлась частью острога.

В приведенном выше документе хотя и не сообщается точная дата постройки, но, по крайней мере, сказано, что уже в 1695 году Бельский острог существовал. Уже само упоминание острога означает, что башня не была одиноким сооружением. Более того, есть краткое описание этого острога, относящееся к 1700 году:

«Лета 208 [1700], марта в 4 день, по указу великого государя [П. А.] и по указной памяти бельской конной казак Федька Давыдов принял у прежняго приказного у Якова Титова сына Арсёнова, а он мне, Яков, отдал Бельской острог.

А в остроге строения: две башни и под ними две избы, да в двух углех два быка, ворота большие и калитка, анбарец маленькой, а под ним погреб маленькой зелейной, а в нем великого го-

сударя казны пороху, по скаске выборного целовальника Федьки Давыдова, в прием четыре пуда тринатцать фунтов в трех боченках да в четырех туесах» [82].

О местоположении острожка в портфелях Г. Ф. Миллера сообщается так: «Белая речка, шириною от 30 до 50 сажен, течет с западной стороны и впала ниже Олонской слободы в Ангару. Верстах в 50 от устья стоит над оною речкою Бельской острог» [83].

Возле Бельского острожка находилось село Бельское. Это село возникло раньше, чем был построен острог. Позже, в начале XX века, согласно «Памятной книжки Иркутской губернии 1909 года», оно было центром волости, а в нем 218 дворов с 1 554 жителями. Село Бельск находится при слиянии речек Большой Белой и Малой Белой. После их слияния течет речка Белая. Примерно в пяти километрах ниже Бельска — поселок Мишелевка.

О. В. Бычков в статье о Бельской башне писал: «Возникает закономерный вопрос, какой характер носили укрепления в Большой Сретенской слободе? Является ли сохранившаяся в селе Бельском башня одной из нескольких башен бывшего острога или это была дозорная башня, усиленная тыновой оградой — "острогом"?» [84].

Разные исследователи отвечали на этот вопрос неодинаково.

И. И. Серебренников поместил снимок башни в своей книге, изданной в 1915 году, и дал такое описание: «В селе Бельском Балаганского уезда сохранилась, наконец, с т о р о ж е в а я [разрядка И. И. Серебренникова. — *Г. К.*] башня Бельского острога, представляя из себя также единственный в своем роде памятник старинного крепостного зодчества. Сохранившаяся до нашего времени "дозорная", или "сторожевая" башня в селе Бельском <...> была построена, по-видимому, в начале XVIII столетия» [85].

И. И. Серебренников не ссылается ни на какие исторические документы. Хотя у него сказано, что это башня Бельского **острога**, в последующем авторы, занимавшиеся этим вопросом, обратили главное внимание на особенность ее, на то, что эта **башня сторожевая, дозорная**, с обходной галереей для караульных, и по этой причине выдвинули предположение, что кроме сохранившейся башни ничего не было, стали приписывать этой башне самостоятельное назначение.

Например, С. Н. Баландин считал, что Бельская башня была самостоятельным оборонным сооружением. Он писал: «Башни иногда ставились как самостоятельные оборонительные сооруже-

ния, или как караульные. Иван Галкин в 1630 г. укрепил уже существовавшее в устье р. Идирмы ясачное зимовье и построил там же башню "для караула". На гравюре середины XVIII в., изображающей Кузнецк, можно видеть отдельно стоящие по вершинам сопок, окружающих поселение, караульные башни» [86].

Но то, что верно в одних случаях, не всегда верно в других.

Н. П. Крадин писал о Бельском остроге следующее:

«Расположенный в глубине Сибири Бельский острог был основан в конце XVII века, когда Приангарье уже прочно вошло в состав России. Однако прочность границ налажена не была, и для защиты отдельных воеводств и торгово-промышленных центров подновлялись прежние укрепления, а вместе с ними возводились и новые. Причем возводились не крупные крепости, а небольшие дозорные или сторожевые посты. Именно роль такого сторожевого пункта и отводилась небольшому Бельскому острожку с его **единственной** дозорной башней.

В небольшой заметке, опубликованной в 1911 году в одном из номеров журнала "Сибирский архив", приводятся сведения о том, что "вторая такая же башня, стоявшая на другом углу ограды, сгорела несколько лет тому назад" [ссылка: Сибирский архив. — 1911. — № 3. — С. 199. — *Г. К.*], сведения, впрочем, без всякой ссылки на документ.

Последняя часть фразы — "сгорела несколько лет тому назад" — вызывает более всего сомнений, потому что известно архивное дело Технического строительного комитета Министерства внутренних дел от 1869 года, свидетельствующее лишь об одной башне [ссылка: Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия императорского археологического общества. — СПб., 1907. — Вып. 24. — С. 151. — *Г. К.*]. Между 1869 и 1911 годами лежат не несколько лет, а несколько десятилетий. Предположение о том, что вторая башня могла быть построена после 1869 года, более чем сомнительно. В XIX веке таких башен и острогов уже не строили, тем более вдали от границ.

Самое раннее изображение Бельского острога имеется в "Чертежной книге Сибири" С. У. Ремезова. Это был типичный **безбашенный острог** "малой статьи". На рисунке изображена лишь церковь, окруженная острожными тыновыми стенами, да изба в углу острога. Через несколько лет появилась башня, поставленная на фундамент из бревенчатых обрубков, врытых в землю вер-

тикально вплотную друг к другу по всему периметру сруба. В башне ярко выражена ее сторожевая функция — наверху вокруг вышки устроена обходная галерея, предназначенная для несения караульной службы» [87].

Действительно, остроги нередко достраивались и перестраивались. Вывод, что башня была построена позже стен, у Н. П. Крадина появился, как и у некоторых других авторов, из-за слишком доверчивого отношения к изображениям острогов в «Чертежной книге». На самом же деле в ней изображено не то, что было в действительности, а то, какими сведениями располагал С. У. Ремезов. А это не одно и то же. Иногда эти сведения были неточными. Примерами могут служить изображения Киренского и Верхоленского острогов. В «Чертежной книге» эти остроги показаны с четырьмя башнями. На самом же деле было только по три башни. Во время составления «Чертежной книги», как следует из описания острожка, башни уже были.

О. В. Бычков в статье о Бельской башне писал: «Не известно имя приказчика, ведавшего строительством башни. Не знаем мы имен плотников, чьим трудом поднялась "стопа" и шатровые крыши. Более того, у разных исследователей не одинаково трактуется назначение башни» [88].

Имя приказчика, при котором строился острог, и время постройки вскользь сообщаются в отписке иркутскому воеводе Ивану Петровичу Гагарину:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе князю Ивану Петровичю Фетька Москвитинов челом бьет.

Посыланы были Бельского острогу служивые люди и пашенные крестьяне з брацкими мужиками и с тунгусами воровских людей с(ак)мы проведывать. И те воровские люди приезж(а)ли к Бельскому острогу, и к конному табору с верх Большие Белые [реки. — *Г. К.*] из степи, и ушли тем же следом. А сустетчи их не могли.

А в Бельском остроге верхной бой и полати, и кровля построено.

А мунгальской выходец Учинко в Бельском остроге допрашиван. А что в допросе сказал, и те допросные речи посланы в Ыркуцкой под сею отпискою. А он Учинко посажен в колоде.

И о том, стольник и воевода князь Иван Петрович, что укажешь?» [89].

Здесь даты нет. Она указана в приложенных к отписке до-

Черемхово и Свирск на современной карте

просных речах: «202 [1694], июля в 27 день, по указу великих государей и по указной памяти за пометой стольника и воеводы князя Ивана Петровича Гагарина в Бельском остроге мынгальской выходец Учинко допрашиван <…>» [90].

Итак, в это время острог существовал и, надо полагать, с двумя башнями. Стало известно и имя приказчика, который его строил, — Федор Москвитинов. В более ранних документах фонда Иркутской приказной избы упоминаний о Бельском остроге нет, упоминается Бельская слобода.

Однако авторы, ставившие вопрос о времени постройки башни (не острога!), поддерживали мнение И. И. Серебренникова. Например, А. Н. Копылов также относит это на начало XVIII столетия [91].

Еще далее отодвигает это событие О. В. Бычков. Он писал: «В кратком заключении хотелось бы согласиться с мнением И. И. Серебренникова о том, что Бельская сторожевая башня была возведена в начале XVIII в. Вероятно, это произошло в 1726–1728 гг. в связи с правительственными мероприятиями по размежеванию и усилению русско-китайской границы на юге Восточной Сибири. Функционально Бельская башня является пограничным дозорным форпостом» [92].

Теперь же видно, что эти мнения ошибочны.

Последняя отписка Федора Черниговского в 1695 году об отдаче хлебных запасов:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе Афонасью Тимофеевичю Фетька Чернеговской челом бьет.

В нынешнем 204 [1695] году, сентября в … день, иркуцкому десятнику казачью Корнилу Томскому дано вприем идинской пахоты двести дватцеть четвертей ржы, и из Ыдинска отпущен в Ыркуцкой с теми хлебными запасы» [93].

На обороте отметка о подаче: «Сентября в 28 день подал отписку иркуцкой казак, десятник Корнило Томской».

В 1696 году приказчиком Идинского острога был Андрей Савельев. В одной из отписок иркутскому воеводе Афанасию Савёлову он сообщал:

«Великих государей [И. А., П. А.] стольнику и воеводе Афонасью Тимофеевичю Идинского острогу приказной Андрюшка Савельев челом бьет.

В нынешнем 204 [1696] году, июля в 23 день, в Ыдинском остроге, дал Бог, все здорово.

Били челом великим государем, а в Ыдинском идинские слу-

жилые и пашенные крестьяне, кои скудные, и подали челобитные о семенном хлебе ис казны великих государей, чтоб им было чем посеять к сему году.

И я в Ыдинском без указу великих государей и бес памяти на семена хлеба дать не смею. А служилые и пашенные хлебом горазно скудны. А те их челобитные послал под сею отпискою тебе, стольнику и воеводе Афонасью Тимофеевичю в Ыркуцкой» [94].

К отписке приложена челобитная:

«Великим государем [И. А., П. А.] бьют челом холопи ваши, Идинского острогу служилые люди:

атаман казачей	Петрушка Офонасьев
пятидесятник казачей	Емелька Чернеговской
десятники:	Пронька Чернеговской
	Минька Кулаков
	Максимко Переломов
рядовые казаки:	Ивашко Захаров
	Сергушка Нефедьев
	Сенька Зверев
	Сергушка Чернеговской
	Алешка Шуваев
	Максимко Кулаков
пешие казаки:	Якунька Жидов
	Илюшка да Пронька да Коземка Манковы
	Фетька Беспалов
да посацкие люди	Левка Клыков

и все Идинского острогу служилые люди и посацкие.

В нынешнем, великие государи, 204 [1696] году в Ыдинском хлеб не родился у жителей. И мы, холопи ваши, помираем голодною смертью, и впредь ко 205 году [к 1 сентября 1696 г.] посеять нечево.

<...> Велите, государи, из ыдинские пахоты, ис казны вашея великих государей дать нам, холопям вашим, на ссуду, на пропитание и на семена, чтоб нам, холопям вашим, не помереть голодною смертью» [95].

На обороте: «К сей челобитной вместо атамана казачья Петра Афонасьева по его велению Пронька Чернеговской и за себя руку приложил».

Атаман казачий Петр Афанасьев по фамилии Раздобреев был пасынком Федора Черниговского. Документ об этом будет приведен ниже.

Время затишья прошло, и в 1696 году в Иркутске и на Ангаре происходили громкие события, о причинах которых разбирались в Москве. Они известны как бунт «заморских», то есть забайкальских казаков. Об этом в Сибирском приказе было составлено обширное описание, которое мы приведем ниже, так как там среди прочего есть упоминания о Федоре Черниговском и о Емельяне Черниговском. Поскольку главные события происходили в Иркутске, то предварительно приведем краткое описание Иркутского острога, составленное чуть позже, в 1698 году:

«Лета 7207 [1698], октября в 17 день, по указу великого государя [П. А.] стольник и воевода Иван Федорович Никалев принял, а иркуцкой сын боярской Иван Максимов сын Перфирьев отдал Иркуцкой великого государя город рубленой, мерою в длину и в ширину по штидесят сажен, крыт тесом; в вышину до обламов дватцать один венец, обламов пять венцов.

По городу строения пять башен новых, в вышину до обламов по сороку венцов, обламов по шти венцов. В том числе четыре башни четвероугольные, пятая проезжая, осмиугольная, вверх о трех уступах, большая.

Да башня ж четвероугольная, проезжая, старая, с мосты.

Да вместо башни сушило большое с мосты, с верхними и с середними, и с подошвеными боями, и городовые ключи.

В городовой стене великого государя Приказная изба с сенми. Под нею подклеть. Под сенми тюрьма. А приказная изба и сени крыты тесом. <…>

На старой проезжей башне казенной великого государя анбар. У дверей замок задорожчатой с ключем. <…>

В городе таможенная изба с сенми.

На гостине дворе государевых одиннатцать лавок.

Изба с сенми, где живут приезжие торговые люди.

В городовой стене государев двор, где живут воеводы. Во дворе строения: четыре горницы, две на омшенике, две на жилых подклетах; горница столовая на жилом подклете, да мыльня» [96].

Бунт «заморских» казаков случился в бытность на воеводстве стольника Афанасия Тимофеевича Савёлова. В бунте приняли участие служилые люди Селенгинского, Удинского, Ильинского и Кабанского острогов, находившихся в Забайкалье и входивших в подчинение иркутского воеводы. Все эти остроги находились на реке Селенге и изображены в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова. Селенгинский острог находился на правом берегу Селен-

ги, в 7 километрах выше устья впадающей в нее речки Чикой. Удинский острог (ныне г. Улан-Удэ) был возле устья реки Уды, впадающей в Селенгу справа. Ильинский острог находился на левом берегу Селенги, в 46 километрах ниже Удинского острога. Кабанский острог стоял на левом берегу Селенги, возле впадающей в нее речки Кабаньей, ниже Удинского острога порядка в 110 километрах.

В выписке Сибирского приказа сообщается:

«В 205 [1696] году, октября в 18 день, к Москве в Афонасьевой отписке Савёлова написано:

В 204 [1696] году, в феврале месяце, селенгинской сын боярской Петрушка Арсеньев да новоприсланные в Удинск полковые стрельцы забунтовали, подговоря к себе прежних селенгинских, Ильинского и Кабанского острога служилых людей, а иных взяв по неволе, и промеж себя написав письменные крепости, проезжих людей и тутошных жителей грабят, и присланных людей, кои посланы при нем, Афонасье, переменяют и указных памятей ни в каких делах не слушают.

И для уговору де их в Удинск и в Селенгинск посылал он протопопа и детей боярских, Ивана Перфирьева, и служилых людей, чтобы их от тех злых дел уговорить. И они де уговору учинились ослушны, и от такого злого начинания не перестают, и похваляются итти во множестве в Иркуцк, и грозят многих иркуцких жителей побить и грабить» [97].

Почему забунтовали служилые люди, воевода не сообщал. Это выяснилось позднее из показаний служилых людей во время сыска, который проводился в Сибирском приказе. Самые подробные показания давал Антон Березовский. В «Списке разборном селенгинским детям боярским и пятидесятникам, и десятникам, и рядовым конным и пешим казакам» он числится пятидесятником конных казаков [98].

«Антошка Березовской сказал: в прошлом де 204 [1696] году, по отпуску селенгинского прикащика Остафья Перфильева и по выбору селенгинских всех служилых людей, ездил селенгинской казак Сенка Краснояр в Иркуцкой бить челом великому государю о государевом денежном жалованье селенгинским служилым людям на 204 [1695–1696] год при бытности в Иркуцком на воеводстве Афонасья Савёлова. А он де, Антошка, в то время был в своей деревне.

И в то время воевода Афонасей Савёлов послал знакомца

своего Гаврила Коноплева через Селенгинск к калмыцкому Бубухту хану в улусы с товарами своими для торгу. И селенгинские де служилые люди, по письму челобитчика своего Сенки Краснояра, с товары остановили и товары у него взяли, для того что в письме Сенки Краснояра к ним писано, что Афонасей Савёлов в даче государева жалованья им отказал. А Гаврила Коноплёва отпустили в Иркуцкой.

А в то де время он, Антошка, в Селенгинском не был же, а был в Иркуцком для государева денежного жалованья. А от выдачи де жалованья взял с него Афонасей Савёлов от 4 рублей от 29 алтын рубль.

И как де он, Антошка, приехал из Иркуцка в деревню свою, из Селенгинска де прикащик Остафей Перфирьев прислал к нему память, чтоб собрать по деревням селенгинских детей боярских и пятидесятников, и десятников, и рядовых служилых людей, низовых жителей, и, взяв их с собою, приехал бы в Селенгинск для государева дела.

И по той де памяти приехал в Селенгинск сын боярской Петр Арсеньев да пятидесятники Митка Таракановской, Левка Чюжакин, десятники Стенка Харитонов, Стенка Бурдуковской и рядовые, Ивашко Брянской с товарыщи, а сколько числом, того, сказал, не упомнит.

И в то же время в Ильинской де острог приехал из Иркуцка челобитчик их Сенка Краснояр, а с собою привез государевой казны на дачю селенгинским служилым людям денег 100 рублей. И из Ильинского острогу он, Антошка, и с ним вышеписанные служилые люди, Петрушка Арсеньев с товарыщи, и Сенка Краснояр с тою государевою казною поехали в Селенгинск.

И, поехав де он, Антошка, из Ильинского, взял с собою знамя свое небольшое китайчатое, белой да черной китайки, мерою в аршин и больше, для проезду и обережи государевой казны от неприятельских иноземцов.

А из Ильинского де острогу, приехав, Антошка и Петрушка Арсеньев с товарыщи, и Сенка Краснояр с вышеписанною казною государевою, знамени с орлом от Приказные избы он, Антошка, и Петрушка Арсеньев, и Митька Тараканов ской с товарыщи не имывали, и под то государево знамя его, Антошку, служилые люди не саживали. А Петрушка де Арсеньев с товарыщи с ним, Антошкою, по донскому обычаю около него, Антошки, не сидели. <...>

А взятые те товары Афонасья Савёлова, которые взяты у знакомца его, селенгинские и ильинские, и кабанские служилые люди розделили по жеребьям, за то что он им на 204 [1695–1696] год денежного и хлебного жалованья не выдал, и чинил им многие убытки и разорение.

А ему де, Антошке, достались по розделу рысь, 19 корсаков, 22 белки, сукна вершок шапочной, четверть кожи яловичной. И те де товары променил он иноземцом на китайки.

А сколько де у него, Афонасья, послано было каких товаров с Гаврилом Коноплёвым, и тем де товарам служилые люди взяли у него, Гаврила, переписную тетрадь за ево, Афонасьевою, рукою. И та де тетрадь в Селенгинску у выборных их челобитчиков.

И в 204 [1696] году взяли его, Антошку, селенгинские служилые люди вневолю, чтоб он с ними ехал в Иркуцк для взятья государева хлебного жалованья. И как де они ехали Байкалом морем, и к ним приезжали из деревни 3 человека и говорили, чтобы они дощаником шли бережно, для того что хочет их в Иркуцкой хватать и мучить воевода Афонасей Савёлов за взятые свои товары, что взяты у знакомца его.

И как де он, Антошка, и селенгинские, и ильинские, и кабанские, и удинские служилые люди шли к Иркуцку, и, недоходя Иркуцка, за повороты знамя розвертывали и из мелкого ружья по выстрелу стреляли пыжами, и в барабаны били, и, приплыв, к берегу ко кресту пристали, и, пристав, знамя свернули, и ружье положили в дощаник, а ниже де города на прежнее пристанище дощаников итти они за Афонасьвыми угрозами Савёлова не смели.

И на дощаник приходил к ним **иркуцкой сын боярской Федор Черниговской** со служилыми людьми, сам третей, и звали их, Антошку не со многими людьми, к Афонасью Савёлову. И он де, Антошка, за устрашением к нему не пошли, для того что слышали они, Антошка с товарыщи, идучи в Иркуцкой, у сторонних людей, что хочет он, Афонасей, за взятые свои товары хватать их в Иркуцкой и мучить.

И после де того вскоре приходил к ним на дощаник Афонасья ж Савёлова иркуцкой же сын боярской Иван Перфильев да верхоленской служилой человек Афонасей Шеметов, чтоб они к Афонасью Савёлову шли с отписками, в скольких человеках они похотят. И они де, Антошка, с отписки из Селенгинска от Остафья Перфилова, а Ивашка Алемасов да Миска Борисов с отписками ж от Андрея Бейтона. И пришли к городовой стене, которая на берегу реки Ангары.

И Афонасей Савёлов в то время стоял на городовой стене с иркуцкими жителями всяких чинов людьми. И их, Антошку с товарыщи, звал он, Афонасей Савёлов, с отписки на городовую стену. И они де, Антошка с товарыщи, с отписки к нему, Афонасью, на городовую стену итти не смели, и говорили ему, Афонасью, он, Антошка с товарыщи, чтоб он, Афонасей, принял от них отписки в Приказе. И он де им сказал, что в город их не пустили.

И они де, Антошка и Миска Борисов, и Ивашка Пинега, пришед к нему, Афонасью, на городовую стену, отписки ему, Афонасью, подали. И били челом ему, Афонасью, чтоб селенгинским и ильинским, и кабанским служилым людям под их хлебные запасы дал дощаники с припасы против прежнего. И он, Афонасей, дал им прежней старой дощаник. И как де тот дощаник и вцелости был, и в то де время поднимал он хлебных запасов самое малое число.

И они де, служилые люди, починя тот дощаник, били челом ему, Афонасью, о даче хлебного жалованья и о судовых припасех. И он де, Афонасей, манил им в том 2 дни.

И на третей день вышел он, Афонасей, на городовую стену, где от них принял отписки, и он де, Антошка, с товарыщи о хлебном жалованье и о судах бил челом. И он де, Афонасей, в том им отказал и всех их на дощаниках велел от берега отбить иркуцким детям боярским Евдокиму Курдюкову, **Федору Черниговскому**, Максиму Поршенникову с служилыми людьми.

И те де дощаники от берегу прочь отбили бревнами и дощаничными парусными райнами. И на том де отбою от дощаников их две лодки-завозни взломали.

И дощаники де с ними, служилыми людьми, после отбою поплыли на низ Ангарою рекою. А к берегу они, Антошка с товарыщи, дощаниками своими пристали против Знаменского девичья монастыря с великою нуждою.

И к тем де их дощаникам по их прошению иркуцкой квасной откупщик гостя Ивана Ушакова Игнашка Ерофеев якорь и парусы, и дощаничные всякие припасы им дал. А он же, Игнашка, им же, служилым людям, ему, Антошке с товарыщи, Иркуцкого уезду в деревне Олонской дал 500 пуд ржи взаймы в кабалы.

Да иркуцкой **сын боярской Федор Черниговской** дал им взаймы 500 пуд ржи.

И взяв тот хлеб, пошли они, служилые люди, для хлебной покупки вприбавку к тому заемному хлебу Иркуцкого уезду в Каменской и в Бельской острожки» [99].

Здесь Федор Черниговский называется не пятидесятником казачьим, а сыном боярским.

О взятии хлеба взаймы здесь сказано глухо. Дальше мы приведем документы, в которых сообщается, что «заморские» казаки брали хлеб не «по их прошению», а насильством. Деревня Олонская находится на правом берегу Ангары в 85 километрах ниже Иркутска. А Федор Черниговский выдал им хлеб в Идинском остроге, тоже не добровольно.

Каменский острог — это второе название Идинского острога.

В выписке Сибирского приказа излагается содержание второй отписки воеводы Афанасия Савёлова:

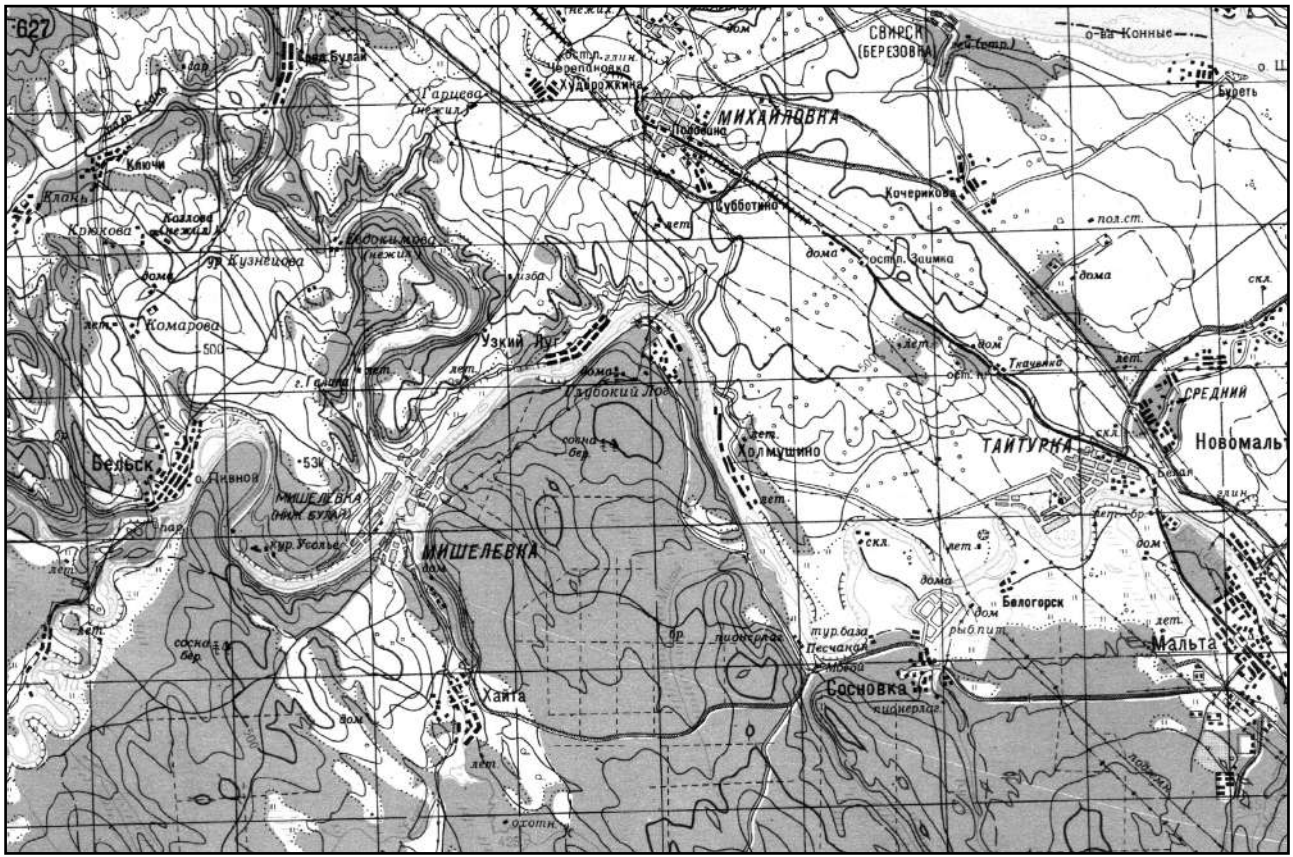
«В 205 [1696] году, декабря 8, писал к великому государю к Москве из Иркуцка он, Афонасей:

В 204 [1696] году, мая 19, воровски приплыли в Иркуцкой из-за Байкала моря в 2 пойма на дощанике и на каюке человек в двухстех и больши, с ружьем и с знамены, и с барабаны, и во всякой готовности, будто к воинскому делу, не по прежней обыкности, удинские, селенгинские и кабанские, и ильинские служилые люди, конные и пешие казаки, и полковые стрельцы, Антошка Березовской, Миска Борисов, Ивашка Алемасов, Емелька Паникадильщик, Куземка Кудреватой, Данилка Фык с товарыщи, и, пришед бунтом к городу и к воеводскому двору в многолюдстве, и просили государева денежного, хлебного и соляного жалованья впредь на 205 [1696–1697], и дощаников.

А на 204 [1695–1696] год государевым хлебным и соляным жалованьем все они полными оклады и на прошлой 203 [1694–1695] год пожалованы, только на 204 [1695–1696] год не додано селенгинским полковым конным и пешим казакам денег 97 рублей 17 алтын 2 деньги.

И он, Афонасей, им, селенгинским, государево хлебное жалованье в додачю на 204 [1695–1696] впредь на 205 [1696–1697] годы оклады их, хлебные и соляные, выдал сполна. А о денежном де жалованье он, Афонасей, им сказал, что выдано им будет из иркуцких доходов на 205 [1696–1697], как казна в сборе будет, и дощаники и всякие припасы отвесть им велел.

И мая же в 20 числе Антошка Березовской с товарыщи в многолюдстве, человек в 200 и больши, пришли к городу и к воеводскому двору в другой ряд с дубьем, и кричали в кругу градцким жителям, чтоб ему, Афонасью, от воеводства отказать, и в Приказную избу не пустить, и посадить своего воровского при-



Село Бельск на современной карте

казного, и над государевою казною поруху учинить. И сказывали на него, Афонасья, государево дело и измену.

И поплыв де из Иркуцка на низ Ангары реки, в Идинском и Бельском острогах, и по заимкам всяких чинов жителей разоряли и животы их пограбили безостатку. И они де, удинские и селенгинские, и полковые служилые люди, прибрав к себе на дощаники беглых полковых стрельцов и беглых холопей, и ясырей с женами и с детьми, и с животы, пришед в Иркуцкой с государевым хлебным жалованьем, которое хлебное жалованье они, удинские и селенгинские служилые люди брали в Бельском остроге, приваля к берегу, бунтом, умысля воровски, втретье порядным делом с ружьем к городу и к воеводцкому двору к нему, Афонасью, приступили, и из пищалей к стрельбе на него, Афонасья, и на градцких всяких чинов жителей из ружья побить и город, и дворы [со] стороны хотели зажечь. И он де, Афонасей, с градцкими всяких чинов людьми сидели в городе от их воровского бунту и приступу 7 дней.

И видя де он, Афонасей, такой их воровской вымысл и бунт, и к городу приступ, и к разоренью, и к пожегу похвальныя их слова, что хотят над государевым городом и над казною такое разоренье учинить, посылал он, Афонасей, к ним на дощаник не по одно время детей боярских Ивана Перфирьева с товарыщи, и служилых, и посадцких людей, и пашенных крестьян для уговору их, заморских служилых людей. И они де в разговор не дались, и от города не пошли, и говорили, что они под Иркуцкой зимою будут человек в пяти или шестистах, и над ним, Афонасьем, и над градцкими людьми всякое разоренье учинят» [100].

А Антон Березовский давал такие показания о пребывании в Бельском остроге и обратном походе в Иркутск:

«И приходили де к ним, Антошке с товарыщи, Бельского острога служилые люди и пашенные крестьяне, и извещали словами, что иркуцкой сын боярской Евдоким Курдюков курил у себя в деревне своей вино многое. И винокуренную его медную посуду: котлы и куб, и трубы, и два тчана у него взяли. Да у него же взяли в дому его хлебных запасов пуд с 30 да 2 коровы, да две свиньи. И винокуренную посуду и хлеб привезли они, Миска с товарыщи, в село Бельское. Да с ними же де, с Мискою, пришли люди ево, Евдокимовы, 3 человека з женами.

И живучи де при них в том селе Бельском, они, Миска с товарыщи, все служилые люди, тот Евдокимов запас и коровы, и свиньи съели.

А из Бельского де селенгинские и ильинские, и кабанские, и удинские служилые люди, и он, Антошка, пошли вверх по Ангаре к Иркуцкому. И пришед к Иркуцкому, стали на прежнем пристанище, от которого их по Афонасьеву веленью Савёлова иркуцкие дети боярские Евдоким Курдюков с товарыщи от берегу отбили. И стояли на том пристанище для хлебного печенья в дорогу 3 дня.

И пошли мимо города Иркуцка вверх Ангары реки. И знамена де и барабаны на дощаниках у них были. И у верхнего креста, которой на берегу Ангары выше города Иркуцка, к берегу пристали, для того что забыли они у иркуцкого посадцкого человека у Епишки государеву хлебную осминную бельскую меру. И пошли по ту осмину к Епишке с дощаника служилые люди Ганька Безрукой с товарыщи, 6 человек. И не допустя де их до двора, иркуцкие служилые люди, прозвище Кобыла, с товарыщи хотели их хватать и отвесть к Афонасью Савёлову, неведомо за что. И они де хватать себя не дали, и ушли к себе на дощаник, 5 человек. А шестого человека, Ивашка Новикова, ухватя, привели в город и отдали в тюрьму по приказу Афонасья Савёлова.

И они де, Антошка с товарыщи, на тех иркуцких служилых людей в бое и взятье в город Ивашка Новикова шли бить челом Афонасью Савёлову. И он де, Афонасей, увидя их из хором своих, что они идут к городу, прислал к ним дворянина Афонасья Бейтона, для чево де они идут. И они сказали: идут бить челом на иркуцких служилых людей Афонасью Савёлову. И Афонасей Бейтон им говорил, чтобы они от города шли прочь, а если не пойдут, и на них де в городе затравлена пушка.

И они де, Антошка с товарыщи, видя иркуцких служилых людей в собрании с ружьем и иных в пансырях, пошли от города прочь к дощаникам своим. А пансыря де в то время на нем, Антошке, не было, и из ружья у них нихто по городу не стрелял.

И приходил де к ним к дощаникам духовных дел десятник Иван Толстоухов и с ним многие служилые люди, и говорили, чтоб они пошли от города прочь. И они де, Антошка с товарыщи, им отказали, что им того числа и вскоре с пристанища за нощною порою итти дощаниками никоими делы невозможно. А на другой день с пристанища рекою Ангарою они пошли.

А Миска де Борисов да Данилко Фык с товарыщи пошли с дощаником наперед вверх реки Ангары берегом. И идучи, они, Миска и Данило с товарыщи, сухим путем, в деревне Иркуцкого уезду у сына боярского у Юрья Крыжановского взяли грабежом

ржи и пшеницы, и рогатой скот и свиней они убили. А сколько ржи и пшеницы, и скота и свиней сколько побили, того он Антошка, не ведает, а иное, что грабежом взяли, не ведает же. И грабежную де Юрьеву пшеницу в двух мешках холщевых на дощаниках он, Антошка, видел.

Да они же де, Миска и Данилка с товарыщи, идучи сухим путем наперед их же, Антошки с товарыщи, у зимовья на Бурдугузе прибили иркуцкого казака Ивашка Исакова да пашенного крестьянина Ганку Познякова, и грабежом взяли два постава камок лауданов да тулуп, да суму с табаком.

А пришед де они, Антошка с товарыщи, на дощаники с хлебными запасы, Иркуцкого уезду в Кабанской острог, разошлись все по своим острогам» [101].

Упомянутый здесь дворянин Афанасий Бейтон — герой второй албазинской обороны.

А красноярский сын боярский Василий Саломатов, которого воевода посылал из острога для уговора казаков, сообщил другие подробности:

«Да в Иркуцку и в Сибирском приказе красноярской сын боярской Василей Саламатов сказал: в прошлом де в 204 [1696], июля в 9, удинские и селенгинские служилые люди стояли в дощаниках на Ангаре реке, и с дощаников послали от себя шти человек служилых людей гостя Ивана Ушакова к прикащику Игнатью Ерофееву на квасную для хлебной осмины, чем хлеб мерять.

И шли де те 6 человек мимо воеводского двора, потому что тут путь надлежит. И от Афонасья Савёлова из малого города выскочили ссыльные Гаранька Исленев с сыном, всего человек з 10, и начали их, удинских и селенгинских людей, бить и хватать, и весть в малой город к Афонасью Савёлову. И они де, удинские и селенгинские служилые люди, выхватили у себя ножи для обороны от них, ссыльных людей, и говорили: "на начинающего Бог", и стали от тех ссыльных людей ножами борониться.

И удинские, и селенгинские, и ильинские, и кабанские служилые люди, увидя то, что их братью, 6 человек, ссыльные бьют и хватают в малой город к Афонасью Савёлову, с дощаников сошли и пришли многолюдством с ружьем, и к городу с ружьем приступали.

И Афонасей де Савёлов, и иркуцкие всяких чинов жители, такой воровской неприятельный приступ видя, посоветовав, его, Василья, из города к ним, удинским и селенгинским служилым

людям, софейского дома с сыном боярским с Иваном Толстоуховым для разговору посылали, чтобы они к городу с ружьем не приступали и с градцкими людьми убийств и ссор, и никакого разоренья не чинили, и шли б за море безспорно.

И они де, Удинского и Селенгинского, и Кабанского, и Ильинского острогов служилые люди, в разговор не дались и говорили: "уноси де и ты от нас свои ноги. А будет де из города хотя один человек вышед и в нас выстрелит, и мы де учиним то: со стороны де город зажжем, а с другой станем рубить".

И в то де время из малого городка от Афонасья Савёлова наведены были на них, служилых людей вышеписанных острогов, 2 пушки и мелкое ружье. А стрельбы ни у кого не было» [102].

Василий Саломатов почему-то умолчал о захвате людьми воеводы Савёлова Ивашки Новикова.

Антон Березовский тоже рассказал не все. «Заморские» казаки спускались вниз до Братского острога, провожая отправленных в Москву челобитчиков Сеньку Краснояра и Онисимка Падерина. В розыске, который проводил сменивший Афанасия Савёлова новый воевода Иван Николев, выявлены были убийства. Выписка Сибирского приказа так и озаглавлена:

«Об убийствах.

По розыску иркуцкого воеводы Ивана Николева явилось: тех иркуцких казаков били и стреляли по ним из ружья все провожальщики, человек 40, и убили из ружья Прохорка Караваева — Данилко Домашнев Орел, Митку Безрукого — Ивашка Мягкой, Фомку Кузнецова деревом убил Ивашка Тарханов. А кафтан и рубаху с него снял и в воду его спихнул селенгинского попа дворовой детина.

И в том убийцы в роспросе винились. А убили де они иркуцких казаков для того, что де они посланы были от Афонасья Савёлова челобитчиков их побить и пожитки их по себе разделить, и письмо у них взять, и Афонасью отдать. Потом де они, дорогою едучи, похвалялись. И им, заморским казакам, дали они, иркуцкие, о том скаску.

И брацкие жители сказали, что те иркуцкие казаки были ниже Брацкого острога и, беглых людей сыскав, повратились, и выше де Брацкого под Кежемскою деревнею заморские казаки учинили им бой и убийство, и битых шесть человек привезли в Брацкой, и на приезде учинили из ружья стрельбу по одному выстрелу, и после, убитых платье и обувь раскликая, продавали и по себе делили.

А раненых иркуцких поставили на дворы и, приходя, угрожали смертью, чтобы они дали им скаску, что они посланы от Афонасья челобитчиков их побить и ограбить, и письма обрать. И они де, бояся смерти, такия скаски дали.

И они де, брацкие жители, их, заморских казаков, разговаривали, и, чтоб тех шти человек не побили, взяли их на поруки з записью, чтоб им впредь их поставить, как они, казаки, спросят.

Из тех шти человек, взяв, они, казаки, Сенку Щетинку, привезли в Бельской острог к достальным заморским казакам. И с дощаника де для думы сносили знамя и барабаны, и кричали многие, чтоб его, Сенку, в воду посадить, а иные кричали и разговаривали, чтоб его не убили. И удинские де Данилко Фык, Петрушка Каинов, Алешка Уваров, поклав ему каменья в пазуху, бросили его в воду.

И те убойцы сидят в Иркуцку в тюрьме за караулом до указу великого государя» [103].

В 1699 году брат умершего к этому времени Ивана Ушакова Алексей Ушаков подал челобитную о возмещении хлеба, взятого заморскими казаками. Об этом есть отрывочный документ:

«И ныне великому государю [П. А.] гостиной сотни Алексей Ушаков бьет челом: в прошлом де во 204 [1696] году в Сибири, в Ыркуцке, взяли у прикащика ево у Игнашка Ярофеева удинские и селенгинские казаки хлебных покупных запасов 1000 пуд ржи да струг [с] снастьми и с парусом.

И великий государь пожаловал бы ево: велел ему вместо той ржи (дать) в Ыркуцку из своей великого государя (казны) то ж число, 1000 пуд ржи, прикащику ево Игнашке Ярофееву. А за дощаник и за дощанишные припасы выдать в Ыркуцком деньгами.

И о том бы дать ему великого государя грамоту.

На той ево челобитной помета дьяка (Афонасья) Парфёнова: 207 [1699], генваря в 10 день. Против сего челобитья иркуцких служилых людей, которые ныне на Москве, допросить» [104].

«И против сей пометы идинской и иркуцкой служилые люди в Сибирском приказе допрашиваны.

А в допросе идинской пятидесятник Ем(ельян) Черниговской сказал: в прошлом во 204 [1696] году был в Ыдинском на приказе дядя ево, Емельянов, иркуцкой сын боярской Федор Черниговской. И в то де время приплыли в Ыдинской удинские и селенгинские служилые люди, и взяли насильством из (анбару) гостиной сотни Алексея Ушакова хлебных з(апасов) пятьсот пуд

ржи. А те де хлебные запасы по приказу дяди своего Федора Черниговского тем удинским и селенгинским служилым людем…

А в Олонской деревне они ж, удинские и селенгинские служилые люди, взяли насильством у прикащика ево, Алексеева, у Игнашки Ярофеева пятьсот пуд ржи.

И в том де взятом хлебе они, удинские и селенгинские служилые люди, Фед(ору) Черниговскому и Игнашке Ярофееву да(ли) на себя за руками заемные письма.

А дощаник де и дощаничные всякие припасы у прикащика ево, Алексеева, (у Игнашки Яро)феева под хлебные запасы взя(ли ль), про то он, Емельян, не ведает» [105].

На обороте: «К сим допросным речам Емелька Чернеговской руку приложил».

«Иркуцкие служилые люди:

десятник Остафей Григорьев
да казаки Гараска Васильев
Филка Шапкин

в допросе сказали: как де удинские и селенгинские служилые люди, приплыв в Ыдинской и в Олонскую деревню, у прикащика у Федора Черниговского из анбара и у Алексеева прикащика Ушакова у Игнатья Ерофеева ево, Алексеевых, хлебных запасов тысячю пуд взяли, про то де они от своей братьи, служилых людей слышали» [106].

На обороте хорошим почерком написано: «К сей скаске вместо Осташки Григорьева, Гараски Васильева по их велению иркуцкой пятидесятник казачей Емелька Чернеговской руку приложил». Затем: «И к выписке челобитчик Алексей Ушаков подал заемных писем удинских и селенгинских служилых людей во взятом хлебе в 1 000 пудах, каковы он и дали идинскому прикащику Федору Черниговскому и Игнашке Ярофееву списков списки, а в них написано» [107].

Один заемный список, тот, который был дан приказчику гостя Ивана Ушакова Игнатию Ярофееву, Алексей Ушаков предъявил в Сибирском приказе. С него там сняли список:

«Лета 204 [1696] году, июля в … день, Селенгинского города и Удинского города, и Ильинского, и Кабанского острогов дети боярские и пятидесятники, и десятники, и рядовые служилые люди, будучи мы в Ыркуцком городе, били челом великим государем о хлебных окладах и о денежном, и о соляном жалованье. А в Ыркуцком стольник и воевода Афонасей Тимофеевич Савё-

лов нас, холопей государевых украинных городов, государским жалованьем: хлебным и денежным, и соляным, и дощанишными припасами не пожаловал.

И для ради нашей скудости, гостя Ивана Ушакова прикащик ево Игнатей Ярофеев дал нам на ссуду пятьсот пуд ржи да на дощаник варовые снасти: бечеву да два дрога, да шесть ног, да парус ветхой, а те писаные снасти — на парус.

А заплатить нам ему, Игнатью, за ту пятьсот пуд рожь и за варовые вышеписанные снасти, и за парус, как великие государи укажут.

В том мы, селенгинские и удинские дети боярские, и пятидесятники, и десятники, и все рядовые служилые люди ему, Игнатью, и росписку дали.

А росписку писал по их веленью, детей боярских и пятидесятников, и всех рядовых служилых людей селенгинской рядовой служилой человек Тараска Иванов.

Лета 7204 [1696] году, июля в … день» [108].

Затем следуют рукоприкладства.

Видимо, подобная расписка была дана и Федору Черниговскому.

А далее следует выписка о челобитной Алексея Ушакова:

«И против сей челобитной в Сибирском приказе выписано:

В прошлом в 205 [1697] году писал к великому государю с Тюмени думной дьяк Данило Полянской да дьяк Данило Берестов и прислал к Москве Удинского и Кабанского острогов выборных челобитчиков Сеньку Краснояра да Онисимка Падерина и списками заручных пять челобитен удинских и селенгинских, и кабанских, и ильинских разных чинов служилых людей на иркуцкого воеводу на Афонасья Савёлова в обидах и налогах, и во взятках, и в разоренье, и в ыных делех о розыску.

Да в тех же их заручных челобитных написано: в прошлом де в 204 [1696] году, маия в 24 числе, приплыли они, селенгинские и удинские, и ильинские, и кабанские служилые люди в Ыркуцкой, и били челом воеводе Афонасью Савёлову о государеве денежном жалованье и о дощаниках, и о дощаниш(ных) припасех дни п(о два) и по три.

И Афонасей Савёлов, рнясь на них, служилых людей, за то что у людей ево, Афонасьевых, выняли заповедной товар и ружье, и порох, и он де Афонасей против челобитья их отказал.

И они де, видя над собою такое великое разорение и напад-

ки, не хотя голодн(ою смертью з же)нами и з детьми п(омереть и) государевы службы не отбыть, в Ыркуцком в Вознесенском монастыре взяли взаймы 500 пуд ржи Идинского [написано: Удинского. — *Г. К.*] острогу у Федора Черниговского 500 пуд ржи да у гостя Ивана Ушакова, у прикащика ево Игнашки Ярофеева, 500 пуд ржи, и на дощанике всякие судовые припасы. И в тех заемных хлебных запасех дали им на себя заемные письма.

А в допросных речах удинских и селенгинских служилых людей, которые были присланы к (Мос)кве в челобитчиках, Сеньки Краснояра да Онисимка Падерина, написано: в прошлом де 204 [1696] году, как оне приплыли для хлебных своих окладов к Иркуцкому, и воевода Афонасей Савёлов в город их не пустил, и дощаником велел плыть и пристать ниже города. И они де по ево, Афонасьеву, приказу тем дощаником пристали гостя Ивана Ушакова у торговой бани.

И Афонасей де Савёлов тех удинских служилых людей иркуцким служилым людем велел от берегу отбить. И они де, удинские и селенгинские служилые люди, поплыв Ангарою на низ, стали под Вознесенским монастырем. Взяли взаймы в том монастыре у строителя 600 пудов ржи и сплыли в Идинской острог. А в том де остроге взяли у прикащика у иркуцкого сына боярского у Федора Черниговского да гостя Ивана Ушакова у прикащика у Игнашки Ярофеева 1000 пуд ржи. И в тех заемных хлебных запасех строителю и прикащику Фе(дору Черниговскому) и гостя Ивана Ушако(ва прикащику ево) Игнашке Ярофееву (дали на себя заемные письма)» [109].

Емельян Черниговский в 201 [1692–1693] году был рядовым, а в 1699-м уже пятидесятник Идинского острога. А между тем в окладных книгах Илимского острога он почему-то продолжал числиться. В окладной книге Илимского острога за 203 [1694–1695] год записано: «Емелька Васильев сын Черниговской со 195 [1686–1687] году послан на службу в Дауры и по 203 [1694–1695] год в Ылимск не бывал. Оклад его порожжей» [110].

Такая же запись имеется в книге за 204 [1695–1696] год [111]; за 205 [1696–1697] [112]; за 207 [1698–1699] и 208 [1699–1700] годы [113]; в другой книге за 208 [1699–1700] же год [114].

Все эти книги были посланы из Илимска в Москву. Но, оказывается, не каждой записи в документах можно верить, бывают оплошности даже без злого умысла.

С Емельяном Черниговским из Верхотурья в Иркутск была отправлена товарная казна:

«Лета 7207 [1699], маия в 2 день, про указу великого государя и по памяти из Сибирского приказу за приписью дьяка Афонасья Парфенова иркуцкому пятидесятнику Емельяну Чернеговскому с товарыщем верхотурской таможенной и заставной голова Василей Шышелов отдал великого государя товарные казны, которую он, Василей, покупал в руских городех. [Далее следует перечисление количества холста и крашенины. — *Г. К.*]

Всего тое товарные казны на триста рублев.

А тое товарную казну отдал я, Василей, по образцам, каковы присланы с Москвы на Верхотурье из Сибирского приказу в нынешнем 207 [1698–1699] году.

Да на тое ж казну отдал три рогожи рядных, дватцать рогож простых, двенатцать веревок, два короба» [115].

Кроме этого из Верхотурья же были отправлены письменные принадлежности. Об этом сообщается в отписке верхотурского воеводы Козьмы Козлова иркутскому воеводе Ивану Федоровичу Николеву:

«Господину Ивану Федоровичю Козьма Козлов с товарыщи челом бьет.

В нынешнем в 207 [1699] году, апреля в 8 день, по указу великого государя [П. А.] прислана на Верхотурье из Сибирского приказу ево, великого государя, грамота. А подписана в Нерчинской к стольнику и воеводе к Ивану Никалеву, да четыре масца, да в дву туисках чернила, да краска за казенною печатью Сибирского приказу с верхотурскими детьми боярскими, з Григорьем Загурским с товарыщи.

А та великого государя грамота и четыре масца, и в туисках чернила, и краска у них принять было на Верхотурье в Приказную полату. А с Верхотурья послал я тое великого государя грамоту и четыре масца, и чернила, и краски за казенною печатью Сибирского приказу вцелости к тебе в Ыркуцкой с ыркуцким пятидесятником с Омельяном Чернеговским, маия в 12 день нынешняго 207 [1699] году. И о приеме тое великого государя грамоты и четырех масцов, и чернил, и краски, и о посылке из Ыркуцка в Нерчинской, и для ведома о письме ко мне учинить тебе, господине, по указу великого государя» [116].

На обороте отметка о подаче: «208 [1699] году, декабря в 22 день, подал отписку Идинского острогу пятидесятник Емелька Черниговской».

Что такое «мазец», неизвестно, в словарях это слово не встречается.

Затем Емельян Черниговский сдал товарную казну:

«208 [1700], генваря в … день, принял таможенной и заставной голова Василей Курлаков да выборной целовальник Федор Кычин товарную великого государя меновную казну, которая прислана по указной памяти из Приказной избы от стольника и воеводы Ивана Федоровича Никалева и московского посыльщика у идинского пятидесятника Емельяна Чернеговского.

А каких товаров и с которыми ценами принять, и то писано в сей росписке имянно по статьям. [Далее перечисляются товары. — *Г. К.*]

И против приему не достало трех рогож рядных, двух коробок» [117].

На этот товар рассчитывали выменивать у местного населения мягкую рухлядь, но товар не пошел.

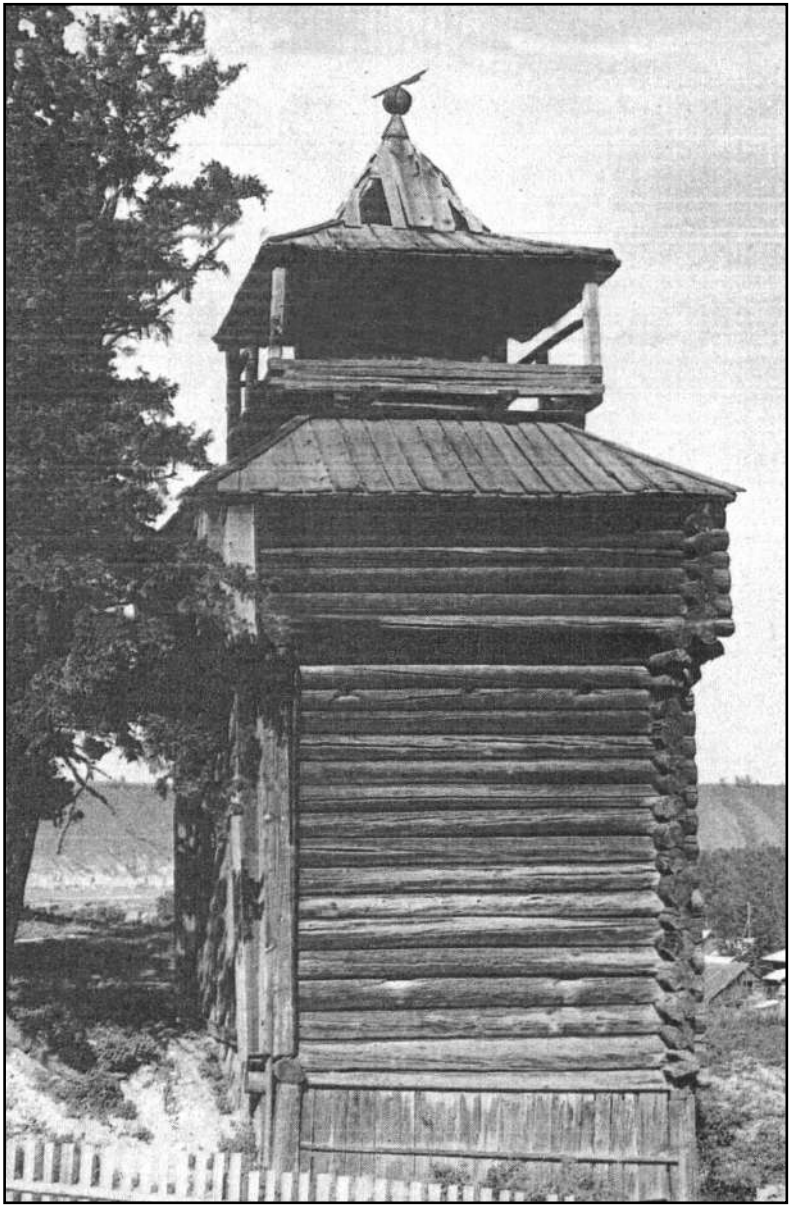
На замену воеводе Афанасию Савёлову был послан Семен Тимофеев Полтев, но, не доехав до Иркутска, умер, воеводскую должность правил его трехлетний сын Николай и выборный при нем Иван Перфильев.

А между тем, челобитчиков «заморских» казаков в Сибирском приказе приняли неплохо. Но их приезд в Москву для Федора Черниговского обернулся большими неприятностями. В чем заключались эти неприятности, следует из выписки Сибирского приказа:

«В прошлом в 205 [1697] году, генваря во 12 день, послана великого государя грамота в Ыркуцкой к воеводе к Семену Полтеву, что явилось челобитьем Селенгинского и Удинского, и Кабанского, и Ильинского острогов служилых людей и с челобитчики с Сенкою Краснояром, с Анисимком Падериным, иркуцкой казак Федка Челюскин в Сибирском приказе на очной ставке сказал: будучи де в Иркуцку, Афонасей Савёлов, презря великого государя указ и наказ, без указу великого государя и без грамоты верстал многих людей в дети боярские, а иных в атаманы, и не против наличного числа людей в пятидесятники и десятники, а иным многим чинам придачи многие.

И тех людей, которые верстаны в Ыркуцком и в острошках, опричь рядовых казаков, при нем, Афонасье, и при прежних воеводах без указу и без грамот ис Сибирского приказу, всем из ссыльных людей быть в прежних чинех, хто в каком был, и ссыльные, хто в какой чин присланы.

А хто кому по воевоцкому верстанью великого государя жалованья ис казны дано денег и хлеба, и соли сверх прежних окла-



Башня Бельского острога

дов, и ссыльным людем, которых в службу верстать не велено, и то взять в государеву казну из воевоцких животов, не описываясь ничем, для того, чтоб впредь иным воеводам без указу великого государя и без грамот, соединясь с челобитчики для больших своих взятков, делать того было неповадно» [118].

А в Иркутск тем временем прибыл новый воевода Иван Федорович Николев. Он проверил дела о верстании в служилые люди при бывшем воеводе Афанасии Савёлове и выявил, что тот некоторых служилых людей верстал в неуказные чины:

«Будучи де в Иркуцку воеводою, Афонасий Савёлов, презря великого государя указ и наказ, каков ему дан из Сибирского приказа, без указа великого государя и без грамоты верстал многих людей в дети боярские, а иных в атаманы, и не против наличного числа людей — в пятидесятники и в десятники, а иным к прежним окладам чинил придачи многие.

И тех людей велено от чинов отставить, что им по тому воеводскому верстанью дано из казны денег и хлеба, и соли сверх против окладов, и ссыльным людем, которых верстать в службу не велено, и то взять в государеву казну из воеводских пожитков, для того, что и в иных сибирских городех воеводское верстанье и придачи, что они без указу великого государя чинили, велено отставить, чтоб впредь иным воеводам без указу великого государя и без грамоты, соединясь с челобитчики для больших своих взятков, делать того было неповадно» [119].

С воеводы Савёлова была взыскана крупная сумма денег, а тем, кому он и его предшественник Иван Гагарин незаконно дали придачу к окладам, уменьшили жалованье до прежних размеров.

В числе таких оказался, как ни странно, даже один из главных бунтовщиков Антон Березовский. В «Списке разборном селенгинским детям боярским и пятидесятникам, и десятникам, и рядовым конным и пешим казакам» 1699 года записано: «Пятидесятнику конных казаков Антону Березовскому к прежнему его окладу при князе Иване Гагарине учинено ему придачи: денег 2 рубли, хлеба 2 чети ржи, овса тож, пуд соли. По указу великого государя, по грамоте его государевой, воевоцкую придачю отставить» [120].

Коснулось это и Федора Черниговского. В отписке воеводы сообщалось:

«Петр Демьянов сын Многогрешный. Да в прошлом в 199 [1690–1691] году под Селенгинском убит. И в прошлом в 201

[1692–1693] г. при стольнике и воеводе при князь Иване Гагарине за восприятие христианские веры поверстан новокрещеный Петрушка Иванов сын Тайшин в оклад Петра Многогрешного. Придачи ему учинено пуд соли. И в прошлом 203 [1694–1695] [написано: 205. — *Г. К.*] г. стольник и воевода Афонасий Савёлов к прежнему его окладу учинил придачи: денег 2 р., хлеба 2 чети ржи, овса тож, 12 п. соли. И в прошлом же во 203 [1694–1695] г. он, Петрушка, изменя великому государю, бежал в мунгалы.

И в 204 [1695] г., сентября в 8 день, по помете на челобитной стольника и воеводы Афонасья Савёлова поверстан на его, Петрушкино место Тайшина, в дети боярские из идинских пятидесятников Федор Черниговский, и учинен ему оклад его, Петрушкин, с прибавкою: денег 13 рублей, хлеба 13 чети ржи, овса тож, 4 пуда соли, за хлебное жалованье служить с пашни.

И тот его Федоров оклад отставлен, потому что в тот оклад верстаны были без указу великого государя и без грамоты.

Оклад по приверстке боярина и воеводы Ф. А. Головина денег: 7 р. 16 алт. 4 деньги, хлеба 7 четей с осминою ржи, овса тож, 2 п. соли» [121].

Упомянутый здесь Петр Демьянов Многогрешный — сын сосланного в Сибирь украинского гетмана Демьяна Многогрешного.

В окладной книге 207 [1698–1699] года в разделе о детях боярских сделана следующая запись: «Федор Никифоров сын Черниговский, верстан после Петрушки Иванова в выбылой оклад Петра Многогрешного, и того окладу ему, Федору, по разбору стольника и воеводы Ивана Федоровича Николева до указу великого государя давать не велено, потому что верстан в выбылой оклад без указу великого государя и без грамоты» [122].

А в окладной денежной книге этого же 207 [1698–1699] года в фонде Сибирского приказа имеется несколько иная запись:

«Оклад денег тринатцать рублев.

Федор Никифоров сын Черниговской. И в нынешнем в 207 [1698–1699] году по указу великого государя и по грамоте, и по помете на розборной выписке стольника и воеводы Ивана Федоровича Николева оклад ево до указу великого государя давать не велено» [123].

В окладной книге хлебного и соляного жалованья за этот же 207 [1698–1699] год записано:

«Оклад тринатцать чети ржи, овса тож, четыре пуда соли, за хлебное жалованье служит с пашни

Федор Никифоров сын Черниговской» [124].

Что было дальше, сообщается в выписке Сибирского приказа:

«И в прошлом 208 [1699] году, октября в 14 день, писал к великому государю из Иркуцка стольник и воевода Иван Николев и под отпискою прислал разборной список. А в списке написано:

В прошлом де в 204 [1695] году, сентября в 8 день, по помете на челобитной стольника и воеводы Афонасья Савёлова поверстан на Петрушкино место Тайшина в дети боярские из ыдинских пятидесятников Федор Чернеговской и учинен ему оклад денег 13 рублев, хлеба 13 чети ржи, овса тож, 4 пуда соли. За хлебное жалованье служит с пашни. И тот ево Федоров оклад отставлен, потому что в тот оклад верстаны были без указу великого государя и без грамоты.

И великому государю [П. А.] иркуцкой отставной сын боярской Федор Чернеговской бьет челом» [125].

Далее следует изложение его челобитной, а мы приводим ее полностью:

«Великому государю [П. А.] бьет челом холоп твой, иркуцкой отставленной сынчишко боярской Федька Черниговской.

В прошлых, государь, годех отцу твоему государеву, блаженные памяти великому государю [А. М.], и братьям твоим государевым, блаженные памяти великим государем [Ф. А., И. А.], и тебе, великому государю [П. А.], служил я, холоп твой, в сибирских городех многие годы. И ис тех городов во многих посылках и острогах для разных твоих великого государя дел бывал. И, служа и радея тебе, великому государю, прибыли чинил и в походех многажды бывал, и с неприятельскими воинскими людьми бился, не щадя лица своего.

И за ту мою, холопа твоего, вышеписанную службу в прошлых годех по воевоцкому расмотрению поверстан я, холоп твой, был по Иркуцку ис пятидесятников в дети боярские. А сынишко мой Петрушка был приверстан в атаманы.

И в прошлом, государь, в 206 [1698] году по твоему великого государя указу и по грамоте я, холоп твой, с сынишком своим Петрушкою ис тех чинов отставлены.

<…> Вели, государь, мне, холопу твоему, по-прежнему быть по Иркуцку в детех боярских, а сынишку моему Петрушке в атаманех. А за хлебное твое великого государя жалованье вели, государь, мне, холопу твоему, и сынишку моему Петрушке владеть пашенною и непашенною землею, и сенными покосы, и скотинны-

ми выпуски, и всякими угодьи по прежним моим, холопа твоего, письменным крепостям.

Вместо Федьки Черниговского Федко Клепиков руку приложил» [126].

Похоже, что Федор Черниговский был неграмотным. А о сыне его Петре упомянуто в первый и последний раз, хотя окладные книги по Иркутску за это время сохранились.

Однако челобитье не было удовлетворено, так как установленные для Иркутска 12 должностей детей боярских были заполнены.

В 1699 году в Иркутске производился сыск по злоупотреблениям бывшего воеводы Афанасия Савёлова. Для этого необходимо было опросить всех людей Иркутского уезда, нет ли у них каких-либо жалоб. Федору Черниговскому вручили память:

«Лета 7207 [1699], мая в … день. По указу великого государя [П. А.] память иркуцкому сыну боярскому Федору Никифорову сыну Черниговскому да конному казаку Ивану Чичагову.

Ехати им из Ыркутцкого в Ыркутцкой уезд [в] Вверх-Иркутцкую и Ангарские деревни, в Кудинскую и в Уриковскую, и в Оёцкую слободы, в Хомутовскую и в Талькинскую, и в Карлуцкую, и в Познякову деревни, в Ыдинской и в Бельской остроги, и в Олонскую деревню.

И, приехав, им, Федору и Ивану, в те вышеписанные остроги, слободы и деревни, роспрашивать служилых людей и пашенных крестьян, и промышленых и гулящих людей, кому какие обиды и налоги, и разорение от прежняго воеводы стольника Афонасья Савёлова были ль или нет.

И буде кому ни есть от него, стольника Афонасья Савёлова, какие обиды и налоги, и разорение были, и они б на него, Афонасья, приносили в Ыркутцкой в Приказную избу челобитные. И по тем челобитным указ великого государя по грамотам и по наказу, и по статьям им, челобитчиком, будет тотчас.

А есть ли до него, Афонасья, никому о челобитье дела не будет, и те б люди давали б им, Федору и Ивану, скаски за своими руками. А те скаски им, Федору и Ивану, привесть в Ыркутцкой в Приказную избу и подать столнику и воеводе Ивану Федоровичю Никалеву.

А хто будет челобитчиков на него, Афонасья, и тех челобитчиков переписать им, Федору и Ивану, на роспись. А челобитчиков выслать к розыску в Ыркутцкой, не замотчав, чтоб за ними розыскное дело не стало.

Такова ж память дана Ивану Чичагову» [127].

Выполнив приказ, Федор Черниговский и Иван Чичагов подали доезд — письменный отчет.

«Лета 7209 [1701], мая в 2 день, по указу великого государя [П. А.] и по указной памяти за пометою стольника и воеводы Ивана Федоровича Николева ездили иркуцкие сын боярской Федор Никифоров сын Черниговской да конной казак Иван Чичагов в Ыркутцкой уезд [в] Верх-Ангарские деревни, в Кудинскую и в Урецкую, и в Оёцкую слободы, в Хомутовскую и в Талькинскую, и в Карлуцкую, и в Познякову деревню.

А приехав в те вышеписанные остроги и слободы, и в деревни, велено нам, Федору и Ивану, допрашивать служилых людей и пашенных крестьян, и промышленых, и гулящих людей, кому какие обиды и налоги, и разоренье от прежняго воеводы стольника Афонасья Тимофеева сына Савёлова были ль или нет.

А буде кому ни есть от него, Афонасья Савёлова, какие налоги и обиды, и разоренья были, и они б на него, Афонасья, приносили в Ыркуцку в Приказную избу челобитные. И по тем челобитным указ великого государя по грамотам и по наказу, и по статьям им, челобитчиком, будет тотчас.

А есть ли до него, Афонасья, никому о челобитье дела не будет, и те б люди давали нам, Федору и Ивану, за своими руками скаски. А те скаски велено нам привесть в Ыркутцкой в Приказную избу за руками.

А Идинского и Бельского острогов, и Олонские деревни служилые и посацкие люди, и пашенные крестьяня давали нам, Федору и Ивану, скаски за своими руками. И те скаски — под сим доездом.

А кудинские и урецкие, и оецкие, и хомутовские, и карлуцкие, и талькинские, и позняковы пашенные крестьяня сказак нам не дали. А сказали, что они будут на Афонасья Савёлова челобитчики.

В том Федор и Иван и доезд подали за своими руками.

А доезд писал по их, Федорову и Иванову, веленью Стенька Соколов» [128].

На обороте — рукоприкладство: «К сему доезду вместо иркуцкого сына боярского Федора Черниговского и за себя Ивашка Чичагов руку приложил».

К доезду приложена сказка служилых людей Идинского острога:

«207 [1699] году, маия в 7 день, по указу великого государя и по наказу, и по приказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Николева иркуцкой сын боярской Федор Черниговской да конной казак Ивашко Чичагов, приехав в Ыдинской острог, допрашивали служилых людей:

идинскова атамана	Петрушку Раздобреева
десятника	Максима Переломова
	Проньку Черниговскова
	Миньку Кулакова

и рядовых служилых людей

Ивашка Хорошова, Илюшку Манькова, Якушка Жидова, Кузьку Манькова, Сергушку Черниговскова, Фетьку Безпалова, Проньку Манькова, Петрушку Бутакова, Кирюшку Утюжникова, Пантюшку Хорошова, Алешку Хорошева, Левку Клыкова, Куску Бодороева, Максимка Кулакова, Ивашка Минина.

И все мы, служивые люди, сказали про стольника Афонасья Тимофеевича Савёлова, что от него, стольника, никаких абид и налоги, и разоренья никакова не видали.

То наша казачья и скаска.

Того ж числа сказали служивые люди Идинскова острогу:

Олешка Шюваев, Митька Шюваев, Олешка Кулаков,

Васка Безпалой, Олешка Тугаринов

против тех же вышеписанных казаков, что писано в сей скаске выше сего» [129].

На обороте — рукоприкладства. Среди них: «К сей сказке вместо Петрушки Роздобреева, Сергушки Чернеговского по его велению Пронька Чернеговской за себя руку приложил».

Петрушка Роздобреев – это пасынок Федора Черниговского.

В приходной книге Иркутского острога есть две записи о приеме от Федора Черниговского денег с местного населения вместо ясака, ввиду оскудения пушного зверя.

«Июля в [22] день [1704 г.] великого государя в казну по помете с приписью подьячего Ивана Ипатьева на отписке из Идинского острогу от прикащика иркуцкого сына боярского Федора Черниговского зборных денег великого государя в ясак с идинских братцких людей за их скудостью за соболиное число к иным зверям впридачю на нынешней 1704 год дватцать шесть рублев.

Да доимочных за квасной откуп того ж Идинского острогу на прошлой 1703 год с откупщика иркуцкого сына боярского Юрья Крыжановского пятнатцать алтын две деньги.

Всего дватцать шесть рублев пятнатцать алтын две деньги принято у посыльщика того ж Идинского острогу пешего казака Ивана Зверева и отдано в приход выборному казенному целовальнику Андрею Юдину. Под тою запискою в приеме тех денег он, целовальник Андрей Юдин, росписался» [130].

И вторая запись:

«Сентября в 22 день [1704 г.] великого государя в казну по помете с приписью подьячего Ивана Ипатьева на отписке из Идинского острогу прикащика иркуцкого сына боярского Федора Черниговского зборных денег великого государя в ясак с ыдинских ясачных брацких людей за их скудостью за соболиное число и к ыным зверям в придачю на нынешней 1704 год одинатцать рублев дватцать шесть алтын четыре деньги принято у посыльщика того Идинского острогу у пешего казака у Прокопья Манкова и отдано в приход выборному казенному целовальнику Андрею Юдину. Под тою запискою в приеме тех денег он, целовальник Андрей Юдин, росписался» [131].

Тут уже нет сомнений, что Федор Черниговский в 1704 году был по-прежнему сыном боярским.

В книге именной денежной расходной на жалованье служилым людям 1704 года записано: «Девять рублев. Иркуцкого сына боярского Федора Никифорова сына Черниговского, которому в 207 [1698–1699] г. по указу великого государя и по грамоте из Сибирского приказу, и по разбору прежнего воеводы стольника Ивана Николева по указу великого государя денежного жалованья давать не велено, потому что он верстан в выбылой оклад умершаго сына боярского Петра Демьянова сына Многогрешного без указа великого государя и без грамоты» [132].

Не ясно, платили ли ему какой-либо оклад.

И еще одна запись из окладной книги за 1708 год:

«Дети боярские <…>

Оклад десять четвертей ржи, овса тож, четыре пуда соли.

Федор Никифоров сын Чернеговской.

И генваря в 22 день великого государя соляное жалованье на нынешней на 708 год ему, Федору, четыре пуда соли дано в оклад ево сполна ис приему целовальника Андрея Притчина.

В приеме того соляного жалованья в подлинной книге росписался вместо ево, Федора, иркуцкой житель Корнилов» [133].

Из этих записей следует, что Федор Черниговский все-таки был восстановлен в детях боярских. О получении денежного жалованья не сказано. Это последняя запись из обнаруженных о Федоре Черниговском.

О других Черниговских записи есть. В книге Иркутского города хлебных и соляных расходов 207 [1698–1699] года упоминаются двое Черниговских:

«Ноября в 10 день [1698 г.] дано великого государя соляное жалованье на нынешней 207 [1698–1699] год Идинского острогу служилым людем:

десятнику конному	Прокофью Черниговскому
рядовым	Сергею Нефедьеву
	Максиму Кулакову
	Алексею Шуваеву
	Сергею Черниговскому

по два пуда человеку,

да пешим	Якову Жидову
	Алексею Бирисову
	Алексею Тугаринову
	Козьме Бодороеву
	Дмитрею Шуваеву.

Да идинскому казаку Якову Жидову за прошлой 206 [1697–1698] год два пуда без чети соли.

Итого десяти человеком — дватцать пуд с полупудом соли.

Во взятье в подлинной книге в их место росписался и за себя Пронька Черниговской» [134].

Сергей Черниговский — это сын Анисима Никифорова Черниговского.

В 1703 году Прокопий Черниговский побывал в Москве. В грамоте, отправленной из Сибирского приказа, написано:

«От великого государя [П. А.] в Сибирь в Ыркуцкой стольнику нашему и воеводе Юрью Федоровичю Шишкину.

В нынешнем 1703 году по нашему великого государя указу послано с Москвы в Ыркуцкой иркуцким всяких чинов служилым людем на наше великого государя годовое жалованье к тамошним иркуцким доходам вприбавку денег тысячю рублев да товаров [далее перечисляются эти товары и какова их цена. — *Г. К.*] с ыркуцкими служилыми людьми:

с пятидесятником с Аникою Воловым

да с конным казаком с Андреем Стерховым

да Идинского острогу з десятником казачьим с Прокофьем Черниговским

да Верхоленского острогу с пешим казаком с Васильем Сорокиным за их счетом и приемом» [135].

Село Бельск Иркутской области. Вид с острожной горы

Во время пребывания в Москве упомянутые в грамоте служилые люди подавали челобитную, написанную по новому образцу, установленному в царствование Петра. Титул царя не писался, а имена челобитчиков указывались в конце:

«Державнейший царь, государь милостивейший.

В нынешнем, государь, 1703 году приехали мы к тебе, государю, к Москве, с отписками и с твоею государевою казною в провожатых. И будучи, государь, на Москве, купили мы, раби твои, себе и детям, и братьям своим по пищали да поруху и свинцу по небольшому числу.

Всемилостивейший государь, просим Вашего Величества, вели, государь, нам купленые наши пищали, порох и свинец на Верхотурье пропустить.

А у кого, государь, сколько пищалей и пороху, и свинцу, и кому везем, тому под сею челобитною роспись.

Вашего Величества нижайшие рабы, иркуцкие

пятидесятник Аника Волов

казаки Прокопей Черниговской

Андрей Стерхов

Василей Сорокин.

1703, февраля в … день.

Роспись, у кого сколько ружья и пороху, и свинцу.

У Аники Волова пищаль-турка. Да сыну ево Ивану, да племяннику Алексею Воловых по винтовке, полпуда пороху, десять фунтов свинцу.

У Прокопья Чернеговского пищаль-винтовка. Да детем ево Семену да Михайлу Чернеговским по пищале-винтовке, полпуда пороху, десять фунтов свинцу.

У Андрея Стерхова пищаль. Да брату Михайлу Стерхову пищаль же, полпуда пороху, десять фунтов свинцу.

У Василья Сорокина пищаль. Да брату Афанасью Сорокину пищаль, десять фунтов пороху, свинцу тож.

К сей челобитной вместо Аники Волова по его веленью Прокофей Чернеговской и за себя руку приложил.

К сей челобитной вместо Андрея Стерхова по его велению и за себя Василей Сорокин руку приложил» [136].

Михаилу Прокопьеву Черниговскому в это время, согласно переписи 1748 года, которую мы приведем ниже, было всего лишь семь лет. Рано детей приучали к обращению с оружием. А Семен Прокопьев Черниговский в переписи не упомянут.

После возвращения Прокопия Черниговского в Иркутский острог в приходной книге сделана запись:

«Октября в 11 день великого государя в казну по грамоте из Сибирского приказу нынешнего 1704 году, марта 18 числа, недовозной денежной великого государя казны московские присылки у посыльщика Идинского острогу пешего десятника казачья у Прокофья Черниговского в уплату пятнатцать рублев шеснатцать алтын четыре деньги принято и отдано в прием выборному казенному целовальнику Андрею Юдину.

Под тою запискою в приеме тех денег он, целовальник Андрей Юдин, росписался» [137].

Эта недовозная денежная казна предназначалась на жалованье самому Прокофию Черниговскому и еще двум идинским казакам. Там же, в Иркутске, Прокофий Черниговский получил денежное жалованье на себя и для передачи идинским казакам, о чем в расходной книге сделана запись:

«Того ж числа [11 октября 1704 г.] по указу великого государя по помете на выписке подьячего Ивана Игнатьева великого государя жалованье впредь на 1705 идинским пешим казаком, наличному десятнику Прокофью Черниговскому да в посылку в Ыдинской острог с ним же, Прокофьем, рядовым Семену Звереву, Ивану Захарову, ис приему выборного казенного целовальника Андрея

Юдина денег, десятнику пять рублев шеснатцать алтын четыре деньги, рядовым дву человеком по пяти рублев, итого пятнатцать рублев шеснатцать алтын четыре деньги дано по окладом сполна.

А в подлинной книге под тою запискою во взятье жалованья и в посылку в Ыдинской острог вместо Семена Зверева, Ивана Захарова росписался Прокофей Черниговской» [138].

Служилых людей в Идинском острожке было недостаточно для несения всех служб. Поэтому они подали челобитную, о которой сообщили в Москву иркутские воеводы:

«Великому государю [П. А.] холопи твои, Ларион, Борис Синявины да Лука Артемьев челом бьют. В прошлом, государь, 706 году, декабря в 6 день, били челом тебе, великому государю, а в Ыркуцку в Приказной избе нам, холопем твоим, Идинского острогу служилые люди пешие

пятидесятник Емельян Чернеговской

десятник Прокопей Чернеговской

рядовые

Миня Кулаков

Петр Бутаков

Иван Захаров

с товарыщи, всего дватцать человек, подали за руками челобитную.

А в челобитной их написано: в прошлом де 706 году, октября в … день, по твоему великого государя указу и по иркутцкой указной памяти взято де из Ыдинского острогу для ясачного збору в Балаганской острог из них, служилых людей, два человека. А в Ыдинску де их малое число, только дватцать человек.

Да из них же де, служилых людей, в твою великого государя службу выбираютца в год в Ыдинском остроге:

за ясачным збором по два человека

к пивной продаже на квасную в целовальники по два человека

к хлебной покупке на винное твое великого государя куренье по одному человеку

к збору конских пошлин на конскую площадку по одному человеку

к молодьбе десятинного хлеба по одному человеку

на железные заводы к збору десятинного железа по одному человеку

к збору с посадцких людей и с кузниц и с мельниц годовых оброков по одному человеку.

А за вышеписанными де твоими великого государя службами в Ыдинском остроге для обережи твоей великого государя казны на карауле остаетца их только восемь человек.

И чтоб великий государь пожаловал их, служилых людей: велел по Идинскому острогу приверстать вновь казаков вприбавку, сколько человек ты, великий государь, укажешь.

А по справке, государь, в Ыркуцку в Приказной избе в прошлом 701 году, декабря в 21 день, в твоей великого государя грамоте из Сибирского приказу в Ыркуцк к прежнему воеводе стольнику Юрью Шишкину за приписью дьяка Ивана Чепелёва написано: указал ты, великий государь, учинить Иркутцкого присуда в пригородах и острогах служилых людей:

в Удинском конных казаков пятьдесят человек, пеших сто пятьдесят человек. Всего двести человек

в Селенгинску конных и пеших пятьдесят человек

в Ыдинском, в Ыльинском, в Кабанском по дватцати человек в остроге.

А больши того указного числа служилых людей прибавливать и убавливать не велено.

А твоего великого государева жалованья оклады им денежные и хлебные, и соляные велено учинить против иркуцких казаков: конным против конных, пеших против пеших, всем равно.

И мы, холопи твои, против их, Идинского острогу служилых людей, челобитья послали из Ыркутцка в Ыдинской острог для обережи и караулу твоей великого государя казны иркуцких служилых людей пять человек. И велели им в том остроге быть до твоего великого государя указу.

А вновь по Идинскому острогу служилых людей без твоего великого государя указу и без грамоты из Сибирского приказу привестать мы, холопи твои, опасны.

И о приверске, государь, по Идинскому острогу вприбавку служилых людей что ты, великий государь [П. А.], нам, холопем твоим, укажешь?

А сию, государь, отписку послали к тебе, великому государю, мы, холопи твои, к Москве из Ыркутцка чрез почту до Тобольска в первом свяске в нынешнем 707 году, мая в 15 день, с ыркутцкими служилыми людьми, с Ываном Ярцовым, с Андреем Короваевым, и велели подать в Сибирском приказе князю Матвею Петровичю Гагарину с товарыщи» [139].

Обратим здесь внимание на то, что согласно указу, полу-

ченному 21 декабря 1701 года, в Идинском остроге должны быть только пешие казаки. Упомянутые в этой отписке челобитчики Емельян Черниговский, Прокопий Черниговский, Иван Захаров Хороших в 1692 году были конными казаками, а теперь пешими. Для конных казаков устанавливались более высокие оклады по сравнению с пешими. Но, может быть, идинские конные казаки не были ущемлены, так как их оклады приравняли к более высоким окладам иркутских пеших казаков.

А сейчас приведем документ о пасынке Федора Черниговского.

«Державнейший царь, государь всемилостивейший.

В прошлых годах, назад тому лет с тринатцать, по твоему великого государя указу поверстан был я, раб твой, Иркуцкого города по Идинскому острогу в конную казачью службу в десятники. А за службу отца моего, иркуцкого сына боярского Федора Черниговского, поверстан был я, раб твой, по Иркуцку в атаманы.

И по твоему ж великого государя указу и по грамоте отставлен для того: которые де верстаны в какие чины в Ыркуцку, а не по московской грамоте, и таких велено отставить. А в мое место поверстан по Идинскому острогу в пешую казачью службу гулящей человек Максим Кирилов сын Переломов. А я, раб твой, ни в какой чин не приверстан, скитаюсь межу дворы, нужен и беден.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего Величества, пожалуй меня, раба своего. Вели, государь, поверстать меня, раба своего, в прежнее мое место по Идинскому острогу в пешую казачью службу.

Вашего Величества нижайший раб, иркуцкого сына боярского Федора Чернеговского богоданной сын, Петр Афонасьев сын Роздобреев.

1707 году, июня в 5 день.

К сей челобитной вместо брата своего Петра Роздобреева по его велению Прокофей Чернеговской руку приложил» [140].

Богоданный сын — это неродной сын, пасынок. Значит, Федор женился второй раз и взял в жены женщину с ребенком. Напомним, что, рассказывая о побеге отца, Федор Черниговский упомянул, что его, Федора, тестем был пашенный крестьянин Оська Васильев Подкаменный, ссыльный черкашенин, бежавший с Никифором Черниговским на Амур, а из Албазина в Китай. У Оськи Васильева было три дочери. Женой Федора, предположи-

тельно, была средняя дочь, Евгеньица. У него был родной сын Егор. Когда Федор женился второй раз, неизвестно. Подробности остаются загадкой.

Документы за XVIII век идут с большими перерывами. Вот документ, относящийся к 1723 году:

«Указ Его Величества Императора и самодержца Всероссийского ис канцелярии Иркуцкой правинции в Ылимск камисару Петру Соловарову или кто до прибытия ево кто управляет.

Нынешнего 723 году по Его Императорского Величества указу велено сыскивать Иркуцкого города недорослей, казачьих детей, которые не явились к высылке в Тобольск. И по получении сего указу оных недорослей сыскивать в Ылимску и в уездех накрепко, с прилежанием и радением, без упущения. А как сысканы будут, прислать в Ыркуцк под караулом немедленно. <…>

Идинского острогу

Василей Прокопьев сын Чернеговский

Василей Иванов сын Пашков

Василей Алексеев сын Тугаринов

Петр Семенов сын Чернеговский» [141].

Василий Прокопьев — это внук Никифора Черниговского. Согласно переписи 1748 года, ему в это время было 22 года. А Петр Семенов — внук Прокопия Черниговского. В дальнейших переписях ни он, ни его потомки не упоминаются.

Подведем пока итог потомкам Никифора Черниговского по мужской линии по состоянию на 1723 год.

Никифор Романов сын Черниговский

У него дети	Федор
	Анисим
	Василий
У Федора сын	Петр
У Анисима дети	Сергей
	Прокопий
У Василия сын	Емельян
У Прокопия дети	Семен
	Михайло 1686–1756
	Антипа 1693–1756
	Василий род. 1701
У Семена сын	Петр.

Годы рождения и смерти взяты из переписей 1748 и 1762 годов, которые мы приведем ниже.

Эти данные не являются исчерпывающими. Встречаются документы с неопознанными Черниговскими. Есть один загадочный документ, из которого следует, что в 1686 году в Якутске проживала какая-то вдова Черниговская:

«195 [1686] году, октября в 26 день, била челом великим государем [И. А., П. А.], а в Якутцком в Приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову словесным челобитьем вдова Огрофенка Иванова дочь Черниговского:

В нынешнем де во 195 [1686] году, октября в 26 день, поймали де ее работники, якуты, на аласе острова коня, шерстью белово, в сенном остожье. Вломилась к сену и сено поела в остожье много. А чья де та лошадь, того де она, Огрофенка, не знает.

И чтоб ее великие государи, Огрофенку, пожаловали: велели ее словесное челобитье записать и того же коня, досмотря, записать же.

Того ж числа по указу великих государей и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова отдан тот приводной конь белой великих государей до указу кормить денщику Якуньке Сирянину» [142].

Внизу написано: «Я, Якунька Сирянинов, взял коня шерстью белово до указу и руку приложил».

На обороте рукоприкладство: «К сему словесному челобитью вместо вдовыОгрофенки Ивановыпо ее веленью Петрушка Григорьев руку приложил».

Имела ли ли эта вдова отношение к роду Никифора Черниговского, сказать невозможно. Напомним, что жену Никифора Черниговского еще до ссылки в Сибирь звали Аносьицей, а ее отчима звали Петром. А на Лене, хотя и упоминают жену Черниговского, но не называют ее по имени. Может, это была албазинская жена Черниговского, которая могла выйти на Лену с казаками после сдачи Албазина китайцам.

Есть и еще записи в таможенных книгах за 1701 год о неопознанном промышленном человеке Петрушке Иванове сыне Черниговском, который занимался сплавом хлеба из Илги в Якутск:

«Того ж числа [1 июня 1701 г.] приплыл сверху Лены реки в Якуцкой город промышленой человек Петрушка Иванов сын Черниговских.

А у него по илгинской выписке хлебного запасу сто пятьдесят пуд ржи. А илгинская цена той рже пятнатцать рублев. А ту рожь купил он в Ылгинской волости у пашенных крестьян на явленные

свои платежные деньги, с которых денег взято с него по десяти денег с рубля на Илге в нынешнем 1701 году.

Да с него ж по той же проезжей послан с ним племянник ево родной Гаранька Иванов сын Ярофеевых, илгинской же покупки сто пятьдесят пуд ржи. Илгинская цена той рже пятнатцать рублев. А ту рожь купил он на явленные свои платежные денги, с которых денег взята десятая у него, Яранки, за продавцов за пашенных крестьян по десяти денег с рубля на Илге. А в Якутцком донято по десяти ж денег с рубля в таможнях в прошлом 1700 году.

И в нынешнем 1701 году тот ево вышеписанной хлебной запас в Якутцком не в продаже, в остатке впредь 1702 году» [143].

Имеется список промышленных и гулящих людей Илгинского острога за 1709 год. В нем записаны:

«Микитка Пантелеев Черниговских

Василей Иванов Черниговских» [144].

Возможно, что Василей Иванов Черниговских — брат упомянутого выше Петрушки Иванова Черниговских. Однако сам Петрушка Иванов Черниговских в списке промышленных и гулящих людей Илгинского острога за 1709 год не упомянут. А Микита Пантелеев Черниговских ранее и после не упоминается ни в каких документах, так же как и его отец Пантелей.

В 1735 году участники экспедиции Академии наук составили «Описание водяного пути от города Иркуцка вниз по рекам Ангаре, Тунгуске и Енисею до Енисейска». В этом описании упоминаются две заимки Черниговских. Одна из них была расположена выше Идинского острога, другая ниже. О той, которая выше, написано:

«Черниговская заимка <…> на левом берегу Ангары за островом. В ней житель — пашенной крестьянин».

Значит, не все Черниговские были служилыми людьми.

В шести верстах ниже Черниговской заимки на правом берегу Ангары находилась Гришева заимка. Ниже ее в семи верстах упоминается:

«Каменка деревня, она ж и Верхняя слобода, на том же берегу Ангары. Принадлежит к нижеписанному Идинскому острогу. В ней дворов с 15, жители посадские люди и пашенные крестьяне. <…>

Ида речка. Впала между вышеобъявленною деревнею Каменкою и следующим острогом в Ангару, а вершиною вышла верстах в 20 с восточной стороны из хребта.

Идинской острог Балаганского дистрикта на правом берегу Ангары на высоком каменном яру, по которому оной острог в просторечии и Каменкою называют. <…> Жители при оном остроге — служивые, казачьи дети, посадские и пашенные крестьяня. От Олонской слободы до сего острогу 44 версты, а от деревни Каменки 1. <…>

Чернеговская, она ж и Каменка деревня, присуду Идинского острогу на левом берегу Ангары. В ней 3 двора. Жители — служивые люди» [145].

Видимо, на этой заимке и жил Федор Черниговский.

Напротив деревни Каменки на левом берегу Ангары находилась Бейтонова заимка иркутского дворянина Матвея Бейтона. В ней — два двора и часовня во имя Николая Чудотворца. Матвей Бейтон — сын Афанасия Бейтона, руководившего обороной Албазина во время второй его осады китайцами.

Из переписей, которые проводились в то время, сохранилась переписная книга второй ревизии, 1747 года. Во время этой ревизии переписывались только лица мужского пола. Отставные казаки и их дети, не поверстанные в службу, значились как разночинцы. Приводим выписку из этой книги о Черниговских:

«Идинского острогу разночинцы

№ Лета		
9816	Иван Чернеговской	28
9817	У него брат, в прежнюю перепись написанной, Василей	25
9818	После переписи рожденной у Василья сын Павел	2
9819	Написанной в прежнюю перепись Антипа Чернеговской [сын Прокопия]	55
	У него братья, в прежнюю перепись написанные:	
9820	Михайло [Прокопьев]	62
9821	Василей [Прокопьев]	47
9822	У Михайла сын, в прежнюю перепись написанной же, Дмитрей	27
	После переписи рожденныя:	
9823	У Антипы сын Петр	20
9824	У Михайла сын Иван	14
	У Василья дети:	
9825	Григорей	4
9826	Иван	10
9827	Козьма	3

9828 Семен 3-х недель
9829 У Дмитрея сын Яков 6 недель
<...> Написанной в прежнюю перепись Степан Чернеговской 68
У него дети:
9838 В прежнюю перепись написанной же Семен 26
9839 После переписи рожденной Ларион 20» [146].

Из приведенных ранее документов неизвестно, чей сын Иван Черниговский, записанный под № 9816. И еще более удивительно, что самый старший в этом списке Степан Черниговский, записанный под № 9837, ни разу не упоминался в приведенных выше документах, поэтому тоже неизвестно, чей он сын.

В разделе выбывших к 1648 году записано:

«В том же Идинском остроге разночинцы:

Померло

3892 Иван Чернеговской
3906 Емельян [Васильев] Чернеговской
3911 Прокопей [Анисимов] Чернеговской

Определено в казачью службу по Идинску

3921 Иван Чернеговской
3924 Егор Чернеговской

В рождении не бывало

3930 Дмитрей Емельянов сын Чернеговской

Писан двоекратно

3931 Емельян Чернеговской» [147].

Отсутствие отчеств не дает возможности составить непрерывную родословную.

В 1762 году проводилась третья ревизия. По ней переписывались также и лица женского пола. Приводим выписку, касающуюся Черниговских.

«1762 году, апреля 18 дня, Идинского острога выборные от разночинцов десятники Петр Чернеговской да Петр Панфилов сын Хороших, по силе публикованного в 761-м году Правительствующего Синоду указу, дали сию скаску в положенных в нижеписанном остроге по последней 1747 году ревизии в подушном окладе, и ис тово числа разными случаями убылых, и после того рожденных, и объявляем по самой истине без всякой утайки.

А буде впредь кем обличены явимся в том повинны, будем положенного по указом всякого штрафа безо всякого милосердия» [148].

Далее на листах 459–462 следует таблица. В ней записаны разночинцы Идинского острога с указанием возраста по состоя-

нию на 1745 и 1762 годы. Выпишем из нее Черниговских.

«Написанной в бывшую последнюю ревизию

Иван Чернеговский, 45. Взят в город Иркуцк в службу.

У него брат Василей, 42. Умре в 756 году.

У Василья сын Павел, 19. Вышел на Кутулицкой станец в ямщики.

Написанной в бывшую последнюю ревизию

Антипа Чернеговской, 55. Умре в 756 году.

У него жена Ирина Иванова, семидесяти годов, старинная, взятая Идинского острогу крестьянина Ивана Коробова дочь.

У него брат Михайло, 62. Умре в 756 году.

У него жена новокрещеная Анна Алексеева, пятидесят[и] годов, старинная, взятая Идинского острогу в Казачьей деревне казака Алексея Малышева дочь.

Василей, 47. 64 [в 1762 г.]

У него жена Марья Иванова, пятидесят[и] двух годов, взятая Идинского острогу [в] Верхней деревне крестьянина Ивана Черноусова дочь, старинная.

У Михайла сын Дмитрей, 27. 44 [в 1762 г.]

У него жена Марфа Федорова, сорока годов, старинная, взятая того же острогу Бурецкой деревни крестьянина Федора Балушина дочь.

У Антипы сын Петр, 20. 37 [в 1762 г.]

У него жена Орина Степанова, сорока трех годов, старинная, взятая того же острогу Бумашкинской деревни крестьянина Степана Трусихина дочь.

У Михайла сын Иван, 14. Умре в 745 году.

У Василья дети: Григорей, 31. По Иркуцку в казаках.

У него жена Анна Тимофеева, тритцати годов, взятая того ж острогу деревни Серёткиной крестьянина Тимофея Серёткина дочь.

Иван, 10. Взят в рекруты в 757 году. 27 [в 1762 г.]

У него жена Оксинья Данилова, дватцати семи годов, взятая того ж острогу в Казачьей деревне Данила Крюкова дочь.

Козьма, 3. Умре в 760 году.

Семен, 30 недель. Умре в 745 году.

У Дмитрея сын Яков, 6 недель. 17 [в 1762 г.]

После последней ревизии рождённые:

У Дмитрея сын Нефед, 5 [в 1762 г.]

У Петра дети: Иван, 8 [в 1764 г.]
Павел, 5 [в 1762 г.]
Евдоким полугоду [в 1762 г.]
У Григорья сын Данило, 7 [в 1762 г.]
У Ивана дети: Василей, 3 [в 1762 г.]
Матвей, 2 [в 1762 г.]

Дочери:

У Антипы: Акилина, дватцати четырёх годов, выдана в замужество за иркуцкого посадского Василья Бархатова.

Елена, дватцати трех годов, выдана в замужество того ж Идинского острогу в Казачью деревню за иркуцкого посадского Ивана Бутакова.

У Петра Антипова: Марфа, восмьнатцати годов,
Овдотья, десяти годов,
Стефанида, осми годов.

У Василья: Агафия, тритцати годов, выдана в замужество Идинского острога в Бумашкинскую деревню за идинского посадского Петра Донских.

Орина, дватцати пяти годов, выдана в замужество Якуцкого Спаского монастыря Тыптинской заимки за вкладчикова сына Емельяна Мартынова.

Марина, восмьнатцати годов.
Орина, шеснатцати годов.

У Дмитрея: Стефанида, дватцати трех годов, выдана в замужество Черемховой станец за ямщика Спиридона Поздеева.

Стефанида ж, пятнатцати годов.
Домна, десяти годов.
Наталья, дву годов.
У Григорья: Анна, семи годов.
Анна ж, дватцати недель.
У Ивана: Настасья, четырех годов.
Написаны в бывшую последнюю ревизию:
Степан Чернеговской, 68. 85 [в 1762 г.]

У него дети: Семен, 43. По Иркуцку в казаках.
Ларион 20. Умре в 756 году.

У него жена Анна Осипова, тритцати годов, взятая Балаганского ведомства Хорьюзовской деревни посацкого Осипа Долганова дочь.

После последней ревизии рожденной у него незаконнорожденной Лев, 20 недель.

Дочери родныя: Федора, тринатцати лет.
Офимья, восьми лет.
Авдотья, семи годов.
Авдотья же, шти годов» [149].

А дальше идут какие-то уточнения: дочери, которые записаны в этой таблице как незамужние, оказываются замужними, а в именах встречаются разночтения.

Так, в Верхней деревне Идинского острога значится: «Написанного в бывшую последнюю ревизию Михаила Чернеговского дочь Ксения [Оксинья], осмнатцати лет, выдана в замужество Бумашкинской деревни за крестьянина Василья Донских» [150].

Далее: «Написанного ж в бывшею последнюю ревизию Василья Чернеговского дочь Марина, осмнатцати годов, выдана в замужество в Малтинскую деревню за крестьянина Прохора Чанцова» [151].

А дальше идет непонятная запись:

«Написанного в бывшую последнюю ревизию Ефима Прокопьева [Черниговского?]

У него невес[т]ка, нерчинского казака Герасима Чернеговского жена Стефанида Герасимова дочь, сорока годов» [152].

Герасим Черниговский ранее не упоминался. Он, видимо, в Нерчинске или умер.

В Тыптинской заимке Илгинского острога записаны:

«Якуцкого Спаского монастыря Тыптинской заимки вкладчиков сын, в бывшую последнюю ревизию написанной в той же Тыптинской заимке, Емельян Андреев Мартынов [Мартемьянов]

У него жена Ирина [Орина] Васильева, дватцати пяти годов, взятая Идинского острогу в Казачьей деревни разночинца Василья Чернеговского» [153].

В Бурецкой деревне Идинского острога записан сын Петра Маркова Иван. «У него жена Соломанида Петрова дочь, дватцати двух годов, взятая Идинского острогу из Казачьей деревни у разночинца Петра Чернеговского» [154]. В основном списке она не упомянута.

В «Памятной книжке Иркутской губернии 1909 г.» приводится список населенных мест. Там на странице 31 под порядковым номером 327 значится «Черниговск. д. (Свир.)», что означает «Черниговская деревня (Свирская)». Никто не знает, откуда пошло название «Свирская». Тогда в ней было 60 дворов и 299 жителей. По несправедливости истории сейчас это город Свирск. В

нем уже 22 тысячи жителей. Это как раз та Черниговская заимка, в которой в 1735 году был лишь один крестьянский двор. Там, и в соседнем городе Черемхово, и в Иркутске живут Черниговские и по настоящее время.

По моей просьбе ученый секретарь Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Юрий Петрович Лыхин прислал мне выписку из «Записной метрической книги Идинского острога Троицкой церкви» на 1795 год. В ней 11 записей о Черниговских. Кроме того, в одной из записей содержится ответ, почему Черниговская деревня называлась также Свирской:

«28 января [1795 года] венчан брак[ом] Идинского острогу Черниговской деревни мещанин Михайло Александров сын **Свирский** того ж острогу Верхней деревни у крестьянина Стефана Александрова сына Шишкина з дочерью ево родной Феклой первым браком» [155].

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) в описи 9 фонда 50 (Иркутская духовная консистория) имеется порядка 40 дел с метрическими книгами Идинской Троицкой церкви с 1866 по 1910 год.

Примечания

1. ДАИ. — СПб., 1862. — Т. VIII. — Док. № 63. — С. 276.
2. Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989. — С. 282.
3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII веке. — Новосибирск, 1991. — С. 384.
4. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1150, л. 10.
5. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1157, л. 1об.
6. Ф. 214, кн. 691, л. 35об.
7. Там же, л. 38об.
8. Ф. 214, ст. 450, л. 218.
9. Ф. 214, ст. 494а, л. 346.
10. Ф. 214, кн. 757, л. 9.
11. Там же, л. 12.
12. Там же, л. 64об.
13. Ф. 214, кн. 789, л. 10.
14. Там же, л. 13об.
15. Там же, л. 14об.
16. Ф. 214, ст. 858, л. 295.
17. Ф. 214, ст. 371, л. 228.
18. Там же, л. 230.

19. Ф. 214, ст. 985, л. 110–111.
20. Там же, л. 112.
21. Там же, л. 107.
22. Там же, л. 113.
23. Там же, л. 111.
24. Там же, л. 113–114.
25. Там же, л. 115–119.
26. Там же, л. 235–244.
27. Там же, л. 110.
28. Ф. 214, кн. 836, л. 9–9об.
29. Там же, л. 14об.
30. Ф. 214, кн. 841, л. 72.
31. Ф. 214, ст. 974, л. 55.
32. Ф. 494, оп. 2, ед. хр. 6, л. 120.
33. Ф. 214, кн. 910, л. 52–52об.
34. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 135, л. 44; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1. — С. 308.
35. Там же, л. 45.
36. Ф. 214, ст. 813, л. 43–46.
37. Ф. 214, ст. 575, л. 77.
38. Там же, л. 71.
39. Резун Д. Я., Василевский Р. С. Указ. соч. — С. 147.
40. Ф. 214, кн. 1372, л. 36.
41. Полунина Н. М. Живая старина Приангарья. — М., 1990. — С. 165.
42. Ф. 199, оп. 2, № 517, портфель 1, д. 14, л. 4.
43. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 95, л. 18.
44. Там же, л. 23.
45. Там же, л. 24.
46. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 234а, л. 7–9.
47. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 222, л. 39; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1. — № 142. — С. 411.
48. Ф. 1121, оп. 2, ед. хр. 225, л. 13.
49. Ф. 214, кн. 1021, л. 231–231об.
50. Ф. 214, ст. 1321, л. 3.
51. Там же, л. 1.
52. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 264, л. 4.
53. Там же, л. 1.
54. Там же, л. 3.
55. Там же, л. 7.
56. Там же, л. 2.
57. Там же, л. 6.
58. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 287, л. 32.

59. Ф. 214, кн. 1034, л. 30–31.
60. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 239, л. 5.
61. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 254, л. 20.
62. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 259, л. 51–52.
63. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 271, л. 3.
64. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 269, л. 14.
65. Там же, л. 21.
66. Там же, л. 29.
67. Там же, л. 30.
68. Там же, л. 32.
69. Там же, л. 35–36.
70. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 297, л. 3.
71. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 294, л. 16.
72. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 295, л. 3.
73. Там же, л. 4–5.
74. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 294, л. 52–52об.
75. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 269, л. 6–7.
76. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 253, л. 53.
77. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 346, л. 17.
78. Там же, л. 4.
79. Там же, л. 7.
80. Там же, л. 5.
81. Там же, л. 1.
82. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 457, л. 124.
83. Ф. 199, оп. 2, № 517, портфель 1, д. 13, л. 3.
84. Бычков О. В. Бельская башня: к истории создания форпоста на русско-китайской границе // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. — Владивосток, 1995. — С. 141.
85. Серебренников И. И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. — Иркутск, 1915. — С. 110.
86. Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири XVII в. // Города Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 22.
87. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М., 1988. — С. 147–148.
88. Бычков О. В. Указ. соч. — С. 136.
89. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 144, л. 23.
90. Там же, л. 24.
91. Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1968. — С. 34.
92. Бычков О. В. Указ. соч. — С. 149.
93. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 376, л. 2.
94. Там же, л. 47.
95. Там же, л. 48.
96. Ф. 214, кн. 1260, л. 965, 966, 966об., 973.

97. Первое столетие Иркутска. — М., 1902. — С. 98.
98. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1884. — Т. 3. — № 355. — С. 406.
99. Первое столетие Иркутска. — С. 102–106.
100. Там же. — С. 99–100.
101. Там же. — С. 106–107.
102. Там же. — С. 108–109.
103. Там же. — С. 109–110.
104. Ф. 214, ст. 1330, л. 30.
105. Там же, л. 29.
106. Там же, л. 28.
107. Там же.
108. Там же, л. 27.
109. Там же, л. 32, 31; нумерация не по порядку.
110. Ф. 214, кн. 1097, л. 215.
111. Ф. 214, кн. 1109, л. 89.
112. Ф. 214, кн. 1179, л. 15.
113. Ф. 214, кн. 1256, л. 128, 150об.
114. Ф. 214, кн. 1289, л. 35.
115. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 405, л. 89.
116. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 457, л. 23.
117. Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 405, л. 90.
118. Ф. 214, ст. 1292, л. 485об.–486.
119. Первое столетие Иркутска. — С. 113.
120. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1884. — Т. 3. — С. 406.
121. Первое столетие Иркутска. — С. 35.
122. Там же. — С. 20.
123. Ф. 214, кн. 1260, л. 537об.
124. Там же, л. 740.
125. Ф. 214, ст. 1292, л. 486–486об.
126. Там же, л. 485–485об.
127. Ф. 214, ст. 1152, л. 5.
128. Там же, л. 1.
129. Там же, л. 2.
130. Ф. 214, кн. 1401, л. 11об.
131. Там же, л. 14.
132. Первое столетие Иркутска. — С. 28.
133. Ф. 214, кн. 1488, л. 9–9об.
134. Ф. 214, кн. 1260, л. 936об.
135. Ф. 214, кн. 1372, л. 135.
136. Там же, л. 286.
137. Ф. 214, кн. 1401, л. 15.
138. Там же, л. 163об.

139. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1007, л. 25об.–26.
140. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1187, л. 1.
141. Ф. 494, оп. 2, ед. хр. 57, л. 34об.
142. Ф. 1177, оп. 3, ч. IV, ед. хр. 2476, л. 21.
143. Ф. 214, кн. 1342, л. 124–125.
144. Ф. 494, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 894, л. 83об.
145. Ф. 199, оп. 2, № 517, ч. I, портфель 1, д. 26, л. 4об.–5.
146. Ф. 350, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1056, л. 390–391об.
147. Ф. 350, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1057, л. 106об.–107об.
148. Ф. 350, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1059, л. 459.
149. Там же, л. 459-462.
150. Там же, л. 513об.
151. Там же, л. 513об.–514.
152. Там же, л. 514.
153. Там же, л. 524об.–525.
154. Там же, л. 493.
155. Ф. 50, оп. 3, д. 221, л. 281об.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ СЛОВ

А

Алас — небольшое якутское поселение, состоящее из одной — трех усадеб.

Алтарь — главная, восточная, обособленная, часть церкви.

Алтын — монета в 3 копейки.

Антимис (антиминс) — платок с зашитым в него кусочком мощей.

Атаман — выборный начальник у казаков.

Аманат — заложник из местного населения для обеспечения уплаты ясака.

Архиепископ — духовное звание среднее между епископом и митрополитом.

Архимарит (архимандрит) — высшее звание священника-монаха, настоятеля монастыря.

Архистратиг — военачальник, придаточное к главному ангелу Михаилу.

Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

Б

Баня торговая — платная баня.

Батоги — палки.

Барка — плоскодонное речное грузовое судно.

Башлык — начальник, старший, голова.

Бездельная корысть — незаконная, недозволенная выгода.

Безмен — мера веса, равная $^{1}/_{16}$ пуда, примерно 1 кг.

Беспромышленица — вынужденная остановка промысла.

Бесперeводно — постоянно.

Бесторжица — вынужденная остановка в торговле.

Бить челом — обращаться с просьбой.

Благовест — хорошая, благая весть.

Богдойский — маньчжурский.

Богомольцы — наименование людей духовного сословия в челобитных.

Божий соболь — соболь возрастом менее года.

Бой — бойница, амбразура, проем в стене для стрельбы, а также вид оружия: огнестрельный или лучной.

Борониться — обороняться.

Борошень — пожитки, скарб, обиходное имущество, одежда и утварь.

Боярин — высший служебный чин в Русском государстве.

Братина — большой ковш.

Братия — люди, равные между собой по правам и обязанностям.

Браты — буряты.

Бурундук — снасть с блоком, через который пропускается бечева для тяги судна; бурундуком повышают и понижают бечеву.

Бус — большая долбленая лодка.

Быки — внешний устой стены, наклонная подпорка.

В

Варовые снасти — канаты, пропитанные варом, смолой.

Варя — одна порция варки.

Ватага — промысловая артель.

В дву по тому ж — во втором поле столько же.

Вежество — уважение, почтение, приличие.

Вера — доверие.

Верный целовальник — целовальник, давший клятву не воровать.

Верста (кому он в версту) — кому он равен по своему положению.

Верстать — зачислять в государеву службу с определением чина и оклада жалованья.

Вершить судное дело — выносить приговор.

Вершная подвода — верховая.

Ветчаный — ветхий.

Вино горячее — водка.

Вкладчик — монах или мирянин, внесший в монастырь вклад.

Воевода — начальник уезда, города.

Волок — участок между двумя судоходными реками, через который перетаскивают суда.

Волость — территориальная часть воеводства, подчиненная одному начальнику.

Вор — преступник.

Воровство — всякое преступление.

Выдел — выделение перед жатвой части поля крестьянина согласно его окладу для последующей сдачи урожая с этого участка в казну.

Выдельная книга — книга для записи количества снопов на выделенной пашне.

Выдельщик — лицо, осуществляющее выдел, обычно приказчик с целовальниками из крестьян.

Выемка — конфискация.

Выйти на государево имя — вступить в подданство.

Вынимать — конфисковывать.

Выпись — выписка из документа для справки.

Выход — государево жалованье за отъезд из Москвы; переезд на постоянное место жительства из другого государства.

Г

Гарно — мелкие сыпучие вещи: пуговицы, недорогие украшения и т. п.

Голдуют (гондуют) — находятся в вассальной зависимости.

Гораздо — правильно, разумно.

Горница — комната, чистая часть крестьянской избы.

Городище — место, где раньше был город.

Гостиная сотня — объединение купцов, стоящее рангом ниже гостей.

Гость — представитель высшего слоя купечества.

Грамота — документ от имени царя, может быть также и от имени воеводы, например проезжая грамота.

Грамотка — частное письмо.

Гречане — греки.

Гривенка — мера веса, фунт, $^{1}/_{40}$ пуда.

Гривна — монета, равная 10 копейкам.

Гулящий человек — не причисленный ни к одному сословию, не обложенный податями и повинностями.

Гусар — военнослужащий из легкой кавалерии.

Д

Даная — документ на отведение пашни.

Деньга — медная монета в полкопейки.

Десятая деньга — десятипроцентная пошлина, взимаемая с денежной оценки мягкой рухляди.

Десятина — площадь пашни, равная примерно одному гектару, 925 кв. м.

Десятинный хлеб — налог с пашенного крестьянина, взимаемый в виде каждого десятого снопа.

Десятник — начальник десяти служилых людей; расстояние, равное десяти верстам.

Дети боярские — среднее сословие служилых людей.

Днище — путь, проходимый за один день.

Дозорный список — перечень, составленный по результатам проверки.

Доимка — взимание подати.

Доправить — взыскать долг.

Допряма — достоверно, точно.

Досталь — остаток.

Достальный — остаточный.

Дощаник — речное плоскодонное судно с мачтой длиной 10 и более сажен.

Дроги — снасти для подъема паруса.

Дружка — одна из парных вещей.

Дурно — вред, зло.

Дьяк (диак) — лицо, ведающее делопроизводством в приказе или в воеводстве.

Дьяк думный — дьяк, входящий в состав боярской думы.

Е

Еже-ей-ей — воистину.

Еменной хлеб — хлеб, предназначенный для питания.

Есаул — выборный помощник атамана.

Ефимок битый — талер с выбитым на Московском денежном дворе клеймом, приравниваемый к одному рублю.

Ефимок с признаками — талер, монета с выбитым на Московском денежном дворе клеймом с русским гербом и датой (1655), приравниваемый к 64 копейкам.

Ж

Железа — кандалы.

Живот — жизнь.

Животы — движимое имущество.

Жилец — не служилый.

Житье — помещение.

З

Завод — инвентарь, снаряжение, орудия.

Завоз — якорь, при помощи которого тянут судно против течения.

Задорожчатый замок — реечный.

Заимка — участок земли для пашни вдали от деревни, сначала с временным жилищем, впоследствии превращающийся в деревню.

Заказ — запрет.

Замороз — первые зимние холода; место, где замерзли суда, не дойдя до места назначения.

Заповедь господня евангельская — религиозно-нравственный запрет.

Заручный — скрепленный подписями.

Застава — неустойка, залог; караул на дороге.

Затейный — злоумышленный, клеветнический, выдуманный.

Захребетник — не имеющий своего хозяйства ненаемный работник, по большей части член семьи.

Зделье — небольшая случайная, побочная работа для казенных нужд.

Зелье — порох.

Зернь — кости, карты и другие принадлежности для азартных игр.

Знамёна иноземские — родовые знаки, изображаемые вместо подписей на челобитных ясачного населения.

И

Игумен — настоятель монастыря.

Иеромонах — монах-священник.

Извет — донос.

Изгоня — притеснение, обида.

Испод — внутренняя сторона одежды, подкладка.

К

Кабала — письменное долговое обязательство, вексель.

Кадь — кадка, бочка с прямыми боками и одним дном.

Казёнка — кладовка.

Камень — горный хребет, гора.

Камка — шелковая узорчатая ткань.

Камус (камыс) — шкура, снятая с ног оленя.

Каурый — светло-каштановый, рыжеватый.

Каюк — крытая лодка.

Клепать — клеветать.

Колода — деревянное приспособление, надеваемое на ноги арестантам для предупреждения побега.

Колодник — арестант.

Копна — мера сенных покосов площадью в десятую часть десятины.

Кормец — корм.

Кормовой служилый — получающий за хлебное жалованье деньги.

Коробья — круглый или с четырьми тупыми углами сундук, окованный железными полосами, с висячим или внутренним замком.

Корсак — степная мелкая лисица.

Корчма — постоялый двор с продажей вина, водки.

Корыстоваться — получать материальную выгоду.

Корысть — материальная выгода.

Коч — большое парусное судно, годное для морского плавания.

Крашенина — крашеный и лощеный холст, обычно синего цвета.

Крепость письменная — юридический документ о принадлежности лица или предмета его владельцу.

Крепкое место — укрепленное, недоступное, надежное.

Крепь — строгость, надежность, а также укрепление.

Крестное целование — присяга.

Кричное железо — слиток железа.

Кумган — кувшин с длинным носиком.

Купчая — документ, удостоверяющий покупку.

Курья — речной залив.

Л

Лаба — князец, старшина.

Лавочный посиделец — продавец в лавке.

Лагун — деревянная бочка, бочонок.

Латы — металлические доспехи, броня.

Лаудан — сорт шелковой ткани.

Лист — послание, грамота.

Литвин — житель или выходец из Литвы славянской национальности, иногда обращенный в католичество.

Лодка-завозня — лодка для завоза якоря с канатом для подтягивания судна против течения на быстрых местах.

Лодка-набойница — долбленая лодка с нарощенными из досок бортами.

Лучшие люди — знатные или состоятельные люди.

Льяло — проем в борту судна для выплескивания воды плицей.

М

Метать — бросать.

Мешкать — медлить.

Мешкота — промедление.

Мир — община крестьян или посадских; масло, используемое при церковных обрядах.

Миро — благовонное масло.

Мирской — относящийся к общине, к миру.

Мот — моток.

Мотчанье — задержка, проволочка.

Мунгалы — монголы.

Мурза — татарский князек, наследственный старшина.

Мушкет — ружье крупного калибра с фитильным курком.

Мыльня — баня.

Н

Набойная мука — мука из ободранного зерна, без отрубей.

Наволок — пойменный берег реки.

Нагольный — одежда мехом наружу.

Надолба — невысокий столб, врытый в землю, препятствующий маневру войска.

Наёмщик казачий — лицо, договорившееся с казаком за плату выполнять его служебные обязанности в течение определенного срока.

Накрепко — строго.

Налог — добавочный сверх обычного сбор, побор.

Напарья — большой бурав с коловоротом.

Нарочный — посланный особо по какому-нибудь делу.

Наряд — пушки.

Настоятель — начальник мужского монастыря.

Недособоль — соболь после линьки, без хорошей ости.

Незапорное дело в суде — когда стороны дают добровольные показания.

Нелюды — тунгусский род князя Гантимура.

Ненарочно — случайно.

Неокладный расход — случайный, заранее не предусмотренный расход.

Новокрещён — крещеный в православие из язычников или мусульман.

Новоприборный — служилый человек, поверстанный в службу в этом году.

Ноги — веревочные снасти для крепления мачты к бортам судна.

Норовить — давать поблажку.

Нужа — нужда, трудность.

Нужный — трудный, тяжелый.

О

Обвод — провоз мягкой рухляди без предъявления в таможню.

Обоево — всего, итого.

Оброк — натуральный или денежный налог.

Оброчники — служилые люди, получающие жалованье.

Однолично — непременно.

Оклад — установленный размер жалованья или повинности.

Окладный расход — расход, понесенный в соответствии с окладом.

Окол — околыш.

Окольничий — второй по значению придворный чин после боярина.

Омшаник — утепленное мхом деревянное строение.

Опала — царская немилость.

Оправить — оправдать, признать невиновным.

Оправный — украшенный.

Опричь — кроме.

Опыт — образец.

Осенесь — прошлой осенью.

Осеновать — останавливаться на проживание осенью в связи с закрытием летнего пути.

Осмина — восьмая часть кади или десятины.

Остредишка собольи — кончики хвостов соболей.

Острог — укрепленное стенами из вертикально стоящих бревен поселение с гарнизоном.

Ослоп — дубина, палка.

Отец духовный — священник, у которого исповедуются.

Отказать — завещать.

Отклад — самовольный выход из подчинения, отказ от уплаты ранее вносимого ясака.

Откуп — право на занятие какой-либо хозяйственной деятельностью (содержание бани, квасной, площадного письма) после внесения установленной платы за это.

Откупщик — лицо, занимающееся хозяйственной деятельностью по откупу.

Отложиться — самовольно выйти из подчинения, подданства.

Отписка — донесение низшей инстанции высшей или равной.

Отпись — расписка в получении жалованья или имущества.

Отпуск — документ, остающийся в приказе или в приказной избе после отправки к месту назначения, обычно черновик.

Отсыпной хлеб — оброк, взимаемый зерном.

Охочий человек — доброволец.

Очищаться — оправдаться перед законом или расплатиться с долгами.

П

Пальма — копье с ножом на палке.

Память — документ, которым сносились равностоящие учреждения.

Память купчая — документ о покупке.

Память наказная — служебное предписание о деятельности.

Память отводная — документ об отводе пашни или сенных покосов с описанием межей.

Память отказная — документ на передачу имущества.

Память поступная — то же, что и отказная.

Память приставная — исковая челобитная.

Память проезжая — документ на право проезда.

Пасмо — отдел мотка льняных или пеньковых ниток.

Пашенный крестьянин — государственный крестьянин.

Пашня десятинная — пашня, которую обрабатывал пашенный крестьянин на государя, получая семена на эту пашню из казны.

Пеня — штраф.

Переведенцы — крестьяне, переведенные на постоянное проживание из других мест.

Передовщик — старший в охотничьей ватаге.

Пересуд — пошлина с судебного дела, с жалобы, с апелляции.

Пестрядь — грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток.

Печатник — хранитель печати, или тот, кому доверяется государственная печать.

Пищаль — ружье с кремневым запалом.

Повальный — всеобщий.

Повытье — часть.

Погост (повост) — селение, в котором есть церковь.

Подвода — конная повозка.

Подводная роспись — перечень выполненных крестьянином поездок по подводной гоньбе.

Подволошные лыжи — подбитые снизу мехом.

Подворье — помещение или жилье, отдаваемое в наем.

Подклеть — нижний этаж деревянного дома для хозяйственных нужд.

Подмога — безвозмездная помощь.

Подначало (быть под началом) — быть под присмотром.

Подорожная — документ о праве на получение подвод, лодок, гребцов.

Подскор — меховая подкладка головного убора.

Подсобь — помощь.

Подьячий — писчик бумаг, документов.

Подьячий площадной — частное лицо, пишущее за плату челобитные и другие документы. Право на это подьячему предоставлялось за специальную плату в казну — откуп.

Подъёмы — расходы на переезд.

Поиск — активные боевые действия.

Поймо (в два пойма) — два раза.

Поклёп — клевета.

Покоти — склоны.

Покрута — наем покрученников (покрученик).

Покрученник — нанятый на соболиный промысел человек с хозяйским содержанием и промышленным заводом.

Полдерье (полдержье) — старое, не новое, поношенное.

Половник — арендатор за половину урожая, живущий постоянно, имеющий свой двор.

Полон — плен.

Полоняник — пленный.

Полполчети — четвертая часть чети.

Полуполуденьга — четвертая часть деньги, полкопейки.

Полсть войлочная — кошма.

Помётный — брошенный.

Поминки — почетные дары.

Понизовые города — города на Средней и Нижней Волге.

Понос (поношение) — оскорбление бранью.

Поноровка — поблажка, потачка.

Поплав — плавание.

Портище — отрез ткани на какую-либо одежду.

Портки — штаны.

Порука — ручательство.

Порутчики — поручители.

Поручная запись — письменное ручательство.

Поруха — разорение, провал.

Посад — торгово-промышленная часть поселения, обычно неукрепленная.

Посадить в воду — утопить.

Посадский человек — представитель тяглого торгово-ремесленного сословия.

Поскотина — место для выпаса скота.

Послованье — послание.

Послух — свидетель при составлении документа.

Постав — смотанный отрез ткани большой длины, кусок, штука.

Поставить какое-либо дело — приостановить.

Постановенье мирное — прекращение войны, заключение мира.

Постичь — догнать.

Поступиться — уступить.

Посул — взятка должностному лицу за благоприятное решение дела или тяжбы.

Пошлина десятая — пошлина с десятой части мягкой рухляди.

Пошлина записная — пошлина за запись торговой сделки.

Пошлина отъезжая — пошлина за отъезд.

Пошлина печатная — пошлина за приложение печати к документу.

Пошлина посороковая — пошлина с количества сороков соболей.

Пошлина явчая — пошлина за предъявление мягкой рухляди или товара.

Правёж — взыскание долга.

Правый десяток — десятипроцентная пошлина с цены имущества при судебном иске.

Прелесть — ложные приятные обещания.

Преподобный — святой из монахов.

Престол в церкви — высокий стол посредине церковного алтаря.

Прибор — набор в службу.

Придел — боковой, добавочный алтарь в церкви в честь какого-либо святого.

Призрение — забота, попечение.

Приказная изба — канцелярия воеводы.

Приказной человек — служилый человек, осуществляющий управление хозяйственными или военными делами с правом суда над подчиненными.

Примётываться — набрасываться.

Припись — подпись на документе; прибавление, приписка к тексту.

Присевка — посев промышленным человеком хлеба на земле пашенного крестьянина с его согласия; с присевки в казну взимался каждый пятый сноп.

Присно — всегда.

Пристав — лицо, осуществляющее гласный надзор, надзиратель.

Присуд — округ, подчиненный какому-либо начальнику.

Провадить — отсылать, доставлять, спихивать, избавляться.

Продажа — убыток, ущерб от незаконного побора.

Проезжая грамота — документ на право проезда.

Промешка — промедление.

Промышленный завод — снаряжение для соболиного промысла.

Промышленный человек — не обложенный тяглом человек, занимающийся соболиным промыслом.

Против — согласно, в соответствии.

Прядено — пряжа, нитки.

Прямить — поступать честно, по правде; противоположное — кривить.

Прямой — правильный, не ложный.

Пупок — брюшко соболя.

Пупчатый — сшитый из пупков.

Пустошь — покинутое, необрабатываемое земельное угодье.

Пустынь — небольшой монастырь в малолюдной местности.

Пятинный хлеб — налог, взимаемый с пашенного крестьянина, в виде каждого пятого снопа.

Пятно — клеймо.

Р

Ральник — сошник, лемех.

Расправа — исполнение судебного приговора.

Расправная изба — судная, приказная изба.

Ревень — травянистое растение, обладающее слабительным свойством.

Рейна (райна) — перекладина на мачте, рея.

Рейтары — конные воины.

Рниться — досадовать, злиться, сердиться.

Рогатина — копье с длинным древком.

Рогожа рядная — упаковочный материал из плетеного лыка.

Роки — веревочные с деревянными цилиндрами кольца для подъема райны (реи).

Роспись — список, перечень.

Ружники — люди духовного звания, получающие жалованье из казны.

Рукоприкладство — подпись на документе.

Рухлядь мягкая — пушнина.

С

Сакма — натоптанная дорога.

Своеужинник — член промышленной ватаги, имеющий свое снаряжение и содержание.

Сиводушка — рыжая лисица.

Сидеть вино — курить самогон.

Сильно — насильно.

Сирота — наименование в челобитных человека из крестьянского, торгового, промышленного и других неслужилых сословий.

Сказка — письменное изложение устных показаний.

Скань — скрученные двойные свечи.

Скрепа — роспись по склейкам листов столбца или на листах книги лица, ответственного за составление документа.

Скупы — взятки.

Слаться — ссылаться.

Служка — слуга при монастыре.

Смета — приблизительная оценка, подсчет, прикидка, предполагаемый расход или доход.

Сметить — приблизительно оценить, прикинуть.

Снести — украсть.

Сносный — украденный.

Соболь-одинец — соболь высшего качества, засчитываемый отдельно, а не в сороке.

Сорок — связка из сорока шкурок соболей.

Составная челобитная — ложная, клеветническая челобитная.

Софийский дом — резиденция митрополита.

Сошник — лемех.

Список — копия.

Список счётный — документ о приеме всех ценностей при смене воевод.

Сполох — тревога, набат.

Спона — спор, разногласие.

Справить — исполнить документ.

Ссылка — встреча, сношение, связь; указание на источник сведений.

Ставиться — становиться, являться.

Старинная жена — жена по первому браку.

Статки — нажитое имущество.

Стол — подразделение в приказе.

Столбец — свиток.

Столп — архив.

Стольник — недумный придворный чин.

Сторонняя река — приток.

Строитель — глава, настоятель монастыря, иеромонах.

Строк — срок.

Строшный — нанятый на определенный срок.

Струг — лодка, выдолбленная из ствола дерева.

Струговой лес — лес, пригодный для изготовления стругов.

Судная изба — канцелярия приказчика.

Сушило — чердак.

Сын боярский — представитель среднего сословия служилых людей.

Сыск — расследование злоупотреблений и преступлений.

Съезжая изба — канцелярия воеводы.

Т

Табор — полевой стан войска.

Тать — разбойник, грабитель.

Теснота — притеснение.

Товарыщ — товарищ, сотрудник, а также заместитель.

Толмач — устный переводчик.

Толмачить — переводить устную речь.

Травчатый (травяной) — мелкий, плохонький.

Трактат — договор.

Туесок — берестяная кубышка с плотной деревянной крышкой.

Тура — корзина с землей для защиты от пуль и ядер.

Тчан — чан.

Тяглец — человек податного сословия, несущий тягло.

Тягло — подати, натуральные налоги и повинности неслужилого населения.

У

Ужина — установленное договоренностью количество охотничьего инвентаря и продовольствия в промысловой ватаге, в соответствии с которым делится добыча.

Ужинная книга — книга для записи количества снопов, сжатых с десятинной пашни.

Уклад — сталь для наваривания на лезвия орудий: топоров, кос, серпов и т. п.

Украйна — окраина, отдаленная местность.

Уложение Соборное — свод законов, принятый Земским Собором при царе Алексее Михайловиче.

Улус — становище кочевников, а также селение.

Упалые места — освободившиеся.

Управа — решение, приговор суда.

Урочище — местность с характерными признаками: лес, болото, скала и т. п.

Устюжская четверть (четь) — правительственное учреждение, ведавшее Устюжским, Сольвычегодским, Архангельским, Тотемским и другими прилегающими уездами.

Учиниться сильным — оказать сопротивление.

Х

Холоп — наименование в челобитных людей (человека) служилого сословия.

Ц

Целовальник — выборный сборщик податей или хранитель казенной собственности, дающий клятву (крестное целование) не заниматься хищениями.

Целование крестное — присяга, клятва.

Цырен (црен) — солеварный котел, жаровня для выпаривания.

Ч

Чарки — мягкая кожаная обувь по щиколотку, привязываемая к ноге шнурками.

Чаять — предполагать.

Чело — лоб.

Челобитная — письменное прошение.

Черкасы — украинцы, запорожцы.

Черкашенин — украинец, запорожский казак.

Честно — с почетом.

Честный — почетный.

Четвертина — монета достоинством в 25 копеек, четвертая часть рубля.

Четверть — мера объема.

Четь — четвертая часть целого, мера сыпучих тел.

Чёрный поп — монах-священник.

Чмута — смута.

Чумак — продавец в кабаке.

Ш

Шатость — неустойчивость, брожение, недовольство, волнение.

Шивера — перекат, мелкое место по твердому дну.

Шляхта — польское дворянство.

Я

Явка — заявление, сообщение, уведомление, предъявление.

Являть — заявлять, сообщать, уведомлять, предъявлять.

«Язык» — пленный, захваченный с целью получения сведений.

Ясак — подать пушниной, взимаемая с местного населения.

Ясырь — пленный, взятый в виде добычи, для выполнения домашних работ, невольник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Из Польши в Енисейск..... 6
На реке Лене 34
Убийство воеводы и побег на Амур 70
В Албазине 137
Возвращение черного попа Ермогена в Киренск 244
Сыновья и другие потомки Никифора Черниговского 276
Словарь старинных слов 360

Научное издание

Красноштанов Георгий Борисович

НИКИФОР РОМАНОВ ЧЕРНИГОВСКИЙ

Документальное повествование

Ответственный за выпуск: Ю.П. Лыхин
Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская
Верстка: Г.В. Павлинский

Подписано в печать 21.07.08. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 6770. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101,
тел. 203–144

По вопросам приобретения книги обращаться:
664003, Иркутск, ул. Грязнова, 22.
ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
Тел. (395–2) 24–31–82
Тел./факс (395–2) 24–31–46
E-mail: talci@irk.ru